

МИНОБРНАУКИ РОССИИ

**Известия
Юго-Западного
государственного
университета
Серия: История и право**

Научный журнал

Том 11 № 6 / 2021

**Proceedings
of the Southwest
State University
Series: History and Law**

Scientific Journal

Vol. 11 № 6 / 2021

**Известия Юго-Западного
государственного университета.
Серия: История и право**

**(Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta.
Seriya: Istoriya i pravo)**

Научный рецензируемый журнал

Основан в 2011 г.

Цель издания – публичное представление научной общественности научных результатов фундаментальных, прикладных, проблемно-ориентированных научных исследований в таких отраслях, как теория государства и права, история политических и правовых учений, конституционное и муниципальное право, гражданское право, предпринимательское право, семейное право, международное частное право, уголовное право, криминология, уголовно-процессуальное право, криминалистика, земельное право, трудовое право, отечественная история, археология, историография, политические институты, процессы и технологии, политическая регионалистика.

В журнале публикуются оригинальные работы, обзорные статьи, рецензии и обсуждения, соответствующие тематике издания.

Публикация статей в журнале для авторов бесплатна.

Целевая аудитория: научные работники, профессорско-преподавательский состав образовательных учреждений, экспертное сообщество, молодые ученые, аспиранты, заинтересованные представители широкой общественности.

Журнал придерживается политики открытого доступа. Полнотекстовые версии статей доступны на сайте журнала, научной электронной библиотеки eLIBRARY.RU.

Журнал включен в перечень ведущих научных журналов и изданий ВАК Минобрнауки России, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора наук, кандидата наук по следующим научным специальностям:

Исторические науки и археология: 07.00.02; 07.00.06; 07.00.09; 07.00.10.

Юридические науки: 12.00.01; 12.00.02; 12.00.03; 12.00.06; 12.00.08; 12.00.09; 12.00.11; 12.00.14.

Политология: 23.00.02; 23.00.04; 23.00.05.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Богдан Варвара Владимировна, д-р юрид. наук, доцент, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:

Коровин Владимир Викторович, д-р ист. наук, профессор, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Андреев Юрий Николаевич, д-р юрид. наук, профессор, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

Апанасенок Александр Вячеславович, д-р ист. наук, доцент, Региональный открытый социальный институт (г. Курск, Россия)

Баумштейн Антон Борисович, д-р юрид. наук, доцент, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

Беляев Валерий Петрович, д-р юрид. наук, профессор, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

Брежнев Олег Викторович, д-р юрид. наук, профессор, Курская академия государственной и муниципальной службы (г. Курск, Россия)

Гаврилов Станислав Олегович, д-р ист. наук, профессор, Кемеровский государственный университет (г. Кемерово, Россия)

Глухова Александра Викторовна, д-р полит. наук, профессор, Воронежский государственный университет (г. Воронеж, Россия)

Горюшкина Наталья Евгеньевна, д-р ист. наук, доцент, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

Гриненко Александр Викторович, д-р юрид. наук, профессор, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации (г. Москва, Россия)

Дилбандян Самвел Агванович, д-р юрид. наук, профессор, Ереванский государственный университет (г. Ереван, Республика Армения)

Коротеева Наталья Николаевна, д-р ист. наук, профессор, зам. Председателя Правления Курского регионального отделения «Российского общества историков-архивистов» (г. Курск, Россия)

Курбанов Рашад Афатович, д-р юрид. наук, профессор, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ (г. Москва, Россия)

Лагутин Игорь Борисович, д-р юрид. наук, доцент, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

Марковичева Елена Викторовна, д-р юрид. наук, доцент, ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия» (г. Москва, Россия)

Молокова Маргарита Александровна, д-р полит. наук, профессор, Юго-Западный государственный университет, профессор (г. Курск, Россия)

Новичков Валерий Евгеньевич, д-р юрид. наук, доцент, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

Рябинина Татьяна Кимовна, д-р юрид. наук, профессор, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

Сафронова Елена Викторовна, д-р юрид. наук, профессор, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (г. Белгород, Россия)

Слатинов Владимир Борисович, д-р полит. наук, профессор, Курский государственный университет (г. Курск, Россия)

Татьянина Лариса Геннадьевна, д-р юрид. наук, профессор, Удмуртский государственный университет (г. Ижевск, Россия)

Устинович Елена Степановна, д-р полит. наук, профессор, Юго-Западный государственный университет, профессор (г. Курск, Россия)

Чубаров Вадим Витальевич, д-р юрид. наук, профессор, Торгово-промышленная палата Российской Федерации (г. Москва, Россия)

Шевелева Светлана Викторовна, д-р юрид. наук, доцент, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

Учредитель и издатель:

ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет»

Адрес учредителя, издателя и редакции:

305040, г. Курск, ул. 50 лет Октября, 94

Телефон: (4712) 22-25-26,

Факс: (4712) 50-48-00.

E-mail: rio_kursk@mail.ru

Наименование органа, зарегистрировавшего издание:

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (ПИ №ФС77-80259 от 09.02.2021).

ISSN 2223-1501 (Print)

Сайт журнала: <https://swsu.ru/izvestiya/serieshistory/>

Типография:

Полиграфический центр
Юго-Западного государственного
университета, 305040, г. Курск,
ул. 50 лет Октября, 94

Подписка и распространение:

журнал распространяется
по подписке.
Подписной индекс журнала 44296
в объединенном каталоге
«Пресса России».

Периодичность: один раз в два месяца

Свободная цена.

Оригинал-макет подготовлен Е. Г. Анохиной

Подписано в печать 27.12.2021.

Дата выхода в свет 30.12.2021. Формат 60x84/8.

Бумага офсетная. Усл.печ.л. 34,3.

Тираж 1000 экз. Заказ 67.

16+

© Юго-Западный государственный университет, 2021

Материалы журнала доступны
под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License

Proceedings of the Southwest State University

Series: History and Law

Peer-reviewed scientific journal

Published since 2011

The purpose of the publication – public presentation of scientific results of fundamental, applied, problem-oriented research in such areas as theory of state and law, the history of political and legal doctrines, constitutional and municipal law, civil law, business law, family law, private international law, criminal law, criminal science, criminal procedure, criminology, land law, labor law, domestic history, archeology, historiography, political institutions, processes and technology, political regionalism.

The journal publishes scientific articles, critical reviews, reports and discussions in the above mentioned areas.

All papers are published free of charge.

Target readers are scientists, university professors and teachers, experts, young scholars, graduate and post-graduate students, stakeholders and interested public.

The Editorial Board of the journal pursues open access policy. Complete articles are available at the journal web-site and at eLIBRARY.RU .

The journal is included into the Register of the Top Scientific Journals of the Higher Attestation Commission of the Russian Federation as a journal recommended for the publication of the findings made by the scientists working on a doctoral or candidate thesis in the following areas:

Historical Studies and Archaeology: 07.00.02; 07.00.06; 07.00.09; 07.00.10.

Juridical Studies: 12.00.01; 12.00.02; 12.00.03; 12.00.06; 12.00.08; 12.00.09; 12.00.11; 12.00.14.

Political Studies: 23.00.02; 23.00.04; 23.00.05.

EDITOR-IN-CHIEF

Varvara V. Bogdan, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

DEPUTY EDITOR

Vladimir V. Korovin, Doctor of Historical Sciences, Professor Southwest State University (Kursk, Russia)

EDITORIAL BOARD

Yuri N. Andreev, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

Aleksandr V. Apanasyonok, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Regional Open Social Institute (Kursk, Russia)

Anton B. Baumstein, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

Oleg V. Breznev, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Kursk Academy of State and Municipal Service (Kursk, Russia)

Valeriy P. Belyaev, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

Stanislav O. Gavrilov, Doctor of Historical Sciences, Professor, Kemerovo State University (Kursk, Russia)

Aleksandra V. Glukhova, Doctor of Political Sciences, Professor, Voronezh State University (Kursk, Russia)

Natalia E. Gorushkina, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

Aleksandr V. Grinenko, Doctor of Juridical Sciences, Professor, MGIMO University (Moscow, Russia)

Samvel A. Dilbandyan, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Yerevan State University (Yerevan, Republic of Armenia)

Natalia N. Koroteeva, Doctor of Historical Sciences, Professor, Deputy Chairman of the Board of the Kursk regional branch of the Russian society of historians and archivists (Kursk, Russia)

Rashad A. Kurbanov, Doctor of Juridical Sciences, Professor, The Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Igor B. Lagutin, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

Elena V. Markovicheva, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Russian State University of Justice (Moscow, Russia)

Margarita A. Molokova, Doctor of Political Sciences, Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

Valeriy E. Novichkov, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

Tat'yana K. Ryabinina, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

Elena V. Safronova, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Belgorod State National Research University (Belgorod, Russia)

Vladimir B. Slatinov, Doctor of Political Sciences, Professor, Kursk State University (Kursk, Russia)

Larisa G. Tatyina, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Udmurt State University (Izhevsk, Russia)

Elena S. Ustinovich, Doctor of Political Sciences, Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

Vadim V. Chubarov, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Chamber of Commerce and Industry of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Svetlana V. Shevelyova, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

Founder and Publisher :
“Southwest State University”

Official address of the Founder, Publisher and Editorial Office:

305040, Russia, Kursk, ul. 50 Let Oktyabrya, 94

Phone: (+74712) 22-25-26,

Fax: (+74712) 50-48-00.

E-mail: rio_kursk@mail.ru

The Journal is officially registered by:

The Federal Supervising Authority in the Field of Communication, Information Technology and Mass media (PI №FS77-80259 of 09.02.2021).

ISSN 2223-1501 (Print)

Web-site: <https://swsu.ru/izvestiya/serieshistory/>

Printing office:

Printing Center

of the Southwest State University,

305040, Russia, Kursk,

ul. 50 Let Oktyabrya, 94

Subscription and distribution:

the journal is distributed by subscription.

Subscription index 44296 in the General Catalogue “Pressa Rossii”

Frequency: once in two months

Free-of-control price.

Original lay-out design: E. G. Anohina

16+

© Southwest State University, 2021

Publications are available in accordance with the Creative Commons Attribution 4.0 License

Sent to the printer 27.12.2021.
Release 30.12.2021. Format 60x84/8.
Offset paper. Printer's sheets: 34,3.
Circulation 1000 copies. Order 67.

СОДЕРЖАНИЕ

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО	10
Страхование профессиональной ответственности при применении инновационных медицинских технологий: проблемы и пути их решения.....	10
<i>Кравченко Н. В.</i>	
Информационно-пространственная конвертация, коммерческий информационный оборот – развитие рынка данных и его контроль локализацией.....	22
<i>Базаров А. А.</i>	
Страховой актуарий как посредник в сфере страхования.....	35
<i>Филиппенкова О. Г.</i>	
Оценка стоимости земельных участков при изъятии для государственных нужд: вопросы теории и практики правового регулирования.....	44
<i>Гринева А. В.</i>	
К вопросу о мерах государственного принуждения при охране и защите прав граждан на жизнь и здоровье в Российской Федерации.....	58
<i>Филимонов А. А.</i>	
УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНАЛИСТИКА	65
Правовые основания уголовной ответственности за неоказание помощи больному	65
<i>Понятовская Т. Г.</i>	
Социальная технология профилактики и противодействия процессам вовлечения детей и подростков в практику суицидального поведения в социальных сетях.....	76
<i>Синяева М. И.</i>	
Некоторые вопросы квалификации преступлений против порядка эмиссии ценных бумаг	86
<i>Рыженков Н. Н.</i>	
УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС	97
Интеллектуальные системы поддержки принятия судебных решений в уголовном судопроизводстве.....	97
<i>Марковичева Е. В.</i>	
Соотношение понятий «отказ от субъективного права» и «ограничение права» в российском уголовном процессе.....	109
<i>Чеботарева И. Н., Пашутина О. С., Ревина И. В.</i>	
Целесообразность специальных познаний психолога по уголовным делам несовершеннолетних.....	120
<i>Акиев А. Р., Брянская Е. В.</i>	
К вопросу о средствах, влияющих на достижение эффективности уголовно-процессуальной деятельности.....	133
<i>Даровских О. И.</i>	
ПОЛИТОЛОГИЯ	145
Социальная политика в Германии.....	145
<i>Подольский В. А.</i>	
Типология политических изменений европейских парламентских монархий	156
<i>Кабацкий М. С.</i>	

Актуальные проблемы военно-морской политики России.....	168
<i>Шныптев М. М.</i>	
Россия и ЮНЕСКО в геополитической архитектонике XXI века: концепция избирательного сотрудничества.....	177
<i>Белекова А. Т.</i>	
ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ	191
Региональное регулирование социальной сферы села в 1970-е годы (на материалах Оренбургской области).....	191
<i>Жайбалиева Л. Т.</i>	
Проблемы советской военной авиации перед началом Великой Отечественной войны.....	201
<i>Бирюлин В. И., Куделина Д. В., Ларин О. М.</i>	
Состояние медицинских учреждений и проблемы здоровья населения в период позднего сталинизма (на материалах Актыбинской области Казахской ССР).....	213
<i>Мухамбетгалиева А. К., Хисамутдинова Р. Р.</i>	
Награды спасателей на воде в городе Тифлисе во второй половине XIX – начале XX века	225
<i>Воробьева С. А.</i>	
«Поднять уровень благосостояния»: о приобщении горожан Байкальской Сибири к искусству во второй половине XIX – начале XX века.....	233
<i>Ткачев В. В.</i>	
Развитие дорожной инфраструктуры Курской области в годы VIII и IX пятилеток (1966–1975 годы)	246
<i>Носов Д. М.</i>	
Проблема изучения мемориальной памяти в междисциплинарном комплексе социально-гуманитарных дисциплин.....	255
<i>Царина М. А.</i>	
Мероприятия советской власти по ликвидации инфекционных заболеваний в России 1917–1922 гг. (на примере Курской губернии).....	267
<i>Соловьянова М. В.</i>	
Столица и провинции: призрение детей нижних чинов в эпоху Первой мировой войны.....	275
<i>Чубаров А. И.</i>	
Развитие теплофикации в России: отечественная научная база.....	286
<i>Звягинцева М. М., Савочкина Н. Д.</i>	
К сведению авторов	295

CONTENT

CIVIL LAW	10
Professional Liability Insurance in the Application of Innovative Medical Technologies: Problems and Solutions.....	10
<i>Natalia V. Kravchenko</i>	
Information Spatial Conversion, Commercial Information Turnover – Development of the Data Market and Its Localization Control.....	22
<i>Andrej A. Bazarov</i>	
Insurance Actuary as Insurance Intermediary.....	35
<i>Olesya G. Filippenkova</i>	
Estimating Land Values When Seized for State Needs: Issues of Theory and Practice of Legal Regulation.....	44
<i>Anna V. Grineva</i>	
On the Question of State Coercive Measures for Protection and Defense of Citizens' Rights to Life and Health in the Russian Federation.....	58
<i>Aleksandr A. Filimonov</i>	
CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY	65
Legal Grounds for Criminal Liability for Failure to Provide Assistance to a Patient.....	65
<i>Tatyana G. Ponyatovskaya</i>	
Social Technology of Prevention and Counteraction to the Processes of Involvement of Children and Adolescents in the Practice of Suicidal Behavior in Social Networks.....	76
<i>Maria I. Sinyaeva</i>	
Some Issues of Qualification of Crimes Against the Procedure for Issuing Securities.....	86
<i>Nikolay N. Ryzhenkov</i>	
CRIMINAL PROCEDURE	97
Intelligent Decision Support in Criminal Court.....	97
<i>Elena V. Markovicheva</i>	
Correlation Between the Concepts of "Refusal of Subjective Law" and "Restriction of Law" in Russian Criminal Procedure.....	109
<i>Irina N. Chebotareva, Olesia S. Pashutina, Irina V. Revina</i>	
The Expediency of Special Knowledge of a Psychologist in Criminal Cases of Minors.....	120
<i>Arbi R. Akiev, Elena V. Bryanskaya</i>	
On the Question of the Means Affecting the Achievement of the Effectiveness of Criminal Procedural Activity.....	133
<i>Olga I. Darovskikh</i>	
POLITICAL SCIENCES	145
Social policy in Germany.....	145
<i>Vadim A. Podolskiy</i>	
Typology of Political Change in European Parliamentary Monarchies.....	156
<i>Maxim S. Kabatsky</i>	
Actual Problems of the Naval Policy of Russia.....	168
<i>Mihail M. Shnyptev</i>	

Russia and UNESCO in the Geopolitical Architectonics of the XXI Century: the Concept of Selective Cooperation.....	177
<i>Aysur T. Belekova</i>	
HISTORICAL SCIENCES	191
Regional Regulation of the Social Sphere of the Village in the 1970s. (the Case of the Orenburg Region).....	191
<i>Lusia T. Zhaybaliyeva</i>	
Problems of the Soviet Military Aviation Before the Start of the Great Patriotic War.....	201
<i>Vladimir I. Biryulin, Daria V. Kudelina, Oleg M. Larin</i>	
State of Medical Institutions and Public Health Problems during Late Stalinism (on the Materials of the Aktobe Region of the Kazakh SSR).....	213
<i>Alima K. Mukhambetgalieva, Ravilya R. Khisamutdinova</i>	
Awards of Rescuers on the Water in the City of Tiflis in the Second Half of the XIX – Early XX Centurie.....	225
<i>Svetlana A. Vorobyova</i>	
"Raise the Level of Well-Being": on the Introduction of the Townspeople of Baikal Siberia to Art in the Second Half of the XIX – Early XX Century.....	233
<i>Vitaliy V. Tkachev</i>	
Development of the Road Infrastructure of the Kursk Region During the VIII and IX Five – Year Plans (1966–1975).....	246
<i>Dmitry M. Nosov</i>	
The Problem of Studying "Memory Studies" in the Interdisciplinary Complex of Social and Humanitarian Disciplines.....	255
<i>Maria A. Tsarina</i>	
Measures Taken by the Soviet Government to Eliminate Social Infectious Diseases in Russia in 1917-1922 (Based on the Materials of the State Archive of the Kursk Region).....	267
<i>Marina V. Solovyanova</i>	
Capital and Provinces: the Vision of Children of the Lower Ranks in the Era of the First World War.....	275
<i>Aleksei I. Chubarov</i>	
Development of District Heating in Russia: Domestic Scientific Base.....	286
<i>Marina M. Zvyagintseva, Nataliy D. Savochnikina</i>	
INFORMATION FOR AUTHORS	295

Страхование профессиональной ответственности при применении инновационных медицинских технологий: проблемы и пути их решения

Н. В. Кравченко¹ ✉

¹ Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: kravchenko-nv46@yandex.ru

Резюме

Актуальность. Инновационное и прогрессивное развитие научных изысканий в последние годы способствовали разработке инновационных медицинских технологий. Их внедрение в клиническую практику при оказании медицинской помощи в любой медицинской организации диктует необходимость правовой регламентации безопасности их применения и создания максимально эффективного механизма возмещения ущерба пациенту в случае причинения вреда его жизни и здоровью. Страхование профессиональной ответственности медицинских работников рассматривается как наиболее цивилизованный механизм реализации права пациентов на соответствующее возмещение.

Целью настоящей публикации является формирование предложений законодательного регулирования страхования профессиональной ответственности медицинских работников, призванной защитить все стороны правоотношений по оказанию медицинской помощи и медицинских услуг, в том числе с применением инновационных медицинских технологий.

Задачи. В ходе исследования были решены следующие задачи: проведено комплексное изучение гражданско-правового регулирования сферы страхования пациентов и профессиональной ответственности медицинских организаций и медицинских работников; выявлены пробелы и проблемы законодательной регламентации рассматриваемых отношений; разработаны предложения по дальнейшему закреплению принципа полноценного возмещения причиненного вреда посредством страхования профессиональной ответственности.

Методология. В исследовании использована совокупность методов, таких как: анализ, синтез, системный подход, догматико-юридический и системно-правовой, с помощью которых автором осуществлен аналитический обзор действующего законодательства, определена специфика исследуемых правоотношений, выявлены проблемы, выработаны пути их правового решения.

Результаты. Автором сформулирована позиция о необходимости разработки закона, в котором будут закреплены правовые и организационные основы обязательного страхования гражданской ответственности медработников.

Вывод. Потенциальный риск причинения вреда жизни и здоровью человека в результате оказания медицинской помощи, включая применение инновационных медицинских технологий, предопределяет детальное и всеобъемлющее правовое регулирование ответственности медицинских работников. С учетом специфики правоотношений наиболее упрощенная процедура получения пациентом компенсационных выплат в счет возмещения вреда видится непосредственно в становлении и развитии института страхования профессиональной ответственности работников медицинских организаций.

Ключевые слова: медицинские технологии; страхование профессиональной ответственности; защита прав пациентов.

© Кравченко Н. В., 2021

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Финансирование: НИР в рамках государственного задания «Трансформация частного и публичного права в условиях эволюционирующих личности, общества и государства» на 2021 г. (№ 0851-20200033).

Для цитирования: Кравченко Н. В. Страхование профессиональной ответственности при применении инновационных медицинских технологий: проблемы и пути их решения // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021. Т. 11, № 6. С. 10–21. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2021-11-5-10-21>.

Поступила в редакцию 23.10.2021

Принята к публикации 18.11.2021

Опубликована 27.12.2021

Professional Liability Insurance in the Application of Innovative Medical Technologies: Problems and Solutions

Natalia V. Kravchenko¹ ✉

¹ Southwest State University
50 Let Oktyabrya str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: kravchenko-nv46@yandex.ru

Abstract

Relevance. Innovative and progressive development of scientific research in recent years has contributed to the development of innovative medical technologies. Their introduction into clinical practice in the provision of medical care in any medical organization dictates the need for legal regulation of the safety of their use and the creation of the most effective mechanism for compensating the patient in case of harm to his life and health. Insurance of professional liability of medical workers is considered as the most civilized mechanism for the realization of the right of patients to appropriate compensation.

The purpose of this publication is to form proposals for legislative regulation of insurance of professional liability of medical workers, designed to protect all parties of legal relations in the provision of medical care and medical services, including with the use of innovative medical technologies.

Objectives. In the course of the study, the following tasks were solved: a comprehensive study of the civil law regulation of the sphere of patient insurance and professional responsibility of medical organizations and medical workers was carried out; gaps and problems of legislative regulation of the relations under consideration were identified; proposals were developed to further consolidate the principle of full compensation for damage caused through professional liability insurance.

Methodology. The study uses a set of methods, such as: analysis, synthesis, system approach, dogmatic-legal and system-legal, with the help of which the author carried out an analytical review of the current legislation, determined the specifics of the legal relations under study, identified problems, developed ways of their legal solution.

Results. The author has formulated a position on the need to develop a law that will fix the legal and organizational foundations of compulsory insurance of civil liability of medical personnel.

Conclusion. The potential risk of harm to human life and health as a result of medical care, including the use of innovative medical technologies, determines the detailed and comprehensive legal regulation of the responsibility of medical workers. Taking into account the specifics of legal relations, the most simplified procedure for a patient to receive compensation payments for damages is seen directly in the formation and development of the institute of professional liability insurance of medical organizations.

Keywords: medical technologies; professional liability insurance; protection of patients' rights.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

Funding: Research and development within the state assignment «Transformation of private and public law in the conditions of evolving personality, society and the state» for the year 2021 (№ 0851-20200033).

For citation: Kravchenko N. V. Professional Liability Insurance in the Application of Innovative Medical Technologies: Problems and Solutions. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2021; 11(6): 10–21. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2021-11-5-10-21>.

Received 23.10.2021

Accepted 18.11.2021

Published 27.12.2021

Введение

Проблемы обоснованного риска применения инновационных биомедицинских технологий уже не первый год обсуждаются цивилистами. Возможные врачебные ошибки, дефекты оказания медицинской помощи, несчастные случаи при внедрении и использовании новых медицинских технологий должны быть обеспечены адекватными способами защиты прав пациентов и полноценными гарантиями привлечения виновных лиц к ответственности [1; 2].

В результате неправильно поставленного диагноза, несвоевременного и неэффективного лечения, неверного применения инновационных медицинских технологий, неэффективной реабилитации, а также некачественного оказания медицинских услуг здоровью пациента может быть нанесен вред, порой приводящий к необратимым (неизлечимым) последствиям и даже к смерти.

К сожалению, норма ст. 98 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (далее – ФЗ «О здоровье»)¹, регламентирующая ответственность в сфере охраны здоровья, имеет отсылочный характер, что, в свою очередь, порождает проблемы правоприменения. К. Б. Ярошенко обращает внимание на следующую судебную коллизию: при однотипности предмета спора суды, поста-

новляя решения, руководствовались разными правовыми конструкциями, а именно: положениями гл. 59 ГК РФ и статьями Закона РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей» [3]. Более того, в доктрине до сих пор не утихает дискуссия относительно признания всей медицинской деятельности или отдельных ее видов источниками повышенной опасности [4; 5], вследствие чего продолжают споры относительно применения общего или усеченного (безвиновного) состава правонарушения в случаях защиты прав граждан при причинении вреда их жизни и здоровью [6].

Вышеизложенное позволяет сделать вывод, что законодательное регулирование возникающих между пациентом – врачом – медицинским учреждением правоотношений (в случаях применения новых медицинских технологий и наступления неблагоприятных последствий) еще недостаточно полно отражает их специфику [7]. В связи с изложенным актуализируется необходимость научного осмысления системы страхования ответственности как наиболее быстрой и недорогой формы получения выплат возмещения вреда.

Методология

Методологическую основу статьи составляют как общенаучные методы: анализ, синтез, аналогия, системный подход, так и частнонаучные: догматико-юридический, системно-правовой. Использование методов анализа и синтеза позволило, опираясь на действующие федеральные законы и законопроекты, охарактеризовать современное состояние правового регулирования страхования

¹ Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: федер. закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ: [ред. от 02.07.2021]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895 (дата обращения: 06.10.2021).

профессиональной ответственности медицинских работников. Применение аналогии законов позволило найти схожие по правовой природе нормы права. Использование системного подхода привело к структурированному и логическому изложению материала. С помощью догматико-юридического метода изучено состояние законодательства в исследуемой области, систематизация доктринальных и практических подходов способствовала постановке проблемных вопросов и поиску новых решений.

Результаты и их обсуждение

Идея страхования рисков в результате оказания медицинской помощи или медицинских услуг не нова [8]. Изучением этой темы в доктрине и практике цивилисты занимаются постоянно, вместе с тем единой позиции не выработано до сих пор. В условиях постоянно меняющихся видов диагностики, методов лечения, внедрения инновационных, технических и биологических технологий необходимость адекватного правового регулирования страхования участников гражданских правоотношений при осуществлении медицинской деятельности не вызывает сомнений [9].

В отношении граждан как застрахованных лиц медицинское страхование действует в двух формах – обязательного и добровольного. Федеральный закон от 29 ноября 2010 г. № 326-ФЗ «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации»¹ определяет, что при наступлении страхового случая застрахованному лицу гарантируется оказание бесплатной медицинской помощи за счет средств обязательного медицинского страхования (ст. 3). В силу п/п. 9 п. 1 ст. 16 в случае причинения вреда в результате неисполнения или ненадле-

жащего исполнения медицинской организацией обязанностей по организации и оказанию медпомощи, возмещение ущерба осуществляется в соответствии с законодательством РФ, т. е. через судебную защиту [10]. При этом длительность судебного разбирательства, а также необходимость исполнения в ходе судебного процесса истцом (пациентом) обязанности по доказыванию причинно-следственной связи между наступившими последствиями и действиями (бездействием) медицинских работников не позволяют в полной мере защитить частные интересы граждан. Например, Определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 29.09.2020 по делу № 88-18221/2020, 2-792/2019, Определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 17.08.2021 по делу № 88-19401/2021, Определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 08.09.2020 № 88-13176/2020.

В части добровольного медицинского страхования, которое является наиболее массовым видом добровольного страхования, порядок заключения договоров регулируется нормами ГК РФ и Закона РФ от 27.11.1992 г. № 4015-1 «Об организации страхового дела в Российской Федерации» (далее – Закон «О страховании»)² и, безусловно, призвано обеспечить наиболее полную реализацию предусмотренного ст. 41 Конституции РФ права граждан на охрану здоровья. Вместе с тем в случаях ненадлежащего оказания медицинской помощи гражданин вправе обратиться в суд с иском о возмещении ущерба и морального вреда по той же процедуре, что и в случае обязательного медицинского страхования.

Перечисленные формы страхования нацелены на гарантированность получения гражданами медицинской помощи

¹ Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации: федер. закон от 29 ноября 2010 г. № 326-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_107289 (дата обращения: 06.10.2021).

² Об организации страхового дела в Российской Федерации: Закон РФ от 27.11.1992 г. № 4015-1. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1307/ (дата обращения: 06.10.2021).

или медицинских услуг за счет компенсации медицинской организации (индивидуальному предпринимателю, осуществляющему медицинскую деятельность) за оказанную помощь или медицинскую услугу. Их цель – материальное возмещение потраченных медицинской организацией материальных или человеческих ресурсов, происходит оплата оказанной услуги, минуя застрахованное лицо (пациента). Сталкиваясь с несвоевременной или некачественной медицинской помощью, не получивший необходимого лечения больной осуществляет защиту своих интересов самостоятельно. Определенные процессуальные трудности в части сбора доказательств, включая проведение экспертизы качества оказанной помощи, необходимости оформлять соответствующие документы в суд и поддерживать свои доводы, обуславливают нежелание пострадавших защищать свои права при наступлении негативных последствий. Более того, размер компенсационных выплат оставляет желать лучшего и разброс в суммах выплат при схожести обстоятельств дела может быть существенным.

Решение вопроса стабилизации размера компенсационных выплат в случае причинения вреда жизни и здоровью, а также упрощения процедуры их получения видится в развитии института страхования профессиональной ответственности медицинских работников.

Несмотря на то, что в ст. 72 и 79 ФЗ «О здоровье» закреплены: право медицинских работников на страхование риска своей профессиональной ответственности и обязанность медицинской организации осуществлять страхование пациентов на случай причинения вреда жизни и (или) здоровью при оказании медицинской помощи соответственно, ввиду отсутствия надлежащего правового регулирования, вышеуказанные нормы носят декларативный характер. Соответствующий нормативный акт, регламентирующий порядок выполнения медицинской

организацией требования об обязательном страховании пациентов, а также процедуру, круг субъектов, перечень страховых рисков на сегодняшний день не приняты.

Если применять аналогию закона, то схожими являются ст. 44 Федерального закона от 12 апреля 2010 г. № 61-ФЗ «Об обращении лекарственных средств»¹ и ст. 32 Федерального закона от 23 июня 2016 г. № 180-ФЗ «О биомедицинских клеточных продуктах»², в силу которых, организация, имеющая разрешение на проведение клинического исследования лекарственного препарата для медицинского применения/биомедицинского клеточного продукта, обязана за свой счет в качестве страхователя застраховать риск причинения вреда жизни, здоровью пациента. Со страховщиком заключается договор обязательного страхования, согласно которому в случаях ухудшения состояния здоровья пациента (непосредственно участнику) или его смерти (выгодоприобретателю) выплачивается обусловленная вышеуказанными правовыми актами страховая выплата. Срок для оплаты – 30 дней с момента подачи всех необходимых документов. Обязательным условием является наличие причинно-следственной связи между наступлением страхового случая и участием пациента в клиническом исследовании определенного лекарственного препарата.

Вместе с тем обоснованность экстраполяции вышеобозначенной правовой конструкции страхования в ФЗ «О здоровье» неоднозначна. Страхование в рамках Федеральных законов «Об обращении

¹ Об обращении лекарственных средств: федер. закон от 12 апреля 2010 г. № 61-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_99350 (дата обращения: 06.10.2021).

² О биомедицинских клеточных продуктах: федер. закон от 23 июня 2016 г. № 180-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_199967 (дата обращения: 06.10.2021).

лекарственных средств» и «О биомедицинских клеточных продуктах» апробировано в медицинской деятельности, вследствие чего гипотетически может использоваться при внедрении инновационных медицинских технологий и оказании медицинской помощи. Обязанность медицинской организации страховать пациентов на случай причинения вреда жизни и здоровью определена в ФЗ «О здоровье» и может быть дополнена статьей, подробно регламентирующей процедуру страхования пациентов. Наряду с этим целесообразность такой формы защиты прав граждан при некачественной медицинской помощи вызывает сомнения по следующим основаниям. Во-первых, заключение договора страхования предопределяет момент оказания самой медицинской помощи и в случаях оказания скорой медицинской помощи делает его оформление неактуальным. Во-вторых, учитывая количество граждан, которым оказываются медицинские услуги в государственных, муниципальных и частных медицинских организациях, уплата страхового тарифа страховщику станет для страхователя непосильной ношей. В-третьих, договор страхования пациентов должен быть заключен в отношении каждого, независимо от результатов оказанной медпомощи или медуслуги, что также обуславливает чрезмерное финансовое бремя для медицинской организации. В-четвертых, из правоотношения по страхованию пациентов исключается непосредственный участник – врач, субъективные действия (бездействие) которого являются причиной наступления страхового случая, вследствие чего вышеуказанный способ страхования не будет стимулировать медицинских работников ответственно выполнять свои профессиональные обязанности.

Страхование риска своей профессиональной ответственности законодателем отнесено к праву врача, что предполагает принцип добровольности и альтернативности его реализации, а именно медра-

ботник в силу субъективных предпосылок определяет необходимость страхования риска профответственности и самостоятельно выбирает, с какой страховой компанией заключать договор страхования. Можно было бы использовать нормативное регулирование Закона «О страховании», однако в таком случае вне правового поля остаются такие специальные вопросы, как: понятие профессиональной ответственности медицинских работников; субъекты страхового правоотношения; страховые риски осуществления медицинской деятельности и объекты страхования; степень ответственности медработника перед страховщиком, страхователем и выгодоприобретателем.

Стоит согласиться с позицией Н. В. Василенко о том, что «закрепление основных положений страхования профессиональной ответственности в гл. 48 ГК РФ и Законе РФ «Об организации страхового дела в Российской Федерации», которые были бы применимы для любых профессиональных субъектов и объединений таких субъектов, не решит полностью проблему правового регулирования страхования профессиональной ответственности. Дело в том, что субъекты различных профессий при осуществлении своей профессиональной деятельности находятся в различных по специфике условиях» [11].

О необходимости внедрения обязательного страхования ответственности медработников говорит и О. Н. Беленко. В связи с внедрением новых технологий в медицину, которые вытесняют устаревшие методы и способы лечения и позволяют врачу более оперативно получать необходимую для принятия решения информацию, использовать инновационные методики, медицинские изделия, таргетные лекарственные препараты, повышается и уровень требований к медицинским работникам как к профессионалам, их квалификации, усиливается их профессиональная ответственность [12].

Под профессиональной ответственностью Н. В. Василенко понимает юридическую ответственность, возникшую в связи с ненадлежащим исполнением профессиональным субъектом своих профессиональных обязанностей [11]. В отношении медицинских работников следует определить, что не все работающие в медицинской организации сотрудники могут причинить вред нематериальным благам пациента. Из перечня медицинских работников, которые должны страховать свою профессиональную ответственность, можно исключить технических работников, которые занимаются низкоквалифицированным трудом (сторож, уборщик помещений) или работающих в бухгалтерии. К остальным нужен дифференцированный подход. Безусловно, работающий в регистратуре администратор и медсестра в процедурном кабинете имеют разное отношение к пациенту и, соответственно, их действия (прокол вены при выполнении внутривенной инъекции) или бездействие (не были переданы результаты анализов лечащему врачу, в связи с чем утрачено время для быстрого решения о назначении лечения) могут повлечь за собой разные по своей тяжести последствия.

Основную долю ответственности несет лечащий врач, поскольку именно в его обязанности в силу ст. 70 ФЗ «О здоровье» входит организация своевременного обследования, установления диагноза и лечения больного. Соответственно, недостаточная квалификация, невнимательность, некомпетентность врача, иные личностные и профессиональные качества при выполнении своих функций порождают возникновение страховых случаев.

Как бы там ни было, большинство авторов, исследующих вопрос страхования профессиональной ответственности медицинских работников, сходятся во мнении, что правовое регулирование

данного вопроса будет играть защитную роль и для представителей медицинского сообщества, и для пациентов [13; 14].

Интересны для дискуссии и принятия во внимание предложения коллектива казахских цивилистов о трех вариантах реализации внедрения страхования профответственности медицинских работников: через создание независимого некоммерческого фонда обязательного страхования профессиональной ответственности медицинских работников; через действующие страховые компании; через профессиональные ассоциации медицинских работников [15]. В каждом из них имеются свои плюсы и минусы. Так, например, с помощью независимого коммерческого фонда ввиду отсутствия подчиненности страхователю в случае врачебной ошибки пострадавшие быстрее могут получить страховую выплату, однако его внедрение предполагает первоначальные затраты, которые могут быть субсидированы Правительством РФ. Страхование через существующие страховые компании также имеет подводные камни. Являясь коммерческой организацией, преследующей цель – получение выгоды, коммерческие страховые компании оспаривают выплату страховой суммы, вынуждая пациентов обращаться в суды.

Иного мнения придерживаются В. М. Лаврушин и Ю. В. Гнездилова, предлагая вариант государственно-частного партнерства, реализуемого в три этапа: составление реестра медицинских работников (каждый врач будет зафиксирован на одном рабочем месте в медицинской организации), лицензирование медицинских работников профессиональными некоммерческими организациями, далее формирование страхового капитала, последующее лицензирование и аккредитация лечебных учреждений, уполномоченных проводить независимую медицинскую экспертизу [16]. С безусловной фиксацией врачей только в од-

ной медицинской организации для целей страхования его персональной ответственности согласиться нельзя, поскольку наступление страхового случая обуславливает его конкретные действия как специалиста в конкретном месте выполнения работы. Во-вторых, еще в конце 2019 г. СГ «АльфаСтрахование» предложило медработникам страховать риск профессиональной ответственности без конкретизации места работы [17].

Анализируя предложения страховых компаний (СПАО «РЕСО-Гарантия», СПАО «Ингосстрах», СК Астро-Волга) по страхованию профессиональной ответственности медицинских работников, М. Е. Соболева пришла к выводу, что «на сегодняшний день есть все необходимые предпосылки для становления профессиональной ответственности медицинских работников...» [18]. Вместе с тем во всех исследованных страховых комплектах требования о возмещении морального вреда отсутствуют. Практика показывает, что на сегодняшний день большинство исковых заявлений, предъявляемых к медицинским организациям, вышеуказанные требования содержат, т. к. имущественный вред, как правило, чаще всего не возникает. Поэтому при формировании законодательной платформы для заключения договоров обязательного страхования профессиональной ответственности медицинских работников необходимо закрепить условие о покрытии страховщиком риска ответственности за причинение морального вреда [19].

В настоящее время на рассмотрении в Государственной Думе ФС РФ находится проект Федерального закона № 1173861-7 «О внесении изменений в Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»¹, предусматривающий обязательное

государственное страхование риска профессиональной ответственности медицинских работников. Проводятся процедуры согласования и экспертиз в соответствующих комитетах и ведомствах. Между тем внесение корректив в ФЗ «О здоровье» только создаст предпосылки для дальнейшего нормотворчества, поскольку в силу п. 4 ст. 3 Закона РФ «О страховании» условия и порядок осуществления обязательного страхования определяются федеральными законами о конкретных видах обязательного страхования.

Следует отметить, что это не первая законодательная инициатива. Законопроекты «Об обязательном страховании пациентов» и «Об обязательном страховании гражданской ответственности медицинских организаций перед пациентами», разработанные в 2009 и 2010 гг. соответственно, подверглись значительной критике в юридической доктрине и были сняты с рассмотрения [20].

С целью устранения правовой неопределенности необходимо разработать и принять Федеральный закон «Об обязательном страховании профессиональной ответственности медицинских работников», приняв во внимание, например, предусмотренное Федеральным законом от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» и Федеральным законом от 24 июля 2007 г. № 221-ФЗ «О кадастровой деятельности» обязательное страхование профессиональной ответственности арбитражных управляющих и кадастровых инженеров.

Учитывая, что в силу ст. 1068 ГК РФ вред, причиненный работником юридического лица при исполнении должностных обязанностей, возмещает юридическое лицо, полагаем, что страхователем профессиональной ответственности медицинских работников перед третьими лицами должна выступать непосредственно медицинская организация (индивидуальный предприниматель, занимающийся медицинской деятельностью). При этом риск наступления ответственности

¹ Проект Федерального закона № 1173861-7 «О внесении изменений в Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1173861-7> (дата обращения: 12.10.2021).

учреждения здравоохранения может быть оценен либо отдельно по каждому специалисту, например, для небольших организаций, либо по медицинской организации в целом, что более характерно для крупных многопрофильных центров и клиник. В итоге конкретное медицинское учреждение приобретает более надежный статус для потенциальных пациентов, а медицинские работники получают дополнительную уверенность в своей практической деятельности.

Выводы

Темпы развития медицинских технологий, включающих инновационные медицинские изделия (инструменты, приборы), биомедицинские лекарственные препараты и их практическое применение помогают сохранить жизнь и поправить здоровье граждан, повысить уровень оказываемой медицинской помощи и качество медицинских услуг, но, к сожалению, не исключают возможность наступления побочных эффектов и причинения вреда в результате выполнения медицинскими работниками своих профессиональных обязанностей. Поэтому потенциальный риск причинения вреда жизни и здоровью человека предопределяет правовое регулирование ответственности медицинских работников. С учетом специфики правоотношений наиболее упрощенная процедура получения пациентом компенсационных выплат в счет возмещения вреда видится в становлении и развитии института страхования профессиональной ответственности путем разработки Федерального закона «Об обязательном страховании профессиональной ответственности медицинских работников». Результатом принятия вышеуказанного закона будет перераспределение

бремени ответственности и рассмотрения претензии пациента с медицинской организации на страховую компанию.

При этом страхование профессиональной ответственности медицинских работников имеет свои особенности.

Во-первых, медработник (за исключением индивидуальных предпринимателей, занимающихся медицинской деятельностью) не несет персональную гражданско-правовую ответственность за исполненные медицинские услуги или оказанную медицинскую помощь, т. к. положения ст. 1068 ГК РФ об ответственности юридического лица (гражданина) как работодателя за действия работников предопределяют логичность страхования профессиональной ответственности не конкретных врачей, а ответственности медицинской организации в целом.

Во-вторых, обозначив специфику медицинской деятельности, рекомендуем в качестве объекта страхования предусмотреть имущественные интересы в виде денежной компенсации морального вреда, связанного с причинением вреда жизни и здоровью граждан.

В-третьих, перечень страховых случаев предусмотреть открытым, поскольку внедрение инновационных медицинских технологий подразумевает их возможную корреляцию.

В-четвертых, одним из принципов страхования профессиональной ответственности должен быть принцип «партиципативности», поскольку качество оказанной медицинской помощи с использованием инновационных биотехнологий зависит от выполнения пациентом своих обязанностей, включающих выполнение рекомендаций врача, режима лечения, питания и т.д.

Список литературы

1. Богдан В. В. Причинение вреда вследствие недостатков товаров (работ, услуг) как частный деликт в условиях развития современной медицины // Законы России: опыт, анализ, практика. 2020. № 9. С. 25–32.

2. Мохов А. А., Яворский А. Н., Поздеев А. Р. Особенности правового регулирования геномных исследований: неблагоприятные исходы, проблемы безопасности и перспективы // Вестник Удмуртского университета. Серия: Экономика и право. 2020. Т. 30, вып. 1. С. 145–153.
3. Ярошенко К. Б. Возмещение вреда, причиненного жизни или здоровью гражданина при оказании ему медицинской помощи. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=3IKo8pSiqIHdwyFA2&cacheid=0EAFF2971C17D0FA91EFABBB183F7AA3&mode=splus&base=CJI&n=125594#7eLo8pSu0oQPXCcK1> (дата обращения: 12.10.2021).
4. Лантух Д. В., Невзгодина Е. Л. Возмещение вреда, причиненного жизни и здоровью граждан вследствие оказания медицинских услуг // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2019. Т. 16, № 4. С. 104–114.
5. Размахнина А. Е. К вопросу о признании оказания медицинской услуги деятельностью, создающей повышенную опасность для окружающих // Молодой ученый. 2018. № 12 (198). С. 120–123.
6. Ситдикова Л. Б. Проблемы гражданско-правовой ответственности за причинение вреда здоровью пациента: вопросы теории и судебной практики // Медицинское право. 2016. № 6. С. 7–11.
7. Богдан В. В. Новые медицинские технологии: эффективность концепта и юридический прогноз (частноправовой аспект) // Гражданское право. 2021. № 4. С. 14–16.
8. Воропаев А. В., Воропаева И. В., Исаев Ю. С. Страхование профессиональной ответственности медицинских работников // Сибирский медицинский журнал. 2006. № 2. С. 104–107.
9. Еругина М. В. Страхование профессиональной ответственности при оказании медицинской помощи // Саратовский научно-медицинский журнал. 2011. Т. 7, № 4. С. 776–779.
10. Шергунова Е. А., Силакова О. Н. Особенности страхования здоровья по российскому законодательству // Первый независимый научный вестник. 2015. № 4. С. 108–111.
11. Василенко Н. В. Страхование профессиональной ответственности: новые горизонты // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 2. С. 33–45.
12. Беленко О. Н. Страхование профессиональной ответственности в период становления биомедицины // Государство и право XXI века: современные тенденции и новые вызовы: материалы Международной научно-практической конференции. Курск: Курский институт кооперации (филиал) АНО ВПО «БУКЭП», 2021. С. 36–44.
13. Христенко А. В. Страхование профессиональной ответственности // Московский экономический журнал. 2018. № 5(2). С. 177–187.
14. Тарасов Ю. А., Шергунова Е. А. Страхование ответственности медицинских работников // Поколение будущего: Взгляд молодых ученых – 2015: сборник научных статей 4-й Международной молодежной научной конференции. Курск: Университетская книга, 2015. С. 340–342.
15. Внедрение страхования профессиональной ответственности для юридической и финансовой защиты медицинских работников: Аналитический обзор / А. С. Абильдина, М. А. Жумакаримов, Р. М. Уримов, Б. Д. Салхаева // Journal of Health Developmen. 2012. № 40. С. 58–68.
16. Лаврушин В. М., Гнездова Ю. В. Страхование пациента – система государственно-частного партнерства в здравоохранении в условиях пандемии // Становление и развитие предпринимательства в России: история, современность и перспективы: сборник материалов VIII Международной научной конференции. Смоленск: ООО «Научный консультант», 2021. С. 77–79.
17. Коркина Е. Ж. Проблемы обязательного страхования гражданско-правовой ответственности медицинской деятельности // «StudNet». 2021. Т. 4, № 5. С. 193–196.
18. Соболева М. Е. Страхование ответственности в медицине // Современное российское право. 2020. № 4 (13). С. 8–13.
19. Озова Н. А. Особенности страхования ответственности медицинских работников // Медицинское право. 2016. № 5. С. 21–25.
20. Старченко А. А. Законопроект «Об обязательном страховании гражданской ответственности медицинских организаций перед пациентами»: не защищает интересы ни пациента, ни учреждения здравоохранения // Менеджер здравоохранения. 2012. № 10. С. 62–69.

References

1. Bogdan V.V. Prichinenie vreda vsledstvie nedostatkov tovarov (rabot, uslug) kak chastnyj delikt v usloviyah razvitiya sovremennoj mediciny [Causing of harm due to defects in goods (works, services) as a private tort in the conditions of the development of modern medicine]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika = Laws of Russia: experience, analysis, practice*, 2020, no. 9, pp. 25–32.

2. Mohov A. A., Yavorskij A. N., Pozdeev A. R. Osobennosti pravovogo regulirovaniya genomnyh issledovanij: neblagopriyatnye iskhody, problemy bezopasnosti i perspektivy [Features of legal regulation of genomic research: adverse outcomes, safety problems and prospects]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya: Ekonomika i pravo = Bulletin of Udmurda University. Economics and Law Series*, 2020, vol. 30, no. 4, pp. 145–153.

3. Yaroshenko K. B. Vozmeshchenie vreda, prichinennogo zhizni ili zdorov'yu grazhdanina pri okazanii emu medicinskoj pomoshchi [Compensation for damage caused to the life or health of a citizen when providing him with medical care]. Available at: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=3IKo8pSiqlHdwyFA2&cacheid=0EAFF2971C17D0FA91EFABBB183F7AA3&mode=splus&base=CJI&n=125594#7eLo8pSu0oQPXCcK1>. (accessed 12.10.2021)

4. Lantuh D. V., Nevzgodina E. L. Vozmeshchenie vreda, prichinennogo zhizni i zdorov'yu grazhdan vsledstvie okazaniya medicinskih uslug [Compensation for damage caused to the life and health of citizens as a result of the provision of medical services]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Pravo = Bulletin of Omsk University. Series Right*, 2019, vol. 16, no. 4, pp. 104–114.

5. Razmahina A. E. K voprosu o priznanii okazaniya medicinskoj uslugi deyatel'nost'yu, sozdayushchej povyshennuyu opasnost' dlya okruzhayushchih [On the issue of recognizing the provision of medical services as an activity that creates an increased danger to others]. *Molodoj uchenyj = Young Scientist*, 2018, no. 12 (198), pp. 120–123.

6. Sitdikova L. B. Problemy grazhdansko-pravovoj otvetstvennosti za prichineniya vreda zdorov'yu pacienta: voprosy teorii i sudebnoj praktiki [Problems of civil liability for causing harm to the patient's health: issues of theory and judicial practice]. *Medicinskoe pravo = Medical law*, 2016, no. 6, pp. 7–11.

7. Bogdan V. V. Novye medicinskie tekhnologii: effektivnost' koncepta i yuridicheskij prognoz (chastnopravovoj aspekt) [New medical technologies: efficiency of the concept and legal forecast (private law aspect)]. *Grazhdanskoe pravo = Civil law*, 2021, no. 4, pp. 14–16.

8. Voropaev A. V., Voropaeva I. V., Isaev Yu. S. Strahovanie professional'noj otvetstvennosti medicinskih rabotnikov [Insurance of professional liability of medical workers]. *Sibirskij medicinskij zhurnal = Siberian Medical Journal*, 2006, no. 2, pp. 104–107.

9. Erugina M. V. Strahovanie professional'noj otvetstvennosti pri okazanii medicinskoj pomoshchi [Professional liability insurance in the provision of medical care]. *Saratovskij nauchno-medicinskij zhurnal = Saratov Journal of Medical Scientific Research*, 2011, vol. 7, no. 4, pp. 776–779.

10. Shergunova E. A., Silakova O. N. Osobennosti strahovaniya zdorov'ya po rossijskomu zakonodatel'stvu [Features of health insurance according to Russian legislation]. *Pervyj nezavisimyj nauchnyj vestnik = First independent scientific bulletin*, 2015, no. 4, pp. 108–111.

11. Vasilenko N. V. Strahovanie professional'noj otvetstvennosti: novye gorizonty [Professional liability insurance: new horizons]. *Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina = Bulletin of the University named after O. E. Kutafin*, 2019, no. 2, pp. 33–45.

12. Belenko O. N. [Professional liability insurance during the formation of biomedicine]. *Gosudarstvo i pravo XXI veka: sovremennye tendencii i novye vyzovy. Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* [The state and law of the XXI century: modern trends and new challenges. Materials of the international scientific and practical conference]. Kursk, Kurskij institut kooperacii (filial) ANO VPO "BUKEP", 2021, pp. 36–44. (In Russ.)

13. Hristenko A. V. Strahovanie professional'noj otvetstvennosti [Professional liability insurance]. *Moskovskij ekonomicheskij zhurnal = Moscow Economic Journal*, 2018, no. 5(2), pp. 177–187.

14. Tarasov Yu. A., Shergunova E. A. [Liability insurance of medical workers]. Pokolenie budushchego: Vzgljad molodyh uchenykh – 2015. Sbornik nauchnykh statej 4-j Mezhdunarodnoj molodezhnoj

nauchnoj konferencii [The Generation of the Future: The View of Young Scientists – 2015. Collection of scientific articles of the 4th International Youth Scientific Conference]. Kursk, Universitetskaya kniga Publ., 2015, vol. 1, pp. 340–342. (In Russ.)

15. Abil'dina A. S., Zhumakarimov M. A., Urimov R. M., Salhaeva B. D. Vnedrenie strahovaniya professional'noj otvetstvennosti dlya yuridicheskoy i finansovoj zashchity medicinskih rabotnikov: Analiticheskij obzor [Introduction of professional liability insurance for legal and financial protection of medical workers: An analytical review]. *Journal of Health Developmen*, 2012, no. 40, pp. 58–68.

16. Lavrushin V. M., Gnezdova Yu. V. [Patient insurance – a system of public-private partnership in healthcare in a pandemic]. *Stanovlenie i razvitie predprinimatel'stva v Rossii: istoriya, sovremennost' i perspektivy. Sbornik materialov VIII Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii* [Formation and development of entrepreneurship in Russia: history, modernity and prospects. Collection of materials of the VIII International Scientific Conference]. Smolensk, Nauchnyi konsul'tant Publ., 2021, pp. 77–79. (In Russ.)

17. Korkina E. Zh. Problemy obyazatel'nogo strahovaniya grazhdansko-pravovoj otvetstvennosti medicinskoj deyatel'nosti [Problems of compulsory insurance of civil liability of medical activity]. *«StudNet»*, 2021, vol. 4, no. 5, pp. 193–195.

18. Soboleva M. E. Strahovanie otvetstvennosti v medicine [Liability insurance in medicine]. *Sovremennoe rossijskoe pravo = Modern Russian law*, 2020, no. 4 (13), pp. 8–13.

19. Ozova N. A. Osobennosti strahovaniya otvetstvennosti medicinskih rabotnikov [Features of liability insurance of medical workers]. *Medicinskoe parvo = Medical Law*, 2016, no. 5, pp. 21–25.

20. Starchenko A. A. Zakonoproekt "Ob obyazatel'nom strahovanii grazhdanskoj otvetstvennosti medicinskih organizacij pered pacientami": ne zashchishchaet interesy ni pacienta, ni uchrezhdeniya zdravooohraneniya [The bill "On compulsory insurance of civil liability of medical organizations to patients": does not protect the interests of either the patient or the health care institution]. *Menedzher zdravooohraneniya = Health Manager*, 2012, no. 10, pp. 62–69.

Информация об авторе / Information about the Author

Кравченко Наталья Владимировна, аспирант кафедры гражданского права, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация, e-mail: kravchenko-nv46@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-6378-5074

Natalia V. Kravchenko, Post-Graduate Student of the Department of Civil Law, Southwest State University, Kursk, Russian Federation, e-mail: kravchenko-nv46@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-6378-5074

Оригинальная статья / Original article

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2021-11-6-22-34>

Информационно-пространственная конвертация, коммерческий информационный оборот – развитие рынка данных и его контроль локализацией

А. А. Базаров¹ ✉

¹ Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября 94, г. Курск 305040, Российская Федерация,

✉ e-mail: хооски@yandex.ru

Резюме

Актуальность. В последнее время на уровне международного права и законодательства отдельных государств ведется активный поиск новых подходов к защите прав и свобод пользователя в информационных сетях, являющийся уязвимым участником рынка информационного оборота. В российской цивилистической доктрине недостаточно разработан вопрос организации правовой защиты пользователя, чьи данные, в том числе персональные, обрабатываются коммерческими организациями с целью дальнейшего извлечения прибыли. Отсутствие современных концептуальных подходов не позволяет качественно изменить действующее законодательство и гармонизировать объем прав всех участников коммерческого оборота информации.

Целью работы является изучение коммерческого оборота информации в информационных сетях, его экономической ценности и методов правового контроля информационной обработки.

Задачи: проанализировать особенности и различия информационных и телекоммуникационных технологий; оценить экономическую целесообразность информационного оборота; сформировать предложения по изменению действующего законодательства в сфере правового регулирования информационных рынков.

Методология. В процессе работы над исследованием использовались общенаучные методы исследования и методы, присущие современной частноправовой науке. Речь идет об использовании методов анализа и синтеза информации, интерпретации данных. Произведен анализ действующего законодательства в области коммерческого оборота информации.

Результаты. Определены правовые различия между информационными и телекоммуникационными технологиями, предусмотренные законодательством Российской Федерации. Определена экономическая значимость оборота информации на информационных рынках. Обозначена правовая проблема информационно-пространственной конвертации и её правового контроля.

Выводы. Проведенное исследование дает основание для однозначного вывода об отсутствии необходимых правовых механизмов контроля оборота информации и недостаточной защиты прав обладателей обрабатываемой информации. О необходимости осуществления правовой модернизации института «локализации данных».

Ключевые слова: информация; информационные технологии; телекоммуникационные технологии; интернет; локализация данных.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Базаров А. А. Информационно-пространственная конвертация, коммерческий информационный оборот – развитие рынка данных и его контроль локализацией // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021. Т. 11, № 6. С. 22–34. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2021-11-6-22-34>.

Поступила в редакцию 25.10.2021

Принята к публикации 22.11.2021

Опубликована 27.12.2021

© Базаров А. А., 2021

Information Spatial Conversion, Commercial Information Turnover – Development of the Data Market and its Localization Control

Andrej A. Bazarov¹ ✉

¹Southwest State University
50 Let Oktyabrya str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: xoocki@yandex.ru

Abstract

Relevance. Recently, at the level of international law and the legislation of individual states, an active search has been conducted for new approaches to protecting the rights and freedoms of users in information networks, which is a vulnerable participant in the information turnover market. In the Russian civil doctrine, the issue of organizing legal protection of a user whose data, including personal data, is processed by commercial organizations for the purpose of further profit-making is insufficiently developed. The lack of modern conceptual approaches does not allow us to qualitatively change the current legislation and harmonize the scope of rights of all participants in the commercial circulation of information.

The purpose of the work is to study the commercial turnover of information in information networks, its economic value and methods of legal control of information processing.

Objectives: to analyze the features and differences of information and telecommunications technologies; to assess the economic feasibility of information turnover; to form proposals for changing the current legislation in the field of legal regulation of information markets.

Methodology. In the process of working on the research, general scientific research methods and methods inherent in modern private law science were used. We are talking about the use of methods of analysis and synthesis of information, data interpretation. The analysis of the current legislation in the field of commercial turnover of information is made.

Results. The legal differences between information and telecommunications technologies provided for by the legislation of the Russian Federation are determined. The economic significance of information turnover in the information markets is determined. The legal problem of information spatial conversion and its legal control is indicated.

Conclusion. The conducted research provides the basis for an unambiguous conclusion about the lack of necessary legal mechanisms for controlling the turnover of information and insufficient protection of the rights of the owners of the processed information. On the need to implement the legal modernization of the institute of "data localization".

Keywords: information; information technologies; telecommunications technologies; Internet; data localization.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Bazarov A. A. Information Spatial Conversion, Commercial Information Turnover – Development of the Data Market and its Localization Control. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2021; 11(6): 22–34. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2021-11-6-22-34>.

Received 25.10.2021

Accepted 22.11.2021

Published 27.12.2021

Введение

Научно-технические разработки, создаваемые специализированными компаниями (Information Technology – IT-компаниями) применяются для существенного улучшения качества человеческой жизнедеятельности: 1) ускорение различ-

ных процессов; 2) сокращение временных затрат; 3) организация повсеместных систем связи; 4) распространение технологий сканирования и звукозаписи для фиксации необходимой информации. Право как один из центральных элементов регулирования общественных отношений

первостепенно сталкивается с влиянием научно-технического прогресса, т. к. именно данная система норм и правил регулирования общественных отношений формирует в дальнейшем парадигму должного общественного поведения. Именно праву приходится разрешать сформировавшиеся социальные конфликты, предугадывать и отвечать на формирующиеся проблемы, предоставлять юридически обоснованные решения проблем цифровизации общества.

Современная IT-сфера достаточно разнообразна и неоднородна и включает в себя разработку технических, программных решений или программно-аппаратных комплексов. Общие правовые вопросы, касающиеся интеллектуальной собственности, систем правовых ограничений сбора персональных данных начали активно разрабатываться в последнее время, однако недостаточное представление специфики регулируемой сферы приводит к серьезным ошибкам или упущениям. Законодательные механизмы государственных систем не могут своевременно реагировать на возникающие правовые вызовы, стремительно формируемые IT-сферой.

Развитие информационно-телекоммуникационных технологий подразумевает создание физической аппаратуры, непосредственно связанной с обработкой, передачей и хранением информации, созданием программных решений, протоколов, систем шифрования для функционирования аппаратной части и их дальнейшей интеграции, что приводит к появлению программно-аппаратных комплексов.

Методология

В настоящей статье использовались общенаучные методы исследования анализа и синтеза. Проанализированы результаты, размещенные в научных статьях исследователей постиндустриальной эпохи развития общества, а именно вопросов определения понятия информаци-

онного общества, распространение явления сбора больших данных. Использован метод правового анализа в целях оценки уровня законодательства в области защиты прав и интересов субъектов рынка информационного оборота.

Результаты и их обсуждение

Понятие информационной технологии закреплено в Федеральном законе от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»¹ (далее – ФЗ «Об информации»). В соответствии со ст. 2 ФЗ «Об информации» под информационной технологией понимают процессы, методы поиска, сбора, хранения, обработки, предоставления, распространения информации и способы осуществления таких процессов и методов. Как можно заметить, само правовое определение включает в себя описание двух видов технологических элементов:

1) информационных технологий (способы поиска, сбора, хранения, обработки, предоставления);

2) телекоммуникационных технологий (распространение информации, способы осуществления процессов и методов, предусмотренных информационными технологиями).

Для надлежащего правового анализа частных правоотношений в информационных сетях правовое определение информационной технологии необходимо рассматривать в дифференцированном виде, т. к. несмотря на взаимосвязанный характер двух технологических систем они имеют разное целевое и функциональное назначение. Информационные технологии – это материальные и (или) программные методы и способы получения, распространения, обработки и хранения информации в информационных

¹ Об информации, информационных технологиях и о защите информации: федер. закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ: [ред. от 30.12.2020]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798 (дата обращения: 21.08.2021).

сетях, а телекоммуникационные технологии – это материальные и (или) программные методы и способы транспортировки информации между различными участниками сети.

К информационным технологиям можно отнести: книгопечатание, печатную машинку, программные и алгоритмические продукты, направленные на взаимодействие и работу с информацией, прикладное программное обеспечение (Microsoft Office, Adobe Photoshop, DaVinci Resolve, Audacity, Gimp и многие другие), веб-технологии, мультимедийные технологии.

К телекоммуникационным технологиям можно отнести: протоколы передачи данных в глобальной сети Интернет TCP/IP, системы теле- и радиовещания, DSL, системы сотовой и беспроводной связи, программные протоколы передачи информации, программные средства организации информационных сетей.

Развитие информационных технологий формирует в общественной сфере такое явление, как «информационно-пространственная конвертация». Под информационно-пространственной конвертацией стоит рассматривать отражение объектов, процессов традиционного (материального) пространства в виде информации и данных, описанных языками информационных систем, числовыми/символьными представлениями или иным машиночитаемым способом, с целью дальнейшего практического использования полученной информации. Например, сбор, обработка, накопление и систематизация Big Data об определённом человеке есть способ информационно-пространственной конвертации человеческой жизнедеятельности. В дальнейшем полученная информация и данные используются в различных целях:

1) предложение товаров или услуг, исходя из финансового состояния человека;

2) реклама товаров или услуг необходимых гражданину в краткосрочной перспективе;

3) составление психологического портрета личности;

4) иные цели.

Всё это происходит в период постоянного взаимодействия человека с различными информационными, а в дальнейшем и телекоммуникационными технологиями.

Распространение явления информационно-пространственной конвертации приводит к серьёзнейшему увеличению объема получаемой информации лицами, являющимися разработчиками информационных технологий, собирающих, обрабатывающих и хранящих информацию о человеческой жизнедеятельности и окружающем мире. Коммерческий интерес использования получаемых данных побуждает правообладателей финансировать модернизацию и разработку информационных технологий, для дальнейшего вовлечения всё большего количества объектов информационно-пространственной конвертации. Ежедневно граждане любого государства являются активными пользователями операционных систем (Apple macOS, Microsoft Windows, Linux, Android); прикладного программного обеспечения для работы с информацией (интернет-браузеры, Microsoft Office, Audacity, проигрыватели медиа), социальные сети; мессенджеры.

Современная система общественных отношений, связанных с поиском, сбором, хранением, обработкой, предоставлением и распространением информации, активно коммерциализируется. Использование информации и данных, их экономическая эксплуатация свидетельствуют о переходе Российской Федерации на этап постиндустриального общества (информационного общества). Под информационным обществом чаще всего понимают новую историческую фазу развития цивилизации, в которой главными продуктами производства являются ин-

формация и знания. Само определение и признаки информационного общества были сформированы задолго до формирования технических инструментов цифровизации общественной жизни такими авторами, как профессор Гарвардского университета Д. Белл [1], А. И. Ракитов [2], профессор У. Мартин [3]. Правовое определение информационного общества фигурирует в Указе Президента РФ от 9 мая 2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы»¹.

Информационное общество – общество, в котором информация и уровень ее применения и доступности кардинальным образом влияют на экономические и социокультурные условия жизни граждан.

IT-компании интегрируют технические и программные механизмы сбора информации с целью её дальнейшей реализации как товара. Объем рынка Big Data в России на 2018 г. достиг отметки в 1,7 млрд долл.² Соединённые Штаты Америки как страна, контролирующая крупнейшие IT-компании в области рынка больших данных, демонстрируют внушительные показатели: по результатам 2019 г. объем выручки больших данных составил 100 млрд долл.³

Как справедливо отмечает Г. Х. Мамедова: «...рыночную власть лучше измерять долей контроля над данными, а не долей продаж или иными привычными

методами» [4]. Современное состояние развития информационных технологий свидетельствует о том, что использование больших данных, их коммерческий оборот существенно упрощает конкурентную борьбу своим обладателям [5].

Именно оценка экономической значимости больших данных даёт достаточное представление о степени коммерциализации рынков информационного оборота. Все получаемые сведения с помощью информационных технологий в дальнейшем формируют так называемый массив больших данных, которыми оперируют коммерческие компании. Как справедливо отмечают некоторые эксперты, информация является стратегическим ресурсом и обладает такой же ценностью, как материальные объекты, ценность информации может быть сравнима с сырьевыми ресурсами [6].

Информационно-пространственная конвертация благодаря применению новых информационных технологий стимулирует увеличение объемов собираемых данных. Катастрофическая ситуация правового регулирования формирующихся массивов информации активно рассматривается в рамках частнопредварительной доктрины такими специалистами и IT-юристами, как: М. Рожкова [7], А. П. Сергеев, Т. А. Терещенко [8], Е. А. Кириллова [9], В. И. Шубина [10], Д. С. Карлаш [11] и многие другие.

Появление больших данных является закономерным процессом развития технических систем по обработке информации, размещенной в информационно-телекоммуникационных сетях. Создание нормативных механизмов регулирования необходимо проводить с учётом сложившихся правоотношений, применяющих указанную технологию.

Большие данные могут выступать в качестве эффективного механизма накопления информации и её дальнейшей обработки, применения в различных сферах жизнедеятельности человека. Так, в результате анализа указанных массивов

¹ О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы: указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895 (дата обращения: 06.10.2021).

² Аналитический обзор рынка Big Data. URL: <https://habr.com/ru/company/moex/blog/256747/> (дата обращения: 25.09.2021).

³ Анализ рынка Big Data от аналитиков Группы: как быстро растут большие данные. URL: <https://delprof.ru/press-center/company-news/analiz-rynka-big-data-ot-analitikov-grupy-kak-bystro-rastut-bolshie-dannye/> (дата обращения: 25.09.2021).

можно получать сведения о законодательном процессе [12], моделировать результаты введения новых нормативно-правовых актов и оценивать уровень их влияния на возникающие правоотношения [13]. Безусловно, применение и использование возможностей Big Data непосредственно зависит от технических и профессиональных навыков специалиста, который может самостоятельно выполнять обработку выходных данных или организовывать автоматизированные системы для выполнения указанных процедур с целью выявления её реальной ценности применения в своей профессиональной деятельности. Правильная систематизация и анализ данных – ключевые компетенции, необходимые для надлежащего применения больших данных. Приобретение новых навыков работы с различными массивами информации и применение полученных знаний на практике может повлиять на качество предоставляемых услуг и выполняемых работ. Многочисленные работы в сфере аудита (А. Т. Урусов [14], Н. А. Казакова, М. В. Мельник, Е. В. Дудурова [15]) свидетельствуют о наличии новых серьезных изменений профессиональной деятельности: 1) повышение эффективности, в результате применения информационных технологий в аудиторской деятельности [16]; 2) влияние информационных технологий на развитие систем аудита [17]. Внедрение новых технологий повлияло и на криминалистическое обеспечение правоохранительной деятельности [18].

Несмотря на наличие очевидных преимуществ применения больших данных в коммерции обработка и хранение огромных массивов информации, в свою очередь, порождает постоянные нарушения прав и законных интересов третьих лиц, чья информация непосредственно обрабатывается. Применение технологий сбора и обработки из информационно-телекоммуникационных сетей или посредством информационно-пространственной конвертации затрагивает персо-

нальные данные, коммерческую, банковскую тайну, нарушает право на конфиденциальность. Предоставить абсолютную техническую или правовую гарантию защиты персональных данных в информационных системах на данный момент технологического развития общества попросту невозможно. Об этом свидетельствуют многочисленные научные труды в области соприкосновения больших и персональных данных (А. И. Савельева [19], Е. А. Кириллова [9], С. В. Петухова [20], В. К. Шайдулина [6]).

Для обеспечения правовой защиты пользователей от многочисленной информационной обработки государства затрачивают многочисленные ресурсы на создание правовых средств контроля технических процессов извлечения данных из информационных сетей, а также технологических средств ограничения передачи указанной информации за пределы территориальных границ, где физический контроль за её оборотом не представляется возможным.

Наиболее активно разрабатывается правовая защита персональных данных. На территории Европейского союза принят и действует «Общий регламент по защите данных» (General Data Protection Regulation, GDPR), в Российской Федерации – ФЗ «О персональных данных». Указанные – нормативно-правовые акты активно развиваются и дополняются новыми положениями, однако стоит понимать, что современный уровень правового регулирования оборота информации предоставляет лишь средства ограничения и предупреждения последствий нарушений. Для их полного контроля или полного устранения необходимо разрабатывать системы технического контроля за оборотом информации, что, в свою очередь, как отмечалось выше, на сегодняшний момент времени не представляется возможным.

Более того, говоря о многочисленных операциях по обработке информации в информационно-телекоммуникационных

сетях, необходимо уделять больше внимания правовым средствам предупреждения будущих нарушений посредством разработки правовых норм, обеспечивающих безопасность для всей информации пользователя в целом, а не только концентрируясь на персональных данных. Современная информационная деятельность в социальных сетях, на интернет-платформах или порталах может представлять не только информационный, но и коммерческий интерес, однако данные, которые пользователь использует для осуществления соответствующей деятельности, не будут обладать признаками только персональных данных.

Информационно-телекоммуникационные технологии как явление развития науки и техники XX–XXI вв. присутствуют в жизни каждого человека, интегрируются через различные программные и аппаратные продукты (смартфоны, планшеты, компьютеры, смарт-часы, системы видео/аудио связи, социальная сеть ВКонтакте, Facebook, Instagram), автомобили.

Информационно-пространственная конвертация окружающего мира привносит существенные упрощения и улучшения человеческой жизни, однако и создает серьезные проблемы и риски злоупотребления в процессе взаимодействия операторов информационных систем с получаемой информацией и данными¹. Исходя из вышеуказанной экономической статистики, можно констатировать наметившуюся тенденцию постоянного роста объема обрабатываемой информации, операторы информационных систем продолжают извлекать информацию об окружающем мире и жизнедеятельности человека с целью её дальнейшей коммерциализации. Гражданину в процессе ис-

¹ Роскомнадзор выписал штрафов на миллион рублей за персональные данные. URL: <https://rg.ru/2020/01/28/roskomnadzor-vypisal-shtrafov-na-million-rublej-za-personalnye-dannye.html> (дата обращения: 25.09.2021).

пользования информационных технологий, даже при условии взаимодействия с оператором в рамках действующего законодательства, не гарантируется абсолютная информационная безопасность. Попытки создания правовых механизмов регулирования в виде необходимости получения разрешения на обработку информации также не приводят к эффективному результату по защите личной информации пользователя. Более того, реализация государственных информационно-телекоммуникационных систем для граждан Российской Федерации государственными органами так же, как и частными лицами, нередко приводит к существенным нарушениям законодательства и законных прав и интересов граждан. Например, в результате исследования приложения «Проверка чеков», разработанного Федеральной налоговой службой Российской Федерации (далее – ФНС), было установлено, что²:

1) ФНС не проконтролировало процесс обеспечения информационной безопасности исходных кодов программных решений, использованные не только в приложении «Проверка чеков», но и в других информационных сервисах сайтов – исходные коды находятся в публичном доступе;

2) наличие возможных нарушений в области обработки персональных данных, т. к. разработчик приложения напрямую взаимодействует с диагностической информацией о деятельности приложения, о чем нигде не указано;

3) создаётся возможность утечки персональных данных в случае, если третье лицо имеет реальный доступ к информации пользователей.

11 апреля 2020 г. Указом мэра Москвы на территории города Москвы была введена система цифровых пропусков, обязательная для свободного пере-

² Как я нашел в публичном доступе исходники нескольких сервисов ФНС. URL: <https://m.habr.com/ru/post/547272/> (дата обращения: 25.09.2021).

мещения граждан в условиях самоизоляции. Данные, предоставляемые пользователями для получения цифровых пропусков, передаются и обрабатываются согласно ФЗ «О персональных данных». Персональные данные, полученные оператором, могут быть переданы для обработки третьим лицам. Это положение было зафиксировано в согласии об обработке персональных данных при регистрации на портале <http://i.moscow/covid> для получения цифрового пропуска¹, а именно: «ФИО, адреса, место работы, должность, гражданство, телефон, электронную почту и пр. могут быть свободно переданы третьим лицам. В течение 10 лет эти данные уже могут использоваться для отправки рекламных материалов от московской мэрии и от третьих лиц». Однако отсутствует конкретизация, для чего и с какой целью в рамках временной системы цифровых пропусков была предусмотрена правовая необходимость передачи персональных данных пользователя третьим лицам, с учетом того, что согласно ч. 5 ст. 21 ФЗ «О персональных данных» персональные данные должны быть уничтожены через 30 дней, если более не используются для установленных целей обработки.

Как можно заметить, проблема обеспечения информационно-телекоммуникационной безопасности данных гражданина не зависит от того, кто является оператором обработки, хранения информации (государство, частные лица). Несанкционированный доступ к данным пользователя происходит в результате различных допущений со стороны операторов:

- 1) недостаточная кибербезопасность;
- 2) внутренняя утечка данных;
- 3) отсутствие правовых механизмов

контроля информационной деятельности.

Коммерциализация информационного оборота и постоянное увеличение об-

рабатываемых объемов данных создают серьезную экономическую, политическую и социальную угрозу для национальных интересов государства, а также самих граждан.

Для разрешения указанной проблемы требуется доработка существующего законодательства в области обеспечения информационной безопасности, создания правовых пределов по сбору, обработке и обороту данных на информационных рынках.

Одним из средств контроля за информационным оборотом, косвенно предусмотренным законодательством Российской Федерации, может выступить правовой механизм «локализации данных». В нормативно-правовых актах на сегодняшний момент отсутствует легальное определение процесса «локализации данных», однако достаточно точно описываются технические особенности его выполнения:

1) п. 5 ст. 18 ФЗ «О персональных данных» при сборе персональных данных, оператор обязан обеспечить запись, систематизацию, накопление, хранение, уточнение с использованием баз данных, находящихся на территории Российской Федерации;

2) ст. 10.1 ФЗ «Об информации» обязывает организатора распространения информации хранить данные на территории Российской Федерации.

Исходя из предусмотренных положений законодательства, под локализацией данных можно понимать процесс обязательного размещения различных видов информации на территории Российской Федерации, с целью их записи, систематизации, накопления, хранения и уточнения с использованием баз данных.

Существующие положения нормативно-правовых актов предусматривают обязанность локализации данных по территориальному признаку. В свою очередь, нахождение баз данных на территории Российской Федерации не является абсолютной гарантией защиты конфи-

¹ Данные россиян из пропусков должны удалить за месяц, заявил эксперт. URL: <https://ria.ru/20200526/1572019449.html> (дата обращения: 25.09.2021).

денциальности, тайны переписки и личной жизни пользователей российского сегмента информационной сети. Многочисленные «утечки» баз данных юридических лиц на территории Российской Федерации (Билайн 2021 г.¹, Дом РФ 2021 г.², Сбербанк 2019³ и многие другие) свидетельствуют о том, что механизм требует модернизации и дальнейшего правового развития. Также стоит отметить, что собираемые данные, полученные для дальнейшего хранения и обработки оператором, имеют серьёзную экономическую ценность для участников информационного рынка. Согласно исследованию компании «Ростелеком» 36% участников опроса оценили потенциальную экономию средств в результате предотвращенных утечек информации в более чем 10 млн руб., а самый крупный ущерб составил 100 млн руб.⁴

Помимо финансового ущерба, который понесли операторы данных в результате неправомερных утечек, стоит помнить и о многочисленных информационных, репутационных, конфиденциальных потерях пользователей, чьи данные попадают в публичное пространство информационной сети.

Правовой механизм локализации данных должен предусматривать механизмы технико-правовой защиты информации и самим пользователем, в связи с чем наличие в законодательстве Россий-

ской Федерации определения локализации исключительно в рамках размещения операторами баз данных на территории Российской Федерации представляется недостаточным. Необходимо предусмотреть правовую обязанность операторов информационных систем не только размещать обрабатываемую информацию на территории Российской Федерации (общая локализация), но и предоставить пользователю возможность применения информационных технологий, позволяющих размещать собственную информацию в своих информационных и вычислительных системах (персональная локализация). Необходимо предоставить правовую и технологическую свободу выбора пользователем информационных технологий сетевого хранения информации (за пределами устройства пользователя) или локального хранения (хранения на собственных вычислительных системах пользователя).

С целью уменьшения возможного ущерба от нарушений правил обработки информации, в том числе персональных данных в Федеральном законе «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», требуется закрепление легального определения «локализация данных» – процесса обязательного размещения различных видов информации на территории Российской Федерации с целью их записи, систематизации, накопления, хранения и уточнения с использованием баз данных (общая локализация данных), а также предоставление пользователю выбора информационных технологий хранения и обработки информации в собственных информационных системах (персональная локализация).

Современные участники рынка телекоммуникаций предоставляют различные технические решения организации телекоммуникационных систем самих пользователей. В свою очередь, крупные производители информационных технологий не всегда предоставляют пользователю

¹ Роскомнадзор запросил информацию об утечке персональных данных абонентов «Билайна». URL: <https://tass.ru/obschestvo/12407621> (дата обращения: 25.09.2021).

² «ДОМ.РФ» выявил утечку данных граждан, обращавшихся за кредитом. URL: <https://www.interfax.ru/business/759471> (дата обращения: 25.09.2021).

³ Сбербанк после утечки данных ввел жесткие правила работы с клиентской информацией. URL: <https://www.interfax.ru/russia/692045> (дата обращения: 25.09.2021).

⁴ Исследование «Особенности защиты конфиденциальной информации в финансовом секторе». URL: <https://rt-solar.ru/analytics/reports/2254/> (дата обращения: 25.09.2021).

свободу выбора информационных технологий.

Например: компании Google и Apple в рамках собственных операционных систем занимаются обработкой, хранением списка контактов пользователя, личных сообщений, заметок, отметок в календаре, геолокации и схемы передвижения гражданина. Данные действия выполняются только в рамках технических и программных средств, предоставляемых вышеуказанными компаниями. В свою очередь, правовая гарантия персональной локализации данных предполагает наличие выбора конечного места хранения обрабатываемой информации пользователем. При выборе места хранения информации пользователю должны предоставляться варианты не только конкурентных компаний, а самое главное – возможность переадресовать обработку информации на аналогичные собственные системы. В таком случае пользователь лишь пользуется информационно-телекоммуникационной технологией, которая позволяет проводить обработку и хранение информации и данных посредством своих собственных технических ресурсов. Это, в свою очередь:

1) увеличивает степень информационной защищенности пользователя;

2) является дополнительной сложностью для перехвата информации, передаваемой на личный компьютер или в личную телекоммуникационную сеть, компанией-производителем программного обеспечения и создает дополнительные трудности для осуществления различных манипуляций с данной информацией;

3) информация хранится в рамках личных технических систем пользователя и степень её защищенности зависит исключительно от его воли, а не от воли компании оператора;

4) происходит упрощение процедуры мониторинга за происшествиями в результате несанкционированного доступа к информации пользователя, т. к. к данным, принудительно размещенным на личных системах хранения и обработки,

отсутствует правовой доступ со стороны владельца информационной технологии;

5) возможность децентрализованного хранения информации самими пользователями существенно минимизирует риски информационных утечек. Единая база данных компаний с информацией пользователей в случае утечки создает серьезную угрозу для всех пострадавших лиц, чьи данные окажутся в руках злоумышленников;

6) сокращение финансовых затрат компании правообладателя программного решения за счёт оптимизации и уменьшения занимаемой технической инфраструктуры.

Степень информационной незащищенности пользователя с каждым днём активно увеличивается в связи с постоянным появлением новых информационно-телекоммуникационных технологий: очки дополнительной реальности, которые взаимодействуют с окружающей средой непосредственно через съемку пользователем окружающих объектов; умные колонки, прослушивающие окружение пользователя, и др. Механизм персональной локализации данных поможет бороться со злоупотреблениями IT-компаний, связанных с пользовательскими данными, которые гражданин безальтернативно направляет компании-обработчику:

1) облачные хранилища;

2) электронная почта;

3) системы синхронизации операционных систем Android, iOS, Microsoft Windows, Apple macOS;

4) встроенные системы синхронизации данных в программные продукты, не имеющие в качестве альтернативы возможности конфигурации пользователем личной системы хранения и др.

Вопрос правового оборота информации в рамках определённой информационной технологии на сегодняшний момент чаще всего регулируется положениями ч. 4 Гражданского кодекса Российской Федерации, а именно нормами лицензионных договоров между пользова-

телем и правообладателем на программное решение. В свою очередь, все основные компании-производители программного обеспечения декларируют в лицензионных договорах положения о том, что продукт предоставляется как есть, пользователь применяет те средства и методы взаимодействия с информацией, которые прямо предусмотрел правообладатель. В связи с этим возникает императивное определение места хранения личных данных пользователя, что не может входить в область правовой защиты объектов интеллектуальной собственности, а больше относится к вопросам административного регулирования гражданских правоотношений на рынке информационного оборота.

Выводы

В настоящее время наблюдается четкая тенденция увеличения количества информационных технологий, направленных на расширение влияния информационно-пространственной конвертации. Увеличивающийся объем получаемой информации правообладателями информационных технологий становится не только информационной целью, но и приобретает явно коммерческую направленность по извлечению экономической выгоды из приобретаемых данных. В свя-

зи с широкой распространённостью в наше время информационных сетей, их трансграничным характером, контролировать информационный оборот с помощью технических систем не всегда представляется возможным, если к указанной информации отсутствует непосредственный доступ у органов государственной власти и пользователей информационных систем. Разработанный правовой механизм локализации информации на территории Российской Федерации, предусмотренный в текущем виде в законодательстве Российской Федерации, может стать одним из инструментов контроля за соблюдением прав и законных интересов всех участников информационного рынка, однако для его эффективной работы потребуются дополнительные правовые изменения, предоставляющие возможность размещать информацию, связанную с деятельностью лица, в собственных системах хранения, без обязательного размещения на оборудовании правообладателя информационной технологии. В таком случае пользователям, органам государственной власти предоставится правовая возможность контроля за несанкционированным доступом к информации, к которой оператор информационной технологии получить без разрешения владельца не мог.

Список литературы

1. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество: Опыт социального прогнозирования: пер. с англ. / ред. и вступ. ст. В. Л. Иноземцев. М.: Academia, 1999. 956 с.
2. Ракитов А. И. Философия компьютерной революции. М.: Политиздат, 1991. 287 с.
3. Мартин У. Дж. Информационное общество (реферат) // Теория и практика общественно-научной информации / редкол.: В. А. Виноградов (гл. ред.) [и др.]. М., 1990. № 3. С. 115–123.
4. Мамедова Г. Х. кызы. Антимонопольное правовое регулирование использования «больших данных» и ценовых алгоритмов в сфере цифровой экономики // Предпринимательское право. 2020. № 2. С. 43–48.
5. Цариковский А. Ю., Иванов А. Ю., Войниканис Е. А. Антимонопольное регулирование в цифровую эпоху: как защищать конкуренцию в условиях глобализации и четвертой промышленной революции. М.: ВШЭ, 2018. С. 39–40.
6. Шайдулина В. К. Большие данные и защита персональных данных: основные проблемы теории и практики правового регулирования // Общество: политика, экономика, право. 2019. № 1 (66). С. 51–55.

7. Рожкова М. А. Что такое большие данные (big data), чем они отличаются от обычных данных и в чем состоит проблема правового регулирования big data // Закон.ру. 2019. 22 апреля. URL: https://zakon.ru/blog/2019/4/22/chto_takoe_bolshie_dannye_big_data_chem_oni_otlichayu (дата обращения: 27.09.2021).
8. Сергеев А. П., Терещенко Т. А. Большие данные: в поисках места в системе гражданского права // Закон. 2018. № 11. С. 106–123.
9. Кириллова Е.А. Правовой статус и принципы использования технологии больших данных (Big Data) // Российская юстиция. 2021. № 2. С. 68–69.
10. Шубина В. И., Кузнецова Е. Л. Big Data: граница инноваций, развития и конкуренции // Концепт. 2017. № S13. С. 26–29.
11. Карлаш Д. С. Права в области использования больших пользовательских данных // Предпринимательское право. Приложение «Право и Бизнес». 2020. № 1. С. 46–48.
12. Law and legal science in the age of big data // Human Rights and EU Conditionality in the Western Balkans. 2017. Vol. 3, No 2. P. 77.
13. Byers A. Big data, big economic impact // I/S: A Journal of Law and Policy for the Information Society. 2015. Vol. 10, No 3. P. 757–764.
14. Урусов А. Т. Особенности интеграции аналитики больших данных в аудиторские процедуры // StudNet. 2020. № 5. С. 20–26.
15. Казакова Н. А., Мельник М. В., Дудорова Е. В. Перспективы внедрения аналитики больших данных в аудиторскую профессию // Аудитор. 2021. № 3. С. 40–47.
16. Казакова Н. А., Бровкина Н. Д. Информационные технологии в аудиторской деятельности // Аудитор. 2020. № 4. С. 24–29.
17. Казакова Н. А., Бровкина Н. Д. Оценка компетенций и профессиональных навыков аудитора в цифровой среде: наиболее значимые аспекты использования информационных технологий в аудите // Аудитор. 2020. № 8. С. 20–24.
18. Гаврилин Ю. В. Технологии обработки больших объемов данных в решении задач криминалистического обеспечения правоохранительной деятельности // Российский следователь. 2019. №7. С. 3–8.
19. Савельев А. И. Проблемы применения законодательства о персональных данных в эпоху «Больших данных» (Big Data) // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2015. № 1. С. 43–46.
20. Петухов С. В., Амбарцумов Р. А., Лавелина В. С. Актуальные вопросы применения Big Data: правовой аспект // Проблемы экономики и юридической практики. 2018. № 6. С. 93–96.

References

1. Bell D. Gryadushchee postindustrial'noe obshchestvo: Opyt social'nogo prognozirovaniya [The coming post-industrial society: The experience of social forecasting]; ed. by V. L. Inozemcev. Moscow, Academia Publ., 1999. 956 p.
2. Rakitov A. I. Filosofiya komp'yuternoj revolyucii [The philosophy of the computer Revolution]. Moscow, Politizdat Publ., 1991. 287 p.
3. Martin U. Dzh. Informacionnoe obshchestvo (Referat) [Information Society (Abstract)]. *Teoriya i praktika obshchestvenno-nauchnoj informacii* [Theory and practice of public scientific information]; ed. by V. A. Vinogradov, eds. Moscow, 1990, no. 3, pp. 115–123.
4. Mamedova G. H. kyzy. Antimonopol'noe pravovoe regulirovanie ispol'zovaniya "bol'shih dannyh" i cenovyh algoritmov v sfere cifrovoj ekonomiki [Antimonopoly legal regulation of the use of "big data" and price algorithms in the field of digital economy]. *Predprinimatel'skoe pravo = Entrepreneurial Law*, 2020, no. 2, pp. 43–48.
5. Carikovskij A. Yu., Ivanov A. Yu., Vojnikanis E. A. Antimonopol'noe regulirovanie v cifrovuyu epohu: kak zashchishchat' konkurenciyu v usloviyah globalizacii i chetvertoj promyshlennoj revolyucii [Antimonopoly regulation in the Digital Age: how to protect competition in the context of globalization and the fourth industrial revolution]. Moscow, VSHE Publ., 2018, pp. 39–40.
6. Shajdulina V. K. Bol'shie dannye i zashchita personal'nyh dannyh: osnovnye problemy teorii i praktiki pravovogo regulirovaniya [Big data and personal data protection: the main problems of the theo-

ry and practice of legal regulation]. *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo = Society: politics, economics, law*, 2019, no. 1 (66), pp. 51–55.

7. Rozhkova M. A. Chto takoe bol'shie dannye (big data), chem oni otlichayutsya ot obychnyh dannyh i v chem sostoit problema pravovogo regulirovaniya big data [What is big data (big data), how do they differ from ordinary data and what is the problem of legal regulation of big data]. *Zakon.ru*, 2019, April 22. Available at: https://zakon.ru/blog/2019/4/22/chto_takoe_bolshie_dannye_big_data_chem_oni_otlichayu (accessed 27.09.2021).

8. Sergeev A. P., Tereshchenko T. A. Bol'shie dannye: v poiskah mesta v sisteme grazhdanskogo prava [Big data: in search of a place in the system of civil law]. *Zakon = Law*, 2018, no. 11, pp. 106–123.

9. Kirillova E. A. Pravovoj status i principy ispol'zovaniya tekhnologii bol'shih dannyh (Big Data) [The legal status and principles of using Big Data technology]. *Rossiyskaya yusticiya = Russian Justice*, 2021, no. 2, pp. 68–69.

10. Shubina V. I., Kuznecova E. L. Big Data: granica innovacij, razvitiya i konkurencii [Big Data: the border of innovation, development and competition]. *Koncept = Concept*, 2017, no. 13, pp. 26–29.

11. Karlash D. S. Prava v oblasti ispol'zovaniya bol'shih pol'zovatel'skih dannyh [Rights in the field of the use of large user data]. *Predprinimatel'skoe pravo. Prilozhenie "Pravo i Biznes" = Entrepreneurial law. Application "Law and Business"*, 2020, no. 1, pp. 46–48.

12. Law and legal science in the age of big data. *Human Rights and EU Conditionality in the Western Balkans*, 2017, vol. 3, no 2, p. 77.

13. Byers A. Big data, big economic impact. *I/S: A Journal of Law and Policy for the Information Society*, 2015, vol. 10, no 3, pp. 757–764.

14. Urusov A. T. Osobennosti integracii analitiki bol'shih dannyh v auditorskie procedury [Features of integration of big data analytics into audit procedures]. *StudNet*, 2020, no. 5, pp. 20–26.

15. Kazakova N. A., Mel'nik M. V., Dudorova E. V. Perspektivy vnedreniya analitiki bol'shih dannyh v auditorskuyu professiyu [Prospects for the implementation of big data analytics in the audit profession]. *Auditor = Auditor*, 2021, no. 3, pp. 40–47.

16. Kazakova N. A., Brovkina N. D. Informacionnye tekhnologii v auditorskoj deyatel'nosti [Information technologies in auditing activities]. *Auditor = Auditor*, 2020, no. 4, pp. 24–29.

17. Kazakova N. A., Brovkina N. D. Ocenka kompetencij i professional'nyh navykov auditora v cifrovoj srede: naibolee znachimye aspekty ispol'zovaniya informacionnyh tekhnologij v audite [Assessment of the auditor's competencies and professional skills in the digital environment: the most significant aspects of the use of information technologies in auditing]. *Auditor = Auditor*, 2020, no. 8, pp. 20–24.

18. Gavrilin Yu. V. Tekhnologii obrabotki bol'shih ob'emov dannyh v reshenii zadach kriminalisticheskogo obespecheniya pravoohranitel'noj deyatel'nosti [Technologies for processing large amounts of data in solving problems of forensic support of law enforcement activities]. *Rossiyskij sledovatel' = Russian investigator*, 2019, no. 7, pp. 3–8.

19. Savel'ev A. I. Problemy primeneniya zakonodatel'stva o personal'nyh dannyh v epohu "Bol'shih dannyh" (Big Data) [Problems of application of legislation on personal data in the era of "Big Data"]. *Pravo. Zhurnal Vysshej shkoly ekonomiki = Pravo. Journal of the Higher School of Economics*, 2015, no. 1, pp. 43–46.

20. Petuhov S. V., Ambarcumov R. A., Lavelina V. S. Aktual'nye voprosy primeneniya Big Data: pravovoj aspekt [Topical issues of Big Data application: legal aspect]. *Problemy ekonomiki i yuridicheskoj praktiki = Problems of Economics and legal practice*, 2018, no. 6, pp. 93–96.

Информация об авторе / Information about the Author

Базаров Андрей Андреевич, аспирант кафедры гражданского права, Юго-Западный государственный университет, Курск, Российская Федерация,
e-mail: xoocki@yandex.ru,
ORCID: 0000-0002-9282-4001

Andrej A. Bazarov, Post-Graduate Student of the Department of Civil Law, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: xoocki@yandex.ru,
ORCID: 0000-0002-9282-4001

Оригинальная статья / Original article

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2021-11-6-35-43>

Страховой актуарий как посредник в сфере страхования

О. Г. Филиппенкова¹ ✉

¹ Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: gpkursk@yandex.ru

Резюме

Актуальность. В настоящее время наше государство сложно отнести к числу стран с развитым страховым рынком. Несмотря на то, что с момента принятия Закона Российской Федерации от 27 ноября 1992 г. № 4015-1 «Об организации страхового дела в Российской Федерации» прошло почти тридцать лет на принятие специальных законов о страховании в отдельных сферах, рынок посреднических страховых услуг только становится на свой путь развития. Многочисленные проблемы, не имеющие на сегодняшний день своего разрешения, неоднозначная судебная практика задерживают этот процесс. В то же время нельзя не отметить и положительную динамику: появление новых участников страхового посредничества приближает российское страховое законодательство к мировым стандартам. Одним из проявлений трансформации страховой сферы является появление страхового актуария, определение правового статуса, роли и функционального потенциала которого представляет значительный интерес для теории частного права о его субъектах и правоприменительной практики.

Цель состоит в определении правового положения страхового актуария как страхового посредника.

Задачи исследования заключаются в следующем: дать определение страхового актуария с учетом его особенностей; определить признаки страхового актуария; выявить основные виды страховых актуариев.

Методология. Статья выполнена на основе методов анализа, синтеза, индукции, дедукции, формально-юридического.

Результаты. В ходе проведенной научной работы было определено правовое положение страхового актуария в качестве одного из страховых посредников, выработано единое понимание термина «страховой актуарий», определены специфические черты данного субъекта.

Вывод. Страховой актуарий является посредником в страховании, действующим в интересах страховщика. Правовой статус страхового актуария зависит от того, выступает ли он от своего имени на основании соглашения об оказании услуг в сфере актуарных расчетов со страховщиком или от имени страховой организации при выполнении трудовой функции.

Ключевые слова: страхование; страховой актуарий; частное право; посредник; актуарная деятельность; страховые услуги.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Филиппенкова О. Г. Страховой актуарий как посредник в сфере страхования // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021. Т. 11, № 6. С. 35–43. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2021-11-6-35-43>.

Поступила в редакцию 27.10.2021

Принята к публикации 25.11.2021

Опубликована 27.12.2021

© Филиппенкова О. Г., 2021

Insurance Actuary as Insurance Intermediary

Olesya G. Filippenkova¹

¹ Southwest State University
50 Let Oktyabrya str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: gpkursk@yandex.ru

Abstract

Relevance. Currently, it is difficult to classify our state as one of the countries with a developed insurance market. Despite the fact that almost thirty years have passed since the adoption of the Law of the Russian Federation №. of November 27, 1992 4015-1 "On the organization of insurance business in the Russian Federation", the adoption of special laws on insurance in certain areas, the market of intermediary insurance services is only getting on its way of development. Numerous problems that have not been resolved to date, ambiguous judicial practice delay this process. At the same time, it is necessary to note the positive dynamics: the emergence of new participants in insurance mediation brings Russian insurance legislation closer to world standards. One of the manifestations of the transformation of the insurance sector is the emergence of an insurance actuary. The definition of its legal status, role and functional potential is of considerable interest for the theory of private law about its subjects and law enforcement practice.

The purpose is to determine the legal status of an insurance actuary as an insurance intermediary.

The objectives of the study are as follows: to define an insurance actuary, taking into account its features; to identify the signs of an insurance actuary; to identify the main types of insurance actuaries.

Methods. The article is based on the methods of analysis, synthesis, induction, deduction, formal legal.

Results. During the scientific work, the legal position of the insurance actuary as one of the insurance intermediaries was determined, a common understanding of the term insurance actuary was developed, and the specific features of this subject were determined.

Conclusion. The insurance actuary is an intermediary in insurance, acting in the interests of the insurer. The legal status of an insurance actuary depends on whether it acts on its own behalf on the basis of an actuarial settlement service agreement with the insurer, or on behalf of an insurance organization in the performance of an employment function.

Keywords: insurance; insurance actuary; private law; intermediary; actuarial activity; insurance services.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Filippenkova O. G. Insurance Actuary as Insurance Intermediary. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2021; 11(6): 35–43. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2021-11-6-35-43>.

Received 27.10.2021

Accepted 25.11.2021

Published 27.12.2021

Введение

Развитие рынка страховых посреднических услуг в Российской Федерации – относительно новое, стремительно развивающееся направление предпринимательской и иной экономической деятельности. Возрастание интереса к страхованию со стороны общества во многом детерминировано нестабильностью социально-экономических отношений, затянувшимся кризисом и охватившей весь мир пандемией новой коронавирусной

инфекции COVID-19. Вместе с тем научный интерес к проблемам гражданского правового регулирования рынка страхового посредничества, определения правового статуса его участников незначителен. Так, по данным официального сайта Высшей аттестационной комиссии Российской Федерации, за период с 2012 г. по 2021 г. проблематика страхования как частного правового института, его различные аспекты, были рассмотрены всего в 14 диссертационных работах по научной специ-

альности 12.00.03 – гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право; последнее состоялось в 2016 г.¹

Исследования, в которых объектом выступала посредническая страховая деятельность, также не отличаются разнообразием. В частности, о страховых посредниках писали Ю. С. Овчинникова [1; 2], А. Е. Аристова и А. Г. Смирных [3], А. А. Шеина [4], Е. Ф. Цокур [5]. Непосредственно о страховых актуариях упоминается в трудах О. Н. Головченко, Н. А. Полежаевой, Д. Р. Махмудова и др. [6–13]

Страховые посредники – активные участники страховой деятельности. Они выполняют различные функции, трансформируемые с изменением реальной обстановки. Это «подвижная» категория субъектов, которые во многом призваны оперативно отвечать на вызовы и запросы общества. Предложенная Е. А. Шергуновой классификация страховых посредников на основных и дополнительных [4, с. 7] позволила упорядочить развитие гражданско-правовой мысли в выбранном для исследования направлении. Несмотря на отдельные дискуссии относительно природы страхования в целом (экономическая или правовая), комплексности правового института страхования (превалирование частного или публично-го в нем), частноправовой аспект его существования имеет определяющее значение, что подтверждается особенностями правового регулирования страховой деятельности актуария.

Методология

Основу исследования составил всеобщий диалектический метод научного познания. Для достижения поставленных задач использовались общенаучные методы анализа и синтеза, индукции и дедукции. Методы логического и системно-

го анализа применялись для получения новых знаний о правовом статусе страховых актуариев, определения его специального характера. Методы дедукции и индукции позволили выделить признаки страховых актуариев как страховых посредников. В исследовании применялся формально-юридический метод (при обращении к текстам нормативных правовых актов, регулирующих отношения в сфере страхования и актуарную деятельность в Российской Федерации). В основу формулировки выводов по результатам проведенного исследования был положен формально-логический метод.

Результаты и их обсуждение

Правовой статус страхового актуария является одним из самых неоднозначных и дискуссионных. В 2013 г. принят Федеральный закон «Об актуарной деятельности в Российской Федерации» 2 ноября 2013 г. № 293-ФЗ (далее – ФЗ об актуарной деятельности), которым регламентируется деятельность страховых актуариев².

Впервые страховой актуарий был признан самостоятельным участником страховых отношений Законом РФ от 27 ноября 1992 года № 4015-1 «Об организации страхового дела в Российской Федерации»³ (ст. 4.1⁴; далее – Закон об организации страховой деятельности в РФ).

В любом виде страхования деятельность страхового актуария велика, т. к. только он обладает уникальными знаниями страховых расчетов, устанавливая все «страховые единицы» в страховой компании. Значение его правового положения проявляется уже на стадии полу-

² Об актуарной деятельности в Российской Федерации: федер. закон от 2 ноября 2013 г. № 293-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_153907 (дата обращения: 21.09.2021).

³ Об организации страхового дела в Российской Федерации: закон РФ от 27 ноября 1992 г. № 4015-1. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1307 (дата обращения: 21.09.2021).

⁴ Утратила силу.

¹ См.: URL: https://vak.minobrnauki.gov.ru/adverts_list#tab=_tab:advert~ (дата обращения: 14.09.2021).

чения страховщиком лицензии на осуществление будущей страховой деятельности: при подаче заявления о получении первоначальной лицензии в орган страхового надзора помимо основного пакета документов необходимо также предоставить и сведения о страховом актуарии (ст. 32 Закона об организации страховой деятельности в РФ). Вместе с тем страховой актуарий не является главным участником страхования, т. к. он не участвует в заключении страховых договоров или подыскании клиентов для страхового бизнеса. Более того, его правовое положение является двойственным: страховой актуарий может входить в штат сотрудников страховщика либо быть независимым лицом. И только в последнем случае можно говорить о страховом актуарии как посреднике в страховой деятельности.

Легальная дефиниция «страховой актуарий» закреплена в ст. 2 Закона об актуарной деятельности в Российской Федерации: «Физическое лицо, осуществляющее на профессиональной основе в соответствии с трудовым договором или гражданско-правовым договором актуарную деятельность и являющееся членом саморегулируемой организации актуариев». Буквальное прочтение данной нормы вызывает вопрос о его правовом положении. В частности, не ясно, любой ли страховой актуарий должен быть членом саморегулируемой организации или только тот, кто осуществляет деятельность на основе гражданско-правового договора. Как правило, любая саморегулируемая организация (в том числе и саморегулируемая организация страховых актуариев) является некоммерческой организацией, основная цель деятельности которой заключается в объединении субъектов предпринимательской или профессиональной деятельности (ст. 3 Федерального закона Российской Федерации от 1 декабря 2007 г. № 315-ФЗ «О саморегулируемых организациях»). Следовательно, страховые актуарии, являющиеся сотрудниками страховщика, под-

падают под определение «субъект профессиональной деятельности», а независимые и самостоятельные актуарии относятся к категории субъектов предпринимательской деятельности. Такое противоречие свидетельствует о пробеле в легальном определении страхового актуария, внося порок в его правовой статус.

В научной литературе в отношении понимания страхового актуария как участника страховых отношений встречаются диаметрально противоположные мнения: от признания его полноправным участником страховых правоотношений (физическое лицо, обладающее специальной квалификацией для оценки рисков и вероятностей в области финансовых рисков и предпринимательской деятельности страховщика, связанной с наступлением случайных событий) до сведения к узкому специалисту по страховой математике, разрабатывающему методологию страхового процесса [15, с. 25].

Представляется, что страховой актуарий – это один из видов страховых посредников, действующих всегда в интересах страховщика, выступающий как от имени страховщика, если входит в штат страховой организации, так и от собственного имени, если действует независимо и не входит в штат страховщика, и обладающий квалифицированными знаниями в сфере актуарных расчетов, применяемых в страховании.

К числу признаков, характеризующих страхового актуария как страхового посредника, нами отнесены следующие:

- всегда действует в интересах страховщика, т. к. обеспечивает прогноз платежеспособности страховой организации;
- обладает высокопрофессиональными знаниями в сфере актуарных расчетов.

Независимо от того, входит в штат страховой организации на основании трудового договора или является независимым лицом, осуществляющим деятельность на основе гражданско-правового договора, правовой статус страхового актуария определяется законодательно путем предъявления к нему специальных

требований [16, с. 18], что позволяет говорить о наличии у него специального правового статуса. Так, страховой актуарий должен:

1) иметь высшее образование по специальности (направлению) технической математики или экономики. На практике приоритет отдается высшей технической математике, т. к. только там на более серьезном уровне проходят методики актуарных расчетов;

2) не привлекаться к уголовной ответственности за экономические преступления, а также за преступления средней тяжести, тяжкие и особо тяжкие;

3) состоять в качестве члена в саморегулируемой организации актуариев. Данное требование было введено в 2013 г. Контроль и надзор за актуарной деятельностью непосредственно возложен на Банк России.

Данные требования выступают в качестве первого признака, характеризующего специальный правовой статус страхового актуария.

Закон об актуарной деятельности в РФ устанавливает неограниченный круг саморегулируемых организаций (СРО), причем каждая из таких некоммерческих организаций должна состоять не менее чем из 50 актуариев, успешно сдавших соответствующий квалификационный экзамен. Указанием Банка России от 6 ноября 2014 г. были установлены требования для саморегулируемых организаций о проведении квалификации ответственных актуариев и последующей их аттестации. Сведения об аттестации ответственных страховых актуариев теперь обязательно подлежат официальному опубликованию на сайте саморегулируемой организации [17, с. 67]. 4 августа 2015 г. Банк России утвердил акт о порядке проведения квалификационного экзамена страховых актуариев.

По общему правилу в каждой страховой организации необходим хотя бы один страховой актуарий: это может быть штатный сотрудник, работающий по трудовому договору, или внешний страховой актуарий, осуществляющий свои функ-

ции на основании гражданско-правового договора [18, с. 76]. На практике в крупных страховых компаниях встречается от трех до десяти актуариев.

Трудовой договор между страховым актуарием и страховщиком может предусматривать в качестве объекта актуарной деятельности только деятельность самого страховщика.

Сложнее с определением правового статуса второй категории страховых актуариев. Для привлечения их в страховую деятельность страховщику необходимо заключить гражданско-правовой договор, который с полным правом можно отнести к числу непоименованных, т. к. законодатель никак не называет этот договор, определяя лишь перечень его существенных условий (п. 5 ст. 4 Закона об актуарной деятельности). Наличие такого договора является вторым признаком, характеризующим специальный правовой статус страхового актуария.

Правовую природу вышеупомянутого гражданско-правового договора обусловливает понятие актуарной деятельности. Исходя из ее легального определения (ст. 2 Закона об актуарной деятельности в РФ) – оказание возмездных услуг по анализу и оценке страховых рисков и (или) обусловленных этими рисками финансовых обязательств, а также разработке и оценке эффективности методов управления подобными страховыми рисками – ее основу составляют актуарные расчеты финансово-экономических показателей с использованием математических и статистических актуарных методов и методик [19, с. 98]. С их помощью определяются размеры страховых тарифов, подсчитывается себестоимость страховых услуг, устанавливаются доли каждого страхователя в создании страхового фонда.

Таким образом, актуарная деятельность – это не что иное, как деятельность по оказанию услуг в сфере осуществления актуарных расчетов. Из этого следует, что при осуществлении актуарной деятельности целесообразнее всего заключать договор о возмездном оказании услуг. И хотя он никак не отражает спе-

цифику актуарной страховой деятельности, он не противоречит действующему страховому законодательству и идеально вписывается в модель построения взаимоотношений между страховщиком и актуарием. Закон об актуарной деятельности предъявляет ряд дополнительных требований к договору об оказании актуарных услуг: он должен содержать условия о заказчике, об объекте оказания актуарных услуг, о размере денежного вознаграждения актуария.

Помимо вышеперечисленных видов страховых актуариев в законодательстве выделен еще один – ответственный актуарий, который наделяется правом давать актуарные заключения, несет ответственность за достоверность своих выводов и, помимо стандартных для актуариев требований, должен соответствовать и некоторым дополнительным условиям:

- иметь стаж работы в сфере оказания актуарных услуг не менее трех лет из последних пяти календарных лет;

- получить от саморегулируемой организации аттестацию;

- соответствовать иным дополнительным требованиям к квалификации ответственных актуариев.

Ранее в российском страховом законодательстве отсутствовала ответственность актуариев, осуществляющих актуарную оценку или страхование рисков. Законодатель решил эту коллизию «комплексно», установив административную ответственность страхового актуария и ввел обязательное страхование гражданской ответственности страховых актуариев, в котором страховая сумма может достигать до десяти размеров денежного вознаграждения за оказание актуарных услуг и не менее 3 млн руб.

Вся информация об ответственных актуариях заносится в единый реестр ответственных актуариев и хранится там не более пяти лет, по окончании установленного срока ответственный актуарий обязан вновь подтвердить свое соответствие предъявляемым законодателем и СРОА требованиям. Функции по ведению

такого реестра, предоставлению заинтересованным лицам сведений, содержащихся в нем, размещение указанных сведений на сайте Интернета непосредственно возложены на Банк России. Только ответственный актуарий наделен особым правомочием направлять в орган страхового надзора свое актуарное заключение, подготовленное по итогам проведения обязательного актуарного оценивания – один раз в год. Такое заключение подлежит обязательному опубликованию.

Законодатель установил ограничение для ответственных актуариев в отношении их актуарного оценивания:

- такое оценивание не может проводиться в отношении страховщиков, где актуарий является учредителем (участником) либо занимает руководящие должности, а также если ответственный актуарий состоит в браке либо в близком родстве или свойстве с указанными категориями лиц;

- ответственный актуарий не может давать актуарное заключение на деятельность страховщиков, где застрахована его гражданско-правовая ответственность.

Ответственный актуарий может быть исключен из единого реестра как по собственному желанию (на основании заявления или не подтверждения своей квалификации), так и по инициативе саморегулируемой организации актуариев. Кроме того, основаниями для исключения из реестра могут стать следующие обстоятельства:

- предоставление ложного актуарного заключения или иное грубое нарушение требований действующего законодательства. В таком случае ответственный актуарий не может быть включен обратно в реестр в течение пяти лет со дня исключения;

- систематическое нарушение при оказании актуарных услуг при оценке деятельности страховщика требований, установленных законодателем [20, с. 10];

- признание виновным в совершении уголовно наказуемого деяния;

– смерть, признание умершим или безвестно отсутствующим.

Рассматривая правовое положение актуариев, нельзя не остановиться на выделении законодателем круга их правомочий. Так, в ст. 6 Закона об актуарной деятельности перечислены основные права и обязанности актуария при осуществлении актуарной деятельности. Права актуария могут быть подразделены на информационные, необходимые для качественного выполнения услуг, с правом отказа от осуществления актуарной деятельности в случае непредоставления заказчиком необходимой информации либо предоставления недостоверной (ложной) информации (право требования необходимой документации, запрос сведений для актуарной проверки и информации, получение разъяснений от заказчика актуарных услуг), профессиональные (использование математических моделей и их параметры, согласно стандартам актуарной деятельности). Обязанности страхового актуария носят смешанный характер и связаны как с особенностями его правового статуса (соблюдать кодекс профессиональной этики актуария), так и с характером его профессиональной деятельности (хранить в тайне конфиденциальные данные страховщика; передать саморегулируемой организации актуариев сведения о наименовании и об идентификационном номере заказчика, а также в случае отказа от дачи актуарного заключения указать причину расторжения договора об оказании актуарных услуг и др.).

Выводы

Несмотря на принятие отдельного законодательного акта, регулирующего деятельность страховых актуариев, на сегодняшний день остается много проблем, связанных с определением правового статуса рассматриваемой категории страховых посредников. Принятие Закона об актуарной деятельности в РФ определило правовой статус страхового актуария, он стал регламентированным и контролируемым. Но это не решило окончательно проблемные вопросы: отсутствует механизм ответственности актуариев, невнятна процедура организации и осуществления деятельности саморегулируемой организации актуариев. Явная принадлежность страхового актуария к посредникам в сфере страхования обуславливает необходимость дополнения Закона об организации страхового дела в РФ путем расширения круга страховых посредников. Кроме того, представляется, что в ст. 2 Закона об актуарной деятельности в Российской Федерации» необходимо внести изменения, касающиеся разделения актуариев на виды, изложив п. 3 в следующей редакции: «Актуарий – физическое лицо, осуществляющее на профессиональной основе в соответствии с трудовым договором либо соглашением об актуарной деятельности деятельность, связанную с осуществлением актуарных расчетов в страховой сфере, являющееся членом саморегулируемой организации актуариев».

Список литературы

1. Овчинникова Ю. С. Страховые посредники на рынке финансовых услуг: новеллы законодательства // Право и экономика. 2014. № 2. С. 19–23.
2. Овчинникова Ю. С. Правоспособность страховщика: основные аспекты // Юрист. 2015. № 18. С. 23–27.
3. Аристова А. Е., Смирных А. Г. Правовое положение страховых посредников // Журнал российского права. 2005. № 8 (104). С. 65–70.
4. Шенин А. А. Сравнительный анализ правового статуса страхового агента и страхового брокера при осуществлении ими представительской деятельности // Общество и право. 2009. № 1. С. 147–152.
5. Цокур Е. Ф. Полномочия и особенности деятельности страховых агентов и брокеров // Гражданское право. 2020. № 6. С. 20–23.

6. Головченко О. Н. Актуарная деятельность в странах Европейского союза // Финансовое право. 2017. № 3. С. 6–9.
7. Полежаева Н. А. Изменения в субъектном составе российского финансового рынка // Финансовое право. 2018. № 2. С. 35–39.
8. Махмудов Д. Р. Перспективы правового регулирования принципов оказания страховых услуг // Юрист. 2017. № 13. С. 35–39.
9. Райнхардт Р. О., Адамчук Н. Г. Страховые посредники ЕС и России // Страховое дело. 2012. № 12 (238). С. 45–50.
10. Шергунова Е. А., Филиппенкова О. Г. Становление и развитие посреднической страховой деятельности в России // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2018. Т. 8, № 1 (26). С. 53–60.
11. Бреннер В. В. Договорные отношения страховых посредников со страхователями и страховщиками в современных российских условиях // Закон и право. 2011. № 4. С. 49–52.
12. Бурова А. Ю. Страховые маклеры: есть ли для них место на российском рынке страховых услуг? // Законность и правопорядок. 2019. № 4 (24). С. 64–69.
13. Шестакова Е. Актуарная деятельность // ЭЖ-Юрист. 2013. № 45. С. 2–7.
14. Шергунова Е. А. Гражданско-правовое положение основных участников страховых отношений: дис. ... канд. юрид. наук. Курск, 2013. 28 с.
15. Жугунисова Ж. В. Направления развития страхового рынка Казахстана // Ежемесячный финансовый журнал «Банки Казахстана». 2009. № 7 (109). С. 25.
16. Козлова Е. В. Институт страховых актуариев в свете российского законодательства // Вестник Астраханского государственного технического университета. Серия: Экономика. 2015. № 2. С. 17–21.
17. Зобова Е. П. Новшества для будущих актуариев и ответственных актуариев // Страховые организации: бухгалтерский учет и налогообложение. 2015. № 5. С. 67.
18. Чебунин А. В., Бабитинская А. И., Кардашевский А. В. К вопросу о необходимости специального регулирования актуарной деятельности в Российской Федерации (анализ проекта федерального закона) // Сибирский юридический вестник. 2010. № 4(51). С. 73–79.
19. Рыжков О. Ю., Бобров Л. К. Комплексная автоматизация деятельности актуария страховой организации // Вестник Астраханского государственного технического университета. Серия: Управление, вычислительная техника и информатика. 2014. № 2. С. 98–108.
20. Зобова Е. П. Новый Закон об актуариях // Страховые организации: бухгалтерский учет и налогообложение. 2014. № 2. С. 10.

Reference

1. Ovchinnikova Yu. S. Strahovye posredniki na rynke finansovykh uslug: novelly zakonodatel'stva [Insurance intermediaries in the financial services market: new legislation]. *Pravo i ekonomika = Law and economics*, 2014, no. 2, pp. 19–23.
2. Ovchinnikova Yu. S. Pravospособnost' strahovshchika: osnovnye aspekty [The legal capacity of the insurer: the main aspects]. *Yurist = Lawyer*, 2015, no. 18, pp. 23–27.
3. Aristova A. E., Smirnyh A. G. Pravovoe polozhenie strahovykh posrednikov [The legal position of insurance intermediaries]. *Zhurnal rossijskogo prava = Journal of Russian Law*, 2005, no. 8 (104), pp. 65–70.
4. Shenin A. A. Sravnitel'nyy analiz pravovogo statusa strahovogo agenta i strahovogo brokera pri osushchestvlenii imi predstavitel'skoj deyatelnosti [Comparative analysis of the legal status of an insurance agent and an insurance broker in their representative activities]. *Obshchestvo i pravo = Society and Law*, 2009, no. 1, pp. 147–152.
5. Cokur E. F. Polnomochiya i osobennosti deyatelnosti strahovykh agentov i brokerov [Powers and features of the activities of insurance agents and brokers]. *Grazhdanskoe pravo = Civil law*, 2020, no. 6, pp. 20–23.
6. Golovchenko O. N. Aktuarnaya deyatelnost' v stranah Evropejskogo soyuza [Actuarial activity in the countries of the European Union]. *Finansovoe pravo = Financial Law*, 2017, no. 3, pp. 6–9.

7. Polezhaeva N. A. *Izmeneniya v sub"ektnom sostave rossijskogo finansovogo rynka* [Changes in the subject composition of the Russian financial market]. *Finansovoe pravo = Financial Law*, 2018, no. 2, pp. 35–39.
8. Mahmudov D. R. *Perspektivy pravovogo regulirovaniya principov okazaniya strahovyh uslug* [Prospects of legal regulation of the principles of insurance services]. *Yurist = Lawyer*, 2017, no. 13, pp. 35–39.
9. Rajnhardt R. O., Adamchuk N. G. *Strahovye posredniki ES i Rossii* [Insurance intermediaries of the EU and Russia]. *Strahovoe delo = Insurance business*, 2012, no. 12 (238), pp. 45–50.
10. Shergunova E. A., Filippenkova O. G. *Stanovlenie i razvitie posrednicheskoy strahovoj deyatel'nosti v Rossii* [Formation and development of intermediary insurance activity in Russia]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*, 2018, vol. 8, no. 1 (26), pp. 53–60.
11. Brenner V. V. *Dogovornye otnosheniya strahovyh posrednikov so strahovatel'nyimi i strahovshchikami v sovremennyh rossijskikh usloviyah* [Contractual relations of insurance intermediaries with insurers and insureds in modern Russian conditions]. *Zakon i pravo = Law and Law*, 2011, no. 4, pp. 49–52.
12. Burova A. Yu. *Strahovye maklery: est' li dlya nih mesto na rossijskom rynke strahovyh uslug?* [Insurance brokers: is there a place for them in the Russian insurance market?]. *Zakonnost' i pravoporyadok = Legality and law and order*, 2019, no. 4 (24), pp. 64–69.
13. Shestakova E. *Aktuarnaya deyatel'nost'* [Actuarial activity]. *EZH-Yurist = EZH-Lawyer*, 2013, no. 45, pp. 2–7.
14. Shergunova E. A. *Grazhdansko-pravovoe polozhenie osnovnyh uchastnikov strahovyh otnoshenij*. Diss. kand. jurid. nauk [Civil status of the main participants of insurance relations. Diss. cand. legal sci.]. Kursk, 2013. 28 p.
15. Zhugunisova Zh. V. *Napravleniya razvitiya strahovogo rynka Kazakhstana* [Directions of development of the insurance market of Kazakhstan]. *Ezhemesyachnyj finansovyj zhurnal "Banki Kazakhstana" = Monthly financial magazine "Banks of Kazakhstan"*, 2009, no. 7 (109), p. 25.
16. Kozlova E. V. *Institut strahovyh aktuarijev v svete rossijskogo zakonodatel'stva* [Institute of Insurance Actuaries in the light of Russian Legislation]. *Vestnik Astrahanskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Seriya: Ekonomika = Bulletin of the Astrakhan State Technical University. Series: Economics*, 2015, no. 2, pp. 17–21.
17. Zobova E. P. *Novshestva dlya budushchih aktuarijev i otvetstvennyh aktuarijev* [Innovations for future actuaries and responsible actuaries]. *Strahovye organizacii: buhgalterskij uchet i nalogooblozhenie = Insurance organizations: accounting and taxation*, 2015, no. 5, pp. 67.
18. Chebunin A. V., Babitinskaya A. I., Kardashevskij A. V. *K voprosu o neobhodimosti special'nogo regulirovaniya aktuarnoj deyatel'nosti v Rossijskoj Federacii (analiz proekta federal'nogo zakona)* [On the question of the need for special regulation of actuarial activity in the Russian Federation (analysis of the draft federal law)]. *Sibirskij juridicheskij vestnik = Siberian Legal Bulletin*, 2010, no. 4(51), pp. 73–79.
19. Ryzhkov O. Yu., Bobrov L. K. *Kompleksnaya avtomatizaciya deyatel'nosti aktuariya strahovoj organizacii* [Complex automation of the actuary activity of an insurance organization]. *Vestnik Astrahanskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Seriya: Upravlenie, vychislitel'naya tekhnika i informatika = Bulletin of the Astrakhan State Technical University. Series: Management, Computer Engineering and Computer Science*, 2014, no. 2, pp. 98–108.
20. Zobova E. P. *Novyj Zakon ob aktuariyah* [New Law on Actuaries]. *Strahovye organizacii: buhgalterskij uchet i nalogooblozhenie = Insurance organizations: accounting and taxation*, 2014, no. 2, pp. 10.

Информация об авторе / Information about the Author

Филиппенкова Олеся Геннадьевна, соискатель кафедры гражданского права, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация
e-mail: gpkursk@yandex.ru,
ORCID: 0000-0001-9070-6100

Olesya G. Filippenkova, Applicant at the Department of Civil Law, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: gpkursk@yandex.ru,
ORCID: 0000-0001-9070-6100

Оригинальная статья / Original article

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2021-11-6-44-57>

Оценка стоимости земельных участков при изъятии для государственных нужд: вопросы теории и практики правового регулирования

А. В. Гринева^{1,2} ✉

¹ Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

² Арбитражный суд Московской области
просп. Академика Сахарова 18, г. Москва 107053, Российская Федерация

✉ e-mail: annagrin@rambler.ru

Резюме

Актуальность исследования теории и практики правового регулирования оценки стоимости земельных участков при изъятии для государственных нужд обусловлена в первую очередь сложностью оценки земельного участка как объекта в связи с тем, что значительно затруднен подбор объектов-аналогов в силу уникальности и неповторимости каждого земельного участка, влияния на его стоимость большого количества случайных факторов, а также отсутствие единой формулы для расчета компенсации. В свою очередь, указанное имеет большое воздействие в каждом конкретном случае при назначении российскими судами оценочной экспертизы и влияет на окончательное решение судов.

Цель заключается в выявлении особенностей правового регулирования и сложившейся судебной практики оценки стоимости земельных участков при изъятии для государственных нужд.

Задачи: раскрыть особенности порядка оценки стоимости объектов недвижимости для последующего изъятия; оценить результаты имеющейся судебной практики по делам, связанным с изъятием для государственных или муниципальных нужд земельных участков; выявить сложности, возникающие при подборе объектов-аналогов земельных участков как объектов оценки.

Методология. Исследование проводилось на основе общенаучного (диалектического) метода научного познания, методов анализа, сравнения, формально-юридического, формально-логического методов.

Результаты исследования отличаются прикладной характер с элементами научной новизны в выявленных подходах и выводах по оценке стоимости земельных участков при изъятии для государственных нужд.

Вывод. Компенсация потерь при изъятии земельных участков для государственных нужд должна быть адекватной, обеспечиваемой справедливостью рыночной стоимости, которая должна позволить субъекту купить недвижимость таких же характеристик.

Ключевые слова: государственные нужды; изъятие; земельный участок; оценочная деятельность; доходный метод; затратный метод; сравнительный метод.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Гринева А. В. Оценка стоимости земельных участков при изъятии для государственных нужд: вопросы теории и практики правового регулирования // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021. Т. 11, № 6. С. 44–57. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2021-11-6-44-57>.

Поступила в редакцию 15.10.2021

Принята к публикации 24.11.2021

Опубликована 27.12.2021

© Гринева А. В., 2021

Estimating Land Values When Seized for State Needs: Issues of Theory and Practice of Legal Regulation

Anna V. Grineva^{1,2} ✉

¹ Southwest State University
50 Let Oktyabrya str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

² Arbitration court of the Moscow region
18 Akademika Sakharova prosp., Moscow 107053, Russian Federation

✉ e-mail: gpkursk@yandex.ru

Abstract

The relevance of the study of the theory and practice of legal regulation of the estimating land values when seized for state needs is primarily due to the complexity of assessing a land plot as an object because the selection of analogue objects is significantly difficult due to the uniqueness of each land plot, the influence on its cost of a large number of random factors, as well as the absence of a single formula for calculating compensation. In turn, this has a great impact in each particular case when Russian courts appoint an evaluation examination and affects the final decision of the courts.

The purpose is to identify the peculiarities of legal regulation and the established judicial practice of estimating the value of land plots when seized for state needs.

Objectives: to reveal the specifics of the procedure of assessing the value of real estate objects for subsequent seizure; to evaluate the results of existing judicial practice in cases related to the seizure of land plots for state or municipal needs; to identify difficulties arising in the selection of analogous objects of land plots as objects of evaluation.

Methodology. The study was carried out on the basis of the general scientific (dialectical) method of scientific knowledge, methods of analysis, comparison, formal legal, formal logical methods.

The results of the study are distinguished by an applied nature with elements of scientific novelty in the identified approaches and conclusions on the valuation of land plots when seized for state needs.

Conclusion. Compensation for losses in the seizure of land for state needs should be adequate, ensured by fair market value, which should allow the subject to buy real estate of the same characteristics.

Keywords: state needs; land seizure; valuation activity; profitable method; cost method; comparative method.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Grineva A. V. Estimating Land Values When Seized for State Needs: Issues of Theory and Practice of Legal Regulation. *Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2021; 11(6): 44–57. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2021-11-6-44-57>.

Received 15.10.2021

Accepted 24.11.2021

Published 27.12.2021

Введение

Современные темпы развития рыночных отношений в России определили новый и совершенно иной характер взаимоотношений между частной и государственной собственностью. Приватизация земельных участков и других объектов недвижимости в большом масштабе обусловила необходимость применения та-

кой процедуры, как изъятие земельных участков у собственников.

Согласно ч. 3 ст. 35 Конституции Российской Федерации никто не может быть лишен своего имущества иначе, как по решению суда. Принудительное отчуждение имущества для государственных нужд может быть произведено только при условии предварительного и равноценного возмещения. Система граж-

данского и земельного законодательства об изъятии имущества для государственных нужд свидетельствует о развитии данного конституционного положения, в частности п. 1 ст. 279 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), п/п. 2 ст. 49 Земельного кодекса Российской Федерации (далее – ЗК РФ).

В силу пп. 1, 2, 4 ст. 281 ГК РФ принудительное изъятие земельного участка для государственных или муниципальных нужд допускается при условии предварительного и равноценного возмещения, при определении размера которого в него включаются рыночная стоимость земельного участка, право собственности на который подлежит прекращению, или рыночная стоимость иных прав на земельный участок, подлежащих прекращению, и убытки, причиненные изъятием такого земельного участка.

Вместе с тем, согласно ст. 235 ГК РФ, вопрос об изъятии земельных участков для государственных и муниципальных нужд в гражданском праве является основанием принудительного прекращения права собственности на объект недвижимости. В связи с чем в российской теории и правоприменительной практике существует ряд спорных вопросов при определении равноценности возмещения убытков, включая реальный ущерб и упущенную выгоду для физических лиц и субъектов предпринимательской деятельности, а также особенности определения рыночной стоимости земельного участка, определяемой на момент принятия решения об изъятии.

Методология

Методологической основой исследования выступил комплекс общенаучных и частнонаучных (юридических) методов научного познания. Применялись методы анализа, синтеза нормативных правовых актов, теоретических и правоприменительных данных, метод сравнения и логический метод интерпретации нормативных и доктринальных положений, ка-

сающихся объекта. Системный метод использовался для выделения установления адекватных способов компенсации потерь при изъятии земельных участков для государственных или муниципальных нужд. Формально-юридический метод заключался в изучении судебной практики. Формально-логический метод применялся при формулировании выводов результатов проведенного исследования.

Результаты и их обсуждение

Пункт 3 ст. 35 Конституции РФ устанавливает, что принудительное отчуждение имущества для государственных нужд возможно только при условии предварительного и равноценного возмещения. Принудительное изъятие у собственника имущества не допускается, кроме случаев, когда по основаниям, предусмотренным законом, производится принудительное отчуждение недвижимого имущества для государственных нужд (изъятие земельного участка для государственных нужд (п/п. 3.2 п. 2 ст. 235, ст. 239.2 ГК РФ).

В соответствии со ст. 12 ГК РФ возмещение убытков является одним из способов защиты нарушенного гражданского права. Статьей 62 ЗК РФ предусмотрено, что убытки, причиненные нарушением прав собственников земельных участков, землепользователей, землевладельцев и арендаторов земельных участков, подлежат возмещению в полном объеме, в том числе упущенная выгода, в порядке, предусмотренном гражданским законодательством.

Согласно п. 1 ст. 15 ГК РФ, лицо, право которого нарушено, может требовать полного возмещения причиненных ему убытков, если законом или договором не предусмотрено возмещение убытков в меньшем размере.

Так как в судебной практике результаты отчета об оценке в большинстве случаев становятся предметом спора между сторонами, судами всегда назначается судебная экспертиза. При этом

определяющую роль в разрешении судами вопросов стоимости возмещения при изъятии земельного участка для государственных нужд играет процедура оценки стоимости земельного участка и находящейся на ней недвижимости. Заключение эксперта (оценщика) носит субъективный характер, хоть и представляет собой вид профессиональной деятельности, регулируемой Федеральным законом от 29 июля 1998 г. № 135-ФЗ «Об оценочной деятельности в Российской Федерации», приказом Минэкономразвития России от 20 мая 2015 г. № 297 «Об утверждении Федерального стандарта оценки «Общие понятия оценки, подходы и требования к проведению оценки (ФСО № 1)», приказом Минэкономразвития России от 14 января 2016 г. №10 «Об утверждении методических рекомендаций по расчету размера убытков, причиненных собственникам земельных участков, землепользователям, землевладельцам и арендаторам земельных участков временным занятием земельных участков, ограничением прав собственников земельных участков, землепользователей, землевладельцев и арендаторов земельных участков либо ухудшением качества земель в результате деятельности других лиц» и приказом Минэкономразвития России от 25 сентября 2014 г. № 611 «Об утверждении Федерального стандарта оценки «Оценка недвижимости» (далее – ФСО) № 1». Это обусловлено, в первую очередь, тем, что размер компенсаций за изъятую для государственных нужд недвижимость не является твердой величиной, отсутствует единая формула для его расчета, земельный участок является сложным объектом для оценки, что существенно усложняет подбор объектов-аналогов и расчет вложений в него собственника.

Таким образом, зачастую суды сталкиваются с тем, что у экспертов возникают трудности в применении как сравнительного, так и затратного подходов при оценке земельных участков.

Однако, согласно Определению Верховного суда Российской Федерации от 3 ноября 2020 г. № 302-ЭС20-6718, применяя ст. 15 ГК РФ, судам следует учитывать, что по общему правилу лицо, право которого нарушено, может требовать полного возмещения причиненных ему убытков. Возмещение убытков в меньшем размере возможно в случаях, предусмотренных законом или договором в пределах, установленных гражданским законодательством. По делам о возмещении убытков истец обязан доказать, что ответчик является лицом, в результате действий (бездействия) которого возник ущерб, а также факты нарушения обязательства или причинения вреда, наличие убытков (п. 2 ст. 15 ГК РФ).

Размер подлежащих возмещению убытков должен быть установлен с разумной степенью достоверности. По смыслу п. 1 ст. 15 ГК РФ в удовлетворении требования о возмещении убытков не может быть отказано только на том основании, что их точный размер невозможно установить. В этом случае размер подлежащих возмещению убытков определяется судом с учетом всех обстоятельств дела, исходя из принципов справедливости и соразмерности ответственности допущенному нарушению.

Таким образом, недоказанность размера причиненного ущерба к основаниям, позволяющим не возлагать гражданско-правовую ответственность на причинителя вреда, действующим законодательством не отнесена, отказ в иске о возмещении убытков в полном объеме нарушает конституционный принцип справедливости и лишает заявителя возможности восстановить его нарушенные права. Как разъяснено в п. 13 Постановления Пленума № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» при разрешении споров, связанных с возмещением убытков, необходимо иметь в виду, что в состав реального ущерба входят не только фактически по-

несенные соответствующим лицом расходы, но и расходы, которые это лицо должно будет произвести для восстановления нарушенного права (п. 2 ст. 15 ГК РФ)¹.

На практике судами практически всегда используется отчет об оценке (судебной экспертизы) за основу при принятии решения о размере компенсации на дату проведения экспертизы рыночной стоимости земельного участка и размера убытков. Кроме того, несмотря на отсутствие в научной литературе единого подхода при определении условий изъятия земельных участков у субъектов предпринимательской деятельности и физических лиц, судебная практика выработала единый подход при принятии решений, особенно если речь идет об оценке упущенной выгоды для бизнеса, связанного с земельным участком.

Равноценность возмещения обеспечивается требованием законодательства о компенсации рыночной стоимости земельного участка, определяемой на момент принятия решения об изъятии с учетом соблюдения принципа полного возмещения убытков, включая упущенную выгоду, при этом, если на земельном участке находится иное недвижимое имущество, стоимость объекта обычно оценивается в совокупности, т. к. характеристики участка и постройки оказывают влияние на общую стоимость объекта в обороте [1, с. 73–97]. В судебной практике под равноценным возмещением понимается выкупная цена земельного участка, включающая в себя рыночную стоимость изымаемого объекта, все убытки, связанные с изъятием земельного участка и недвижимости, расположенной на нем, включая убытки, которые собственник понесет в связи с досрочным прекращением обязательств перед третьими лицами, в том числе упущенную вы-

году². Данный порядок установлен в п. 2 ст. 281 ГК РФ и более детально в ст. 56.8 ЗК РФ.

Право на возмещение возникает у собственника или законного владельца вне зависимости от факта официального оформления факта изъятия для государственных нужд. Так, в судебной практике, как в рамках спора с участием физического лица, у которого был изъят земельный участок, предназначенный для ведения личного подсобного хозяйства, так и с участием субъекта предпринимательской деятельности, у которого под строительство автомобильной дороги был изъят участок земли с расположенным на нем автозаправочным комплексом, было установлено, что отсутствие решения или несоблюдение процедуры изъятия земельного участка для государственных нужд само по себе не лишает правообладателя такого участка права на возмещение убытков, причиненных фактическим лишением названного имущества³.

Как было отмечено выше, размер компенсации при изъятии земельного участка для государственных нужд состоит из рыночной стоимости земельного участка и убытков, причиненных таким изъятием, включая реальный ущерб и упущенную выгоду. Реальный ущерб в данном случае состоит в рыночной стоимости изымаемого имущества, возмещая которую публичное образование нивелирует такой ущерб [2, с. 79–84]. Определе-

² О некоторых вопросах, связанных с применением земельного законодательства: постановление Пленума ВАС РФ от 24 марта 2005 г. № 11 // Вестник Высшего Арбитражного Суда Рос. Федерации. 2005. № 5, п. 28.

³ Обзор судебной практики по делам, связанным с изъятием для государственных или муниципальных нужд земельных участков в целях размещения объектов транспорта: [утв. Президиумом Верховного Суда РФ 10.12.2015] // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 4, п. 4; Определение Верховного Суда РФ от 19.08.2020 № 308-ЭС20-10536 по делу № А15-578/2017.

¹ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного суда Российской Федерации от 03.11.2020 № 302-ЭС20-6718 по делу № А69-303/2018.

ние размера возмещения осуществляется в соответствии с Федеральным законом от 29 июля 1998 г. № 135-ФЗ «Об оценочной деятельности в Российской Федерации» (далее – Закон об оценочной деятельности), согласно ст. 8 которого при изъятии имущества для государственных нужд проведение оценки является обязательной процедурой.

Кроме того, при определении размера возмещения соблюдаются федеральные стандарты оценки, которые, согласно ст. 20 Закона об оценочной деятельности, определяются как требования к порядку проведения оценки и осуществлению оценочной деятельности. В силу Федерального стандарта оценки (далее – ФСО) № 1 при оценке стоимости объекта недвижимости используются сравнительный, доходный и затратный подходы, а при выборе используемых при проведении оценки подходов учитывается не только возможность применения каждого из них, но и цели и задачи оценки, предполагаемое использование результатов оценки, допущения, полнота и достоверность исходной информации¹. На основе анализа указанных факторов обосновывается выбор подходов, используемых оценщиком, а также отказ от использования иных подходов, помимо того, в пользу которого сделан выбор (например, обоснованием может служить вид разрешенного использования) [3, с. 10]. Размер убытков рассчитывается также в соответствии с методическими рекомендациями, утверждаемыми Министерством экономического развития РФ (далее – Методические рекомендации)². Стороны могут

оспорить размер возмещения, в том числе убытков, в судебном порядке³.

Размер компенсаций за изъятую для государственных нужд недвижимость не является твердой величиной, кроме того, отсутствует единая формула для его расчета. Оценка стоимости земельного участка и находящейся на ней недвижимости является в конечном итоге субъективной, хоть и представляет собой вид профессиональной деятельности, которая в научной литературе характеризуется как деятельность, связанная с выполнением социально значимых функций, осуществляемая субъектами, к которым предъявляются особые требования, в том числе по членству в саморегулируемых организациях, наличию обязательного страхования их профессиональной ответственности [4, с. 40–43]. Деятельность оценщика оформляется возмездным договором о проведении оценки [5, с. 41–46], который он заключает в каждом конкретном случае с заказчиком. Оценщик должен действовать профессионально,

ков, землепользователям, землевладельцам и арендаторам земельных участков временным занятием земельных участков, ограничением прав собственников земельных участков, землепользователей, землевладельцев и арендаторов земельных участков либо ухудшением качества земель в результате деятельности других лиц: приказ Минэкономразвития России от 14 янв. 2016 г. № 10. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_docLAW_285419 (дата обращения: 02.10.2021).

³ Об утверждении Правил возмещения собственникам земельных участков, землепользователям, землевладельцам и арендаторам земельных участков убытков, причиненных временным занятием земельных участков, ограничением прав собственников земельных участков, землепользователей, землевладельцев и арендаторов земельных участков либо ухудшением качества земель в результате деятельности других лиц: постановление Правительства РФ от 7 мая 2003 г. № 262: [ред. от 31.03.2015]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_42144 (дата обращения: 02.10.2021).

¹ Об утверждении Федерального стандарта оценки «Общие понятия оценки, подходы и требования к проведению оценки (ФСО № 1)»: приказ Минэкономразвития России от 20 мая 2015 г. № 297. URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 02.10.2021).

² Об утверждении методических рекомендаций по расчету размера убытков, причиненных собственникам земельных участ-

независимо, объективно и разумно, однако нельзя не согласиться с И. Р. Медведевым в том, что так как в основе проведения оценки всегда лежит субъективный фактор, размер возмещения при изъятии земельного участка для государственных нужд во многом зависит от конкретного оценщика [6, с. 372], который в своей работе ориентируется не только на представленные ему документы, но и проводит личный осмотр земельного участка и иного объекта недвижимости, по собственному усмотрению оценивая те или иные факторы, которые могут повлиять на цену, с учетом того, что нигде не содержится исчерпывающего перечня таких ценообразующих факторов.

Земельный участок, являясь природным, а не рукотворным объектом, выступает сложным объектом для оценки. В рамках оценки стоимости земельного участка, как справедливо отмечает А. Ю. Буянов, сложно оценить вложения в него со стороны собственника, т. е. возникают трудности в применении как сравнительного, так и затратного подходов к его оценке [7, с. 58–64]. Разница в оценке стоимости, сложившейся с учетом множества факторов, и реальной ценой продажи земельного участка может составлять десятки процентов.

В основе сравнительного подхода к оценке стоимости земельного участка лежит сопоставление с объектами-аналогами, в частности на основе анализа цен совершения сделок с аналогичными земельными участками, предложений о продаже таких участков. Объекты-аналоги должны обладать с оцениваемым объектом сходными ценообразующими характеристиками в материальном, экономическом и техническом аспектах (пп. 10, 12, 13 ФСО). Оценщиком должно быть составлено точное описание объекта оценки, представлена информация о его количественных и качественных характеристиках, в частности площади, назначении, конфигурации участка, его местоположении и обеспеченности инфраструк-

турой, иных ценообразующих факторах (п. 8 приказа Минэкономразвития России от 20 мая 2015 г. № 299 «Об утверждении Федерального стандарта оценки «Требования к отчету об оценке (ФСО № 3)»). Из отчета должно следовать, что оценщик использовал для анализа достоверный и полный материал в отношении сложившейся на рынке ситуации, что он провел анализ наиболее эффективного использования земельного участка [8, с. 6–17]. Кроме того, он должен обосновать выбор применимого к оценке подхода, а также используемых в его рамках методов, например, прямого сопоставления с объектом-аналогом, анализа статистических данных и т. д., представить расчеты и сравнительные таблицы, детально описать, каким образом проводилась оценка стоимости и на чем основаны его расчеты¹. В судебной практике отмечается, что расчет производится с учетом местоположения земельных участков, по видам функционального использования в их соответствии видам разрешенного использования, с учетом экологических и природных условий, а также экономических факторов, влияющих на уровень их доходности².

Как правило, при использовании сравнительного подхода используется метод сравнения продаж, который учитывает при сравнении с объектами-аналогами различные факторы, в том числе площадь земельного участка, его локацию, транспортную доступность, вид

¹ См.: Определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ от 09.08.2018 № 19-КГ18-22; Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 02.04.2021 № 10АП-3987/2021 по делу № А41-59257/2020. URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 02.10.2021).

² Апелляционное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ от 26.04.2018 № 34-АПГ18-2. URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 02.10.2021).

разрешенного использования и т. д. Зачастую при сравнении необходимо применять метод корректировок на основе как проведенных расчетов, так и аналитической информации или экспертных оценок [8, с. 6–17], т. к. не бывает двух одинаковых земельных участков, а каждый ценообразующий фактор, который у объектов различается, может сыграть решающую роль при формировании окончательной стоимости объекта. Корректировка по каждому элементу сравнения в обязательном порядке должна принимать во внимание вклад того или иного фактора в формировании общей стоимости объекта (п. 22 приказа Минэкономразвития России от 25 сентября 2014 г. № 611 «Об утверждении Федерального стандарта оценки «Оценка недвижимости (ФСО № 7)»).

В правоприменительной практике встречаются случаи, когда отчет об оценке берется за основу при принятии решения о размере компенсации для выплаты собственнику или законному владельцу при изъятии земельного участка для государственных нужд. Так, в судебной практике установлено, что принятие уполномоченными государственными органами субъекта Российской Федерации решения о сносе дома, повлекшее лишение гражданина права собственности на нежилое помещение, расположенное в нем, является основанием для компенсации, при определении размера которой суд опирается на результаты отчета об оценке, признанного им полным и объективным¹. Согласно ст. 12 Закона об оценочной деятельности, итоговая величина рыночной или иной стоимости объекта оценки, указанная в отчете, признается достоверной и рекомендуемой для целей совершения сделки с объектом оценки,

если в судебном или ином законном порядке не установлено иное.

Вместе с тем результаты отчета об оценке зачастую становятся предметом спора между сторонами, в связи с чем назначается судебная экспертиза. В судебной практике отмечается, что на разрешение эксперта ставятся в основном вопросы об определении на дату проведения экспертизы рыночной стоимости земельного участка и размера убытков, причиненных изъятием для государственных нужд². Если судебная экспертиза включает в себя оценку стоимости земельного участка, недвижимости, находящейся на нем, а также размер убытков, включая упущенную выгоду, она признается судом допустимым и достоверным доказательством. В судебной практике экспертиза признается достоверной, разумной и обоснованной, в том числе если ее результаты никто не оспаривал³. В рамках такой экспертизы объекты-аналоги сопоставлялись с объектами оценки по местоположению, дате предложения, виду права, площади, категории земли и разрешенному использованию, наличию коммуникаций, улучшений, условий финансирования, условий продажи, цене предложения, т. е. наиболее важным ценовым факторам, которые в

² Постановление Арбитражного суда Московского округа от 03.11.2020 № Ф05-19666/2017 по делу № А41-89689/2016. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 02.10.2021).

³ Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 15.01.2018 № Ф06-28011/2017 по делу № А12-70661/2016; Определение Верховного Суда РФ от 03.02.2020 № 304-ЭС19-27142 по делу № А70-14158/2018; Определение Верховного Суда РФ от 02.04.2019 № 304-ЭС19-3705 по делу № А70-17454/2017; Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 02.04.2021 № 10АП-3987/2021 по делу № А41-59257/2020. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 02.10.2021).

¹ Апелляционное определение Московского городского суда от 04.06.2015 по делу № 33-12037/2015, 4Г/8-10607). URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 02.10.2021).

основном определяют рыночную стоимость, в полной мере рассмотрены и учтены в заключении эксперта, что свидетельствует о достоверности проведенной экспертизы.

Так как заключение эксперта является одним из доказательств, которое не имеет для суда заранее установленной силы и подлежит оценке наряду с другими доказательствами (ч. 4 и 5 ст. 71 АПК РФ), суд оценивает его исходя из требований ч. 1 и 2 ст. 71 АПК РФ, при этом суду необходимо привести мотивы, по которым он принимает или отвергает имеющиеся в деле доказательства (ч. 7 ст. 71, п. 2 ч. 4 ст. 170 АПК РФ)¹. Учитывая особенности выполняемой по делу судебной оценочной экспертизы, определяющее значение для объективности, обоснованности, достоверности выводов играет подбор и применение объектов-аналогов с целью установления объективной рыночной цены земельных участков с недвижимостью на них или без нее.

Некоторые судебные дела содержат в себе результаты нескольких экспертиз, т. к. в оценке экспертов находятся неточности и ошибки². Так, в отчетах допускаются ошибки в отношении вида разрешенного использования земельного участка, дела направляются на новое рассмотрение, т. к. эксперты выбирают объ-

екты-аналоги с существенно отличающимися ценообразующими факторами.

Отметим, что ст. 8 Федерального закона от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» обязывает основывать заключение эксперта на положениях, дающих возможность проверить обоснованность и достоверность сделанных выводов на базе общепринятых научных и практических данных, например, с использованием справочника Лейфера, показатели из которого используются оценщиками на всей территории Российской Федерации. Сложилась значительная судебная практика, в рамках которой данный справочник признан отвечающим принципам достоверности и объективности³.

В научной литературе отмечаются различия в условиях изъятия земельных участков у субъектов предпринимательской деятельности и физических лиц, которые используют такие участки для извлечения дохода или в личных целях соответственно [9, с. 45–56]. Возмещение стоимости земельных участков с объектом недвижимого имущества, находящегося на нем, не покроют убытков субъекта предпринимательской деятельности, который использовал такие объекты для извлечения дохода [10, с. 49–58], в связи с чем важной составляющей формирования размера компенсации субъекту предпринимательской деятельности становится размер упущенной выгоды. Согласно п. 2 ст. 15 ГК РФ, упущенная выгода представляет собой неполученные доходы, которые лицо получило бы при обычных условиях гражданского оборота, если бы его право не было нарушено.

¹ О некоторых вопросах практики применения арбитражными судами законодательства об экспертизе: постановление Пленума ВАС РФ от 4 апр. 2014 г. № 23 // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2014. № 6, п. 12.

² См.: Решение Челябинского областного суда от 12.12.2015 по делу № 3-90/2015 (Определением ВС РФ от 27.07.2015 № 48-АПГ15-12 данное решение оставлено без изменения); Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 17.06.2021 № 10АП-9566/2021 по делу № А41-26017/2020. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 02.10.2021).

³ Определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ от 29.11.2018 № 55-АПГ18-37). URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 02.10.2021).

Упущенной выгодой в случае изъятия объекта недвижимости у субъекта предпринимательской деятельности будет его недополученный доход, который он бы получил, если изъятия бы не произошло, и он осуществлял бы свою предпринимательскую деятельность в обычных условиях¹ [11]. Как отмечает А. Ф. Пацкалев, в случае изъятия для государственных нужд объекта у предпринимателя ему необходимо предоставить денежное возмещение, которое бы компенсировало ему построение аналогичного бизнеса, который бы мог обеспечить сходный доход с учетом дисконтирования будущих не полученных за период восстановления нарушенного производства денежных потоков (Методические рекомендации) [9, с. 45–56]. Упущенная выгода может рассчитываться на основании данных о прибыли, которую приносит бизнес, осуществляемый с использованием конкретного объекта недвижимости, а если такая информация отсутствует, то на основании рыночных (среднеотраслевых) данных, характеризующих основные показатели финансово-хозяйственной деятельности в отрасли [12, с. 223]. Отметим, что определение размера упущенной выгоды является объективно одной из сложнейших задач для оценщика. В данном случае могут применяться доходный и затратный подходы к оценке бизнеса, который связан с изымаемой недвижимостью.

Так, доходный подход исходит из возможности спрогнозировать денежные потоки, которые сможет сгенерировать объект недвижимости при обычных условиях осуществления предпринимательской деятельности с учетом необходимо-

сти расходования средств на его содержание и эксплуатацию. Как и в рамках сравнительного подхода, в рамках доходного подхода могут быть использованы разные методы, в том числе связанные с дисконтированием денежных потоков и капитализацией дохода (п. 15, 16 ФСО 1). Использование доходного подхода не считается определяющим для оценки стоимости земельного участка, однако его значимость возрастает, если такой участок используется собственником или законным владельцем в предпринимательской деятельности, т. к. позволяет принять во внимание не только реальный ущерб, нанесенный субъекту предпринимательской деятельности таким изъятием, но и его упущенную выгоду. Важно отметить, что в рамках использования доходного подхода лицо, требующее взыскать упущенную выгоду, должно доказать, что возможность получения им доходов существовала реально, т. е. документально подтвердить совершение им конкретных действий и сделанных с этой целью приготовлений, направленных на извлечение доходов, о чем свидетельствует судебная практика, где сделан вывод о том, что если доказательства, подтверждающие использование (деятельность) земельного участка в сельскохозяйственных или в иных целях, а также получения от этого дохода или связанных с этой целью приготовлений, до осуществления изъятия, стороной в суд не представлены, и сведения об обязательствах перед третьими лицами отсутствуют, заключение, подтверждающее причинение истцу убытков и/или упущенной выгоды не может быть признано достоверным доказательством².

¹ Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1: [утв. Президиумом Верховного Суда РФ 24.12.2014] // Бюллетень Верховного Суда Рос. Федерации. 2015. № 3.

² Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 21.05.2013 № 16674/12; Апелляционное определение Ленинградского областного су-

В силу природного происхождения земельных участков затратный подход практически не применяется для его самостоятельной оценки, однако его использование рекомендуется при низкой активности рынка, когда недостаточно данных, необходимых для применения иных подходов [2, с. 79–84; 12, с. 223; 13, с. 144]. В основе затратного подхода лежит определение затрат на функционирование объекта с учетом его износа, когда информация об этом доступна (п. 18, 19 ФСО 1), с его помощью вполне объективно определяется абсолютная ценность объекта для собственника [14]. Судебная практика свидетельствует о том, что затратный подход иногда применяется в совокупности со сравнительным или доходным, особенно если речь идет об оценке бизнеса, связанного с земельным участком¹.

Результаты оценки и независимой экспертизы должны помочь обеспечить равноценное [15] возмещение собственнику или законному владельцу при изъятии земельного участка для государственных нужд [16, с. 329–351]. Компенсация потерь должна быть адекватной, что обеспечивается справедливостью рыночной стоимости, которая должна позволить купить недвижимость таких же характеристик. Кроме того, компенсация должна быть разумной, что зависит от разумности действий оценщика. Как отмечается в научной литературе, разумность поведения участников оборота выступает необходимым элементом гражданских правоотношений [17, с. 11–21],

да от 28.09.2016 № 33-46/2016. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 02.10.2021).

¹ Определение Верховного Суда РФ от 19.08.2020 № 308-ЭС20-10536 по делу № А15-578/2017. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 02.10.2021).

при этом в отечественном законодательстве и правоприменительной практике отсутствует единой подход к критериям разумности оценки, т. к. сам термин «разумность» имеет абстрактный характер [18, с. 156–165]. В каждом случае вывод о степени разумности будет зависеть от обстоятельств конкретного дела [19; 20], ориентиром, как отмечается в судебной практике, при оценке разумности будет принятие таких мер, которые являются обычными в сложившихся условиях².

Выводы

Процедура изъятия земельного участка для государственных или муниципальных нужд – одна из самых трудных. Столкновение частных и публичных интересов не должно приводить, в первую очередь, к нарушению прав собственников недвижимого имущества, подлежащего изъятию. Земельный участок, являясь природным, а не рукотворным объектом, выступает сложным объектом для оценки, в связи с тем что практически невозможно подобрать объективные аналоги в силу уникальности и неповторимости каждого земельного участка, влияющая на его стоимость большого количества случайных факторов, в том числе наличие или отсутствие водоема, особенности рельефа и ландшафта, удаленности от инфраструктуры, направления. Как показано в проведенном исследовании, существует столкновение нормативных правовых предписаний в части оценки изымаемых земельных участков и судебной практики: суды часто сталкиваются с тем, что у экспертов возникают трудности в применении как сравнительного, так и затратного подходов при

² Постановление Арбитражного Суда Центрального округа от 06.02.2015 № Ф10-12/2015 по делу № А35-1259/2014. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 02.10.2021).

оценке земельных участков. Полагаем, что поскольку при выкупе земельных участков для государственных нужд возникает проблема отсутствия единообразия в подходе к оценке земельных участ-

ков, стоит рассмотреть вопрос о поручении оценочных экспертиз по такой категории споров исключительно государственным судебно-экспертным организациям.

Список литературы

1. Савиных В. А. Пункт 2 статьи 555 ГК РФ в свете проблем кадастровой стоимости и действия принципа единства судьбы // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2015. № 7. С. 73–97.
2. Тараданов Р. А. Определение размера возмещения собственнику участка, изымаемого для государственных или муниципальных нужд // Закон. 2014. № 2. С. 79–84.
3. Антипов А. Кадастровая оценка // ЭЖ-Юрист. 2015. № 24. С. 10.
4. Мрясова Ю. Р. К вопросу о правовом регулировании профессиональной деятельности // Предпринимательское право. Приложение «Право и бизнес». 2014. № 2. С. 40–43.
5. Березин Д. А. Отдельные непосредственные участники организационных правоотношений // Юрист. 2020. № 4. С. 41–46.
6. Медведев И. Р. Разрешение городских конфликтов: монография. М.: Инфотропик Медиа, 2017. 372 с.
7. Буянов А. Ю. Кадастровая оценка: кто не виноват и что делать // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2013. № 10. С. 72–81; 2014. № 3. С. 58–64.
8. Карцев П. В. Рекомендации по подготовке отчетов об оценке рыночной стоимости объектов недвижимости для ее использования в качестве кадастровой стоимости // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2015. № 4. С. 6–17.
9. Пацкалев А. Ф. О проблемах оценки стоимости земельных участков, изымаемых для государственных и муниципальных нужд // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2017. № 10. С. 45–56.
10. Нуждин Т. Изъятие земельных участков для государственных и муниципальных нужд: вопросы правоприменительной практики // Жилищное право. 2019. № 3. С. 49–58.
11. Гришаев С. П., Богачева Т. В., Свит Ю. П. Постатейный комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть первая. М., 2019. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi> (дата обращения: 02.10.2021).
12. Кузнецов А. П., Генералов А. В., Ворончихин Д. В. Оценочная деятельность в арбитражном и гражданском процессе. М.: Статут, 2016. 223 с.
13. Жарский Д. П., Жарский И. П., Терентьев А. А. Оценка имущества: все, что необходимо знать собственнику. М.: Редакция «Российской газеты», 2016. Вып. 17. 144 с.
14. Корнилов Д. А. Классификация объектов недвижимого имущества для их оценки в случае изъятия для государственных нужд // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2013. № 3 (138). С. 45–64.
15. Витютнева Е. Д. Равноценное возмещение как условие изъятия земельных участков для государственных и муниципальных нужд // Современное право. 2017. № 12. С. 60–64.
16. Щенникова Л. В. Система оснований прекращения (лишения) права собственности как необходимое условие эффективной реализации принципа неприкосновенности собственности // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2019. № 2. С. 329–351.
17. Коновалов А. В. Принцип разумности в гражданском праве // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 8. С. 11–21.
18. Матюшенков Р. Ю., Филатова М. А. Неразумная разумность, или вынужденные убытки от правосудия (еще раз о возмещении судебных расходов на оплату услуг представителя) // Закон. 2019. № 12. С. 156–165.
19. Дерхо Д. С. Исполнение обязательств. М., 2021. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi> (дата обращения: 02.10.2021).

20. Сенчищев В. И. Изъятие земельных участков для государственных или муниципальных нужд // Вестник гражданского права. 2019. № 6. С. 108–136.

Reference

1. Savinyh V. A. Punkt 2 stat'i 555 GK RF v svete problem kadastrovoj stoimosti i dejstviya principa edinstva sud'by [Paragraph 2 of Article 555 of the Civil Code of the Russian Federation in the light of the problems of cadastral value and the operation of the principle of unity of fate]. *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossijskoj Federacii = Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation*, 2015, no. 7, pp. 73–97.
2. Taradanov R. A. Opredelenie razmera vozmeshcheniya sobstvenniku uchastka, izyamaemogo dlya gosudarstvennyh ili municipal'nyh nuzhd [Determination of the amount of compensation to the owner of the land seized for state or municipal needs]. *Zakon = Law*, 2014, no. 2, pp. 79–84.
3. Antipov A. Kadaastrovaya ocenka [Cadastral assessment]. *EZH-Yurist = EZH-Lawyer*, 2015, no. 24, pp. 10.
4. Mryasova Yu. R. K voprosu o pravovom regulirovanii professional'noj deyatel'nosti [On the issue of legal regulation of professional activity]. *Predprinimatel'skoe pravo. Prilozhenie "Pravo i biznes" = Entrepreneurial law. Application "Law and Business"*, 2014, no. 2, pp. 40–43.
5. Berezin D. A. Otdel'nye neposredstvennye uchastniki organizacionnyh pravootnoshenij [Individual direct participants in organizational legal relations]. *Yurist = Lawyer*, 2020, no. 4, pp. 41–46.
6. Medvedev I. R. Razreshenie gorodskih konfliktov [Urban conflict resolution]. Moscow, Infotropik Media Publ., 2017. 372 p.
7. Buyanov A. Yu. Kadaastrovaya ocenka: kto ne vinovat i chto delat' [Cadastral assessment: who is not to blame and what to do]. *Imushchestvennye otnosheniya v Rossijskoj Federacii = Property relations in the Russian Federation*, 2013, no. 10, pp. 72–81; 2014, no. 3, pp. 58–64.
8. Karcev P. V. Rekomendacii po podgotovke otchetov ob ocenke rynochnoj stoimosti ob'ektov nedvizhimosti dlya ee ispol'zovaniya v kachestve kadastrovoj stoimosti [Recommendations for the preparation of reports on the assessment of the market value of real estate for its use as cadastral value]. *Imushchestvennye otnosheniya v Rossijskoj Federacii = Property relations in the Russian Federation*, 2015, no. 4, pp. 6–17.
9. Packalev A. F. O problemah ocenki stoimosti zemel'nyh uchastkov, izyamaemyh dlya gosudarstvennyh i municipal'nyh nuzhd [About problems of valuation of land plots seized for state and municipal needs]. *Imushchestvennye otnosheniya v Rossijskoj Federacii = Property relations in the Russian Federation*, 2017, no. 10, pp. 45–56.
10. Nuzhdin T. Iz'yatie zemel'nyh uchastkov dlya gosudarstvennyh i municipal'nyh nuzhd: voprosy pravoprimenitel'noj praktiki [Seizure of land plots for state and municipal needs: issues of law enforcement practice]. *Zhilishchnoe pravo = Housing law*, 2019, no. 3, pp. 49–58.
11. Grishaev S. P., Bogacheva T. V., Svit Yu. P. Postatejnyj kommentarij k Grazhdanskomu kodeksu Rossijskoj Federacii. Chast' pervaya [Article-by-article commentary on the Civil Code of the Russian Federation. Part One]. Moscow, 2019. Available at: <https://www.consul-tant.ru/cons/cgi/online.cgi> (accessed 02.10.2021).
12. Kuznecov A. P., Generalov A. V., Voronchihin D. V. Ocenoch'naya deyatel'nost' v arbitrazhnom i grazhdanskom processe [Evaluation activities in arbitration and civil proceedings]. Moscow, Statut Publ., 2016. 223 p.
13. Zharskij D. P., Zharskij I. P., Terent'ev A. A. Ocenka imushchestva: vse, chto neobhodimo znat' sobstvenniku [Property valuation: everything an owner needs to know]. Moscow, Redakciya "Rossijskoj gazety", 2016, is. 17. 144 p.
14. Kornilov D. A. Klassifikaciya ob'ektov nedvizhimogo imushchestva dlya ih ocenki v sluchae iz'yatiya dlya gosudarstvennyh nuzhd [Classification of real estate objects for their evaluation in case of seizure for state needs]. *Imushchestvennye otnosheniya v Rossijskoj Federacii = Property relations in the Russian Federation*, 2013, no. 3 (138), pp. 45–64.

15. Vityutneva E. D. Ravnocennoe vozmeshchenie kak uslovie iz'yatiya zemel'nyh uchastkov dlya gosudarstvennyh i municipal'nyh nuzhd [Equivalent compensation as a condition for the seizure of land plots for state and municipal needs]. *Sovremennoe pravo = Modern Law*, 2017, no. 12, pp. 60–64.

16. Shchennikova L. V. Sistema osnovaniy prekrashcheniya (lisheniya) prava sobstvennosti kak neobhodimoe uslovie effektivnoj realizacii principa neprikosновенности собственности [The system of grounds for termination (deprivation) of property rights as a necessary condition for the effective implementation of the principle of inviolability of property]. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki = Bulletin of Perm University. Legal sciences*, 2019, no. 2, pp. 329–351.

17. Kononov A. V. Princip razumnosti v grazhdanskom prave [The principle of reasonableness in civil law]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava = Actual problems of Russian law*, 2019, no. 8, pp. 11–21.

18. Matyushenkov R. Yu., Filatova M. A. Nerazumnaya razumnost', ili vynuzhdennye ubytki ot pravosudiya (eshche raz o vozmeshchenii sudebnyh raskhodov na oplatu uslug predstavatelya) [Unreasonable reasonableness, or Involuntary losses from justice (once again about the reimbursement of court costs for the services of a representative)]. *Zakon = Law*, 2019, no. 12, pp. 156–165.

19. Derho D. S. Ispolnenie obyazatel'stv [Fulfillment of obligations]. Moscow, 2021. Available at: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi> (accessed 02.10.2021).

20. Senchishchev V. I. Iz'yatie zemel'nyh uchastkov dlya gosudarstvennyh ili municipal'nyh nuzhd [Seizure of land plots for state or municipal needs]. *Vestnik grazhdanskogo prava = Bulletin of Civil Law*, 2019, no. 6, pp. 108–136.

Информация об авторе / Information about the Author

Гринева Анна Владимировна, соискатель кафедры гражданского права, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация; судья Арбитражного суда Московской области, г. Москва, Российская Федерация, e-mail: annagrin@rambler.ru, ORCID: 0000-0001-8576-3522

Anna V. Grineva, Applicant at the Department of Civil Law, Southwest State University, Kursk, Russian Federation; Arbitration court of the Moscow region, Moscow, Russian Federation, e-mail: annagrin@rambler.ru, ORCID: 0000-0001-8576-3522

Оригинальная статья / Original article

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2021-11-6-58-64>

К вопросу о мерах государственного принуждения при охране и защите прав граждан на жизнь и здоровье в Российской Федерации

А. А. Филимонов ¹ ✉

¹ Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: gpkursk@yandex.ru

Резюме

Актуальность. Гражданско-правовой институт охраны и защиты прав граждан на жизнь и здоровье всегда находится в фокусе пристального внимания со стороны законодателей и правоприменителей ввиду его постоянной востребованности, комплексного характера, перманентной трансформации мер государственного принуждения в данной сфере. Последние имеют особый характер, поскольку определяют систему обеспечения прав граждан на жизнь и здоровье, в том числе в частноправовой сфере. В теории частного права единого мнения относительно проблем охраны и защиты прав граждан на жизнь и здоровье не сложилось, что актуализирует разработку различных аспектов их осуществления.

Цель состоит в формулировании особенностей мер государственного принуждения в рамках частноправовых отношений по охране и защите прав граждан на жизнь и здоровье.

Задачи: определить элементы государственного принуждения при охране и защите прав граждан на жизнь и здоровье; выявить специфику санкции как меры государственного принуждения; исследовать обязательственные отношения вследствие причинения вреда жизни и здоровью человека.

Методология. Статья выполнена на основе методов анализа, сравнения, формально-юридического.

Результаты. В статье дана правовая характеристика мер государственного принуждения при охране и защите прав граждан на жизнь и здоровье, определены функции гражданско-правовой ответственности при применении мер государственного принуждения при охране и защите прав граждан на жизнь и здоровье в Российской Федерации.

Вывод. Мерам государственного принуждения присущ особый характер, при этом имеет значение правовая активность субъектов, когда достаточно факта причинения вреда жизни и здоровью и одностороннего требования потерпевшего для того, чтобы юридическая санкция вступила в действие без участия компетентных органов.

Ключевые слова: нематериальные блага; объекты гражданских прав; право на жизнь; право на здоровье; государственное принуждение; гражданско-правовая ответственность.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Филимонов А. А. К вопросу о мерах государственного принуждения при охране и защите прав граждан на жизнь и здоровье в Российской Федерации // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021. Т. 11, № 6. С. 58–64. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2021-11-6-58-64>.

Поступила в редакцию 20.10.2021

Принята к публикации 22.11.2021

Опубликована 27.12.2021

© Филимонов А. А., 2021

Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право / Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law. 2021; 11(6): 58–64

On the Question of State Coercive Measures for Protection and Defense of Citizens' Rights to Life and Health in the Russian Federation

Aleksandr A. Filimonov¹ ✉

¹ Southwest State University
50 Let Oktyabrya str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: gpkursk@yandex.ru

Abstract

Relevance. The civil law institution for the protection and defense of citizens' rights to life and health has always been the focus of close attention of legislators and law enforcement officers because of its constant demand, complex nature, permanent transformation of state coercive measures in this area. The last one is of a special nature, since it predetermines the system of ensuring the rights of citizens to life and health, including the private legal sphere. In the theory of private law, there is no consensus on the problems of protection and defense of the rights of citizens to life and health, which updates the development of various aspects of their implementation.

The purpose is to formulate the characteristics of state coercive measures within the private legal relations of the protection and defense of citizens' rights to life and health.

Objectives: to identify elements of state coercive measures of the protection and defense of citizens' rights to life and health; to identify the specificity of sanction as a measure of state coercion; to investigate mandatory relationships due to harm to human life and health.

Methodology. The article is made on the basis of the general scientific (dialectical) method of scientific cognition, analysis, induction and deduction, comparison, formal legal, formal logical methods.

Results. The article defines the legal characteristics of state coercive measures of the protection and defense of the rights of citizens to life and health, defines the functions of civil liability in applying measures of state coercive measures of the protection and defense of the rights of citizens to life and health in the Russian Federation.

Conclusion. State coercive measures have a special character, and in doing so the legal activity of the entities is important, as the fact of causing harm to life and health and the unilateral requirement of the victim is sufficient for the legal sanction to enter into force without the participation of the competent authorities.

Keywords: intangible benefits; objects of civil rights; right to life; right to health; state coercion; civil liability.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Filimonov A. A. On the Question of State Coercive Measures for Protection and Defense of Citizens' Rights to Life and Health in the Russian Federation. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2021; 11(6): 58–64. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2021-11-6-58-64>.

Received 20.10.2021

Accepted 22.11.2021

Published 27.12.2021

Введение

Государство гарантирует реализацию прав граждан на жизнь и здоровье через возможность обращения к компетентным государственным органам за их защитой. Такие меры государственного принуждения побуждают граждан к правомерному поведению и сдерживают опасное, наносящее вред окружающим. Меры принуж-

дения решают следующие задачи: поддержка правопорядка; обеспечение личной безопасности граждан; гарантии охраны прав граждан на жизнь и здоровье.

Одной из отличительных особенностей мер государственного принуждения при осуществлении защиты прав граждан на жизнь и здоровье является то, что ор-

ганы государственной власти применяют их только при внешних угрозах или опасности причинения вреда жизни и здоровью со стороны правонарушителей. Такие меры носят регулятивный характер, т. к. используются при разрешении конфликтов, когда граждане, которым причинили вред жизни или здоровью, не смогли самостоятельно разрешить сложившуюся ситуацию.

В научной литературе проблема государственных мер принуждения в рамках института охраны и защиты прав граждан на жизнь и здоровье неоднократно поднималась учеными в разные периоды развития правовой мысли. Некоторые научные выводы, служащие основой для дальнейшего научного поиска в рассматриваемой сфере, были сделаны в советский период, в частности в трудах С. С. Алексеева, С. Н. Братуся, В. П. Грибанова, Н. С. Малеина и др. В настоящее время поднимаемые в настоящей статье вопросы, несмотря на их очевидную актуальность, недостаточно освещены в цивилистической научной литературе. Можно выделить монографию «Правовое регулирование охраны и защиты прав граждан на здоровье в Российской Федерации» [1], работы М. М. Попович [2], С. В. Потапенко [3], И. А. Михайловой [4; 5], М. И. Малеиной [6], В. В. Богдан [7], С. Н. Бакунина [8]. В целом следует признать недостаточность активных дискуссий в отношении гражданско-правового института охраны и защиты прав граждан на жизнь и здоровье, включая и меры государственного принуждения, применяемые в рамках частноправовых отношений, что актуализирует выдвинутую для исследования тему.

Методология

В основу настоящего исследования положен общенаучный (диалектический) метод научного познания подходов к государственному принуждению в сфере охраны и защиты прав граждан на жизнь и здоровье. Для достижения поставлен-

ных задач использовались общенаучные методы анализа и синтеза, индукции и дедукции, сравнения. Методы дедукции и индукции позволили выделить особенности применения мер государственного принуждения при охране и защите прав граждан на жизнь и здоровье. Формально-юридический метод (при анализе содержания нормативных правовых актов, регулирующих отношения в сфере частноправового регулирования охраны и защиты прав граждан на жизнь и здоровье). Выводы по результатам проведенного исследования основывались на использовании формально-логического метода.

Результаты и их обсуждение

Государственное принуждение включает в себя следующие элементы:

- субъекты принуждения – государственный орган или должностное лицо;
- объекты принуждения – правонарушитель;
- осуществление принуждения – процесс воздействия компетентных органов на правонарушителя.

С помощью мер государственного принуждения государство предотвращает противоправное поведение, понуждает правонарушителя к восстановлению нарушенных прав граждан и к возмещению причиненного вреда. Спецификой охранительных правоотношений в сфере жизни и здоровья человека является минимальная роль государства, хотя субъектами являются причинитель вреда и потерпевший. Чтобы восстановить нарушенное право на жизнь и здоровье, потерпевший вправе требовать возмещения материального ущерба или компенсации морального вреда [9, с. 44]. С этой позицией не согласен Н. С. Малеин, утверждавший, что потерпевший может требовать компенсации понесенных страданий только из-за наличия института государственного принуждения, поскольку охранительное правоотношение по защите права на жизнь и здоровье возникает по причине правонарушения [10, с. 225]. Бо-

лее того, эту мысль подтверждают положения ст. 11 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), которые гласят, что гражданин может защитить свои права через суд в рамках процессуального законодательства, а в исключительных случаях – в административном порядке.

З. И. Цибуленко в своих научных трудах пишет, что право притязания может стать основанием для возникновения как регулятивного, так и охранительного обязательства, поскольку, когда гражданин использует государственное принуждение для компенсации причиненного вреда, право притязания совпадает с принадлежащим ему субъективным правом, что характерно для регулятивных обязательств [11, с. 111].

Например, велосипедист наехал на пешехода и тот получил травму ноги. Если причинитель вреда не возместит вред здоровью самостоятельно, то потерпевший имеет право требовать компенсацию через меры государственного принуждения в рамках охранительного правоотношения, возникшего из-за правонарушения. Тогда с велосипедиста будет взыскан принудительно не только ущерб, но и компенсация морального вреда, тем самым сразу исполнятся две обязанности, т. е. права потерпевшего и обязанности причинителя вреда распределены однородно, что характерно для охранительных правоотношений [12, с. 323].

С. С. Алексеев справедливо отметил, что механизм принудительного воздействия не только возвращает нарушенное право в прежнее состояние, но и позволяет воздействовать на правонарушителя, чтобы не допустить притязания на жизнь и здоровье в будущем [13, с. 123].

Суд защищает нарушенные права пострадавшего через принуждение, а основанием для возникновения таких отношений является правонарушение. Его структурными элементами являются объект, субъект, объективная и субъективная стороны. При причинении вреда жизни и

здоровью человека в правонарушении имеются все вышеуказанные составляющие, а при безвиновной ответственности – состав усеченный, который состоит только из четырех элементов:

– субъектом гражданского правонарушения может быть как физическое, так и юридическое лицо, которое причинило вред жизни или здоровью человека. Он должен обладать гражданской правосубъектностью и деликтоспособностью, чтобы к нему могли быть применены санкции для восстановления нарушенного права потерпевшего;

– к объектам правонарушения относятся жизнь и здоровье человека, которые являются личными неимущественными и неотчуждаемыми правами, а юридические последствия к причинителю вреда могут быть применены только при нарушении прав на жизнь и здоровье потерпевшего;

– объективная сторона правонарушения выражается в противоправном поведении причинителя вреда, которое противоречит не только нормам права, но и направлено против субъективного права потерпевшего;

– субъективная сторона гражданского правонарушения включает в себя вину в форме умысла или неосторожности, однако не играет главной роли при возмещении вреда жизни и здоровью человека, поскольку не учитывается во многих случаях.

Государственные меры принуждения при охране и защите прав на жизнь и здоровье совершаются в судебном порядке через возмещение вреда или компенсацию морального вреда. Целью санкций как мер государственного принуждения является защита нарушенных прав участника обязательства, в отношении которого оно не исполнено или исполнено ненадлежащим образом. В гражданском праве санкции носят имущественный характер и условно делятся на меры защиты и меры ответственности (в частности, компенсация морального вреда). Кроме этого, они имеют компенсационный ха-

рактар, т. к. денежные средства взыскиваются в пользу потерпевшей стороны, что отличает их от санкций в уголовном праве, взыскиваемых с государства.

Обязательственные отношения вследствие причинения вреда жизни и здоровью человека возникают только в том случае, если причинитель вреда и потерпевший не связаны договорными отношениями, или даже если они существовали между сторонами, то нарушены права были действиями, не связанными с договорными обязательствами [14, с. 223]. Однако из этого правила есть исключение. Так, если вред был причинен жизни или здоровью пассажиров в рамках договора перевозки (ст. 800 ГК РФ), то он может быть возмещен в рамках деликтного обязательства [15; 16].

Возникает вопрос, могут ли быть применены меры государственного принуждения и наступает ли гражданско-правовая ответственность, если причинитель вреда добровольно возместил потерпевшей стороне вред. В цивилистике нет единого мнения по этому поводу. Так, С. Н. Братусь считает, что в таком случае государство не может применять меры воздействия к правонарушителю [17, с. 57], а С. С. Алексеев полагает, что тогда и речи о гражданско-правовой ответственности не может быть [13, с. 270]. В. П. Грибанов соглашается с этими цивилистами и полагает, что при добровольном исполнении обязанности юридическая ответственность не наступает [18, с. 223]. З. И. Цыбуленко резюмирует вышесказанное, обращая внимание в своих трудах на то, что при возникновении деликтных обязательств потерпевший имеет право на предъявление иска и при удовлетворении его судом на понуждение правонарушителя со стороны государства для возмещения причиненного вреда. Это возможно, если причинитель вреда уклоняется от добровольного восстановления нарушенных прав, и только в этом случае наступает ответственность [11, с. 75].

С таким мнением был не согласен О. С. Иоффе, ввиду того, что такой под-

ход умаляет значение общей обязанности не посягать на охраняемые правом блага, ведь если ей не следовать, то можно прийти к выводу, что существует только обязанность возместить причиненный вред, а обязанности воздерживаться от посягательства на жизнь и здоровье граждан нет. Тогда к противоправному действию можно было бы отнести лишь уклонение от возмещения причиненного вреда жизни и здоровью [19, с. 99].

При этом С. Н. Братусь отмечал, что у обязанностей по воздержанию от причинения вреда и его несовершения есть одинаковая природа, но при совершении правонарушения у пострадавшего возникает только активная обязанность, выражающаяся в требовании о возмещении причиненного вреда, а её исполнение прекращает возникшее обязательство, а при неисполнении обязанность реализуется с помощью принудительных мер [17, с. 57]. Но в нашем исследовании мы предлагаем сделать более логичный вывод: исходя из одинаковой природы таких обязательств, к причинителю вреда применяются меры юридической ответственности, к которым в том числе относится добровольное возмещение вреда.

Выводы

Меры государственного принуждения имеют особый характер, существуют в скрытом виде, правовая активность субъектов имеет юридически значимый характер, когда достаточно факта причинения вреда жизни и здоровью, и одностороннего требования потерпевшего для того, чтобы юридическая санкция вступила в действие без участия компетентных органов. Возможность добровольно исполнить обязанность по возмещению причиненного вреда жизни и здоровью граждан является особенностью гражданско-правовой ответственности, когда последствия правонарушения могут быть устранены правонарушителем в силу лишь одной возможности принуждения и на основе осознания причинителем вреда совершенных действий (бездействий).

Список литературы

1. Сусликов В. Н., Богдан В. В., Воронцова Е. В. Правовое регулирование охраны и защиты прав граждан на здоровье в Российской Федерации. Новосибирск: Сибир. академическая книга, 2016. 84 с.
2. Попович М. М. К вопросу о жизни и смерти: гражданско-правовой аспект // Образование и право. 2020. № 9. С. 81–86.
3. Потапенко С. В. Личные неимущественные права на жизнь и здоровье // Кубанское агентство судебной информации PRO-SUD-123.RU. 2019. № 2 (9). С. 71–83.
4. Михайлова И. А. Личные неимущественные права и нематериальные блага в свете реформирования гражданского законодательства // Объекты гражданских и семейных прав по законодательству Российской Федерации; отв. ред. Ю. Ф. Беспалов. М.: Проспект, 2019. С. 128–146.
5. Михайлова И. А. Право на жизнь: актуальные проблемы законодательства, теория и практика // Российский судья. 2005. № 8. С. 39–43.
6. Малеина М. И. Личные неимущественные права граждан: понятие, осуществление, защита. М.: Юрайт, 2000. 244 с.
7. Богдан В. В. Реализация права потребителя на безопасность товаров (работ, услуг) как необходимое условие обеспечения защиты жизни и здоровья граждан // Научная дискуссия: вопросы юриспруденции. 2016. № 8 (47). С. 27–30.
8. Бакунин С. Н. Гражданско-правовые формы защиты жизни и здоровья граждан // Российский судья. 2005. № 6. С. 36–37.
9. Красавчикова Л. О. Понятие и система личных неимущественных прав граждан (физических лиц) в гражданском праве Российской Федерации. М.: Проспект, 2008. 200 с.
10. Малеин Н. С. Возмещение вреда, причиненного личности. М.: Юрид. лит., 1965. 230 с.
11. Гражданское право России / под ред. З. И. Цыбуленко. М.: Юрист, 2008. 464 с.
12. Гражданское право / под ред. В. П. Мозолина, Н. Н. Агафоновой, С. В. Артеменкова. М.: Статут, 2003. Т. 1. 719 с.
13. Алексеев С. С. Общая теория права. М.: Юрид. лит., 1981. Т. 1. 359 с.
14. Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Книга первая: Общие положения. 3-е изд., стер. М.: Статут, 2011. 847 с.
15. Выгодянский А. В. Правовое регулирование ответственности воздушного перевозчика за причинение вреда жизни и здоровью пассажира // Российская юстиция. 2019. № 12. С. 10–12.
16. Гречуха В. Н. Транспортное право: правовое регулирование деятельности воздушного транспорта. М.: Юстиция, 2016. 310 с.
17. Братусь С. Н. Предмет и система советского гражданского права. М.: Госюриздат, 1963. 197 с.
18. Грибанов В. П. Осуществление и защита гражданских прав. М.: Статут, 2001. 410 с.
19. Иоффе О. С. Ответственность по советскому гражданскому праву. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1955. 311 с.

Reference

1. Suslikov V. N., Bogdan V. V., Voroncova E. V. Pravovoe regulirovanie ohrany i zashchity prav grazhdan na zdorov'e v Rossijskoj Federacii [Legal regulation of the protection and protection of citizens' rights to health in the Russian Federation]. Novosibirsk, Sibir. akademicheskaya kniga Publ., 2016. 84 p.
2. Popovich M. M. K voprosu o zhizni i smerti: grazhdansko-pravovoj aspekt [To the question of life and death: a civil-legal aspect]. *Obrazovanie i pravo = Education and law*, 2020, no. 9, pp. 81–86.
3. Potapenko S. V. Lichnye neimushchestvennye prava na zhizn' i zdorov'e [Personal non-property rights to life and health]. *Kubanskoe agentstvo sudebnoj informacii PRO-SUD-123.RU = Kuban Judicial Information Agency PRO-SUD-123.RU*, 2019, no. 2 (9), pp. 71–83.

4. Mihajlova I. A. Lichnye neimushchestvennye prava i nematerial'nye blaga v svete reformirovaniya grazhdanskogo zakonodatel'stva [Personal non-property rights and intangible benefits in the light of the reform of civil legislation]. *Ob"ekty grazhdanskikh i semejnykh prav po zakonodatel'stvu Rossijskoj Federacii* [Objects of civil and family rights under the legislation of the Russian Federation]; ed. by Yu. F. Bespalov. Moscow, Prospekt Publ., 2019, pp. 128–146.
5. Mihajlova I. A. Pravo na zhizn': aktual'nye problemy zakonodatel'stva, teoriya i praktika [Right to life: actual problems of legislation, theory and practice]. *Rossijskij sud'ya = Russian judge*, 2005, no. 8, pp. 39–43.
6. Maleina M. I. Lichnye neimushchestvennye prava grazhdan: ponyatie, osushchestvlenie, zashchita [Personal nonproperty rights of citizens: concept, implementation, protection]. Moscow, Yurajt Publ., 2000. 244 p.
7. Bogdan V. V. Realizaciya prava potrebitelya na bezopasnost' tovarov (rabot, uslug) kak neobhodimoe uslovie obespecheniya zashchity zhizni i zdorov'ya grazhdan [Realization of the consumer's right to the safety of goods (works, services) as a necessary condition for ensuring the protection of life and health of citizens]. *Nauchnaya diskussiya: voprosy yurisprudencii = Scientific discussion: questions of jurisprudence*, 2016, no. 8 (47), pp. 27–30.
8. Bakunin S. N. Grazhdansko-pravovye formy zashchity zhizni i zdorov'ya grazhdan [Civil law forms of protection of life and health of citizens]. *Rossijskij sud'ya = Russian judge*, 2005, no. 6, pp. 36–37.
9. Krasavchikova L.O. Ponyatie i sistema lichnykh neimushchestvennykh prav grazhdan (fizicheskikh lic) v grazhdanskom prave Rossijskoj Federacii [The concept and system of personal non-property rights of citizens (individuals) in the civil law of the Russian Federation]. Moscow, Prospekt Publ., 2008. 200 p.
10. Malein N. S. Vozmeshchenie vreda, prichinennogo lichnosti [Compensation for personal injury]. Moscow, Yurid. lit. Publ., 1965. 230 p.
11. *Grazhdanskoe pravo Rossii* [Russian Civil Law]; ed. by Z. I. Cybulenko. Moscow, Yurist Publ., 2008. 464 p.
12. *Grazhdanskoe pravo* [Russian Civil Law]; ed. by V. P. Mozolin, N. N. Agafonova, S. V. Artemenkov. Moscow, Statut Publ., 2003, vol. 1. 719 p.
13. Alekseev S. S. Obshchaya teoriya prava [General theory of law]. Moscow, Yurid. lit. Publ., 1981, vol. 1. 359 p.
14. Braginskij M. I., Vitryanskij V. V. Dogovornoe pravo. Kniga pervaya: Obshchie polozheniya [Contract law. Book One: General provisions]. 3th ed. Moscow, Statut Publ., 2011. 847 p.
15. Vygodyanskij A. V. Pravovoe regulirovanie otvetstvennosti vozdušnogo perevozchika za prichinenie vreda zhizni i zdorov'yu passazhira [Legal regulation of the liability of an air carrier for causing harm to the life and health of a passenger]. *Rossijskaya yusticiya = Russian Justice*, 2019, no. 12, pp. 10–12.
16. Grechuha V. N. Transportnoe pravo: pravovoe regulirovanie deyatel'nosti vozdušnogo transporta [Transport law: legal regulation of air transport activities]. Moscow, Yustitsya Publ., 2016. 310 p.
17. Bratus' S. N. Predmet i sistema sovetskogo grazhdanskogo prava [The subject and system of Soviet civil law]. Moscow, Gosyurizdat Publ., 1963. 197 p.
18. Griбанov V. P. Osushchestvlenie i zashchita grazhdanskikh prav [Implementation and protection of civil rights]. Moscow, Statut Publ., 2001. 410 p.
19. Ioffe O. S. Otvetstvennost' po sovetskomu grazhdanskomu pravu [Responsibility under Soviet civil law]. Leningrad, Leningrad Univ. Publ., 1955. 311 p.

Информация об авторе / Information about the Author

Филимонов Александр Андреевич, младший научный сотрудник научно-образовательного центра «Цивилист», аспирант кафедры гражданского права, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация, e-mail: gpkursk@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-6159-352X

Aleksandr A. Filimonov, Junior Researcher of the Scientific and Educational Center "Civilist", Post-Graduate Student of the Department of Civil Law, Southwest State University, Kursk, Russian Federation, e-mail: gpkursk@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-6159-352X

Правовые основания уголовной ответственности за неоказание помощи больному

Т. Г. Понятовская¹ ✉

¹Университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)

ул. Садовая-Кудринская 9, г. Москва 125993, Российская Федерация

✉ e-mail: tagri8@yandex.ru

Резюме

Актуальность. Опасные нарушения отраслевого медицинского права, регламентированного рядом федеральных законов, должны быть предусмотрены нормами уголовного права. На первый взгляд это так, однако детальный анализ регулятивного и охранительного законодательства указывает на существенную рассогласованность в вопросах ответственности за дефекты при оказании медицинской помощи, особенно специализированной, в части неоказания наркологической, психиатрической, паллиативной помощи.

Цель – обосновать необходимость разработки регламентов ответственности медицинских работников как предпосылки качественного применения уголовно-правовых норм.

Задачи: определить противоречия отраслевого и уголовного законодательства; указать технико-юридические погрешности статьи 124 Уголовного кодекса Российской Федерации, предложить критерии понимания объективной стороны и признаков субъекта преступления.

Методология исследования основана на общих принципах научного познания: детерминизма, соответствия и дополнительности. Также использованы методы систематического междисциплинарного анализа и синтеза с применением общеправовых методов индукции и дедукции.

Результаты. Объем понятия «медицинская помощь» в признаках преступления, предусмотренного статьей 124 Уголовного кодекса, не может быть ограничен правоприменителем ни в зависимости от видов медицинской помощи, ни условий ее оказания, ни форм. Поэтому ответственность по указанной норме может наступать при неоказании медицинской помощи в экстренной и неотложной формах, а также при нарушении порядка оказания медицинской помощи в случае наступления указанных в законе последствий. Признаки нарушения оказания медицинской помощи, лица, ответственные за эти нарушения, а также правовые последствия нарушений должны быть разработаны в рамках регламентов ответственности.

Вывод. Реализация статьи 124 Уголовного кодекса Российской Федерации на практике в настоящее время носит в некоторой степени интуитивный характер, что обусловлено внутренними противоречиями медицинского и уголовного законодательства.

Ключевые слова: медицинский работник; дефекты оказания медицинской помощи; пациент; наркомания; психиатрия; паллиативная помощь.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Финансирование: Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ по соглашению № 19-011-00818.

Для цитирования: Понятовская Т. Г. Правовые основания уголовной ответственности за неоказание помощи больному // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021. Т. 11, № 6. С. 65–75. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2021-11-6-65-75>.

Поступила в редакцию 22.10.2021

Принята к публикации 25.11.2021

Опубликована 27.12.2021

Legal Grounds for Criminal Liability for Failure to Provide Assistance to a Patient

Tatyana G. Ponyatovskaya¹ ✉

¹ Kutafin State University (MGUA)

9 Sadovaya-Kudrinskaya str., Moscow 125993, Russian Federation

✉ e-mail: tagri8@yandex.ru

Abstract

Relevance. Dangerous violations of sectoral medical law, regulated by a number of federal laws, should be protected by the norms of criminal law. At first glance, this is true, but a detailed analysis of regulatory and protective legislation indicates a significant inconsistency in the issues of liability for defects in the provision of medical care, especially specialized in terms of non-provision of narcological, psychiatric, palliative care.

The purpose is to substantiate the need to develop regulations for the responsibility of medical workers as a prerequisite for the qualitative application of criminal law norms.

Objectives to determine the contradictions of sectoral and criminal legislation; to indicate the technical and legal errors of Article 124 of the Criminal Code of the Russian Federation, to provide criteria for understanding the objective side and signs of the subject of the crime.

The research **methodology** is based on the general principles of scientific knowledge: determinism, conformity and complementarity. Methods of systematic interdisciplinary analysis and synthesis using general philosophical methods of induction and deduction are also used.

Results. The scope of the concept of "medical care" in the signs of a crime provided for in Article 124 of the Criminal Code cannot be limited by the law enforcement officer, either depending on the types of medical care, or the conditions of its provision, or the forms. Therefore, liability under this norm may occur if medical care is not provided in emergency and urgent forms, as well as if the procedure for providing medical care is violated in the event of the occurrence of the consequences specified in the law. Signs of violations of the provision of medical care, persons responsible for these violations, as well as the legal consequences of violations should be developed within the framework of liability regulations.

Conclusion. The implementation of Article 124 of the Criminal Code of the Russian Federation in practice is currently somewhat intuitive, which is due to internal contradictions of medical and criminal legislation.

Keywords: medical worker; defects in medical care; patient; drug addiction; psychiatry; palliative care.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

Funding: The work was carried out with the financial support of the RFBR under Agreement No. 19-011-00818.

For citation: Ponyatovskaya T. G. Legal Grounds for Criminal Liability for Failure to Provide Assistance to a Patient. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2021; 11(6): 65–75. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2021-11-6-65-75>.

Received 22.10.2021

Accepted 25.11.2021

Published 27.12.2021

Введение

Вопросы привлечения к уголовной ответственности медицинских работников и проблемы уголовно-правовой охраны интересов пациентов имеют перманентный характер в научной литературе [1; 2; 3; 4].

Смысл нормы, предусмотренной ст. 124 УК РФ, представляется ясным, но только при поверхностном взгляде на признаки состава этого преступления. Уголовно-правовая оценка «дефектов оказания медицинской помощи» (в том числе ее неоказания) существенно затрудняется в силу неясности правовой

базы отраслевого регулирования, точнее гарантий оказания помощи больному. Гарантия оказания помощи больному – социально-политическая задача государства, заинтересованного в позитивном развитии общества, создании необходимых и достаточных условий существования человека, обеспечении действенных механизмов охраны его прав и законных интересов. Эта задача решается на разных уровнях: 1) политическое и правовое осмысление задач; 2) распределение функций между отраслями права для их решения; 3) качественное (беспробельное) нормативное регулирование и отраслевое взаимодействие.

Методология

Методологическая основа исследования базируется на принципе детерминизма для выявления корреляций регулятивного и уголовного закона, принципе соответствия при определении преемственности научных теорий и принципе дополнительности для получения новых знаний через призму существующего понимания пределов действия ст. 124 УК РФ. Методы систематического междисциплинарного анализа и синтеза с применением общеправовых методов индукции и дедукции позволили сформулировать выводы.

Результаты и их обсуждение

На первом и втором уровнях, кажется, все обстоит благополучно. Медицинская помощь гражданам гарантируется ст. 41 Конституции Российской Федерации. Эта гарантия реализуется в нормах отраслевого законодательства в рамках Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», Закона РФ от 2 июля 1992 г. № 3185-1 «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании», Федерального закона от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» и др.

В этой системе правового регулирования отводится место и уголовному закону в контексте ссылки на ответственность за нарушение правовых регламентов [5; 6; 7]. Согласно ч. 3 ст. 11 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»¹, за нарушение требований недопустимости отказа в оказании медицинской помощи медицинские организации и медицинские работники несут ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации. Адрес этой ответственности – ст. 124 УК РФ.

Согласно п. 4 ст. 54 Федерального закона от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах»², больным наркоманией гарантируется право на оказание наркологической помощи в соответствии с вышеуказанными положениями ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (в контексте ст. 19 Основ о праве больного на оказание медицинской помощи). Однако принципиальное положение об ответственности за неоказание наркологической помощи в этом законе отсутствует. Отсутствует это положение и в Законе РФ от 2 июля 1992 г. № 3185-1 «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании»³. В то же время в п. 7 ст. 4 Основ недопустимость отказа от оказания медицинской помощи предусматривается как один из основных принципов охраны здоровья, нарушение которого, согласно этому закону, влечет уголовную

¹ Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: федер. закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895 (дата обращения: 21.09.2021).

² О наркотических средствах и психотропных веществах: федер. закон от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_4205 (дата обращения: 21.09.2021).

³ О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании: закон РФ от 2 июля 1992 г. № 3185-1. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_17437 (дата обращения: 21.09.2021).

ответственность по ст. 124 УК. Данный вопрос в некоторых иных аспектах поднимался в научной литературе [8; 9; 10; 11; 12; 13].

Формально отраслевое регулирование охраны здоровья, ее правовое обеспечение, регламентирование порядков оказания медицинской помощи и даже распределение функций между отраслями медицинского и уголовного права состоялись, но качество, согласованность и беспробельность правового обеспечения всех этих достижений, а также их межотраслевое взаимодействие отсутствует. Допустим, закон об основах охраны здоровья граждан должен рассматриваться как основной закон медицинской отрасли. Однако это суждение становится отвлеченным тем более, чем глубже мы вторгаемся в сферу правовой (в том числе уголовно-правовой) оценки профессиональной медицинской деятельности в каждом конкретном случае решения вопроса об ответственности медицинских работников при дефектах оказания медицинской помощи.

Что же в итоге: влечет уголовную ответственность неоказание помощи наркоману или психиатрическому больному или нет? Для применения ст. 124 УК решение этого вопроса имеет существенное значение. Уголовно-правовая доктрина пока находится на том уровне понимания вопроса, который определяется общими положениями закона «Об основах охраны здоровья граждан»: виды медицинской помощи, порядок ее оказания и субъекты [15; 16]. Даже при таком упрощенном понимании ответы на поставленные вопросы не бывают однозначными. Еще труднее давать уголовно-правовую оценку неоказания специализированной (наркологической, психиатрической или высокотехнологичной) помощи больному. Доктринальные источники уклоняются от анализа состава преступления, предусмотренного ст. 124 УК, в контексте специализированной медицинской помощи (наркологической, психиатриче-

ской и высокотехнологичной). Это может свидетельствовать о слабости уголовно-правовой доктрины или о недостаточности правового регулирования охраны здоровья граждан.

При решении вопроса об уголовной ответственности медицинского работника в связи с дефектами его профессиональной деятельности необходимо согласование уголовного закона с положениями отраслевого регулирования, как минимум, для того, чтобы отличить преступление от нарушения профессиональных регламентов. Пока этой отраслевой определенности нет, и на уголовный закон не нужно возлагать надежд как на универсальное средство разрешения социальных проблем, в том числе обеспечения гарантий оказания медицинской помощи в условиях пробельности ее отраслевого регулирования. Но есть ли эта пробельность?

Общий порядок организации и оказания медицинской помощи определяется общими же положениями Закона «Об основах охраны здоровья граждан». Специальные порядки оказания медицинской помощи определяются подзаконными актами. К ним относятся: приказ Минздрава России от 17 мая 2012 г. № 566н «Об утверждении Порядка оказания медицинской помощи при психических расстройствах и расстройствах поведения»¹, а также приказ Минздрава России от 30 декабря 2015 г. № 1034н «Об утверждении Порядка оказания медицинской помощи по профилю "психиатрия-наркология" и Порядка диспансерного наблюдения за лицами с пси-

¹ Об утверждении Порядка оказания медицинской помощи при психических расстройствах и расстройствах поведения: приказ Минздрава России от 17 мая 2012 г. № 566н: [ред. от 21.02.2020: зарегистрировано в Минюсте России 12.07.2012 N 24895]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_132933/ (дата обращения: 21.09.2021).

хическими расстройствами и (или) расстройствами поведения, связанными с употреблением психоактивных веществ»¹.

Подзаконным актом определяются и порядки организации и оказания паллиативной помощи (приказ Минздрава России N 345н, Минтруда России N 372н от 31 мая 2019 г. «Об утверждении Положения об организации оказания паллиативной медицинской помощи, включая порядок взаимодействия медицинских организаций, организаций социального обслуживания и общественных объединений, иных некоммерческих организаций, осуществляющих свою деятельность в сфере охраны здоровья»²).

Порядок оказания акушерской помощи определяется приказом Минздрава России от 20 октября 2020 г. N 1130н «Об утверждении Порядка оказания медицин-

ской помощи по профилю "акушерство и гинекология"»³.

Перечень подзаконных актов рассматриваемого направления можно было бы продолжить, но вряд ли в этом есть смысл, поскольку ни в одном из перечисленных актов не содержится положения об ответственности за нарушение предусмотренных в них порядков (не может быть и в других). Таким образом, решить вопрос о том, является ли то или иное нарушение порядка оказания помощи дефектом профессиональной деятельности или преступлением, невозможно. Иначе и быть не может: вопрос о юридической ответственности (тем более уголовной) за нарушение регламентов оказания медицинской помощи не решается в приказах Минздрава России. Этот вопрос может (и должен) быть поставлен и решен только в федеральном законе.

Предвижу возражение: «Для чего это нужно? Просто обратись к инструкции о порядке оказания медицинской помощи, свяжи ее нарушение с последствием в виде средней (как минимум) тяжести вреда здоровью и получишь преступление, предусмотренное статьей 124 УК». На самом деле все не так просто, как кажется, по двум причинам (как минимум).

Во-первых, норма ст. 124 УК сама несовершенно, и правоприменителю трудно работать с признаками преступления, включенными законодателем в ее содержание. Чего только стоит материальная конструкция состава неоказания помощи больному с признаком «причинения» средней тяжести вреда здоровью. Экспертное медицинское сообщество не

¹ Об утверждении Порядка оказания медицинской помощи по профилю "психиатрия-наркология" и Порядка диспансерного наблюдения за лицами с психическими расстройствами и (или) расстройствами поведения, связанными с употреблением психоактивных веществ: приказ Минздрава России от 30 дек. 2015 г. № 1034н: [ред. от 21.02.2020: зарегистрировано в Минюсте России 22.03.2016 N 41495]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_195937/ (дата обращения: 21.09.2021).

² Об утверждении Положения об организации оказания паллиативной медицинской помощи, включая порядок взаимодействия медицинских организаций, организаций социального обслуживания и общественных объединений, иных некоммерческих организаций, осуществляющих свою деятельность в сфере охраны здоровья: приказ Минздрава России N 345н, Минтруда России N 372н от 31 мая 2019 г.: [зарегистрировано в Минюсте России 26.06.2019 N 55053]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_43228/ (дата обращения: 21.09.2021).

³ Об утверждении Порядка оказания медицинской помощи по профилю «акушерство и гинекология»: приказ Минздрава России от 20 окт. 2020 N 1130н: [зарегистрировано в Минюсте России 12.11.2020 N 60869]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_367763/ (дата обращения: 21.09.2021).

соглашается с выводом о «причинении» вреда здоровью (или смерти) при отсутствии признаков *физического причинения*. Представление о медицинском причинении вреда здоровью или жизни базируется в этом профессиональном сообществе на принципе: «Причиной какого-то явления не может быть то, чего в действительности не было» [17, с. 112].

А. В. Быков и Д. Ю. Землянский справедливо отмечают: «Недобросовестное отношение врача к пациенту, бесспорно, заслуживает порицания с позиций уголовного закона. Однако при констатации отсутствия прямой связи между ошибкой доктора и наступившим неблагоприятным исходом не следует игнорировать принципы нозологического подхода, когда стремление помочь следствию, оградить пациентов от профессиональных правонарушений докторов подменяет объективную действительность» [18, с. 33–37].

Указанные авторы приводят серьезные аргументы, рассматривая конкретные случаи привлечения медицинских работников к уголовной ответственности за причинение вреда здоровью или смерти в результате врачебной ошибки. «Например, перфорация ушка правого предсердия сердца с развитием тампонады сердца и смерть при катетеризации подключичной вены. В таких ситуациях у пациентов развивается новое смертельное патологическое состояние, которое не было связано с основным заболеванием, а явилось результатом нарушения профилактических, диагностических и лечебных мероприятий. Здесь очевидны признаки преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 109 УК РФ... Когда же отказ от лечения либо неправильная диагностика обусловили усугубление основного заболевания, а равно повлекли наступление тяжких последствий, никакого нового за-

болевания не возникает, а имеет место усугубление течения той болезни, по поводу которой больной обращался в медицинское учреждение. ...В практике имелись случаи, когда следователи настаивали на установлении вреда здоровью больному, ошибкой рентгенолога, не усмотревшего у больного опухоль головного мозга» [18, с. 33–37].

А. В. Быков и Д. Ю. Землянский предлагают дополнить Уголовный кодекс новым составом: «Нарушения требований оказания медицинской помощи» - настолько серьезным (принципиальным) представляется им (и нам) недопустимость смешения признаков причинности. В контексте ст. 124 УК РФ можно вести речь не о физическом причинении (как это имеет место), а только о «наступлении» последствий, закономерной причиной которых является не медицинское вмешательство, а его отсутствие. В Уголовном кодексе есть составы, признаки которых сформулированы корректно с учетом особенностей причинности (ч. 4 ст. 111 УК). Что же помешало сформулировать и признаки неоказания помощи больному со знанием дела?!

Рассмотренные примеры и позиции – только технико-юридический упрек содержанию предусмотренной ст. 124 УК нормы. Но есть и системный. Указанное выше предложение А. В. Быкова и Д. Ю. Землянского продиктовано понятным для профессионала стремлением устранить возможность неоправданного вменения причинения смерти или вреда здоровью при уголовно-правовой оценке неоказания помощи больному, так что, по существу, предложенная указанными выше авторами норма уже существует. Только ее применение проблематично ввиду нормативной неопределенности условий и оснований ответственности. Содержание термина «помощь больно-

му» определяется не уголовным законом, а законами и подзаконными актами, о которых шла речь выше. Ученый и правоприменитель знакомы с их содержанием, но это не помогает делу, поскольку между понятиями «нарушение порядка оказания медицинской помощи» и «правонарушение» (тем более, преступление) – дистанция огромного размера.

По мнению О. А. Цыгановой, И. В. Ившина, уточнение понятия «помощь больному» необходимо не столько для формулировки объективной стороны данного преступления, сколько для понимания его субъекта. Согласно понятийному аппарату, принятому Федеральным законом № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», в данном случае необходимо говорить о первой и о медицинской помощи. У них совершенно разные предметы и субъекты оказания [19, с. 26–32]. Как отмечают указанные авторы, «Уголовный кодекс не дает указаний и на виды медицинской помощи, с которыми должна связываться ответственность за ее неоказание. В отношении медицинской помощи остается достаточно много белых пятен: не утвержден перечень состояний, при возникновении которых каждый медицинский работник обязан уметь оказать экстренную медицинскую помощь; отсутствует перечень мероприятий, которые должны уметь выполнять медицинские работники при данных состояниях» [19, с. 26–32].

С практической точки зрения неоказание помощи больному – непроведение тех медицинских мероприятий, которые предписаны в порядках оказания медицинской помощи. Это понятие определяется и в п. 3 ст. 2 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»: «Медицинская помощь – комплекс мероприятий, направленных на поддержание и (или)

восстановление здоровья и включающих в себя предоставление медицинских услуг». Согласно этому Закону, в указанный комплекс мероприятий включены: профилактика, диагностика, лечение заболеваний и медицинская реабилитация. Эти мероприятия включены и в подзаконные акты о порядках оказания медицинской помощи. На каком правовом основании мы рассматриваем неоказание помощи больному только в сегменте его лечения *при отсутствии законных оснований для ограничения уголовно-правовой оценки дефектов оказания медицинской помощи?*

Последствия в виде средней тяжести вреда здоровью могут наступить и при естественном протекании заболевания не только в результате отсутствия лечения, но и в результате недостаточной диагностики. Они могут наступить и в случае ухудшения состояния больного по причине отсутствия необходимого диспансерного наблюдения¹ или при отсутствии необходимой в конкретном случае реабилитации. По смыслу отраслевых законов и подзаконных актов в области здравоохранения объем понятия «медицинская помощь» в признаках преступления, предусмотренного ст. 124 УК, не может быть ограничен правоприменителем (и никаким другим интерпретатором этой нормы).

По тем же причинам нет правовых оснований для ограничения области применения ст. 124 УК в зависимости от видов медицинской помощи, условий ее оказания и форм. Доктрина ограничивает область применения ст. 124 УК неоказанием медицинской помощи в экстренной и неотложной формах [20, с. 50]. Это по-

¹ Например, в случае, когда при нарушении требований периодичности осмотров психиатрического больного врач-психиатр упустил из виду фазу обострения его заболевания, что привело к суициду.

нятно, поскольку законом об охране здоровья граждан экстренная и неотложная помощь связывается с таким основанием, как состояние больного, угрожающее его здоровью и жизни – характеристиками, совместимыми с признаками последствий, указанных в ч. 1 и 2 ст. 124 УК. Связь этих последствий с указанными формами оказания медицинской помощи очевидна, но она не исключает ответственности и в тех случаях, когда нарушение порядка оказания, например, плановой медицинской помощи приводит к угрожающему развитию заболевания, ухудшению здоровья пациента и наступлению предусмотренных в Уголовном кодексе последствий.

Не могут быть ограничены и признаки субъекта неоказания помощи больному, исходя из определения понятия «медицинский работник». Во всех случаях субъект этого преступления должен устанавливаться в соответствии с положениями, определяемыми подзаконными актами о порядках оказания медицинской помощи. Трудно даже представить, сколько нормативных источников нужно

изучить, как потрудиться над обоснованием уголовно-правовой оценки даже самого простого (на первый взгляд) невыполнения медицинским работником своей обязанности по оказанию помощи больному, если условия и основания его ответственности в законе не определены, как и признаки неоказания помощи больному, влекущего правовые последствия (не говоря о последствиях уголовно-правовых).

Выводы

Признаки нарушения регламентов оказания медицинской помощи, лица, ответственные за эти нарушения, а также правовые последствия нарушений – вопросы, требующие законодательного волеизъявления. Правоприменитель не может решить ни одного вопроса о вменении по предусмотренным ст. 124 УК РФ признакам за пределами своего обывательского понимания вопроса. До тех пор, пока нет отраслевых законодательных регламентов ответственности, это понимание останется обывательским, хотя бы и мудрым, но все-таки житейским.

Список литературы

1. Некоторые аспекты уголовной ответственности за преступления, связанные с оказанием медицинской помощи / И. В. Воропаева, Ю. С. Исаев, А. В. Воропаев, А. А. Протасевич // Сибирский медицинский журнал. 2008. Т. 80, № 5. С. 108–110.
2. Назаренко Г. В., Ситникова А. И. Квалификация преступлений: теория и практика. М.: Юрлитинформ, 2017. 232 с.
3. Назаренко Г. В., Ситникова А. И., Байбарин А. А. Субъект преступления в отечественном уголовном праве. М.: Юрлитинформ, 2017. 232 с.
4. Чупрына П. С. Уголовная ответственность медицинских работников за нарушение ими профессиональных обязанностей // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 320. 143–145.
5. Grebenkov A. A., Baybarin A. A. Alcohol and aggression: a criminological analysis // World Applied Sciences Journal. 2013. Vol. 28, No. 4. P. 509–512.
6. Mobile real estate: legal status and succession principles / E. A. Kirillova, V. N. Suslikov, V. V. Bogdan, A. A. Baybarin, S. V. Sheveleva // Journal of Advanced Research in Law and Economics. 2015. Vol. 6, No. 1. P. 96–103.
7. Назаренко Г. В. Уголовное право. 2-е изд., перераб. М.: Ось-89, 2008. 173 с.

8. Назаренко Г. В. Политика уголовно-правовых ограничений правоприменительного усмотрения // Среднерусский вестник общественных наук. 2017. Т. 12, № 5. С. 197–201.
9. Назаренко Г. В. Правомерное и квазиправомерное поведение как результат деформации правосознания // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2013. № 2(52). С. 250–253.
10. Ситникова А. И. Законодательная текстология уголовного права: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2013. 47 с.
11. Ситникова А. И. Квалификация деяний, связанных с фактическими ошибками // Российский судья. 2016. № 4. С. 38–42.
12. Шевелева С. В. О способах юридической фиксации преступного принуждения в уголовном законодательстве // Известия Юго-Западного государственного университета. 2017. № 1 (70). С. 171–176.
13. Шевелева С. В. Спорные вопросы применения норм об отсрочке отбывания наказания больным наркоманией // Уголовное право. 2012. № 2. С. 78–81.
14. Гильфанова А. Ш. Уголовная ответственность медицинских работников за врачебные ошибки // Фундаментальные и прикладные исследования: проблемы и результаты. 2014. №14. С. 174–177.
15. Байбарин А. А., Гребеньков А. А., Шевелева С. В. Уголовное право России. Общая часть / Юго-Зап. гос. ун-т. Курск, 2017. 428 с.
16. Шевелева С. В. Свобода воли и объективные признаки состава преступления // Lex Russica. 2014. №7. С. 853–861.
17. Вермель И. Г. Судебно-медицинская экспертиза лечебной деятельности. Вопросы теории и практики. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1988. 112 с.
18. Быков А. В., Землянский Д. Ю. О некоторых особенностях установления причинной связи в преступлениях по факту неоказания или ненадлежащего оказания медицинской помощи // Российский следователь. 2020. № 2. С. 33–37.
19. Цыганова О. А., Ившин И. В. Неоказание помощи больному: теоретические аспекты и правоприменительная практика // Медицинское право. 2014. № 6. С. 26–32.
20. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть / под ред. И. Э. Звечаровского. М.: Проспект, 2020. 688 с.

References

1. Voropaeva I. V., Isaev Yu. S., Voropaev A. V., Protasevich A. A. Nekotorye aspekty ugolovnoj otvetstvennosti za prestupleniya, svyazannye s okazaniem medicinskoj pomoshchi [Some aspects of criminal liability for crimes related to the provision of medical care]. *Sibirskij medicinskij zhurnal = Siberian Medical Journal*, 2008, vol. 80, no. 5, pp. 108–110.
2. Nazarenko G. V., Sitnikova A. I. Kvalifikaciya prestuplenij: teoriya i praktika [Qualification of crimes: theory and practice]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2017. 232 p.
3. Nazarenko G. V., Sitnikova A. I., Bajbarin A. A. Sub"ekt prestupleniya v otechestvennom ugolovnom prave [The subject of a crime in domestic criminal law]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2017. 232 p.
4. Chupryna P. S. Ugolovnaya otvetstvennost' medicinskih rabotnikov za narushenie imi professional'nyh obyazannostej [Criminal liability of medical workers for violation of their pro-

fessional duties]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Tomsk State University*, 2009, no. 320, pp. 143–145.

5. Grebenkov A. A., Baybarin A. A. Alcohol and aggression: a criminological analysis. *World Applied Sciences Journal*, 2013, vol. 28, no. 4, pp. 509–512.

6. Kirillova E. A., Suslikov V. N., Bogdan V. V., Baybarin A. A., Sheveleva S. V. Mobile real estate: legal status and succession principles. *Journal of Advanced Research in Law and Economics*, 2015, vol. 6, no. 1, pp. 96–103.

7. Nazarenko G. V. *Ugolovnoe pravo* [Criminal law]. 2th ed. Moscow, Os'-89 Publ., 2008. 173 p.

8. Nazarenko G. V. Politika ugolovno-pravovykh ogranichenij pravoprimeritel'nogo usmotreniya [Policy of criminal law restrictions of law enforcement discretion]. *Srednerusskij vestnik obshchestvennykh nauk = Central Russian Bulletin of Social Sciences*, 2017, vol. 12, no. 5, pp. 197–201.

9. Nazarenko G. V. Pravomernoe i kvazipravomernoe povedenie kak rezul'tat deformatsii pravosoznaniya [Lawful and quasi-lawful behavior as a result of the deformation of legal consciousness]. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i social'nye nauki = Scientific notes of the Orel State University. Series: Humanities and Social Sciences*, 2013, no. 2(52), pp. 250–253.

10. Sitnikova A. I. *Zakonodatel'naya tekstologiya ugolovnogo prava*. Avtoref. diss. d-ra yurid. nauk [Legislative textology of criminal law. Dr. legal sci. abstract diss.]. Moscow, 2013. 47 p.

11. Sitnikova A. I. Kvalifikatsiya deyanij, svyazannykh s fakticheskimi oshibkami [Qualification of acts related to factual errors]. *Rossijskij sud'ya = Russian judge*, 2016, no. 4, pp. 38–42.

12. Sheveleva S. V. O sposobakh yuridicheskoy fiksatsii prestupnogo prinuzhdeniya v ugolovnom zakonodatel'stve [On the methods of legal fixation of criminal coercion in criminal legislation]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta = Proceedings of the Southwest State University*, 2017, no. 1 (70), pp. 171–176.

13. Sheveleva S. V. Spornye voprosy primeneniya norm ob otsrochke otbyvaniya nakazaniya bol'nym narkomaniej [Controversial issues of the application of the norms on the postponement of serving a sentence for drug addicts]. *Ugolovnoe pravo = Criminal Law*, 2012, no. 2, pp. 78–81.

14. Gil'fanova A. Sh. Ugolovnaya otvetstvennost' medicinskih rabotnikov za vrachebnye oshibki [Criminal liability of medical workers for medical errors]. *Fundamental'nye i prikladnye issledovaniya: problemy i rezul'taty = Fundamental and applied research: problems and results*, 2014, no. 14, pp. 174–177.

15. Bajbarin A. A., Greben'kov A. A., Sheveleva S. V. *Ugolovnoe pravo Rossii. Obshchaya chast'* [Criminal law of Russia. The general part]. Kursk, Southwest St. Univ. Publ., 2017. 428 p.

16. Sheveleva S. V. Svoboda voli i ob"ektivnye priznaki sostava prestupleniya [Freedom of will and objective signs of the corpus delicti]. *Lex Russica*, 2014, no. 7, pp. 853–861.

17. Vermel' I. G. *Sudebno-medicinskaya ekspertiza lechebnoj deyatel'nosti. Voprosy teorii i praktiki* [Forensic medical examination of medical activity. Questions of theory and practice]. Sverdlovsk, Ural Univ. Publ., 1988. 112 p.

18. Bykov A. V., Zemlyanskij D. Yu. O nekotorykh osobennostyakh ustanovleniya prichinnoj svyazi v prestupleniyah po faktu neokazaniya ili nenadlezhachego okazaniya medicinskoj pomoshchi [About some features of establishing a causal relationship in crimes upon failure to

Понятовская Т. Г. Правовые основания уголовной ответственности за неоказание помощи больному 75
provide or improper medical care]. *Rossiiskij sledovatel'* = *Russian Investigator*, 2020, no. 2, pp. 33–37.

19. Cyganova O. A., Ivshin I. V. Neokazanie pomoshchi bol'nomu: teoreticheskie aspekty i pravoprimeritel'naya praktika [Failure to provide assistance to the patient: theoretical aspects and law enforcement practice]. *Medicinskoe pravo* = *Medical law*, 2014, no. 6, pp. 26–32.

20. Uголовное право Rossijskoj Federacii. Osobennaya chast' [Criminal law of the Russian Federation. The special part]; ed. by I. E. Zvecharovskii. Moscow, Prospekt Publ., 2020. 688 p.

Информация об авторе / Information about the Author

Понятовская Татьяна Григорьевна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права, Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Российская Федерация, e-mail: tagri8@yandex.ru, ORCID: 0000-0001-9070-6100

Tatyana G. Ponyatovskaya, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Professor of the Department of Criminal law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation, e-mail: tagri8@yandex.ru, ORCID: 0000-0001-9070-6100

Социальная технология профилактики и противодействия процессам вовлечения детей и подростков в практику суицидального поведения в социальных сетях

М. И. Синяева¹ ✉

¹ Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: mari_sinyaeva@mail.ru

Резюме

Актуальность. Настоящая статья посвящена исследованию деятельности «групп смерти», а также выявлению основных особенностей функционирования правовых норм, устанавливающих уголовную ответственность за их деятельность. Автор постарался определить важнейшие информационно-технологические, правовые аспекты вовлечения детей и подростков в «группы смерти».

Целью является разработка социальной технологии профилактики и противодействия процессам вовлечения детей и подростков в практику суицидального поведения.

Задачи изучить статистические данные о распространённости «групп смерти» в социальных сетях, их деятельности и её последствий.

Методология. Методологическую базу исследования составляет симбиоз общенаучных, специальных и частнонаучных методов познания, который позволяет исследовать «группы смерти» в социальных сетях.

Результаты. В ходе работы автор приходит к заключению, что самоубийство является одной из лидирующих причин смерти молодых людей, в связи с чем проводит анализ эффективности принятых мер по борьбе с суицидами несовершеннолетних. Для этого автор изучил статистические данные о демографических признаках осужденных лиц за 2018–2020 годы и первое полугодие 2021 года. За исследуемый период по вновь введённым статьям было осуждено 17 человек. Обращается внимание, что 4 осужденных находились в возрасте 14–17 лет. Данное обстоятельство ставит под сомнение результативность общей и специальной превенции в отношении лиц несовершеннолетнего возраста, интересующихся суицидальной тематикой.

Выводы. Социальная технология предупреждения самоубийств подростков и противодействия вовлечению их в «группы смерти» должна включать в себя контроль за адаптацией подростков в коллективе, совершенствование социальных условий и образования, особое внимание стоит уделить именно выявленной возрастной группе риска.

Ключевые слова: суицид; «группы смерти»; социальные сети; Интернет; право; несовершеннолетние.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Финансирование: Публикация написана в рамках реализации внутриуниверситетского гранта №ПР2030/2021-44 по программе развития ЮЗГУ «Приоритет 2030».

Для цитирования: Синяева М. И. Социальная технология профилактики и противодействия процессам вовлечения детей и подростков в практику суицидального поведения в социальных сетях // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021. Т. 11, № 6. С. 76–85. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2021-11-6-76-85>.

Поступила в редакцию 18.10.2021

Принята к публикации 24.11.2021

Опубликована 27.12.2021

© Синяева М. И., 2021

Social Technology of Prevention and Counteraction to the Processes of Involvement of Children and Adolescents in the Practice of Suicidal Behavior in Social Networks

Maria I. Sinyaeva¹ ✉

¹Southwest State University
50 Let Oktyabrya str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: mari_sinyaeva@mail.ru

Abstract

Relevance. This article is devoted to the study of the activities of "death groups", as well as to the identification of the main features of the functioning of legal norms that establish criminal liability for their activities. The author has tried to identify the most important information technology, legal aspects of involving children and adolescents in "death groups".

The purpose is to develop a social technology for preventing and countering the processes of involving children and adolescents in the practice of suicidal behavior.

Objectives to study statistical data on the prevalence of "death groups" in social networks, their activities and its consequences.

Methodology. The methodological basis of the research is a symbiosis of general scientific, special and private scientific methods of cognition, which allows us to study "death groups" in social networks.

Results. In the course of the work, the author comes to the conclusion that suicide is one of the leading causes of death of young people, and therefore analyzes the effectiveness of measures taken to combat suicide of minors. To do this, the author studied statistical data on the demographic characteristics of convicted persons for 2018-2020 and the first half of 2021. During the study period, 17 people were convicted under the newly introduced articles (Article 110.1 of the Criminal Code of the Russian Federation -12 people. Attention is drawn to the fact that 4 convicts were aged 14-17 years. This circumstance casts doubt on the effectiveness of the general and special prevention in relation to minors interested in suicidal topics.

Conclusions. The social technology of preventing suicide of adolescents and countering their involvement in "death groups" should include monitoring the adaptation of adolescents in a team, improving social conditions and education, special attention should be paid to the identified age group at risk.

Keywords: suicide; "death groups"; social networks; Internet; law; minors.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

Funding: The publication was written as part of the implementation of the intra-university grant No. PR2030/2021-44 under the Southwestern State University development program "Priority 2030".

For citation: Sinyaeva M. I. Social Technology of Prevention and Counteraction to the Processes of Involvement of Children and Adolescents in the Practice of Suicidal Behavior in Social Networks. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2021; 11(6): 76–85. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2021-11-6-76-85>.

Received 18.10.2021

Accepted 24.11.2021

Published 27.12.2021

Введение

Среди преступлений, связанных с лишением жизни, одним из самых неоднозначных и привлекающих внимание исследователей является такой вид общественно опасного деяния, как самоубий-

ство. Данный феномен имеет различные источники возникновения, среди основных следует выделить социальные, нравственные, психологические и правовые сферы воздействия на личность, склоняющуюся к суициду. По данным Всемирной организации здравоохранения, на

четвертом месте среди основных причин смерти молодых людей в возрасте от 15 до 29 лет находится самоубийство. Анализируя документ «Проблема самоубийств в мире, 2019 г.», в котором опубликованы последние оценки ВОЗ, мы наблюдаем неутешительную картину распределения основных причин смерти во всем мире, суицид, к сожалению, занимает одну из лидирующих позиций¹. Статистические данные упомянутой организации гласят, что в результате самоубийств ежегодно умирает больше людей, чем от ВИЧ или в ходе военных действий. Так, в 2019 г. по причине суицида ушли из жизни более 700 тыс. человек.

Вопрос суицидального поведения несовершеннолетних привлекает внимание не только в аспекте проблематики нашего исследования, но и отражается в работах О. В. Артюшиной [1; 2], Г. С. Иваненко [3], А. А. Ивлевой [4], Н. В. Кондратовой [5], М. А. Малетиной [6], Р. Д. Шарапова [7; 8], а также иных публикациях [9; 10; 11; 12; 13; 14; 15; 16]. По данным Росстата, в 2020 г. количество умерших по причине самоубийства – 16 546 человек², что составляет примерно 0,8% от общего количества умерших (2 138 586 человек). Наблюдая за динамичной кривой самоубийств, необходимо отметить, что за последние 5 лет она идет в сторону снижения, так количество всего умерших в России в 2016, 2017, 2018, 2019 гг. составляет 1,22%, 1,1%, 0,99%, 0,95%, 0,77% соответственно

Всемирная паутина, социальные сети, легкий доступ к неконтролируемой информации становится благоприятной почвой для кибербуллинга, влияния на

неокрепшую психику несовершеннолетних и, как следствие, усиление суицидальных мыслей и наклонностей. Важный вопрос заключается в том, представляет ли это влияние значительный риск для общества и какие подходы уголовно-правовой политики государства могут быть использованы для его решения.

Методология

Методологическую базу исследования составляет симбиоз общенаучных, специальных и частнонаучных методов познания, который позволяет исследовать «группы смерти» в социальных сетях. Использование диалектико-материалистического метода, а также методов научного познания, таких как методы формальной и диалектической логики, историко-правовой метод, методы анализа и синтеза, позволило систематизировать и описать полученные результаты исследования для целей их дальнейшего использования. Формально-юридический метод позволил изучить российское законодательство, регулирующие вопросы в сфере профилактики суицидального поведения среди несовершеннолетних, правоприменительную практику, а также научные публикации по исследуемой проблематике.

Результаты и их обсуждение

Рассматривая проблему самоубийств с точки зрения уголовного законодательства, обращаем внимание на то, что преступным является деяние, прямо предусмотренное ст. 110 УК РФ «Доведение до самоубийства» и выражающееся в склонении к самоубийству путем угроз, жестокого обращения или систематического унижения человеческого достоинства потерпевшего» [17]. В большинстве случаев уголовные дела по данной статье возбуждаются, особенно если это связано с самоубийством или попыткой совершения самоубийства несовершеннолетними. Однако количество дел, направленных в

¹ Каждая сотая смерть – самоубийство // Всемирная организация здравоохранения. URL: <https://www.who.int/ru/news/item/17-06-2021-one-in-100-deaths-is-by-suicide> (дата обращения: 04.10.2021).

² Российский статистический ежегодник. 2020: стат. сб. / Росстат. М., 2020. 700 с. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/12994> (дата обращения: 04.10.2021).

суд, не превышает 2,5% от общего количества возбужденных дел¹.

Как ранее упоминалось, пик количества суицида несовершеннолетних пришелся на 2016–2017 гг., в результате чего претерпели изменения Уголовный кодекс РФ и рассматриваемая статья.² Что послужило причиной подобного всплеска, забыть сложно. Десятки смертей среди несовершеннолетних связаны с организацией групп смерти в сети Интернет, через которые взрослые подстрекатели оказывали противоправное воздействие на несовершеннолетних, тем самым формируя у них желание совершить самоубийство. Появление «групп смерти» и других социально опасных игр-квестов («Тихий дом», «Разбуди меня в 4:20», «Синий кит»), предлагающих несовершеннолетним выполнять определенные задания, связанные с риском для жизни, позволили выявить имеющиеся пробелы в уголовном законодательстве. Существующие уголовно-правовые нормы, в частности ст. 105 и 110 УК РФ, не содержат в своей диспозиции деяний, выражающихся в склонении или содействии самоубийству посредством сети Интернет. Для достаточности и полноты уголовно-правовых средств по противодействию такому общественно опасному явлению, как самоубийство, появились предложения о внесении изменений в существующие нормы.

В 2017 г. был подписан закон³, направленный на борьбу с подростковым

¹ О влиянии сети на подростков и истинных причинах детских суицидов // Следственный комитет РФ. URL: <https://sledcom.ru/press/interview/item/1276735/> (дата обращения: 04.10.2021).

² Число суицидов в России в 2016 году выросло почти на 60% // Ведомости. 2017. 20 марта. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/news/2017/03/20/681840-chislo> (дата обращения: 04.10.2021).

³ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в части установления до-

суицидом. Помимо того, что законодатель установил более строгую ответственность за доведение до самоубийства, были также криминализованы общественно опасные деяния против жизни несовершеннолетних [18; 19]. Своё отражение они нашли в ст. 110.1, 110.2 и 151.2 УК РФ. Пояснительная записка к вновь принятому закону разъяснила, что «новые виды склонения к совершению самоубийства или содействия совершению самоубийства не прогнозировались ранее наукой, не были своевременно оценены криминологами и по факту приняли широкий масштаб, оказавшись вне уголовно-правовой оценки, а значит, и вне мероприятий правоохранительных органов по выявлению организаторов такой деструктивной деятельности, своевременному пресечению их действий, а также защите потерпевших»⁴.

Так как самоубийство является одной из лидирующих причин смерти молодых людей и по сей день, необходимо провести анализ эффективности принятых мер по борьбе с суицидами несовершеннолетних. Сделать это можно, изучив статистические данные, содержащие сведения о демографических признаках осужденных лиц по всем составам преступлений (форма № 11.1⁵) за 2018–

полнительных механизмов противодействия деятельности, направленной на побуждение детей к суицидальному поведению: федер. закон от 7 июня 2017 г. № 120-ФЗ // Собрание законодательства Рос. Федерации. 2017. № 24, ст. 3489.

⁴ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных механизмов противодействия деятельности, направленной на побуждение детей к суицидальному поведению: пояснительная записка к проекту федерального закона. URL: <http://asozd2.duma.gov.ru> (дата обращения: 07.10.2021).

⁵ Данные судебной статистики Судебного департамента при Верховном Суде РФ

2020 гг. и первое полугодие 2021 г. За исследуемый период по вышеназванным статьям было осуждено 17 человек: ст. 110.1 УК РФ – 12 человек, ст. 110.2 УК РФ – 4 человека, ст. 151.2 УК РФ – 1 человек, почти все они являются местными жителями, трудоспособными лицами без постоянного источника дохода, имеющими среднее общее или основное общее образование либо являющимися учащимися. Изучая возрастные границы субъектов, следует отметить, что они колеблются от 14–17 лет до 30–49 лет, лишь один осужденный достиг возраста 50 лет и старше, 6 осужденных из общего числа являются лицами женского пола. Обращаем внимание, что 4 осужденных находились в возрасте 14–17 лет. Данное обстоятельство ставит под сомнение результативность общей и специальной превенции в отношении лиц несовершеннолетнего возраста, интересующихся суицидальной тематикой.

Обратимся к судебной практике. Так, из материалов уголовного дела № 1-1299/2020 следует, что несовершеннолетняя Ягодкина Ю.Е. с февраля 2018 г. стала интересоваться группами суицидальной направленности, т. к. среди молодежи это имеет популярность. Она состояла в ряде групп суицидальной направленности, где ей давали различные задания, она выполняла их с помощью фотографий из Интернета. В диалогах в социальной сети «ВКонтакте» она создала беседу под названием «ДД.ММ.ГГГГ-перерождение». В данной беседе находилось около 10 участников. Склоняя к совершению самоубийства, Ягодкина Ю. Е. осознавала несовершеннолетний возраст участников беседы: так, ДД.ММ.ГГГГ около 00 часов 45 минут Потерпевший №6 сообщила ей о своем 13-летнем возрасте; ДД.ММ.ГГГГ около 00 часов 54 минут неустановленный пользователь «ФИО40» (<данные изъяты>) – о своем 14-летнем

возрасте; ДД.ММ.ГГГГ около 13 часов 30 минут Потерпевший №5 – о своем 14-летнем возрасте, ФИО11 – о своем 12-летнем возрасте. ДД.ММ.ГГГГ около 13 часов 30 минут участники беседы делятся своим возрастом: «ФИО113» сообщает, что ей 13 лет, «ФИО114» – 14 лет, «ФИО1» – 17 лет, «ФИО115» – 12 лет.

Беседа «19<данные изъяты>» была создана ею в конце августа 2019 г. с целью общения с неизвестными лицами, которых она искала в различных группах. Под наименованием беседы подразумевалась дата совершения массового суицида участниками данной беседы. Был выбран способ совершения самоубийства – падение под идущий поезд.

Перед добавлением участников в беседу она сначала добавляла их в друзья, общалась в личных сообщениях, интересовалась их жизнью, спрашивала, состояли ли они в суицидальных группах, играли ли в игры суицидальной направленности, довольны ли они своей жизнью, имеются ли у них проблемы.

Суд признал Ягодкину Ю. Е. виновной в совершении преступлений, предусмотренных пп. «а», «в», «д» ч. 3 ст. 110.1, Уголовного кодекса Российской Федерации¹.

Прежде чем приступить к разработке эффективных социальных мер противодействия суицидальному поведению среди молодежи, необходимо четко определить, какая возрастная группа в настоящее время наиболее подвержена воздействию различных «групп смерти». Данный пример судебной практики еще раз показал, что изменения в поведении, которые свидетельствуют о возможном участии в «группах смерти», наблюдаются у детей в возрасте 12–17 лет. Именно в таком возрасте подростки обладают неуравновешенной нервной системой, а

URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 07.10.2021).

¹ Уголовное дело № 1-1299/2020 Ленинского районного суда г. Тюмени // ГАС РФ «Правосудие». URL: <https://bsr.sudrf.ru/bigsp/portal.html> (дата обращения: 09.10.2021).

также они не отдают полного отчета своим действиям и могут поддаваться любым внешним воздействиям, что и приводит к их вовлечению в «игры смерти» в соцсетях. Это говорит о том, что проблема не исчезла и требует усиления мер по профилактике и предотвращению подобных действий.

Одним из действенных инструментов подобного характера является усиление контроля в рамках последующей социальной превенции суицидальных настроений в среде учеников средней и старшей школы путем проведения оффлайн-анкетирования каждые 3 месяца с целью выявления и предотвращения распространения идей суицида среди сверстников [20].

Важной составляющей интернет-профилактики суицида среди несовершеннолетних является участие в группах поддержки подростков, переживших суицид друга, т. к. такие дети попадают в «группы риска» по формированию депрессивных расстройств и, как следствие, суицида.

Важно, чтобы информация о таких полезных группах была более доступна и интересна подросткам, чем «группы смерти». В настоящий момент существуют следующие интернет-ресурсы для потенциальных суицидентов и переживших суицид близкого, на которых можно найти помощь и поддержку.

1. Сайт «Тебе стоит жить!»¹ содержит разнообразную информацию, позволяющую понять особенности суицидального поведения в разных возрастных категориях, познакомиться с реальными историями людей, пережившими собственные суицидальные настроения, людей, оказавших помощь тем, кто в ней нуждался, помогших им преодолеть жизненные трудности и отказаться от суицидальных намерений.

¹ Тебе стоит жить! URL: <http://nosuicid.ru/> (дата обращения: 07.10.2021).

2. Сайт «Пси-фактор»² посвящен не только вопросам, связанным с суицидальным поведением, но и многим другим вопросам психологического содержания.

3. Сайт «Тебе стоит жить»³ направлен на оказание помощи в преодолении суицида. На его страницах можно найти конкретную информацию о том, что делать, если перестал понимать, что есть смысл жизни, если не понимают в семье. На сайте можно разобраться с вопросом о том, что же такое депрессия и почему следует обязательно обратиться к врачу, если заметил у себя признаки депрессии. На сайте размещены тесты, позволяющие самостоятельно оценить глубину своего депрессивного состояния. Это очень важно, т. к. не каждый готов обращаться сразу за помощью к специалисту: психиатру или психотерапевту, а желание понять себя глубже есть.

4. Социальная сеть «Для тех, кому плохо»⁴ полностью посвящена организации общения между людьми, имеющими проблемы. Здесь можно задать вопрос и получить ответ от других пользователей, а также найти группу по интересам и общаться не только для ответов на трудные вопросы, но и для обмена позитивными историями, найти единомышленников по хобби и увлечениям.

Такие сайты и группы поддержки помогут пережившим суицид близкого человека получить поддержку от людей, испытавших такое же потрясение, с другой стороны, они впоследствии могут сами оказывать поддержку «новичкам», что

² Пси-фактор – Центр практической психологии. URL: <https://psyfactor.org/lib/after-suicide.htm> (дата обращения: 07.10.2021).

³ Тебе стоит жить: сайт о преодолении суицида. URL: <http://www.nosuicide.ru/> (дата обращения 07.10.2021).

⁴ Для тех, кому плохо: социальная сеть. URL: <https://mneploho.net/forum/thread8598.html> (дата обращения: 07.10.2021).

позволяет чувствовать себя нужным и полезным.

Выводы

Социальная технология предупреждения самоубийств подростков и противодействия вовлечению их в «группы смерти» должна включать в себя контроль за адаптацией подростков в коллективе, совершенствование социальных условий и образования, особое внимание стоит уделить именно выявленной возрастной группе риска. Так, предлагается проводить в школах (среди учеников средней и старшей школы) досуговые мероприятия, которые были бы интересны для самих подростков, с целью освоения ими новых навыков и хобби, что приведет к их заинтересованности в нормальной подростковой деятельности, общения со сверстниками, и все это под пристальным наблюдением педагогов и воспитателей.

Важная роль в разработке антисуицидальных мер должна отводиться и вовлечению СМИ, т. к. именно данный ресурс позволит сделать информацию по предупреждению суицидального поведения доступной, а также привлечет внимание подростков.

Бесспорно, предпринятые меры позволили решить широкий спектр задач, существенно сократили количество «групп смерти», проблема все же продолжает быть острой. Решения должны приниматься незамедлительно, ведь на кону стоят жизни подростков. В свете сказанного важны и оправданы следующие меры профилактики и противодействия суицидальному поведению: четкое отслеживание депрессивного состояния, злоупотребления алкоголем и наркотиками; формирование позитивного мышления (работа в семье); работа психолога с родителями, педагогами и детьми; повышение престижа здорового образа жизни

Список литературы

1. Артюшина О. В. Новеллы УК РФ о противодействии деятельности, направленной на побуждение несовершеннолетних к суицидальному поведению // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2017. №3 (29). С. 85–92.
2. Артюшина О. В. Новые преступления против жизни: проблемы криминализации и декриминализации // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2019. Т. 1, № 2. С. 129–136.
3. Иваненко Г. С. Склонение к совершению самоубийства/доведение до самоубийства: лингвистическая трактовка дифференциации содержания ст. 110 и ст.110.1. УК РФ // Юрислингвистика. 2019. №14. С. 14–18.
4. Ивлева А. А. О значении виктимологического аспекта при доведении до самоубийства, склонении к совершению самоубийства или содействии его совершению // Юридическая наука. 2021. № 5. С. 145–147.
5. Кондраткова Н. В. Некоторые вопросы расследования самоубийств, совершенных под влиянием «групп смерти» // Сборник материалов криминалистических чтений. 2020. № 17. С. 31–32.
6. Малетина М. А. Преступная причастность к самоубийству несовершеннолетних: сравнительно-правовой анализ законодательства России, стран СНГ и Балтии // Уголовная юстиция. 2018. № 11. С. 141–144.
7. Шарапов Р. Д., Вопросы квалификации преступлений против жизни несовершеннолетних, совершенных с использованием сети Интернет // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2017. №6. С. 81–90
8. Шарапов Р. Д., Смахтин Е. В. Новые основания уголовной ответственности за вовлечение в самоубийство и иное опасное для жизни поведение // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т. 12, № 3. С. 349–357. [https://doi.org/10.17150/2500-4255.2018.12\(3\).349-357](https://doi.org/10.17150/2500-4255.2018.12(3).349-357).
9. Акаева К. А., Запандова Ю. А. К вопросу о противоправной деятельности «Групп смерти» // Эпомен. 2020. № 41. С. 213–223.

10. Афанасов А. Е., Еськин Д. Л. Правовые меры по противодействию деятельности «групп смерти» в сети Интернет // Вестник научных конференций. 2020. № 5-3 (57). С. 9–10
11. Бычкова А. М., Раднаева Э. Л. Доведение до самоубийства посредством использования интернет-технологий: социально-психологические, криминологические и уголовно-правовые аспекты // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т. 12, № 1. С. 101–115. [https://doi.org/10.17150/2500-4255.2018.12\(1\).101-115](https://doi.org/10.17150/2500-4255.2018.12(1).101-115).
12. «Группы смерти»: механизмы программирования подростков и способы противодействия / Ю. В. Воронова, О. В. Яковлева, С. О. Тимошенко, К. Н. Оксенич // Правда и Закон. 2018. № 3 (5). С. 71–75.
13. Корецкий Д. А., Стешич Е. С. Самоубийства как элемент изучения гомицидальной преступности // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13, № 2. С. 207–214. [https://doi.org/10.17150/2500-4255.2019.13\(2\).207-214](https://doi.org/10.17150/2500-4255.2019.13(2).207-214).
14. Киселев С. С. Совершенствование механизма защиты несовершеннолетних от склонения к суициду: виктимология и право // Юридическая наука. 2018. № 6. С. 68–73.
15. Пантюхина Г. А. К проблеме расследования уголовных дел, связанных с суицидальными действиями несовершеннолетних с использованием социальных сетей // Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. № 2/2. С. 186–193.
16. Польшиков А. В., Буданова Е. А. Проблемы предупреждения преступлений, связанных с вовлечением несовершеннолетних в совершение антиобщественных действий // Вестник Воронежского института МВД России. 2018. № 2. С. 202–209.
17. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. Ю. И. Скуратова, В. М. Лебедева. М.: Проспект, 2015. 752 с.
18. Теунаев А. С.-У. К вопросу о совершенствовании норм об уголовной ответственности за понуждение к суицидальному поведению // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2017. № 3 (29). С. 72–77.
19. Хатуев В. Б. Доведение до самоубийства или до покушения на самоубийство: становление, состояние и проблемы уголовно-правовой регламентации в российском уголовном законодательстве // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 9 (106). С. 27–40.
20. Пучнина М. Ю. Меры профилактики криминального суицида несовершеннолетних // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2020. № 3. С. 285–291.

References

1. Artyushina O. V. Novelly UK RF o protivodejstvii deyatelnosti, napravlennoj na pobuzhdenie nesovershennoletnih k suicidal'nomu povedeniyu [Novellas of the Criminal Code of the Russian Federation on countering activities aimed at encouraging minors to suicidal behavior]. *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii = Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2017, no. 3 (29), pp. 85–92.
2. Artyushina O. V. Novye prestupleniya protiv zhizni: problemy kriminalizacii i dekriminalizacii [New crimes against life: problems of criminalization and decriminalization]. *Vestnik Volzhskogo universiteta im. V. N. Tatishcheva = Bulletin of the V. N. Tatishchev Volga State University*, 2019, vol. 1, no. 2, pp. 129–136.
3. Ivanenko G. S. Sklonenie k soversheniyu samoubijstva/dovedenie do samoubijstva: lingvisticheskaya traktovka differenciacii sodержaniya st. 110 i st.110.1. UK RF [Inducement to commit suicide/driving to suicide: linguistic interpretation of the differentiation of the content of Articles 110 and 110.1 of the Criminal Code of the Russian Federation]. *Yurisljngvistika = Legal Linguistics*, 2019, no. 14, pp. 14–18.
4. Ivleva A. A. O znachenii viktimologicheskogo aspekta pri dovedenii do samoubijstva, sklonenii k soversheniyu samoubijstva ili sodejstvii ego soversheniyu [On the significance of the victimological as-

pect in driving to suicide, inciting to commit suicide or facilitating its commission]. *Yuridicheskaya nauka = Legal Science*, 2021, no. 5, pp. 145–147.

5. Kondratkova N. V. Nekotorye voprosy rassledovaniya samoubijstv, sovershennykh pod vliyaniem "grupp smerti" [Some issues of investigation of suicides committed under the influence of "death groups"]. *Sbornik materialov kriminalisticheskikh chtenij = Collection of materials of forensic readings*, 2020, no. 17, pp. 31–32.

6. Maletina M. A. Prestupnaya prichastnost' k samoubijstvu nesovershennoletnih: sravnitel'no-pravovoy analiz zakonodatel'stva Rossii, stran SNG i Baltii [Criminal involvement in the suicide of minors: comparative legal analysis of the legislation of Russia, CIS and Baltic countries]. *Ugolovnaya yusticiya = Criminal Justice*, 2018, no. 11, pp. 141–144.

7. Sharapov R. D. Voprosy kvalifikatsii prestuplenij protiv zhizni nesovershennoletnih, sovershennykh s ispol'zovaniem seti Internet [Questions of qualification of crimes against the life of minors committed using the Internet]. *Elektronnoe prilozhenie k Rossijskomu yuridicheskomu zhurnalu = Electronic Supplement to the Russian Law Journal*, 2017, no. 6, pp. 81–90

8. Sharapov R. D., Smahtin E. V. Novye osnovaniya ugovnoy otvetstvennosti za vovlechenie v samoubijstvo i inoe opasnoe dlya zhizni povedenie [New grounds for criminal liability for involvement in suicide and other life-threatening behavior]. *Vserossiyskiy kriminologicheskij zhurnal = All-Russian Journal of Criminology*, 2018, vol. 12, no. 3, pp. 349–357. [https://doi.org/10.17150/2500-4255.2018.12\(3\).349-357](https://doi.org/10.17150/2500-4255.2018.12(3).349-357).

9. Akaeva K. A., Zapadnova Yu. A. K voprosu o protivopravnoj deyatel'nosti "Grupp smerti" [On the issue of illegal activities of "Death Groups"]. *Epomen*, 2020, no. 41, pp. 213–223.

10. Afanasov A. E., Es'kin D. L. Pravovye mery po protivodejstviyu deyatel'nosti "grupp smerti" v seti Internet [Legal measures to counteract the activities of "death groups" on the Internet]. *Vestnik nauchnykh konferencij = Bulletin of scientific conferences*, 2020, no. 5-3 (57), pp. 9–10

11. Bychkova A. M., Radnaeva E. L. Dovedenie do samoubijstva posredstvom ispol'zovaniya internet-tehnologij: social'no-psihologicheskie, kriminologicheskie i ugovno-pravovye aspekty [Driving to suicide through the use of Internet technologies: socio-psychological, criminological and criminal-legal aspects]. *Vserossiyskiy kriminologicheskij zhurnal = All-Russian Journal of Criminology*, 2018, vol. 12, no. 1, pp. 101–115. [https://doi.org/10.17150/2500-4255.2018.12\(1\).101-115](https://doi.org/10.17150/2500-4255.2018.12(1).101-115).

12. Voronova Yu. V., Yakovleva O. V., Timoshenko S. O., Oksenich K. N. "Gruppy smerti": mekhanizmy programmirovaniya podrostkov i sposoby protivodejstviya ["Death groups": programming mechanisms of adolescents and ways to counteract]. *Pravda i Zakon = Truth and Law*, 2018, no. 3 (5), pp. 71–75.

13. Koreckij D. A., Steshich E. S. Samoubijstva kak element izucheniya gomicidal'noj prestupnosti [Suicides as an element of the study of homicidal criminality]. *Vserossiyskiy kriminologicheskij zhurnal = All-Russian Journal of Criminology*, 2019, vol. 13, no. 2, pp. 207–214. [https://doi.org/10.17150/2500-4255.2019.13\(2\).207-214](https://doi.org/10.17150/2500-4255.2019.13(2).207-214).

14. Kiselev S. S. Sovershenstvovanie mekhanizma zashchity nesovershennoletnih ot skloneniya k suicidu: viktinologiya i pravo [Improving the mechanism of protection of minors from suicidal tendencies: victimology and law]. *Yuridicheskaya nauka = Legal Science*, 2018, no. 6, pp. 68–73.

15. Pantyuhina G. A. K probleme rassledovaniya ugovnykh del, svyazannykh s suicidal'nymi deystviyami nesovershennoletnih s ispol'zovaniem social'nykh setej [On the problem of investigating criminal cases related to suicidal actions of minors using social networks]. *Istoricheskaya i social'no-obrazovatel'naya mysl' = Historical and socio-educational thought*, 2017, no. 2/2, pp. 186–193.

16. Pol'shikov A. V., Budanova E. A. Problemy preduprezhdeniya prestuplenij, svyazannykh s vovlecheniem nesovershennoletnih v sovershenie antiobshchestvennykh deystvij [Problems of prevention of crimes related to the involvement of minors in the commission of antisocial actions]. *Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii = Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2018, no. 2, pp. 202–209.

17. Kommentarij k Ugolovnomu kodeksu Rossijskoj Federacii (postatejnyj) [commentary to the Criminal Code of the Russian Federation (article-by-article)]; ed. by Yu. I. Skuratova, V. M. Lebedeva. Moscow, Prospekt Publ., 2015. 752 p.

18. Teunaev A. S.-U. K voprosu o sovershenstvovanii norm ob ugolovnoj otvetstvennosti za ponuzhdenie k suicidal'nomu povedeniyu [On the issue of improving the norms on criminal liability for compulsion to suicidal behavior]. *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii = Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2017, no. 3 (29), pp. 72–77.

19. Hatuev V. B. Dovedenie do samoubijstva ili do pokusheniya na samoubijstvo: stanovlenie, sostoyanie i problemy ugolovno-pravovoj reglamentacii v rossijskom ugolovnom zakonodatel'stve [Leading to suicide or attempted suicide: the formation, state and problems of criminal law regulation in Russian criminal legislation]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava = Actual problems of Russian law*, 2019, no. 9 (106), pp. 27–40

20. Puchnina M. Yu. Mery profilaktiki kriminal'nogo suicida nesovershennoletnih [Measures to prevent criminal suicide of minors]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo = Bulletin of the Voronezh State University. Series: Law*, 2020, no. 3, pp. 285–291.

Информация об авторе / Information about the Author

Синяева Мария Ивановна, старший преподаватель кафедры уголовного права, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация, e-mail: mari_sinyaeva@mail.ru, ORCID: 0000-0003-3477-5448

Maria I. Sinyaeva, Senior Lecturer of the Department of Criminal Law, Southwest State University, Kursk, Russian Federation, e-mail: mari_sinyaeva@mail.ru, ORCID: 0000-0003-3477-5448

Оригинальная статья / Original article

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2021-11-6-86-96>

Некоторые вопросы квалификации преступлений против порядка эмиссии ценных бумаг

Н. Н. Рыженков¹ ✉

¹Воронежский государственный университет
Университетская площадь 1, г. Воронеж 394018, Российская Федерация

✉ e-mail: n.n.ryzhenkov@inbox.ru

Резюме

Актуальность. В период финансово-экономического кризиса, обусловленного многими факторами, среди которых выделяются развал «нефтяной сделки» в формате ОПЕК, экономические последствия распространения COVID-19, непредсказуемость валютной волатильности, наблюдается снижение доходности привычных финансовых инструментов. На фоне указанных явлений возрастает потребность бизнеса в привлечении капитала, что вкупе с желанием инвесторов сохранить и преумножить свободные сбережения обуславливает стремительно нарастающую популярность инвестирования в ценные бумаги.

Особенную значимость для инвестиционного процесса имеет его первый этап – выпуск в обращение (эмиссия) ценных бумаг. Без должной правовой охраны данный институт становится благодатной почвой для различного рода злоупотреблений, наносящих прямой ущерб инвесторам, держателям ценных бумаг, корпорациям, государству.

Цель работы – определение уголовно-правового механизма защиты эмиссии ценных бумаг в Российской Федерации.

Задачи: дать правовую характеристику посягательства на порядок эмиссии ценных бумаг; сравнить законодательство Российской Федерации, регулирующее порядок выпуска ценных бумаг, с аналогичным законодательством некоторых зарубежных государств; оценить существующую систему уголовно-правовых норм, посредством которых осуществляется охрана эмиссии ценных бумаг.

Методология. Использованы методы системного и структурно-функционального анализа, систематического междисциплинарного анализа и синтеза. Исследование проводилось с применением общеправовых методов индукции и дедукции, сравнительно-правового метода.

Результаты. Выявлено, что существующая система уголовно-правовых норм, направленных на охрану эмиссии ценных бумаг, не отвечает реалиям фондового рынка, а применяемые законодателем подходы к построению уголовно-правовых запретов не релевантны нормам гражданского и финансового права.

Вывод. Целесообразно последовать примеру европейских государств и квалифицировать отдельные деяния, совершаемые в процессе эмиссии ценных бумаг, как мошенничество. При этом статью 185 Уголовного кодекса Российской Федерации необходимо сформулировать так, чтобы её бланкетный характер отсылал правоприменителя напрямую к динамичному корпоративному праву.

Ключевые слова: фондовый рынок; эмиссия ценных бумаг; уголовно-правовая охрана; фондовый рынок.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Рыженков Н. Н. Некоторые вопросы квалификации преступлений против порядка эмиссии ценных бумаг // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021. Т. 11, № 6. С. 86–96. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2021-11-6-86-96>.

Поступила в редакцию 27.10.2021

Принята к публикации 25.11.2021

Опубликована 27.12.2021

© Рыженков Н. Н., 2021

Some Issues of Qualification of Crimes Against the Procedure for Issuing Securities

Nikolay N. Ryzhenkov¹ ✉

¹Voronezh State University
1 Universitetskaya square, Voronezh 394018, Russian Federation

✉ e-mail: n.n.ryzhenkov@inbox.ru

Abstract

Relevance. During the financial and economic crisis caused by many factors, among which are the collapse of the "oil deal" in the OPEC format, the economic consequences of the spread of COVID-19, the formation of a credit bubble, the unpredictability of currency volatility, there is a decrease in the profitability of the usual savings and savings instruments. On the other hand, against the background of these phenomena, the need for business to attract third-party capital is only growing, which, together with the desire of citizens not only to preserve, but also to multiply their free savings, causes the rapidly increasing popularity of investing in securities.

At the same time, of particular importance for the investment process is its first stage – the issuance (issue) of securities. Without proper legal protection, this institution becomes a fertile ground for various kinds of abuses that cause significant damage to investors, securities holders, corporations, and the state.

The purpose of the work is to determine the criminal-legal mechanism for protecting the issue of securities in the Russian Federation.

Objectives: to give a legal description of criminal encroachments on the procedure for issuing securities (including solving the problems of delineation from general norms), to compare the legislation of the Russian Federation regulating the procedure for issuing securities with the similar legislation of some other states, to determine the sufficiency and necessity of the existing system of criminal law norms through which the issue of securities is protected.

Methodology. In the course of the work, methods of comparative, systemic and structural-functional analysis, systematic interdisciplinary analysis and synthesis were used. The study was conducted using general philosophical methods of induction and deduction, a comparative legal method.

Results. The study revealed that the existing system of criminal law norms aimed at protecting the issue of securities does not meet the challenges of the modern reality of the stock market, and the approaches applied by the legislator to the construction of criminal law prohibitions are not relevant to the initial norms of civil and financial law.

Conclusion. It seems appropriate to follow the example of European states and qualify the criminal acts committed in the process of issuing securities as fraud. At the same time, Article 185 of the Criminal Code of the Russian Federation should be formulated in such a way that its blank nature refers the law enforcement officer directly to such a dynamic corporate law.

Keywords: stock market; issue of securities, criminal legal protection; stock market.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Ryzhenkov N. N. Some Issues of Qualification of Crimes Against the Procedure for Issuing Securities. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2021; 11(6): 86–96. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2021-11-6-86-96>.

Received 27.10.2021

Accepted 25.11.2021

Published 27.12.2021

Введение

Финансовая деятельность любого государства представляет собой непрерывный процесс, в том числе по созданию оптимальных условий, побуждающих к образованию, распределению и ис-

пользованию частных финансов. Финансовый рынок каждой отдельно взятой страны является объектом постоянного совершенствования. Не составляет исключения в этом отношении и российский, находящийся в стадии формирования

ния, что продиктовано культурологическими предпосылками и достаточно молодой, по историческим меркам, рыночной экономикой постсоветской России.

Сказанное обуславливает высочайшую потребность в правовой охране общественных отношений, возникающих в связи с эмиссией и обращением ценных бумаг, а также высокий правовой потенциал существования качественно сформулированных уголовно-правовых запретов, установленных в этой связи.

Актуальность данной темы только подчеркивается ничтожно малым количеством научных работ, посвященных комплексному анализу охраны рынка ценных бумаг методом уголовно-правового воздействия, но не исключительно, в системной связи с положениями гражданского права, административно-правовыми запретами, а также отсутствием статистически значимой судебной-следственной практики. Думается, что в сложившейся ситуации, когда существующие правовые конструкции не работают, необходимо предоставить законодателю научно обоснованную, потенциально применимую на практике теоретическую конструкцию, отвечающую требованиям современности.

Методология

Состояние научной разработанности проблемы оставляет желать лучшего: тематика фондового рынка в уголовно-правовом срезе вскользь оговаривалась в работах Б. В. Волженкина [1; 2], А. Э. Жалинского [3], В. Н. Кудрявцева [4], И. Е. Максимовой и некоторых других [5; 6; 7; 8; 9; 10; 11]. В середине 2000-х гг. были защищены диссертации, касающиеся злоупотреблений при эмиссии корпоративных ценных бумаг [9; 10; 11], что, очевидно, объясняется кардинальной редакцией нормы в 2002 г., но далее монографические исследования не проводились. Учитывая, что данный рынок отличается динамичностью, необходимость исследования данного вопроса достаточ-

но актуальна. Работы последних лет преимущественно (что вполне объяснимо) сконцентрированы на вопросах регулирования исследуемого сегмента [12].

Методологическая основа представлена всеобщим методом – материалистической диалектикой при рассмотрении уголовно-правовых явлений в их развитии и в конкретно-исторической ситуации; общенаучными: анализом, синтезом, системным и функциональным подходами при раскрытии существенных признаков преступления, а также частнонаучными, в том числе методом сравнительного правоведения; частноправовым формально-юридическим методом – при изучении технико-юридической составляющей норм, регулирующих отношения, возникающие в ходе уголовно-правовой охраны фондового рынка.

Результаты и их обсуждение

Эмиссия (от фр. *emission*) – выпуск в обращение [13]. Термин применяется преимущественно к бумажным деньгам и ценным бумагам. Федеральный закон «О рынке ценных бумаг»¹ четко регламентирует процедуру выпуска ценных бумаг, а в дополнение к указанной норме принято Положение Банка России «О стандартах эмиссии ценных бумаг»². Она состоит из следующих обязательных, последовательно сменяющих друг друга этапов:

- 1) принятие решения о размещении эмиссионных ценных бумаг;
- 2) утверждение решения о выпуске эмиссионных ценных бумаг;
- 3) государственная регистрация выпуска эмиссионных ценных бумаг или

¹ О рынке ценных бумаг: федер. закон от 22 апр. 1996 г. № 39-ФЗ: [ред. от 05.04.2020]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_101481 (дата обращения: 16.09.2021).

² О стандартах эмиссии ценных бумаг: Положение Банка России от 19 дек. 2019 г. N 706-П // Вестник Банка России. 2020. № 37–38.

присвоение выпуску эмиссионных ценных бумаг идентификационного номера,

4) размещение эмиссионных ценных бумаг;

5) государственная регистрация отчета об итогах выпуска эмиссионных ценных бумаг или представление уведомления об итогах выпуска эмиссионных ценных бумаг.

Решение об утверждении эмиссии ценных бумаг принимается советом директоров (наблюдательным советом) общества-эмитента, если уставом общества ему предоставлено такое право. В противном случае решение должно быть принято высшим органом эмитента.

Содержание текста решения находится в зависимости от вида эмитируемых ценных бумаг. Если речь идет об акциях, в решении должны найти отражение способ размещения акций, форма их оплаты, цена размещаемых акций или порядок её определения. В отношении облигаций перечень шире и включает в себя дополнительно срок погашения размещаемых облигаций или порядок его определения, способы обеспечения исполнения обязательств по облигациям, указание на возможность досрочного погашения размещаемых акций или отсутствие таковой.

Регистрация выпуска эмиссионных ценных бумаг в абсолютном большинстве случаев сопровождается составлением и регистрацией такого специфического документа, как проспект эмиссии ценных бумаг – документа установленной формы, содержащего необходимые сведения о предстоящем выпуске ценных бумаг, который регистрируется уполномоченным государственным органом и в случаях, установленных законодательством, публикуется для обозрения в свободном доступе. Роль проспекта двойственна: с одной стороны, он служит средством стимулирования продаж выпускаемых ценных бумаг, поскольку в нем отражается позитивная информация, с другой – в проспекте также раскрывает-

ся существенная для инвесторов информация о компании, в том числе факторы риска.

Завершающей стадией процесса эмиссии ценных бумаг является государственная регистрация отчета об итогах выпуска, а в случаях, когда его составление необязательно – уведомления об итогах выпуска ценных бумаг. Отчет подписывается единоличным исполнительным органом эмитента и должен содержать фактическую цену размещения, количество размещенных ценных бумаг, общий объем поступлений от размещения ценных бумаг.

Уголовно-правовой нормой, направленной на обеспечение безопасности данного процесса, на сегодняшний день является ст. 185 УК РФ «Злоупотребления при эмиссии ценных бумаг». Её диспозиция альтернативна, состав преступления образуют такие деяния, как:

а) внесение в проспект ценных бумаг заведомо недостоверной информации;

б) утверждение содержащего заведомо недостоверную информацию проспекта ценных бумаг;

в) подтверждение содержащего заведомо недостоверную информацию отчета (уведомления) об итогах выпуска ценных бумаг;

г) размещение эмиссионных ценных бумаг, выпуск которых не прошел государственную регистрацию, за исключением случаев, когда законодательством РФ о ценных бумагах не предусмотрена государственная регистрация выпуска эмиссионных ценных бумаг.

Криминообразующим признаком при этом является крупный размер причиненного вреда, т. е. деяние становится преступным только тогда, когда причиняет государству, организациям или гражданам крупный ущерб. Под крупным ущербом, а равно доходом в крупном размере во всех преступлениях исследуемой группы понимается ущерб/доход, превышающий полтора миллиона рублей, под особо крупным – превышающий три

миллиона семьсот пятьдесят тысяч рублей.

Построение состава на основе размера ущерба обосновывается необходимостью отграничить преступление от административного правонарушения, или гражданско-правового деликта, и не расходовать государственный ресурс на производство по делам, не представляющим реальной общественной опасности.

Первая форма преступного деяния – внесение в проспект ценных бумаг заведомо недостоверной информации.

В соответствии со ст. 22 Федерального закона «О рынке ценных бумаг» проспект должен содержать:

- введение, в котором кратко излагается содержание проспекта и приводится информация, позволяющая составить общее впечатление об эмитенте и его ценных бумагах;

- подробную информацию об эмитенте и его финансово-хозяйственной деятельности;

- бухгалтерскую отчетность эмитента за три последних года, промежуточную бухгалтерскую отчетность за три, шесть или девять месяцев, а также консолидированную отчетность, если эмитентом является управляющая компания группы компаний с приложением соответствующих аудиторских заключений;

- сведения об объеме, о сроке, об условиях и о порядке размещения эмиссионных ценных бумаг;

- сведения о лице, предоставляющем обеспечение по облигациям эмитента, а также об условиях такого обеспечения.

Нетрудно догадаться, что в целях повышения инвестиционной привлекательности компании ее руководство сознательно вносит в проспект «приукрашенную» отчетность либо, напротив, скрывает некоторые факты о своей деятельности.

Но что же понимать под «внесением в проспект»? И. А. Клепицкий предлагает понимать под внесением любую целенаправленную деятельность, целью и ре-

зультатом которой стало появление в утвержденном проекте недостоверных сведений [14, с. 207]. С. В. Красюков считает, что внесение в проспект ценных бумаг заведомо недостоверной информации есть включение в данный документ на стадии его подготовки информации, не соответствующей реальной действительности [10, с. 15]. Н. А. Лопашенко полагает, что внесение в проспект ценных бумаг заведомо недостоверной информации означает активные действия по включению в проспект ценных бумаг сведений, не соответствующих действительности [15, с. 198].

Прежде чем дать ответ на данный вопрос, представляется необходимым ознакомиться со следующей указанной законодателем формой исследуемого преступного деяния – утверждение содержащего заведомо недостоверную информацию проспекта ценных бумаг.

Н. А. Лопашенко пишет, что утверждение проспекта с заведомо недостоверными сведениями представляет собой установленную нормативными актами процедуру одобрения проспекта органа управления эмитентами. Утверждение, как правило, оформляется решением указанных уполномоченных органов [16, с. 199].

Утверждение проспекта, как полагает Л. Д. Гаухман, есть подписание уполномоченными лицами эмитента проспекта, придающее ему значение полностью завершеному, т. е. готовому документу [17, с. 220].

В любом случае, утверждение проспекта представляет собой его окончательное оформление компетентными органами эмитента. Как и в предыдущем случае, необходимо дать однозначный ответ на вопрос: способно ли утверждение проспекта ценных бумаг повлечь наступление ущерба? Представляется, что нет. Полагаем наиболее целесообразным избегать излишней детализации нормы закона и не выделять утверждение проспекта ценных бумаг, содержащего

недостовверные сведения как самостоятельный признак состава преступления, отнеся его, как и в предыдущем случае, к приготовлению к совершению преступления.

Спорный момент следует из предположения о том, что само по себе внесение в проспект недостоверной информации не может повлечь вреда, поскольку является предпосылкой, но не причиной причинения имущественного ущерба приобретателю ценных бумаг. В связи с этим считаем допустимым установить, что преступление будет окончено только при условии, что проспект эмиссии, содержащий недостоверную информацию, подан для регистрации. Во всех остальных случаях, например, когда такой проспект подготовлен и находится на рассмотрении коллегиальных органов эмитента, представляется куда более целесообразным считать внесение в проспект ценных бумаг недостоверных сведений приготовлением к совершению соответствующего преступления, но не окончанным преступлением.

Следующим альтернативным проявлением деяния законодатель указал подтверждение содержащего заведомо недостоверную информацию отчета (уведомления) об итогах выпуска ценных бумаг. Для раскрытия ее содержания обратимся к ст. 25 Федерального закона «О рынке ценных бумаг». В ней установлено, что отчет (уведомление) об итогах выпуска (дополнительного выпуска) эмиссионных ценных бумаг должен быть подписан лицом, осуществляющим функции единоличного исполнительного органа эмитента, подтверждающими тем самым достоверность и полноту всей информации, содержащейся в отчете или уведомлении об итогах выпуска (дополнительного выпуска) эмиссионных ценных бумаг. Следовательно, под подтверждением содержащего заведомо недостоверную информацию отчета (уведомления) об итогах выпуска эмиссионных ценных бумаг понимается подписание документа уполномо-

ченными лицами, осведомленными о наличии в нем информации, не соответствующей действительности.

После подписания отчет об итогах выпуска эмиссионных ценных бумаг подается в регистрирующий орган. Вместе с названными документами в уполномоченный орган представляется заявление о его регистрации и документы, подтверждающие соблюдение эмитентом требований законодательства РФ, определяющих порядок и условия размещения ценных бумаг, утверждения отчета об итогах выпуска ценных бумаг, раскрытия информации, иных требований, соблюдение которых необходимо при размещении ценных бумаг.

Последней формой злоупотребления при эмиссии ценных бумаг установлено размещение ценных бумаг, выпуск которых не прошел государственную регистрацию, за исключением случаев, когда законодательством РФ о ценных бумагах не предусмотрена государственная регистрация выпуска эмиссионных ценных бумаг.

Не в полной степени раскрывает содержание уголовно-правового запрета С. В. Красюков. Он пишет, что размещение эмиссионных ценных бумаг, выпуск которых не прошел государственную регистрацию, подразумевает под собой размещение эмиссионных ценных бумаг без государственной регистрации их выпуска вопреки установленной законодательством обязанности осуществить такую регистрацию [10, с. 19]. Также не до конца раскрыт смысл рассматриваемой формы деяния определением ее как отчуждения эмитентом первым владельцам ценных бумаг, которым не присвоен индивидуальный государственный регистрационный номер [18, с. 709].

Размещение ценных бумаг включает в себя:

– совершение сделок, направленных на отчуждение ценных бумаг их первым владельцам;

– внесение приходных записей по лицевым счетам или по счетам-депо первых владельцев (в случае размещения именных ценных бумаг) либо по счетам-депо первых владельцев в депозитарии, осуществляющем централизованное хранение документарных облигаций с обязательным централизованным хранением (в случае размещения документарных облигаций с обязательным централизованным хранением);

– выдачу сертификатов документарных облигаций их первым владельцам (в случае размещения документарных облигаций без обязательного централизованного хранения).

Таким образом, совершение любого из названных деяний при отсутствии государственной регистрации выпуска ценных бумаг и причинения крупного ущерба гражданам, организациям или государству должно неизбежно повлечь применение уголовно-правовых мер.

Противоправность исследуемой формы деяния состоит в нарушении установленных процедур. Её общественная опасность выражается в нескольких аспектах. Во-первых, выпуск «суррогатных» ценных бумаг на рынок приведет только к оттоку добросовестных участников из-за страха незащищенности и потери своего капитала. В этом отчетливо проявляется уязвимость отечественного фондового рынка. Во-вторых, посягательство как объективная сторона деяния представлена пренебрежением процедурой регистрации как необходимой ступени. В-третьих, следствием размещения ценных бумаг при заключении сделок купли-продажи выступает, помимо ущерба покупателю, создание неблагоприятной обстановки в целом на рынке, что приводит к нарушению естественного рыночного баланса.

Подытоживая вышеизложенное, акцентируем внимание на следующем. Соотнеся установленную в позитивном праве процедуру эмиссии ценных бумаг с формами преступного деяния, можно

сделать вывод, что уголовным законом охраняется лишь одна ее стадия – размещение эмиссионных ценных бумаг, остальные имеют отношение к проспекту ценных бумаг, противоправность и общественную опасность которых сложно определить.

С субъективной стороны каждая форма преступного деяния характеризуется исключительно прямым умыслом. Это означает, что виновный: 1) осознает общественную опасность своих действий; 2) совершая противоправное деяние при эмиссии ценных бумаг, предвидит возможность или неизбежность наступления общественно опасных последствий, состоящих в причинении крупного ущерба гражданам, организациям или государству, или сопряженного с незаконным извлечением дохода; 3) желает наступления последствий.

Несостоятельной представляется точка зрения, согласно которой преступление может быть совершено по неосторожности (недогляду). Легкомыслие исключается в силу того, что для него характерен без достаточных к тому оснований самонадеянный расчет на предотвращение последствий. Это, в свою очередь, не присуще исследуемому посягательству. Также наивно полагать, что виновный в отношении данного преступления при необходимой внимательности и предусмотрительности должен был и мог предвидеть общественно вредные последствия, поэтому по небрежности совершить преступление также не представляется возможным.

Представляет определенный интерес то, каким образом сходные общественные отношения отрегулированы в праве зарубежных стран. Анализ уголовного законодательства государств, имеющих относительно стабильный и развитый фондовый рынок (США, Германия), приводит нас к выводу о том, что для них не характерно прямое уголовно-правовое регулирование процесса эмиссии ценных

бумаг. Предлагаем рассмотреть данный аспект несколько подробнее.

Право, и в частности институт ценных бумаг, в США развивались и функционировали под влиянием английского права, однако в настоящее время можно говорить о формировании собственной уникальной нормативной базы, с присущими ей характерными чертами. Так, регулирующие исследуемый институт федеральные акты делятся на непосредственно законы и постановления Комиссии по ценным бумагам и биржам. Первые имеют материальный характер и регулируют отношения между субъектами фондового рынка, вторые – содержат преимущественно процедурные нормы.

Особенно примечательной представляется позиция Верховного суда США касательно самого определения ценных бумаг: определение ценных бумаг (security) дано в столь широких и общих выражениях, что позволяет включить в его содержание все многочисленные инструменты, в наибольшей степени соответствуя целям защиты инвесторов [9, с. 208].

Как будто в продолжение данной тенденции суды нижестоящих инстанций не проявляют изобретательности в квалификации преступлений, совершаемых на рынке ценных бумаг, и склонны рассматривать всё (от попыток продажи любых ценных бумаг в нарушение регистрационных требований до инсайдерской торговли) как специфические формы мошенничества.

Похожего подхода придерживается и законодатель Федеративной Республики Германия, обратившись к Уголовному кодексу которой (а именно к §264а, §266) мы обнаруживаем, что первый посвящен мошенничествам при капиталовложении, второй – общему злоупотреблению доверием.

Таким образом, специфического состава преступления, устанавливающего противоправность отдельных деяний, совершаемых при эмиссии ценных бумаг, германское уголовное законодательство

не содержит. Справедливости ради, необходимо отметить, что по подобному пути идут практически все европейские государства – Франция, Швеция, Бельгия – также не создали специальной нормы, охраняющей порядок эмиссии ценных бумаг.

Нормы, идентичные отечественным, обнаруживаются (и это неудивительно) в уголовном праве постсоветских стран. В частности, Уголовный кодекс Армении содержит положения, предусматривающие ответственность за неправомерный выпуск и размещение ценных бумаг. Однако при этом местный правоприменитель нечасто применяет указанные нормы, а чаще действует по примеру европейских стран, широко трактуя нормы о мошенничестве [20, с. 96].

Определенную прогрессивность в уголовно-правовом регулировании отношений, складывающихся на фондовом рынке, проявляют страны Прибалтики. Так, уголовные кодексы Латвии и Литвы содержат сразу несколько норм, регламентирующих данную группу общественных отношений. В частности, в УК Латвии включена глава «Преступные деяния в народном хозяйстве», согласно ст. 194 которой преступлением является «Недозволенный выпуск ценных бумаг», т. е. совершение любых действий, противоречащих установленным хозяйственным правом нормам о выпуске ценных бумаг.

Законодатель Литовской Республики в ст. 215 УК, размещенной в главе «Преступления и уголовные проступки», устанавливает ответственность за «Незаконное использование платежного средства или его данных», прибегая при этом к таким терминам, как «платежное средство» и «платежный инструмент». Таким образом была предпринята попытка лишить норму отсылочного характера, что, на наш взгляд, хотя и отчасти упрощает деятельность правоприменителя, создает благодатную почву для развития преступности, поскольку отдельные деяния

могут буквально «выпасть» из сферы уголовно-правового воздействия.

Выводы

Единственным, на наш взгляд, возможным результатом детального рассмотрения отечественной нормы, устанавливающей ответственность за нарушения при эмиссии ценных бумаг, и некоторых зарубежных норм, должно стать внесение двух одинаково возможных на практике и не исключающих друг друга предложений:

а) сформулировать ст. 185 УК РФ таким образом, чтобы её диспозиция была максимально немногословной и отсылала правоприменителя к нормам гражданского и корпоративного права, устанавливающим порядок эмиссии ценных бумаг;

б) вслед за европейскими законодателями отказаться от идеи уголовно-правового регулирования отношений, возникающих при эмиссии ценных бумаг, и квалифицировать соответствующие де-

яния (при наличии соответствующих признаков) как мошенничество.

При этом заметим, что первый подход представляется более рациональным и привычным с точки зрения отечественной уголовно-правовой доктрины и имеет некоторые очевидные преимущества. В частности, отсылочный характер максимально широко сформулированной нормы избавит законодателя от необходимости вносить в УК РФ изменения вслед за изменением довольно динамичного корпоративного права, что обеспечит стабильную применимость нормы.

При этом не исключается одновременное применение второго приведенного нами подхода: зачастую в зависимости от мотивов и целей виновного отдельные нарушения при эмиссии ценных бумаг, направленные не на подрыв нормального функционирования корпорации, но на завладение имуществом потенциального инвестора, должны быть квалифицированы именно как мошенничество, что, очевидно, более «выгодно» для правоприменителя.

Список литературы

1. Волженкин Б. В. Экономические преступления. СПб.: Юридический центр Пресс, 1999. 312 с.
2. Волженкин Б. В. Некоторые вопросы характеристики преступлений в сфере экономической деятельности по Уголовному кодексу Российской Федерации // Актуальные проблемы науки и практики коммерческого права: сборник научных статей. Вып. 5. СПб.: Волтерс Клувер, 2005.
3. Жалинский А. Э. Уголовное право в ожидании перемен: теоретико-инструментальный анализ. М.: Проспект, 2009. 400 с.
4. Кудрявцев В. Н. Избранные труды по социальным наукам: в 3 т. Т. 3: Политология, идеология, этика. М.: Наука, 2002. 426 с.
5. Соловьев И. Н. Гуманизация законодательства, предусматривающего ответственность за совершение экономических преступлений, как «мягкая» амнистия в сфере экономики // Российский следователь. 2014. № 13. С. 35–41.
6. Шевелева С. В. Принуждение как общественно опасное деяние // Lex russica. 2017. № 12. С. 68–83.
7. Селютин А. В. Особенности уголовно-правового регулирования преследования руководителей кредитных организаций за совершение преступлений в финансово-кредитной сфере // Банковское право. 2012. № 4. С. 54–58.
8. Егорова Н. Реформа Уголовного кодекса РФ (декабрь 2011 г.): проблемы применения новых норм // Уголовное право. 2012. № 3. С. 18–22.
9. Вербицкая Н. А. Злоупотребления при эмиссии корпоративных ценных бумаг: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2007. 192 с.
10. Красюков С. В. Уголовно-правовые аспекты противодействия злоупотреблениям при эмиссии ценных бумаг: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2008. 22 с.

11. Галкина В. И. Преступления в сфере эмиссии и обращения ценных бумаг (уголовно-правовые аспекты): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2009. 27 с.
12. Курочкина Т. А. Современный этап развития законодательства в области эмиссии ценных бумаг // Современная школа России. Вопросы модернизации. 2021. № 3-1 (36). С. 197–198.
13. Словарь финансовых и юридических терминов. URL: https://www.consultant.ru/law/ref/ju_dict/ (дата обращения: 06.09.2021).
14. Клепицкий И. А. Система хозяйственных преступлений. М.: Статут, 2005. 570 с.
15. Лопашенко Н. А. Авторский комментарий к уголовному закону. М.: Волтерс Клувер, 2007. 673 с.
16. Лопашенко Н. А. Преступления в сфере экономической деятельности. Комментарий к главе 22 Уголовного кодекса РФ. Ростов н/Д: Феникс, 2007. 382 с.
17. Уголовное право: Особенная часть / под ред. Л. Д. Гаухмана. 2-е изд., доп. и перераб. М.: Эксмо, 2005. 705 с.
18. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. А. В. Бриллиантова. М.: Проспект, 2010. 1392 с.
19. Габов А. В. Ценные бумаги: вопросы теории и правового регулирования рынка. М.: Статут, 2011. 1102 с.
20. Mobile real estate: legal status and succession principles // Journal of Advanced Research in Law and Economics. 2015. Vol. 6, No. 1. P. 96–103.

References

1. Volzhenkin B.V. Ekonomicheskie prestupleniya [Economic crimes]. St. Petersburg, Yuridicheskij centr Press Publ., 1999. 312 p.
2. Volzhenkin B. V. [Some questions of the characteristics of crimes in the sphere of economic activity under the Criminal Code of the Russian Federation]. *Actual problems of science and practice of commercial law. Collection of scientific articles* [Aktual'nye problemy nauki i praktiki kommercheskogo prava. sb. nauchnyh statej], is. 5. St. Petersburg, Volters Kluver Publ., 2005. (In Russ.)
3. Zhalinskij A. E. Uголовное право v ozhidanii peremen: teoretiko-instrumental'nyj analiz [Criminal law in anticipation of changes: theoretical and instrumental analysis]. Moscow, Prospekt Publ., 2009. 400 p.
4. Kudryavcev V. N. Izbrannye trudy po social'nym naukam. Vol. 3: Politologiya, ideologiya, etika [Selected works on social sciences. Vol. 3: Political Science, Ideology, Ethics]. Moscow, Nauka Publ., 2002. 426 p.
5. Solov'ev I. N. Gumanizaciya zakonodatel'stva, predusmatrivayushchego otvetstvennost' za sovershenie ekonomicheskikh prestuplenij, kak "myagkaya" amnistiya v sfere ekonomiki [Humanization of legislation providing for responsibility for economic crimes as a "soft" amnesty in the economic sphere]. *Rossijskij sledovatel' = A Russian investigator*, 2014, no. 13, pp. 35–41.
6. Sheveleva S. V. Prinuzhdenie kak obshchestvenno opasnoe deyanie [Coercion as a socially dangerous act]. *Lex russica*, 2017, no. 12, pp. 68–83.
7. Selyutin A. V. Osobennosti uголовно-pravovogo regulirovaniya presledovaniya rukovoditelej kreditnyh organizacij za sovershenie prestuplenij v finansovo-kreditnoj sfere [Features of criminal law regulation of prosecution of heads of credit organizations for committing crimes in the financial and credit sphere]. *Bankovskoe pravo = Banking Law*, 2012, no. 4, pp. 54–58.
8. Egorova N. Reforma Uголовного кодекса RF (dekabr' 2011 g.): problemy primeneniya novyh norm [Reform of the Criminal Code of the Russian Federation (December 2011): problems of application of new norms]. *Uголовное pravo = Criminal Law*, 2012, no. 3, pp. 18–22.
9. Verbickaya N. A. Zloupotrebleniya pri emissii korporativnyh cennyh bumag. Avtoref. diss. kand. jurid. nauk [Abuses in the issuance of corporate securities. Cand. legal sci. abstract diss.]. Krasnoyarsk, 2007. 192 p.
10. Krasnyukov S. V. Uголовно-pravovye aspekty protivodejstviya zloupotrebleniyam pri emissii cennyh bumag. Avtoref. diss. kand. jurid. nauk [Criminal-legal aspects of countering abuses in the issue of securities. Cand. legal sci. abstract diss.]. Krasnodar, 2008. 22 p.

11. Galkina V. I. Prestupleniya v sfere emissii i obrashcheniya cennyh bumag (ugolovno-pravovye aspekty). Avtoref. diss. kand. jurid. nauk [Crimes in the sphere of issue and circulation of securities (criminal law aspects). Cand. legal sci. abstract diss.]. Rostov-on-Don, 2009. 27 p.
12. Kurochkina T. A. Sovremennyy etap razvitiya zakonodatel'stva v oblasti emissii cennyh bumag [The modern stage of development of legislation in the field of securities issue]. *Sovremennaya shkola Rossii. Voprosy modernizacii = Modern School of Russia. Modernization issues*, 2021, no. 3-1 (36), pp. 197–198.
13. Slovar' finansovyh i yuridicheskikh terminov [Dictionary of Financial and Legal Terms]. Available at: https://www.consultant.ru/law/ref/ju_dict/ (accessed 06.09.2021).
14. Klepickij I. A. Sistema hozyajstvennyh prestuplenij [The system of economic crimes]. Moscow, Statut Publ., 2005. 570 p.
15. Lopashenko N. A. Avtorskij kommentarij k ugolovnomu zakonu [Author's commentary on the criminal law]. Moscow, Volters Kluver Publ., 2007. 673 p.
16. Lopashenko N. A. Prestupleniya v sfere ekonomicheskoy deyatel'nosti. Kommentarij k glave 22 Ugolovnogo kodeksa RF [Crimes in the sphere of economic activity. Commentary to Chapter 22 of the Criminal Code of the Russian Federation]. Rostov-on-Don, Feniks Publ., 2007. 382 p.
17. Ugolovnoe pravo: Osobennaya chast' [Criminal law: a special part]; ed. by L. D. Gauhman. 2th ed. Moscow, Eksmo Publ., 2005. 705 p.
18. Kommentarij k Ugolovnomu kodeksu Rossijskoj Federacii (postatejnyj) [Commentary to the Criminal Code of the Russian Federation (article-by-article)]; ed. by A.V. Brilliantov. Moscow, Prospekt Publ., 2010. 1392 p.
19. Gabov A. V. Cennye bumagi: voprosy teorii i pravovogo regulirovaniya rynka [Securities: issues of theory and legal regulation of the market]. Moscow, Statut Publ., 2011. 1102 p.
20. Mobile real estate: legal status and succession principles. *Journal of Advanced Research in Law and Economics*, 2015, vol. 6, no. 1, pp. 96–103.

Информация об авторе / Information about the Author

Рыженков Николай Николаевич, аспирант кафедры уголовного права, Воронежский государственный университет, г. Воронеж, Российская Федерация, e-mail: n.n.ryzhenkov@inbox.ru, ORCID: 0000-0002-6507-679X

Nikolay N. Ryzhenkov, Post-Graduate Student of the Department of Criminal Law, Voronezh State University, Voronezh, Russian Federation, e-mail: n.n.ryzhenkov@inbox.ru, ORCID: 0000-0002-6507-679X

Интеллектуальные системы поддержки принятия судебных решений в уголовном судопроизводстве

Е. В. Марковичева¹ ✉

¹ Российский государственный университет правосудия
ул. Новочерёмушкинская 69, г. Москва 117418, Российская Федерация

✉ e-mail: markovicheva@yandex.ru

Резюме

Актуальность. Достижения цифровой революции активно проникают во все сферы общественной жизни. Правоприменительная деятельность также трансформируется, а современные технологии все чаще применяются в судопроизводстве. Уголовный процесс также ощущает такое информационное влияние. Но цифровизация уголовного процесса может идти в различных направлениях и сопряжена с определенными рисками. Наибольшую озабоченность ученых и практиков вызывает применение интеллектуальных систем при вынесении судебных решений, поскольку в этом направлении цифровизация может оказывать и негативное воздействие на обеспечение прав участников судопроизводства и иных лиц.

Цель – раскрытие возможностей и рисков использования в уголовном процессе интеллектуальных систем поддержки принятия судебных решений.

Задачи: раскрыть современные подходы к цифровизации уголовного процесса; выявить возможности применения интеллектуальных систем при постановлении судом решений по уголовным делам; определить риски, сопровождающие использование интеллектуальных систем поддержки принятия судебных решений в уголовном судопроизводстве и способы их минимизации.

Методология. В процессе работы над исследованием использовались сравнительно-правовой, формально-юридический методы и общенаучные методы познания (анализ, синтез, аналогия).

Результаты. Сформулированы предложения, направленные на корректировку доктринальных и законодательных подходов к обеспечению прав участников уголовного процесса как необходимого условия дальнейшей цифровизации процессуальной деятельности суда по уголовному делу.

Вывод. В настоящее время отсутствуют организационно-правовые условия для более активного использования интеллектуальных систем в рамках уголовного судопроизводства. Требуется системное обсуждение возможностей дальнейшей цифровизации процессуальной деятельности, изменение подходов к подготовке юридических кадров, определение рисков, связанных с обеспечением прав участников процесса, и соответствующая системная корректировка законодательства.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство; судебные решения; цифровизация; искусственный интеллект; права человека.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Марковичева Е. В. Интеллектуальные системы поддержки принятия судебных решений в уголовном судопроизводстве // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021. Т. 11, № 6. С. 97–108. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2021-11-6-97-108>.

Поступила в редакцию 16.10.2021

Принята к публикации 18.11.2021

Опубликована 27.12.2021

Intelligent Decision Support in Criminal Court

Elena V. Markovicheva¹✉

¹ Russian State University of Justice
69 Novocheryomushkinskaya str. Moscow 117418, Russian Federation

✉ e-mail: markovicheva@yandex.ru

Abstract

Relevance. *The achievements of the digital revolution are actively penetrating all spheres of public life. Law enforcement is also transforming, and modern technologies are increasingly being used in legal proceedings. The criminal process also feels this informational influence. But digitalization of the criminal process can go in different directions and is associated with certain risks. The greatest concern of scientists and practitioners is the use of intelligent systems when passing court decisions, since in this direction digitalization can also have a negative impact on ensuring the rights of participants in legal proceedings and other persons.*

Purpose. *Disclosure of the possibilities and risks of using intelligent systems for supporting judicial decisions in criminal proceedings.*

Objective: *to reveal modern approaches to digitalization of the criminal procedure; to identify the possibilities of using intelligent systems when the court decides on criminal cases; determine the risks accompanying the use of intelligent systems for supporting judicial decision-making in criminal proceedings, and ways to minimize them.*

Methodology. *In the process of working on the study, comparative-legal, formal-legal methods and general scientific methods of cognition (analysis, synthesis, analogy) were used.*

Results. *Proposals are formulated aimed at adjusting doctrinal and legislative approaches to ensuring the rights of participants in criminal proceedings, as a prerequisite for further digitalization of the procedural activity of the court in a criminal case.*

Conclusion. *Currently, there are no organizational and legal conditions for the more active use of intelligent systems in the framework of criminal proceedings. It requires a systematic discussion of the possibilities for further digitalization of procedural activities, a change in approaches to the training of legal personnel, the identification of risks associated with ensuring the rights of participants in the process and the corresponding systemic adjustment of legislation.*

Keywords: *criminal proceedings; court decisions; digitalization; artificial intelligence; human rights.*

Conflict of interest: *The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Markovicheva E. V. Intelligent Decision Support in Criminal Court. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2021; 11(6): 97–108. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2021-11-6-97-108>.

Received 16.10.2021

Accepted 18.11.2021

Published 27.12.2021

Введение

Системы судопроизводства в большинстве современных государств находятся под сильным влиянием цифровой революции. Технологический прогресс в определенной мере меняет многие общественные и государственные институты, а «цифровые технологии в совокупности с усовершенствованной аналитикой данных и процессов служат технологическими драйверами цифровых инноваций, ко-

торые определяют глобальные трансформации современного мира, формируют вектор основного технологического, экономического и социального развития в современную эпоху» [1, с. 36]. Цифровизация судов стала рассматриваться как средство повышения доступности и открытости правосудия и в ряде случаев позволила говорить о судебной деятельности как особом виде государственных услуг [2].

В России реализация национальной программы «Цифровая экономика»¹ затронула деятельность и судебной системы. В декабре 2020 г. на заседании Совета судей Российской Федерации руководителем Судебного департамента при Верховном Суде РФ были озвучены некоторые показатели цифровизации деятельности судов, развития сервисов «Электронного правосудия», автоматизации рабочих мест судей и, в частности, отмечено, что за одиннадцать месяцев 2020 г. в суды общей юрисдикции было подано без малого два миллиона обращений в электронном виде².

Пандемические ограничения, введенные большинством государств в 2020 г., стали драйвером процесса цифровизации судебной системы и поставили вопрос о расширении возможностей применения информационных технологий в различных видах судопроизводства. Даже те государства, в которых уровень цифровизации судебной деятельности к 2020 г. был невысоким, интенсивно стали использовать технологические достижения для обеспечения бесперебойного судопроизводства, поскольку «те, кто живет цифрой, могут быть спасены цифрой» [3, р. 171]. Возможности подобного «спасения», безусловно, зависят от вида судопроизводства и гораздо выше в области гражданского, административного, арбитражного процесса. Специфика уголовного процесса заключается в том, что потребность в цифровизации в его рамках часто не только не меньше, чем в других видах судопроизводства, а гораздо боль-

ше, но вот возможности технологичного реформирования существенно ниже, что определяется и характером правоприменительной деятельности, и значительным числом участников с неравновесным процессуальным статусом, и необходимостью интеграции организационных усилий целого ряда государственных органов. Чаще всего не представляется возможным решить ту или иную проблему, связанную с «оцифровкой» уголовного процесса привычным способом внесения точечных изменений только в уголовно-процессуальное законодательство, а требуется системная переработка многих законов и подзаконных актов. Именно эти факторы чаще всего являются объективными факторами, затрудняющими создание необходимой нормативной базы для реализации технологий «удаленного правосудия» («remote justice») [4]. Если добавить к ним еще и существующие организационные проблемы, не позволяющие одновременно улучшить техническое обеспечение судов и иных органов в любом государстве, то станет очевидным, что внедрение достижений технологического прогресса и впредь будет достаточно медленным. При этом ожидания юристов будут всегда сдерживаться уровнем развития самих технологий.

В таких условиях научное сообщество перешло от фазы «скептического наблюдения» за цифровизацией уголовного процесса к более продуктивной фазе «критического осмысления» тех преимуществ и рисков, которые она неизбежно несет в судопроизводство. В настоящее время научный интерес к данной проблематике растет, в том числе и в отечественной уголовно-процессуальной науке, где все чаще предлагается в основе трансформации уголовного судопроизводства видеть «электронное взаимодействие государства и общества (населения) в новой цифровой реальности» [5, с. 76].

На данном этапе юридическое сообщество обсуждает несколько направлений цифровизации уголовного процесса,

¹ Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» // Правительство России. URL: <http://government.ru/rugovclassifier/614/events/> (дата обращения: 27.09.2021).

² Доклад Генерального директора Судебного департамента на пленарном заседании Совета судей Российской Федерации 8 декабря 2020 года. URL: <https://cdep.sudrf.ru/index.php?id=104&item=5531> (дата обращения: 01.10.2021).

реализация которых является не только значимой, но и потенциально возможной в обозримом будущем. Это изменение подходов к доказыванию, в связи с изменением и характеристик преступности, и собственно системы доказательств, а также снижение рутинной нагрузки на субъектов уголовно-процессуальной деятельности за счет внедрения электронного формата уголовного дела или подключения электронных сервисов, обеспечивающих автоматизацию отдельных процедур, преимущественно в судебных стадиях. Исследователи считают, что активное использование инструментов Big data в уголовном судопроизводстве может помочь в раскрытии, расследовании и рассмотрении уголовных дел [6].

Однако одно из возможных направлений цифровизации уголовного судопроизводства воспринимается юридическим сообществом с большой осторожностью и вызывает много вопросов. Речь идет о возможностях использования искусственного интеллекта при принятии процессуально значимых решений. Развитие современных технологий позволяет увидеть правоприменителям здесь ряд возможностей, но при этом закономерно встает вопрос относительно того, какую цену придется заплатить за подобную оптимизацию.

Остановимся ниже на некоторых подходах к возможному использованию систем искусственного интеллекта при принятии судебных решений по уголовным делам и рисках, сопровождающих их внедрение в уголовное судопроизводство.

Методология

В статье приведены обобщенные результаты исследования отдельных правовых норм, регламентирующих обеспечение прав участников уголовного судопроизводства. Особое внимание было уделено документам Совета Европы по вопросам применения искусственного интеллекта в деятельности органов полиции и судов в уголовном процессе. Тео-

ретической основой данной работы стали публикации отечественных и зарубежных исследователей, посвященные как общим вопросам информатизации судебной деятельности и уголовного судопроизводства, так и вопросам оценки рисков при использовании искусственных интеллектуальных систем в ходе производства по уголовному делу.

Дизайн данного исследования предполагал системное использование как общенаучного, так и правового методологического инструментария, позволившего сформулировать значимые выводы.

Применение общенаучных методов исследования позволило проанализировать, обобщить и систематизировать нормативные и доктринальные подходы к использованию систем искусственного интеллекта при принятии судами решений.

Анализ рисков для обеспечения прав участников уголовного судопроизводства при использовании искусственного интеллекта проводился с использованием формально-юридического метода исследования. Сравнительно-правовой метод исследования позволил произвести качественное сопоставление правоприменительных подходов к использованию искусственного интеллекта, поддерживающего принятие процессуальных решений в различных правовых системах.

Результаты и их обсуждение

Несомненно, количество публикаций, посвященных проблемам цифровизации уголовного процесса, за последние годы существенно увеличилось. Даже обращение к поисковым формам Научной электронной библиотеки elibrary.ru свидетельствует о многократном росте использования термина «искусственный интеллект» в названии и ключевых словах публикаций, выполненных в последние три года. Меняется и сам характер публикаций. Если первоначально исследовательские акценты расставлялись преимущественно на тех предпочтениях,

которые могут быть получены уголовным судопроизводством от активного внедрения информационных технологий [7], то в последние годы все чаще предметом научной дискуссии выступают не только несомненные плюсы цифровизации, но и сопровождающие ее минусы. Стоит поддержать призыв ученых при обсуждении данной проблематики затрагивать не чисто «технологичные», а более широкие вопросы, связанные с сохранением или изменением уголовно-процессуальной формы, нравственными аспектами подобного реформирования [8].

Полагаем, что толчок к осмыслению не только преимуществ цифровизации судопроизводства, но и неизбежно сопровождающих ее рисков, был дан развитием систем социального контроля и мониторинга в рамках борьбы с пандемией COVID-19. И здесь обозначился целый ряд проблем, связанных с ограничением частной жизни людей, потенциальными возможностями несанкционированного доступа к персональной информации и обеспечением фундаментальных прав граждан [9].

Как правило, исследователи демонстрируют достаточно осторожное отношение к возможностям использования искусственного интеллекта для решения задач уголовного судопроизводства и принятия промежуточных и итоговых процессуальных решений. Исследователи обоснованно ставят важный вопрос: как развитие искусственного интеллекта может изменить судебные системы? [10]. Нередко высказываются опасения относительно негативной трансформации системы правосудия при расширении применения интеллектуальных систем поддержки принятия судом решения [11]. Раскрывая особенности функционирования современных нейронных сетей в качестве поддерживающего принятие процессуального решения инструментария, ученые приходят к обоснованному выводу, что их применение может стать фак-

тором, ограничивающим права участников процесса [12].

Заслуживает внимания тот факт, что в правовой доктрине и законодательстве отсутствует сколько-нибудь универсальное определение искусственного интеллекта. Однако сложно согласиться с исследователями, которые считают, что отсутствие соответствующей дефиниции «сдерживает решение иных юридических вопросов» [13, с. 38].

Можно предположить, что поиск универсального термина, обозначающего искусственный интеллект, не будет конструктивным, поскольку в правовой жизни является заимствованным. Соответственно, сперва необходимо определиться с техническим понятием искусственного интеллекта, однако в этой области научного знания такое понятие также отсутствует по понятным причинам: стремительное изменение самих технологий не позволяет закрепить некое универсальное определение на все времена. Поэтому обычно используется раскрытие понятия через соответствующий контекст. Однако в технических науках присутствует определенная, часто прикладная дифференциация терминов и разграничивается более общее понятие «искусственный интеллект» как некая технологическая концепция, позволяющая решить задачи, традиционно относимые только к человеческой деятельности и требующие когнитивных способностей человека, и понятие «система, использующая искусственный интеллект», обозначающее какую-либо программу, конкретную технологию, обеспечивающую решение прикладных задач с использованием концепции «artificial intelligence» (AI). Обычно подпадание технологии под определение искусственного интеллекта связано с проведением сравнения с человеческим разумом, а способность некой технологии решать задачи, подвластные человеческому интеллекту, позволяет отнести ее к категории AI.

Что касается решения задач, связанных с оптимизацией судопроизводства, то более разумным видится именно использование термина «система, использующая искусственный интеллект». В противном случае мы рискуем прийти к выводу о возможности замещения человека как субъекта уголовно-процессуальной деятельности искусственным интеллектom и порождении фантастических роботов-судей или роботов-полицейских. Сразу же оговоримся, что подобное замещение в обозримом будущем вряд ли будет возможным. По крайней мере, правовая наука должна предпринимать усилия, чтобы субъектом, ответственным за принятие процессуальных решений, оставался человек. Обсуждение же таких фантастических для уголовного судопроизводства исходов нередко связано с непониманием тех или иных технологических решений, применяемых в правовой сфере. Приведем только один пример. Осенью 2016 г. средства массовой информации активно распространили информацию о том, что искусственный интеллект научился предсказывать решения Европейского суда по правам человека. Исследователи в сфере IT увидели определенный прикладной потенциал в использовании систем анализа естественного человеческого языка при принятии правовых решений [14]. Но такая информация закономерно вызвала достаточно бурную реакцию в юридическом сообществе и обсуждение всего спектра негативных для судебной системы последствий от подобных экспериментов. Однако организаторы эксперимента, результаты которого получили среди юристов больше негативных, чем позитивных оценок, не ставили перед собой задачу обоснования возможности замены суда искусственным интеллектom при принятии решений. Фактически, разработанная система, обученная анализировать человеческую речь, провела анализ массива

поданных жалоб по неким ключевым словам-маркерам и пришла к заключению о том, какие из жалоб дойдут до стадии рассмотрения ЕСПЧ по существу [15]. В данном случае речь шла лишь о возможном в перспективе (поскольку на момент эксперимента точность прогнозирования составила 79%) использовании подобных интеллектуальных систем для первоначальной оценки приемлемости поданных жалоб. Подобные исследования проводятся учеными для выявления возможностей использования искусственного интеллекта в юридической практике, и с этой целью нередко используются и базы судебных решений. Например, для решения прикладных задач юридической информатики была создана система, использующая искусственный интеллект в целях судебного прогнозирования (judicial prediction), которая анализировала базы данных Верховного Суда США, куда внесены решения по делам более чем за двести лет [16].

Такие работы в области правовой информатики представляют теоретический и практический интерес, но заставляют в очередной раз задуматься о границах использования таких технологий, которые не могут быть одинаковыми по всем уголовным делам, в независимости от их специфики, сложности и других факторов. Нельзя не поддержать и ту точку зрения, согласно которой не совсем корректно говорить о «предсказательном прогнозировании» в юридической сфере, поскольку результат использования соответствующих алгоритмов «более похож на прогноз погоды, чем на установленный факт. Судебные разбирательства могут иметь непредсказуемый исход» [17, р. 8].

Определенные системы, использующие искусственный интеллект, уже получили некоторое распространение в различных государствах в деятельности полиции и судов и обычно обозначаются

как "Decision Support Systems". В основе таких интеллектуальных систем поддержки принятия решений лежат вычислительные алгоритмы, реализуемые через ту или иную модель машинного обучения. Как правило, сложный алгоритм машинного обучения обрабатывает и анализирует некий объем данных о личности подозреваемого или обвиняемого в совершении преступлений лица, его предыдущем социальном поведении, оценивая в балльной системе те или иные факторы риска того, что лицо скроется от следствия или суда или повторно совершит противоправное деяние. В итоге сотрудники полиции или суд получают заключение системы, использующей искусственный интеллект, относительно таких рисков и могут использовать его при принятии решений. Следует отметить, что подобные модели не являются ноу-хау именно в правовой сфере, а представляют скорее адаптированные под нужды уголовного процесса модели, получившие широкое коммерческое распространение в различных секторах экономики, например, в банковской деятельности при оценке рисков выдачи кредита через систему финансового скоринга.

Применение систем, использующих искусственный интеллект, позволяет решить ряд задач, направленных на оптимизацию деятельности, связанной с раскрытием преступлений, их расследованием и рассмотрением судами. Современные технологии показали достаточно высокую эффективность в прогнозировании совершения преступлений, в распознавании лиц, подозреваемых в их совершении, в сборе и анализе больших объемов информации. В качестве преимуществ нередко указывается и отсутствие изначального субъективизма, который в той или иной мере может повлиять на вынесение решения человеком и который часто сопровождает индивидуальное пра-

воприменение и реализацию дискреционных полномочий.

Но подобная искусственная «интеллектуальная деятельность» не идеальная и несет в производство не только позитив, но и негатив. В большинстве современных правовых систем изначально допускается возможность человеческой ошибки при принятии процессуальных решений. На ее предотвращение и минимизацию последствий работают процессуальные институты обжалования, пересмотра и реабилитации. Если человеческий интеллект может ошибаться, то применимо ли такое же суждение к оценке искусственного интеллекта? И кто должен нести ответственность в уголовном процессе за такие ошибки? Эти и другие вопросы все более активно обсуждаются юридическим сообществом по мере расширения цифровизации уголовного процесса и выявления рисков, сопровождающих этот процесс.

В первую очередь эти риски связаны с обеспечением прав участников процесса и иных лиц, чьи права могут быть ограничены в силу принятия решения на основе рекомендации искусственного интеллекта. Сегодня системы уголовной юстиции встали перед необходимостью решения сложной задачи: более активного использования современных технологий для снижения рутинной нагрузки на следственные органы и суд и, соответственно, оптимизации сроков рассмотрения и достижения процессуальной экономии, с одной стороны, и сохранения человеческого контроля за принятием процессуальных решений с соблюдением целого ряда правовых и этических принципов – с другой.

Примечательно, что круг вопросов, которые суды в различных государствах пытаются разрешить с использованием интеллектуальных систем поддержки решений, примерно одинаков и связан с оценкой посткриминального поведения

обвиняемого. Чаще всего такие системы используются при решении вопросов об избрании меры, обеспечивающей надлежащее поведение лица до суда, о назначении наказания, о досрочном освобождении от уголовного наказания. Первый опыт использования таких систем выявил и первые серьезные проблемы, связанные с обеспечением недискриминационного характера судопроизводства. Наиболее известным, но далеко не единственным примером полемики по данному вопросу является обсуждение кейса «Эрик Лумис против Штата Висконсин»¹. После внедрения в деятельность судов отдельных штатов интеллектуальной системы COMPAS, которая оценивала риски противоправного посткриминального поведения лица [18], осужденные стали подавать жалобы на решения судов с использованием такой системы, указывая, что она носит дискриминационный характер. Хотя данная система доказала возможность практического использования, резонансное дело Эрика Лумиса заставило юридическое сообщество обсуждать вопросы дискриминации при использовании искусственного интеллекта в процессе принятия судом решений, поскольку критикуемая система COMPAS оценивала риски рецидива среди афроамериканцев выше и экстраполировала статистические данные о преступности в одном штате на другой [19]. И хотя Верховный суд штата Висконсин не нашел в данном деле явных процессуальных нарушений, которые могли бы повлиять на приговор, он призвал суды обдуманно и с осторожностью оценивать те прогнозы, которые для них готовит искусственный интеллект, и мотивировать свои решения.

¹ State v. Loomis: Wisconsin Supreme Court Requires Warning Before Use of Algorithmic Risk Assessments in Sentencing. Harvard Law Review. URL: <https://harvardlawreview.org/2017/03/state-v-loomis/> (дата обращения: 29.09.2021).

Серьезные опасения относительно дискриминационной помощи искусственного интеллекта суду были высказаны и Советом Европы, что нашло свое отражение в Европейской этической хартии об использовании искусственного интеллекта в судебных системах и окружающих их реалиях, принятой Европейской комиссией по эффективности правосудия в декабре 2018 г.² В качестве важнейших принципов использования искусственного интеллекта судами были названы: 1) принцип непротиворечия систем искусственного интеллекта основным правам; 2) принцип недискриминационного использования; 3) принцип качественного и безопасного для принятия решений использования данных и технологий; 4) принцип прозрачности систем на основе искусственного интеллекта, понятности получения данных и потенциальной возможности внешнего аудита; 5) принцип информированного участия в использовании системы и пользовательского контроля.

В октябре 2020 г. Комитет по гражданским свободам, юстиции и внутренним делам (LIBE) Европарламента подготовил Отчет об искусственном интеллекте в уголовном праве и его использовании полицией и судебными органами в уголовных делах³ и предложил принять резолюцию, определив в ней ряд ключевых моментов, связанных с использованием искусственного интеллекта в уголовной юстиции. Признавая неизбежность расширения сфер, трансформируе-

² European ethical Charter on the use of Artificial Intelligence in judicial systems and their environment. URL: <https://rm.coe.int/ethical-charter-en-for-publication-4-december-2018/16808f699c> (дата обращения: 28.09.2021).

³ Report on artificial intelligence in criminal law and its use by the police and judicial authorities in criminal matters (2020/2016(INI)). URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/A-9-2021-0232_EN.html (дата обращения: 28.09.2021).

мых под влиянием технологического прогресса, Комитет призвал рассматривать искусственный интеллект не как самоцель, а как эффективный механизм, который может служить людям, но при этом несет не только позитивное начало, но и определенные риски. Эксперты, подготовившие отчет, сочли необходимым отметить и технологическое неравенство государств, определяющее возможности использования полицией и судами систем искусственного интеллекта. Признавая значительные возможности искусственного интеллекта для раскрытия целого ряда преступлений и для улучшения деятельности правоохранительных органов и судов, Комитет указал, что он же увеличивает риски нарушения основных прав человека, поэтому должен применяться с учетом принципов необходимости и соразмерности при ограничении права на защиту частной жизни и персональных данных и с обеспечением презумпции невиновности и права на защиту.

Внедрение интеллектуальных систем поддержки принятия решения в уголовном судопроизводстве – это вопрос скорее времени. Поэтому вполне разумным для отечественного уголовного процесса видится обсуждение возможностей использования таких систем, границ использования, рисков, сопряженных с их использованием и способов минимизации. Ориентируясь на зарубежный опыт, можно с большой долей вероятности полагать, что первые шаги в данном направлении будут сделаны для решения вопросов об избрании судом меры пресечения и условно-досрочном освобождении. Именно здесь больше возможностей, но и больше рисков, тем более что российская система мер пресечения является предметом постоянной и обоснованной критики [20]. Что касается рисков, сопровождающих принятие решения об условно-досрочном освобождении, то здесь встает вопрос о допустимости профили-

рования осужденных, о параметрах и данных, которые будут использоваться интеллектуальной системой поддержки судебного решения.

Выводы

Применение в уголовном судопроизводстве систем, использующих искусственный интеллект, неизбежно сопряжено с обработкой и хранением значительного объема персональной информации. Обработываемые данные могут касаться как участников процесса непосредственно, так и иных лиц. Обязательным условием работы с таким информационным массивом должны быть технологии, обеспечивающие необходимый уровень конфиденциальности и защиты от несанкционированного доступа к нему.

Обязательным условием продуктивного использования искусственного интеллекта правоприменителями является надлежащий уровень их профессиональной подготовки. К сожалению, в настоящее время уровень информационной грамотности большинства юристов ограничивается работой с офисными программами и специальными юридическими справочными системами. Но достаточно ли такой подготовки для понимания возможностей и рисков использования искусственного интеллекта при принятии решений? И может ли эта ситуация скорректирована в обозримом будущем? Очевидно, что без соответствующего повышения квалификации судей применение ими систем, использующих искусственный интеллект, может пойти по одному из двух негативных сценариев: или полное неприятие возможностей, которые дают такие системы, или полное возложение ответственности за принимаемое решение на искусственный интеллект и мотивирование решения отсылкой к рекомендации, сформулированной программой.

Список литературы

1. Карцхия А. А. Цифровизация в праве и правоприменении // Мониторинг правоприменения. 2018. № 1. С. 36–40. <https://doi.org/10.21681/2226-0692-2018-1-36-40>.
2. Качалова О. В. Правосудие как услуга: мировой тренд // Уголовный процесс. 2019. № 11. С. 10.
3. Taddeo M. The ethical governance of the digital during and after the COVID-19 Pandemic // *Minds & Machines*. 2020. No. 30. P. 171–176. <https://doi.org/10.1007/s11023-020-09528-5>.
4. Марковичева Е. В. Цифровая трансформация российского уголовного судопроизводства // *Правосудие*. 2020. Т. 2, № 3. С. 86–99.
5. Масленникова Л. Н. К вопросу о первых результатах реализации научного проекта № 18-29-16018 «Концепция построения уголовного судопроизводства, обеспечивающего доступ к правосудию в условиях развития цифровых технологий» // *Lex russica*. 2020. Т. 73, № 1. С. 70–87. <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2020.158.1.070-087>.
6. Gawali P., Sony R. The role of artificial intelligence in improving criminal justice system: indian perspective // *Legal Issues in the Digital Age*. 2020. Vol. 3(3). P. 78–98. <https://doi.org/10.17323/2713-2749.2020.3.78.96>.
7. Власова В. С. К вопросу о приспособливании уголовно-процессуального механизма к цифровой реальности // *Библиотека криминалиста*. 2018. № 1. С. 9–18.
8. Završnik Ales. Criminal justice, artificial intelligence systems, and human rights // *ERA Forum*. 2020. Vol. 20. P. 567–583. <https://doi.org/10.1007/s12027-020-00602-0>.
9. Гаврилин Ю. В., Победкин А. В. Модернизация уголовно-процессуальной формы в условиях информационного общества // *Труды Академии управления МВД России*. 2019. № 3. С. 27–38.
10. Sourdin Tania. Judge v robot? Artificial intelligence and judicial decision-making // *UNSW Law Journal*. 2018. Vol. 41. P. 1114–1133. <https://doi.org/10.53637/ZGUX2213>.
11. Клеандров М. И. Размышления на тему: может ли судьей быть робот? // *Российское правосудие*. 2018. № 6. С. 15–25.
12. Цветков Ю. А. Искусственный интеллект в правосудии // *Закон*. 2021. № 4. С. 91–107.
13. Васильев А. А., Шпоппер Д., Матаева М. Х. Термин «искусственный интеллект» в российском праве: доктринальный анализ // *Юрислингвистика*. 2018. № 7-8. С. 35–44.
14. Predicting judicial decisions of the European Court of human rights: a natural language processing perspective / N. Aletras, D. Tsarapatsanis, D. Preotiuc-Pietro, V. Lampsos // *Peer J. Computer Science*. 2016. Vol. 2. P. e93. <https://doi.org/10.7717/peerj-cs.93>.
15. Medvedeva M., Vols M., Wieling M. Using machine learning to predict decisions of the European Court of human rights // *Artif Intell Law*. 2020. Vol. 28. P. 237–266. <https://doi.org/10.1007/s10506-019-09255-y>.
16. Katz D. M., Bommarito M. J. II, Blackman J. A general approach for predicting the behavior of the Supreme Court of the United States // *PLoS ONE*. 2017. Vol. 12(4). P. e0174698. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0174698>.
17. Reiling A. D. (Dory). Courts and artificial intelligence // *International Journal for Court Administration*. 2020. Vol. 11(2). P. 8. <http://doi.org/10.36745/ijca.343>.
18. Brennan T., Dieterich W., Ehret B. Evaluating the predictive validity of the compas risk and needs assessment system // *Criminal Justice and Behavior*. 2009. Vol. 1. P. 21–40.
19. Starr Sonja B. Evidence-based sentencing and the scientific rationalization of discrimination // *Stanford Law Review*. 2014. Vol. 66, No. 4. P. 803–72.
20. Рябинина Т. К., Чеботарева И. Н. Заключение под стражу: причины и следствия необходимости введения альтернативных мер пресечения в уголовном процессе России // *Юридическая*

References

1. Karckhiya A. A. Cifrovizaciya v prave i pravoprimerenii [Digitalization in Law and Law Enforcement]. *Monitoring pravoprimereniy = Monitoring of Law Enforcement*, 2018, no. 1, pp. 36–40. <https://doi.org/10.21681/2226-0692-2018-1-36-40>.
2. Kachalova O. V. Pravosudie kak ushuga: mirovoj trend [Justice as a service: a global trend]. *Ugolovnyj process = Criminal process*, 2019, no. 11, p. 10.
3. Taddeo M. The ethical governance of the digital during and after the COVID-19 pandemic. *Minds & Machines*, 2020, no. 30, pp. 171–176. <https://doi.org/10.1007/s11023-020-09528-5>
4. Markovicheva E. V. Cifrovaya transformaciya rossijskogo ugolovno sudoproizvodstva [Digital transformation of Russian criminal justice]. *Pravosudie = Justice*, 2020, vol. 2, no 3, pp. 86–99.
5. Maslennikova L. N. K voprosu o pervyh rezul'tatah realizacii nauchnogo proekta № 18-29-16018 "Konceptiya postroeniya ugolovno sudoproizvodstva, obespechivayushchego dostup k pravosudiyu v usloviyah razvitiya cifrovyh tekhnologij" [To the question of the first results of the implementation of the scientific project No. 18-29-16018 "The concept of constructing criminal proceedings that provide access to justice in the context of the development of digital technologies"]. *Lex russica*, 2020, vol. 73, no. 1, pp. 70–87. <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2020.158.1.070-087>.
6. Gawali P., Sony R. The role of artificial intelligence in improving criminal justice system: indian perspective. *Legal Issues in the Digital Age*, 2020, no. 3, pp. 78–98. <https://doi.org/10.17323/2713-2749.2020.3.78.96>.
7. Vlasova V. S. K voprosu o prisposablivanii ugolovno-processual'nogo mekhanizma k cifrovoj real'nosti [On the question of adapting the criminal procedure mechanism to digital reality]. *Biblioteka kriminalista. Nauchnyj zhurnal = Criminalist Library. Science Magazine*, 2018, no. 1, pp. 9–18.
8. Zavrnsnik Ales. Criminal justice, artificial intelligence systems, and human rights. *ERA Forum*, 2020, no. 20, pp. 567–583. <https://doi.org/10.1007/s12027-020-00602-0>.
9. Gavrilin Yu. V., Pobedkin A. V. Modernizaciya ugolovno-processual'noj formy v usloviyah informacionnogo obshchestva [Modernization of the criminal procedural form in the information society]. *Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii = Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2019, no. 3, pp. 27–38.
10. Sourdin Tania. Judge v robot? Artificial intelligence and judicial decision-making. *UNSW Law Journal*, 2018, vol. 41, pp. 1114–1133. <https://doi.org/10.53637/ZGUX2213>.
11. Kleandrov M. I. Razmyshleniya na temu: mozhet li sud'ej byt' robot? [Reflections on the topic: can a robot be a judge?]. *Rossijskoe pravosudie = Russian justice*, 2018, no. 6, pp. 15–25.
12. Cvetkov Yu. A. Iskusstvennyj intellekt v pravosudii [Artificial intelligence in justice]. *Zakon = Law*, 2021, no. 4, pp. 91–107.
13. Vasil'ev A. A., Shpopper D., Mataeva M. H. Termin "iskusstvennyj intellekt" v rossijskom prave: doktrinal'nyj analiz [The term "artificial intelligence" in Russian law: doctrinal analysis]. *Yurislingvistika = Jurislingvistics*, 2018, no. 7–8, pp. 35–44.
14. Aletras N., Tsarapatsanis D., Preotiuc-Pietro D., Lampos V. Predicting judicial decisions of the European Court of human rights: a natural language processing perspective. *PeerJ Computer Science*, 2016, vol. 2, pp. e93. <https://doi.org/10.7717/peerj-cs.93>.
15. Medvedeva M., Vols M., Wieling M. Using machine learning to predict decisions of the European Court of human rights. *Artificial Intelligence and Law*, 2020, vol. 28, pp. 237–266. <https://doi.org/10.1007/s10506-019-09255-y>.

16. Katz D. M., Bommarito M. J. II, Blackman J. A general approach for predicting the behavior of the Supreme Court of the United States. *PLOS ONE*, 2017, no. 12, pp. e0174698. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0174698>.
17. Reiling A. D. (Dory). Courts and artificial intelligence. *International Journal for Court Administration*, 2020, no. 11, p. 8. <http://doi.org/10.36745/ijca.343>.
18. Brennan T., Dieterich W., Ehret B. Evaluating the predictive validity of the compas risk and needs assessment system. *Criminal Justice and Behavior*, 2009, vol. 1, pp. 21–40.
19. Starr Sonja B. Evidence-based sentencing and the scientific rationalization of discrimination. *Stanford Law Review*, 2014, vol. 66, no. 4, pp. 803–72.
20. Ryabinina T. K., Chebotareva I. N. Zaklyuchenie pod strazhu: prichiny i sledstviya neobhodimosti vvedeniya al'ternativnyh mer presecheniya v ugovolnom processe Rossii [Detention: causes and consequences of the need to introduce alternative preventive measures in the criminal process of Russia]. *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii = Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2019, no. 3(47), pp. 151–156. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2019-3-151-156>.

Информация об авторе / Information about the Author

Марковичева Елена Викторовна, доктор юридических наук, доцент, главный научный сотрудник Научного центра исследования проблем правосудия, Российский государственный университет правосудия, г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: markovicheva@yandex.ru,
ORCID: 0000-0001-6557-4927

Elena V. Markovicheva, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Principal Research Scientist at Justice Research Center, Russian State University of Justice, Moscow, Russian Federation,
e-mail: markovicheva@yandex.ru,
ORCID: 0000-0001-6557-4927

Оригинальная статья / Original article

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2021-11-6-109-119>

Соотношение понятий «отказ от субъективного права» и «ограничение права» в российском уголовном процессе

И. Н. Чеботарева¹ ✉, О. С. Пашутина¹, И. В. Ревина¹

¹ Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: cheb_irina@mail.ru

Резюме

Актуальность. В отечественной правовой науке в целом и в теории уголовного процесса в частности отсутствует единство взглядов на вопрос о соотношении понятий «ограничение права» и «отказ от права». Между тем изучение вопроса сопряжения указанных понятий является важным, потому что в условиях изначально неравного положения личности и государства в лице должностных лиц и органов, возможности применения ими принуждения, что особенно ярко проявляется в сфере уголовного судопроизводства, смешение указанных понятий и их необоснованная подмена чреватой неправомерным ущемлением прав и свобод личности, возможными злоупотреблениями со стороны должностных лиц, осуществляющих производство по уголовному делу. Указанные обстоятельства обуславливают необходимость научного осмысления проблематики соотношения ограничения прав и свобод личности и отказа от субъективного права.

Цель – исследование соотношения понятий «отказ от права» и «ограничение права» в отечественной доктрине уголовно-процессуального права.

Задачи. Для достижения заявленной цели авторы изучают понятия ограничения права и отказа от субъективного права в уголовном процессе, имеющиеся в отечественной доктрине права, исходя из признаков указанных двух правовых явлений, выявляют их соотношение.

Методология. Исследование опирается на всеобщий диалектический метод научного познания и основанные на нем общенаучные методы (анализ, синтез, индукция, дедукция), а также частнонаучные методы познания (формально-логический, формально-юридический и др.).

Результаты. Сформулированы понятия «ограничение права в уголовном процессе» и «отказ от субъективного права в уголовном процессе», выделены признаки, характеризующие указанные правовые явления, проведено отграничение указанных явлений друг от друга.

Вывод. Ограничение права и отказ от субъективного права являются самостоятельными правовыми явлениями, имеющими разную правовую природу и назначение.

Ключевые слова: уголовный процесс; права участников уголовного процесса; реализация права; вмешательство в право; отказ от субъективного права; ограничение права.

Конфликт интересов: Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Финансирование: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00858.

Для цитирования: Чеботарева И. Н., Пашутина О. С., Ревина И. В. Соотношение понятий «отказ от субъективного права» и «ограничение права» в российском уголовном процессе // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021. Т. 11, № 6. С. 109–119. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2021-11-6-109-119>.

Поступила в редакцию 17.10.2021

Принята к публикации 24.11.2021

Опубликована 27.12.2021

© Чеботарева И. Н., Пашутина О. С., Ревина И. В., 2021

Correlation Between the Concepts of "Refusal of Subjective Law" and "Restriction of Law" in Russian Criminal Procedure

Irina N. Chebotareva¹ ✉, Olesia S. Pashutina¹, Irina V. Revina¹

¹ Southwest State University
50 Let Oktyabrya str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: cheb_irina@mail.ru

Abstract

Relevance. In domestic legal science in general, and in the theory of criminal procedure in particular, there is no unity of views on the relationship between the concepts of "restriction of rights" and "waiver of rights". Meanwhile, the study of the issue of conjugation of these concepts is important, because in the conditions of the initially unequal position of the individual and the state represented by officials and bodies, the possibility of using coercion by them, which is especially clearly manifested in the field of criminal proceedings, the confusion of these concepts and their unjustified substitution are fraught with illegal infringement of the rights and freedoms of the individual, possible abuses by officials conducting criminal proceedings. These circumstances necessitate a scientific understanding of the problem of the relationship between the restriction of the rights and freedoms of the individual and the rejection of subjective rights.

Purpose - to study the relationship between the concepts of "restriction of rights" and "waiver of rights" in the domestic doctrine of criminal procedure law.

Objective. To achieve the stated goal, the authors study the concept of limitation of law and refusal of subjective law in criminal proceedings, which are available in the domestic doctrine of law, based on the signs of these two legal phenomena, and identify their relationship.

Methodology. The research is based on the universal dialectical method of scientific knowledge and general scientific methods based on it (analysis, synthesis, induction, deduction), as well as specific scientific methods of cognition (formal-logical, formal-legal, etc.).

Results. Authors formulated the concepts of "restriction of rights in criminal procedure" and "waiver of rights in criminal procedure".

Conclusion. Restriction of rights and waiver of rights are independent legal phenomena that have different legal nature and purpose.

Keywords: criminal procedure; rights of participants in criminal procedure; implementation of the law; interference with the law; waiver of rights; restriction of rights.

Conflict of interest: The Authors declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

Funding: The reported study was funded by RFBR, project number 20-011-00858.

For citation: Chebotareva I. N., Pashutina O. S., Revina I. V. Correlation Between the Concepts of "Refusal of Subjective Law" and "Restriction of Law" in Russian Criminal Procedure. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2021; 11(6): 109–119. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2021-11-6-109-119>.

Received 17.10.2021

Accepted 24.11.2021

Published 27.12.2021

Введение

Актуальность данного исследования обусловлена отсутствием единства взглядов в отечественной правовой науке в целом и в теории уголовного процесса в частности на вопрос о соотношении по-

нятий «ограничение права» и «отказ от права».

В юридической литературе можно встретить сопряжение указанных понятий. Так, ряд авторов (в основном исследователей – представителей науки уго-

ловного права) полагают, что любое лицо может добровольно ограничить себя в праве на неприкосновенность частной жизни. Например, А. Г. Кибальник и И. Г. Соломоненко, опираясь на ст. 9 Федерального закона РФ «Об оперативно-розыскной деятельности», в соответствии с которой в предусмотренных случаях прослушивание переговоров, ведущихся с телефонов отдельных лиц, допускается по заявлению указанных лиц или с их согласия на основании постановления, утвержденного руководителем органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, делают вывод, что в этом случае ограничение права на неприкосновенность частной жизни основано на согласии, свободном волеизъявлении лица. Объясняют это они тем, что у человека должно иметься «право на право» распорядиться своими естественными правами [1, с. 50]. Ограничение права на тайну личной корреспонденции возможно в силу добровольного волеизъявления лица (например, по трудовому соглашению), и по мнению Д. В. Бушкова [2, с. 21]. В. Н. Ключков также считает, что право на неприкосновенность частной жизни принадлежит любому человеку, поэтому он может ограничить себя в этом праве добровольно. Он утверждает, что естественное право каждого на неприкосновенность его частной жизни не является абсолютным, но конституционным основанием ограничения права на неприкосновенность личной жизни личное волеизъявление лица является лишь в том случае, когда сведения, составляющие тайну личной жизни, касаются только самого лица [3, с. 3]. Н. В. Вечканова, соглашаясь с указанными авторами, считает, что личное волеизъявление лица может являться основанием ограничения права на неприкосновенность личной жизни, которое может быть положено в основание законодательного ограничения его права на неприкосновенность частной жизни [4, с. 102].

Действительно, в ряде случаев закон предусматривает ситуации, когда согласие лица на вмешательство в его субъективное право является юридическим фактом, дающим основание для проведения следственных или оперативно-розыскных действий. Согласие управомоченного лица на вмешательство в принадлежащее ему право является отказом от него – волеизъявлением, направленным на прекращение обладания правом и/или правореализационного процесса, их недопущение. В обозначенных выше примерах авторы фактически утверждают, что, отказываясь от права, лицо добровольно ограничивает себя в праве, отказ от права является основанием для ограничения права.

Отказ от права – явление для отечественной правовой науки новое, неисследованное. обстоятельное его изучение было проведено авторами в монографическом исследовании «Отказ от субъективного права как феномен уголовного процесса» [5, с. 32–45]. В общем виде под отказом от права мы понимаем акт волеизъявления лица, направленный на недопущение или прекращение обладания правом и/или правореализационного процесса. Отказ от права является выражением многомерности предоставляемых субъективным правом возможностей и характеризуется свободой выбора управомоченного лица по их использованию. Обладаящее правом лицо свободно в своем выборе использования или неиспользования социальных благ, предоставляемых ему субъективным правом.

Целью данной статьи является исследование понятия «отказ от права» и «ограничение права» для того, чтобы выяснить, как указанные правовые явления соотносятся друг с другом.

Изучение вопроса сопряжения указанных понятий является важным, потому что их смешение и необоснованная подмена чреваты нарушением прав личности, возможными злоупотреблениями со стороны должностных лиц, осуществ-

ляющих производство по уголовному делу. Должностные лица органов государственной власти, обладающие полномочиями по применению принуждения, не находятся в равном положении с личностью, вовлеченной в уголовно-процессуальные правоотношения. Это может влечь неправомерное ущемление ее прав и свобод. Указанные обстоятельства обуславливают необходимость научного осмысления проблематики соотношения ограничения прав и свобод личности и отказа от субъективного права.

Для достижения заявленной цели авторы изучают понятия ограничения права и отказа от субъективного права, имеющиеся в отечественной доктрине права, исходя из признаков указанных двух правовых явлений, выявляют их соотношение.

Методология

Исследование опирается на всеобщий диалектический метод научного познания и основанные на нем общенаучные методы (анализ, синтез, индукция, дедукция), а также частнонаучные методы познания (формально-логический, формально-юридический и др.).

Посредством метода логического и системного анализа были получены новые знания о понятии ограничения права и отказа от субъективного права в отечественной доктрине права. Методом синтеза уточнены существующие и сформулированы новые теоретические понятия указанных правовых явлений, выявлены причинно-следственные связи их сопряжения.

Методы дедукции и индукции позволили выделить общие черты и признаки ограничения права и отказа от субъективного права в уголовном процессе. Формально-юридический метод использовался при изучении содержания текстов нормативно-правовых актов, регулирующих вопросы ограничения права и отказа от субъективного права в российском уголовном процессе. Формально-логичес-

кий метод был положен в основу формулирования основных выводов по результатам проводимого исследования.

Результаты и их обсуждение

Для того чтобы понять, как соотносятся исследуемые понятия в уголовном процессе, обратимся к пониманию ограничения права в общей теории права.

Следует заметить, что в данном вопросе в отечественной правовой доктрине в настоящее время единый подход отсутствует. Разночтения вызваны, с одной стороны, практикой использования различных терминов для обозначения этого явления как в национальном законодательстве, так и в международно-правовых актах¹, с другой стороны, отсутствием единого подхода к определению сути, характерных признаков и черт ограничений прав и свобод в правовой науке [6, с. 27].

В теории права ограничение прав и свобод рассматривается в широком и узком смысле. Ограничение права в широком значении исходит из понимания субъективного права как меры возможного, дозволенного поведения и понимается как присущие ему (этому праву), имманентные пределы, границы. Признано, что любое право не может быть беспредельным, абсолютным, «всякая правовая норма указывает на выбор вариантов поведения, а тем самым, следовательно, уже ограничивает поведение общественно полезными формами, определяя различные его разновидности» [7, с. 107; 8, с. 7–17]. Н. И. Матузов подчеркивает, что субъекты не могут выходить за отведенные им пределы, поскольку они рискуют задеть чужие интересы, которые также обеспечиваются законом [9, с. 21]. Указанное

¹ Помимо термина «ограничение» во Всеобщей декларации прав человека, Международном пакте о гражданских и политических правах, Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод используются также «ущемление прав», «вмешательство», «отступление от своих обязательств».

понимание ограничение права соотносится с общеупотребимым смыслом слова «ограничение», которое определяется как стеснение определенными условиями, постановка в какие-нибудь рамки и границы [10, с. 390].

Широкое понимание ограничения права основывается на критерии свободы, когда ограничение прав и свобод следует воспринимать как способ регулирования степени свободы в обществе, который не допускает возможности вольного толкования и злоупотребления этой свободой в процессе ее реализации [11, с. 95]. В этом смысле право ограничивается своими пределами. Отказ от права является правомочием, составляющим содержание субъективного права, и ограничен его пределами. Лицо может отказаться только от субъективного права (не может отказаться от обязанности), только от того субъективного права, которым он обладает (или может обладать), и в отношении которого у него есть распорядительная власть. Управомоченное лицо может выйти за пределы субъективного права путем отказа от права, например, субъект может злоупотребить им. Так, подсудимый, не владеющий языком, на котором ведется судопроизводство, может злоупотреблять своим правом, отказываясь от услуг переводчика [12, с. 65–78], преследуя, в частности, цель последующего признания незаконными вынесенных по его делу решений. Таким образом, широкое понимание ограничения права применимо и к отказу от субъективного права, поскольку отказ от права также имеет пределы.

В науке также существует и специфическое понимание термина «ограничение прав» – в узком смысле. В соответствии с ним ограничение представляет собой исключение из общей совокупности прав и свобод человека определенных прав (количественное уменьшение уже принадлежащих человеку прав и свобод), а также сужение объема и (или) содержания конкретных прав и свобод путем

установления властителями пространственных пределов, временных рамок, круга лиц или определенных вариантов поведения индивидов [13, с. 4–10; 14, с. 20–43]. Изъятия из круга правомочий, которые составляют нормативное содержание основных прав и свобод, могут также рассматриваться как ограничения основных прав и свобод [15, с. 231–232]. С данной точкой зрения согласна Е. Д. Костылева, считающая, что ограничения – это особая разновидность пределов, определяемых в виде изъятий и запретов [16, с. 36].

В данном смысле в общем виде под ограничением прав и свобод личности понимается устанавливаемое в отношении носителя прав и свобод правомерное лишение благ, определяемых содержанием того или иного права или свободы [6, с. 15]. Соотнося указанное понимание с отказом от права, следует обратить внимание на то, что, отказываясь от права, лицо отказывается от принадлежащего ему блага, составляющего суть конкретного субъективного права. В этом смысле и ограничение права, и отказ от права имеют одинаковое правовое последствие – неиспользование правовой возможности. В случае отказа от права это происходит по собственному волеизъявлению обладающего правом лица, которое руководствуется при этом собственными частными интересами, в отличие от ограничения, в результате которого лицо лишается права в результате правомерного поведения должностных лиц и органов на основании прямого указания закона.

Пленум Верховного Суда РФ фактически отождествляет понятие ограничение права и вмешательство в право, когда пишет, что под ограничением прав и свобод человека (вмешательством в права и свободы человека) понимаются любые решения, действия (бездействие) органов государственной власти, органов местного самоуправления, должностных лиц, государственных и муниципальных служащих, а также иных лиц, вследствие принятия или осу-

ществления (неосуществления) которых в отношении лица, заявляющего о предполагаемом нарушении его прав и свобод, созданы препятствия для реализации его прав и свобод¹. По справедливому мнению Т. В. Приходько, понимание ограничения права как вмешательства в право наиболее точно определяет суть явления [6, с. 16]. Как вмешательство государства в свободу личности рассматривает ограничение прав и свобод человека и Д. Ш. Пирбудагова [17, с. 15]. В общеупотребимом значении слова вмешательство – непрошенное или насильственное участие в чужих делах, отношениях; действия, противоречащие самостоятельности или независимости другого [18]. Представляется, такое понимание вполне соответствует сущности происходящего при ограничении прав.

В юридической литературе можно встретить справедливое мнение, что ограничение прав и свобод характеризуется таким качеством, как принудительность (не по отношению к интересам индивида, а по отношению к его воле, поскольку ограничения прав и свобод препятствуют волевому осуществлению тех или иных интересов индивида) [19, с. 36]. Действительно, правовое ограничение носит государственно-властный характер, в необходимых случаях предполагает использование силовых средств в связи с ограничением свободы [20, с. 368]. И. Д. Ягофарова среди признаков правовых ограничений называет обеспечение их возможностью государственного принуждения к субъектам их нарушения [13, с. 4–10].

В юридической литературе можно встретить и иное мнение. Так, например, В. А. Лебедев полагает, что ограничения прав граждан можно рассматривать не

только как меру принудительного воздействия со стороны государства. По его мнению, оно может быть реализовано путем «самоограничения, т. е. отказа от реализации права». В качестве примера он приводит самоограничение избирательных прав гражданами (абсентеизм) [21, с. 134].

Следует не согласиться с автором в том, что отказ от реализации права является его самоограничением. В результате неиспользования не происходит ограничение права – количественное уменьшение принадлежащих человеку прав и свобод, а также сужение объема и (или) содержания конкретных прав и свобод. Отказывающееся от права лицо реализует таким образом правомочие, составляющее содержание субъективного права. Ограничение права приводит к качественным изменениям в содержании субъективного права, в то время как отказ от права означает изменение его юридической судьбы [22, с. 88]. Если лицо не использует предоставленные ему права, это не значит, что оно себя ограничивает в правах. Ограничение права – самостоятельное явление, имеющее собственные цели, в общем виде сводящиеся к необходимости обеспечения баланса частных и публичных интересов в обществе и сформулированные в международно-правовых актах и Конституции РФ, а также основания, пределы и пр.

В юридической литературе признано, что способами правовых ограничений прав и свобод являются: сужение, непризнание, приостановление, лишение прав либо усложнение процедуры их реализации. Формами ограничения прав и свобод являются обязанности, запреты, юридическая ответственность. А. В. Малько среди признаков правовых ограничений выделяет то, что они связаны с неблагоприятными условиями (угроза или лишение определенных ценностей) для осуществления собственных интересов субъекта, ибо направлены на их сдерживание и одновременно на удовлетворение интересов противостоящей стороны в право-

¹ О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и Протоколов к ней: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 21. URL: <http://www.vsrfg.ru/> (дата обращения: 05.10.2021).

отношении и общественных интересов в охране и защите. Кроме того, они сообщают об уменьшении объема возможностей, свободы, а значит, и прав личности, что осуществляется с помощью обязанностей, запретов, наказаний, приостановлений и т. п., сводящих разнообразие в поведении субъектов до определенного «предельного» состояния и направлены на защиту общественных отношений, выполняют охранительную функцию [23, с. 141]. При регулировании же отказа от права используется дозвольтельный метод правового регулирования, отказ от права является проявлением диспозитивности.

Следует заметить, что в ряде случаев законодатель предусматривает возможность вмешательства в право (ограничения права) при наличии на это согласия лица. Соглашаясь на вмешательство в право, лицо отказывается от него. Так, давая согласие на проведение определенных, установленных в законе следственных и оперативно-розыскных действий, лицо утрачивает свое право или значительно сужает его объем (например, осмотр жилища возможен при согласии проживающих в нем лиц (ч. 5 ст. 177 УПК РФ), контроль и запись переговоров возможны по письменному заявлению потерпевшего, свидетеля и других лиц, указанных в ч. 2 ст. 186 УПК РФ), в силу того, что закон предусматривает возможность проведения ряда следственных и иных процессуальных действий при наличии на это согласия лица. Отказ от субъективного права не является ограничением права.

Например, каждый имеет право на неприкосновенность жилища. В соответствии с Конституцией РФ «никто не вправе проникать в жилище против воли проживающих в нем лиц иначе как в случаях, установленных федеральным законом, или на основании судебного решения» (ст. 25). Исходя из этого, проникновение в жилище возможно только по воле проживающих в нем лиц, но в определенных установленных законом случаях лицо может быть *ограничено* в этом сво-

ем праве. Например, в уголовном процессе осмотр жилища при отсутствии согласия проживающих в нем лиц проводится на основании судебного решения (ч. 1 ст. 12 УПК РФ), обыск и выемка в жилище могут производиться только на основании судебного решения (ч. 2 ст. 12 УПК РФ).

Лицо может по собственной воле впустить посторонних в свое жилище, руководствуясь при этом собственными интересами. В данном случае право не будет ограничено – лицо само *откажется* от своего права, т. е. реализует правомочие на собственное свободное поведение. Оно не перерастет в запрет или обязанность, как это свойственно ограничению. Лицо может попросить должностных лиц покинуть жилище, те обязаны будут это сделать. В случае ограничения права на неприкосновенность жилища, например, при наличии судебного решения на осмотр жилища право лица *ограничивается* обязанностью подчиниться решению суда. Если признать тот факт, что, соглашаясь на осмотр жилища, лицо само себя ограничивает в своем праве, то следует согласиться с тем, что любое нахождение гостей в доме – ограничение права лица на неприкосновенность жилища. Между тем ограничение права – самостоятельное правовое явление, имеющее собственные цели и основания.

В случае, когда проникновение в жилище без согласия обусловлено законом или судебным решением, субъективное право у соответствующего должностного лица возникает правомочие на доступ в жилое помещение в силу ограничения субъективного права, обусловленного необходимостью защиты общественных интересов. Так, в сфере уголовного судопроизводства проникновение в жилое помещение возможно для производства в нем следственных действий, как в целях достижения общего назначения уголовного судопроизводства – защиты прав и законных интересов потерпевших от преступлений, а также защиты личности от незаконного и необоснованного обвине-

ния, осуждения, ограничения прав и свобод [24, с. 31–36], так и детерминированное более узкими целями, связанными с проведением конкретных следственных действий. Например, производство осмотра жилища без согласия проживающих в нем лиц обусловлено целями, предусмотренными в ч. 1 ст. 176 УПК РФ – необходимостью обнаружения следов преступления, выяснения других обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела.

Как отметил Конституционный Суд РФ, нормы УПК РФ в данном случае обеспечивают баланс, с одной стороны, публичных интересов, связанных с производством предварительного расследования по уголовному делу, а с другой – защищаемого правосудием права каждого на неприкосновенность жилища¹.

При обыске и выемке в жилище отказ от права на неприкосновенность жилища в форме согласия на их проведение не будет иметь юридического значения, поскольку основанием для проникновения в жилище будет судебное решение. Оно же будет основанием для ограничения права.

Выводы

В настоящее время в отечественной правовой доктрине отсутствует единый подход к пониманию ограничения права: в общей теории права выделяется широкое и узкое понимание ограничения права.

В широком смысле право ограничивается своими пределами. Отказ от права является правомочием, составляющим содержание субъективного права, и ограничен его пределами. Лицо может отказаться только от того субъективного права, которым он обладает (или может об-

ладать) и в отношении которого у него есть распорядительная власть. В этом смысле понятие отказа от права коррелируется с понятием ограничения права.

В узком смысле ограничение права – это количественное уменьшение принадлежащих человеку прав и свобод, а также сужение объема и (или) содержания конкретных прав и свобод. Отказ от субъективного права – акт волеизъявления лица, направленный на недопущение или прекращение обладания правом и/или право-реализационного процесса. При таком понимании ограничение права и отказ от права имеют ряд принципиальных отличий. Так, ограничение права приводит к качественным изменениям в содержании субъективного права, в то время как отказ от права означает изменение его юридической судьбы.

При ограничении прав и свобод личности происходит правомерное лишение благ, определяемых содержанием того или иного права или свободы. Отказываясь от права, лицо отказывается от принадлежащего ему блага, составляющего суть конкретного субъективного права. В этом смысле и ограничение права, и отказ от права имеют одинаковое правовое последствие – неиспользование правовой возможности.

Ограничение прав и свобод характеризуется таким качеством, как принудительность, правовое ограничение носит государственно-властный характер, в необходимых случаях предполагает использование силовых средств в связи с ограничением свободы. Отказывающееся от права лицо реализует таким образом правомочие, составляющее содержание субъективного права, поэтому неиспользование социального блага, лежащего в основе субъективного права в случае отказа от него, происходит по собственному волеизъявлению обладающего этим правом лица.

Ограничение права – самостоятельное явление, имеющее собственные цели, в общем виде сводящиеся к необходимо-

¹ Определения Конституционного Суда Российской Федерации от 29 сентября 2016 г. № 1773-О, от 26 октября 2017 г. № 2280-О и № 2301-О, от 19 декабря 2017 г. № 2817-О, от 29 мая 2019 г. № 1247-О и от 28 ноября 2019 г. № 3204-О, № 1868-О от 23 июля 2020 г.

сти обеспечения баланса частных и публичных интересов в обществе и сформулированные в международно-правовых

актах и Конституции РФ, а также основания, пределы и пр.

Список литературы

1. Кибальник А. Г., Соломоненко И. Г. Об ограничении конституционного права на тайну личной (частной) жизни // Общество и право. 2008. № 2. С. 49–52.
2. Бушков Д. В. Тайна личной корреспонденции в уголовном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2003. 26 с.
3. Клочков В. Н. Нарушение неприкосновенности частной жизни в уголовном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. 28 с.
4. Вечканова Н. В. Конституционное регулирование и судебная защита личных прав и свобод в странах СНГ: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. 30 с.
5. Чеботарева И. Н., Пашутина О. С., Ревина И. В. Отказ от субъективного права как феномен в уголовном процессе России: монография. Курск: ЗАО «Университетская книга», 2020. 250 с.
6. Приходько Т. В. Защита прав в Конституционном Суде Российской Федерации и Европейском суде по правам человека. М.: Юрайт, 2021. 177 с.
7. Кудрявцев В. Н. Право и поведение. М.: Юрид. лит., 1978. 191 с.
8. Андреев Ю. Н. Ограничения в гражданском праве России: монография. СПб.: Юридический центр Пресс, 2011. 398 с.
9. Матузов Н. И. О категориях «субъективное право» и «юридическая обязанность» в свете современного правового развития // Личность и власть: сборник научных работ. Ростов н/Д: Изд-во Ростовской Высшей школы МВД РФ, 1995. С. 25–45.
10. Ожегов С. И. Словарь русского языка. 16 изд., испр. М.: Рус. яз. 1984. 797 с.
11. Волкова Н. С. Общественная безопасность и законодательство о правах человека // Журнал российского права. 2005. № 2. С. 93–100.
12. Трубникова Т. В. Злоупотребление правом в уголовном процессе: критерии и пределы вмешательства со стороны государства // Вестник Томского государственного университета. Право. 2015. № 3 (17). С. 65–78.
13. Ягофарова И. Д. Основные характеристики ограничения прав и свобод человека: теоретико-правовой аспект // Академический юридический журнал. 2002. № 4. С. 4–10.
14. Гойман В. И. Принципы, пределы, основания ограничения прав и свобод человека по российскому законодательству и международному праву // Государство и право. 1998. № 7. С. 20–43.
15. Эбзеев Б. С. Человек, народ, государство в конституционном строе Российской Федерации. М.: Юрид. лит., 2005. 574 с.
16. Костылева Е. Д. Личные права человека в Российской Федерации и стандарты Совета Европы: конституционно-правовые проблемы регулирования и защиты: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. 25 с.
17. Пирбудагова Д. Ш. К вопросу о конституционных пределах ограничения основных прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации // Юридический мир. 2009. № 12. С. 4–19.
18. Толковый словарь Д. Н. Ушакова URL: <https://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=5669> (дата обращения: 11.10.2021).
19. Казимирская Ю. В. Конституционно-правовые основы ограничения личных (гражданских) прав и свобод человека и гражданина в России и зарубежных странах: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. 228 с.
20. Шабуров А. С. «Ограничение права», «ограничения в праве», «правовые ограничения»: соотношение понятий // Юридическая техника. 2018. № 12. С. 365–371.
21. Лебедев В. А. Конституционные основы ограничений прав и свобод человека и гражданина // Lex Russica. 2017. №1 (122). С. 130–139.
22. Тикк О. К. О понятии «ограничение гражданских прав» // Труды института государства и права Российской академии наук. 2001. № 2. С. 75–89.
23. Малько А. В. Стимулы и ограничения в праве // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1998. № 3(222). С. 134–147.

24. Галдин М. В. Ограничение конституционного права на неприкосновенность жилища при производстве следственных действий // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2019. № 1(23). С. 31–36.

References

1. Kibal'nik A. G., Solomonenko I. G. Ob ogranichenii konstitucionnogo prava na tajnu lichnoj (chastnoj) zhizni [On the restriction of the constitutional right to privacy of personal (private) life]. *Obshchestvo i pravo = Society and Law*, 2008, no. 2, pp. 49–52.
2. Bushkov D. V. Tajna lichnoj korrespondencii v ugovolnom prave. Avtoref. diss. kand. jurid. nauk [The secrecy of personal correspondence in criminal law. Cand. legal sci. abstract diss.]. Stavropol', 2003. 26 p.
3. Klochkov V. N. Narushenie neprikosновенности chastnoj zhizni v ugovolnom prave. Avtoref. diss. kand. jurid. nauk [Violation of privacy in criminal law. Cand. legal sci. abstract diss.]. Moscow, 2004. 28 p.
4. Vechkanova N. V. Konstitucionnoe regulirovanie i sudebnaya zashchita lichnyh prav i svobod v stranah SNG. Diss. kand. jurid. nauk [Constitutional regulation and judicial protection of personal rights and freedoms in the CIS countries. Cand. legal sci. diss.]. Moscow, 2014. 30 p.
5. Chebotareva I. N., Pashutina O. S., Revina I. V. Otkaz ot sub"ektivnogo prava kak fenomen v ugovolnom processe Rossii [Rejection of subjective law as a phenomenon in the criminal process of Russia]. Kursk, Universitetskaya kniga Publ., 2020. 250 p.
6. Prihod'ko T. V. Zashchita prav v Konstitucionnom Sude Rossijskoj Federacii i Evropejskom sude po pravam cheloveka [Protection of rights in the Constitutional Court of the Russian Federation and the European Court of Human Rights]. Moscow, Yurajt Publ., 2021. 177 p.
7. Kudryavcev V. N. Pravo i povedenie [Law and conduct]. Moscow, Yurid. lit. Publ., 1978. 191 p.
8. Andreev Yu. N. Ogranicheniya v grazhdanskom prave Rossii [Restrictions in Russian Civil Law]. St. Petersburg, Yuridicheskij centr Press Publ., 2011. 398 p.
9. Matuzov N. I. O kategoriyah "sub"ektivnoe pravo" i "yuridicheskaya obyazannost'" v svete sovremennogo pravovogo razvitiya [On the categories of "subjective right" and "legal obligation" in the light of modern legal development]. *Lichnost' i vlast'. Sbornik nauchnyh rabot [Personality and power. Collection of scientific works]*. Rostov-on-Don, Rostovskaya Vysshaya shkola MVD RF Publ., 1995, pp. 25–45.
10. Ozhegov S. I. Slovar' russkogo yazyka [Dictionary of the Russian language]. 16th ed. Moscow, Rus. yaz. Publ., 1984. 797 p.
11. Volkova N. S. Obshchestvennaya bezopasnost' i zakonodatel'stvo o pravah cheloveka [Public Safety and human rights legislation]. *Zhurnal rossijskogo prava = Journal of Russian Law*, 2005, no. 2, pp. 93–100.
12. Trubnikova T. V. Zloupotreblenie pravom v ugovolnom processe: kriterii i predely vmeshatel'stva so storony gosudarstva [Abuse of law in criminal proceedings: criteria and limits of State intervention]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo = Bulletin of Tomsk State University. Right*, 2015, no. 3 (17), pp. 65–78.
13. Yagofarova I. D. Osnovnye harakteristiki ogranicheniya prav i svobod cheloveka: teoretiko-pravovoj aspekt [The main characteristics of the restriction of human rights and freedoms: theoretical and legal aspect]. *Akademicheskij yuridicheskij zhurnal = Academic Law Journal*, 2002, no. 4, pp. 4–10.
14. Gojman V. I. Principy, predely, osnovaniya ogranicheniya prav i svobod cheloveka po rossijskomu zakonodatel'stvu i mezhdunarodnomu pravu [Principles, limits, grounds for restricting human rights and freedoms under Russian legislation and international law]. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, 1998, no. 7, pp. 20–43.
15. Ebzeev B. S. Chelovek, narod, gosudarstvo v konstitucionnom stroe Rossijskoj Federacii [A Person, a People, a State in the constitutional system of the Russian Federation]. Moscow, Yurid. lit. Publ., 2005. 574 p.
16. Kostyleva E. D. Lichnye prava cheloveka v Rossijskoj Federacii i standarty Soveta Evropy: konstitucionno-pravovye problemy regulirovaniya i zashchity. Diss. kand. jurid. nauk [Personal human rights in the Russian Federation and the standards of the Council of Europe: constitutional and legal problems of regulation and protection. Cand. legal sci. diss.]. Moscow, 2008. 25 p.

17. Pribudagova D. Sh. K voprosu o konstitucionnyh predelah ogranicheniya osnovnyh prav i svobod cheloveka i grazhdanina v Rossijskoj Federacii [On the question of the constitutional limits of the restriction of fundamental human and civil rights and freedoms in the Russian Federation]. *Yuridicheskij mir = Legal World*, 2009, no. 12, pp. 4–19.

18. Tolkovyy slovar' D. N. Ushakova [Explanatory dictionary of D. N. Ushakov]. Available at: <https://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=5669>. (accessed 11.10.2021)

19. Kazimirskaya Yu. V. Konstitucionno-pravovye osnovy ogranicheniya lichnyh (grazhdanskih) prav i svobod cheloveka i grazhdanina v Rossii i zarubezhnyh stranah. Diss. kand. jurid. nauk [Constitutional and legal bases of restriction of personal (civil) rights and freedoms of man and citizen in Russia and foreign countries. Cand. legal sci. diss.]. Moscow, 2016. 228 p.

20. Shaburov A. S. "Ogranichenie prava", "ogranicheniya v prave", "pravovye ogranicheniya": sootnoshenie ponyatij ["Limitation of rights", "restrictions in law", "legal restrictions": correlation of concepts]. *Yuridicheskaya tekhnika = Legal technique*, 2018, no. 12, pp. 365–371.

21. Lebedev V. A. Konstitucionnye osnovy ogranichenij prav i svobod cheloveka i grazhdanina [Constitutional bases of restrictions on human and civil rights and freedoms]. *Lex Russica*, 2017, no. 1 (122), pp. 130–139.

22. Tikk O. K. O ponyatii "ogranichenie grazhdanskih prav" [On the concept of "restriction of civil rights"]. *Trudy instituta gosudarstva i prava Rossijskoj akademii nauk = Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences*, 2001, no. 2, pp. 75–89.

23. Mal'ko A. V. Stimuly i ogranicheniya v prave [Incentives and restrictions in law]. *Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Pravovedenie = Proceedings of Higher educational Institutions. Jurisprudence*, 1998, no. 3(222), pp. 134–147.

24. Galdin M. V. Ogranichenie konstitucionnogo prava na neprikosnovennost' zhilishcha pri proizvodstve sledstvennyh dejstvij [Restriction of the constitutional right to inviolability of the home during investigative actions]. *Sibirskie ugovolno-processual'nye i kriminalisticheskie chteniya = Siberian Criminal Procedural and Criminalistic Readings*, 2019, no. 1(23), pp. 31–36.

Информация об авторах / Information about the authors

Чеботарева Ирина Николаевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: cheb_irina@mail.ru,
ORCID: 0000-0002-2130-3102

Irina N. Chebotareva, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor of the Department of Criminal Proceeding and Criminalistic, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: cheb_irina@mail.ru,
ORCID: 0000-0002-2130-3102

Пашутина Олеся Сергеевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: olesya-pashutina@yandex.ru,
ORCID: 0000-0003-1472-7959

Olesia S. Pashutina, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor of the Department of Criminal Proceeding and Criminalistic, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: olesya-pashutina@yandex.ru,
ORCID: 0000-0003-1472-7959

Ревина Ирина Валерьевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: ivrevina@mail.ru,
ORCID: 0000-0001-9982-8833

Irina V. Revina, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor of the Department of Criminal Proceeding and Criminalistic, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: ivrevina@mail.ru,
ORCID: 0000-0001-9982-8833

Оригинальная статья / Original article

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2021-11-6-120-132>

Целесообразность специальных познаний психолога по уголовным делам несовершеннолетних

А. Р. Акиев¹, Е. В. Брянская¹ ✉

¹ Санкт-Петербургский университет МВД России,
ул. Летчика Пилутова 1, г. Санкт-Петербург 198206, Российская Федерация

✉ e-mail: veret.1976@mail.ru

Резюме

Актуальность настоящего исследования заключается в вопросах прав несовершеннолетних, находящихся под пристальным вниманием правоохранительных органов. Тенденция идет к специализации в аспекте познаний детской психологии дознавателями, следователями, с полной отдачей работают ювенальные судьи. Однако реализация конституционных начал, гуманизация уголовного судопроизводства по делам несовершеннолетних требуют внедрения модернизированных средств и тактик расследования и рассмотрения дел.

Целью является обоснование необходимости расширения компетенции психолога, в отдельных случаях и психиатра, для определения индивидуальных свойств несовершеннолетнего в обеспечение грамотного выбора тактики производства следственных и процессуальных действий с его участием.

Задачи: обратить внимание ученых и практиков на индивидуализацию процессуальной формы по делам несовершеннолетних в свете личностных свойств; рассмотреть специфику участия психолога в качестве помощника в избрании тактики производства следственных действий с участием несовершеннолетних; отметить необходимость как можно частого назначения судебно-психологической экспертизы для познания личностных особенностей и склонностей несовершеннолетнего.

Методология. Методологической основой исследования является метод диалектического научного познания, а также системный подход к рассматриваемой проблеме, формально-логический метод, анализа, синтеза.

Результаты исследования заключаются в обосновании потенциала психологических познаний в целях установления грамотной тактики производства следственных действий с участием несовершеннолетнего.

Вывод. Вопросы прав несовершеннолетних находятся под пристальным вниманием правоохранительных органов. Тенденция идет к специализации в аспекте познаний детской психологии дознавателями, следователями, с полной отдачей работают ювенальные судьи. Однако реализация конституционных начал, гуманизация уголовного судопроизводства по делам несовершеннолетних требуют внедрения модернизированных тактик расследования и рассмотрения дел. В частности, целесообразно как расширение оснований участия психолога по делам несовершеннолетних, так и оптимизация производства судебно-психологической экспертизы для определения с позиции индивидуального подхода к личности несовершеннолетнего тактики производства по уголовному делу.

Ключевые слова: преступность несовершеннолетних; познания психолога; психиатра; судебно-психологическая экспертиза; судебно-психиатрическая экспертиза; процесс доказывания.

Конфликт интересов: Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Акиев А. Р., Брянская Е. В. Целесообразность специальных познаний психолога по уголовным делам несовершеннолетних // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021. Т. 11, № 6. С. 120–132. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2021-11-6-120-132>.

Поступила в редакцию 27.10.2021

Принята к публикации 25.11.2021

Опубликована 27.12.2021

© Акиев А. Р., Брянская Е. В., 2021

The Expediency of Special Knowledge of a Psychologist in Criminal Cases of Minors

Arbi R. Akiev ¹, Elena V. Bryanskaya ¹ ✉

¹ St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
1 Letchika Pilyutova str., St. Petersburg 198206, Russian Federation

✉ e-mail: veret.1976@mail.ru

Abstract

The relevance of this study lies in the issues of the rights of minors, which are under the scrutiny of law enforcement agencies. The tendency is towards specialization in the aspect of knowledge of child psychology by interrogators, investigators, juvenile judges work with full dedication. However, the implementation of constitutional principles, the humanization of criminal proceedings in juvenile cases require the introduction of modernized means and tactics of investigation and consideration of cases.

The purpose is to substantiate the need to expand the competence of a psychologist, in some cases and a psychiatrist, to determine the individual properties of a minor in order to ensure a competent choice of tactics for the production of investigative and procedural actions with his participation.

Objectives: to draw the attention of scientists and practitioners to the individualization of the procedural form in cases of minors in the light of personal characteristics; to consider the specifics of the participation of a psychologist as an assistant in the choice of tactics for the production of investigative actions with the participation of minors; to note the need for the most frequent appointment of a forensic psychological examination to understand the personality characteristics and inclinations of a minor.

Methodology. The methodological basis of the research is the method of dialectical scientific knowledge, as well as a systematic approach to the problem under consideration, a formal-logical method, analysis, synthesis.

The results of the study are to substantiate the potential of psychological knowledge in order to establish competent tactics for the production of investigative actions with the participation of a minor.

Conclusion. The issues of juvenile rights are under the scrutiny of law enforcement agencies. The tendency is towards specialization in the aspect of knowledge of child psychology by interrogators, investigators, juvenile judges work with full dedication. However, the implementation of constitutional principles, the humanization of criminal proceedings in juvenile cases require the introduction of modernized tactics of investigation and consideration of cases. In particular, it is advisable both to expand the grounds for the participation of a psychologist in juvenile affairs and to optimize the production of a forensic psychological examination to determine the tactics of criminal proceedings from the standpoint of an individual approach to the personality of a minor.

Keywords: juvenile delinquency; knowledge of a psychologist; psychiatrist; forensic psychological examination; forensic psychiatric examination; process of proving.

Conflict of interest: The Authors declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Akiev A. R., Bryanskaya E. V. The Expediency of Special Knowledge of a Psychologist in Criminal Cases of Minors. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2021; 11(6): 120–132. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2021-11-6-120-132>.

Received 27.10.2021

Accepted 25.11.2021

Published 27.12.2021

Введение

В настоящее время не теряет своей актуальности вопрос преступности несовершеннолетних. Проблематика заключается в том, что содержание преступности несовершеннолетних видится в предпо-

сылке преступности взрослых. В криминологическом аспекте сложилось так, что преступностью несовершеннолетних является совокупность преступлений с психологическими особенностями субъектов в возрасте от 14 до 18 лет, которые наде-

лены особыми процессуальными гарантиями защиты прав в рамках УПК РФ.

В этой связи особое значение приобретает соблюдение процессуальных гарантий прав несовершеннолетних при расследовании и рассмотрении уголовных дел в суде. В приведенном выше определении «преступности несовершеннолетних» ключевыми являются психологические особенности личности несовершеннолетних. Значит, правила процесса доказывания по делам несовершеннолетних мы не можем уравнивать с условиями процесса доказывания в отношении взрослых участников процесса. По уголовным делам несовершеннолетних законодатель регламентирует в законе особые процессуальные гарантии. Одним из гуманных начал в отношении несовершеннолетних является участие психолога по уголовному делу. Так, с одной стороны, посредством применения познаний психолога, а нередко и психиатра, мы обеспечиваем персонификацию уголовного судопроизводства в отношении несовершеннолетних, с другой стороны, реализуем полноту исследования обстоятельств, входящих в специальный предмет доказывания.

Методология

Методологической основой настоящего научного исследования выступает диалектический метод познания, посредством которого нам удалось провести подробный анализ специфики личности несовершеннолетнего, которая обладает индивидуальными свойствами, требующими корректного отношения при выборе тактики производства следственных действий. Определение индивидуальных характерных черт несовершеннолетнего является прерогативой эксперта-психолога. Помимо этого, для достижения цели исследования были использованы: системный подход к рассматриваемым проблемам; формально-логический метод, заключающийся в доктринальном понимании сущности законодательной регла-

ментации гарантий прав несовершеннолетнего. Методы анализа и синтеза дали возможность сформулировать обоснованные выводы.

Результаты и их обсуждение

Процесс доказывания является центральным звеном, который характеризует специфику расследования и рассмотрения в суде уголовных дел в отношении детей. Уголовное судопроизводство несовершеннолетних направлено на воплощение принципа уважения личности. Правосудие по делам несовершеннолетних и вся ювенальная направленность заключается не в том, чтобы «покарать», а «воспитать», в воспитательно-исправительных целях, в помощи встать на истинно праведный путь оступившемуся ребенку. Как писала достаточно известный специалист в области психики несовершеннолетних Н. А. Дробышевская: «Самым верным критерием оценки доброго воспитания является способность увидеть образ Божий в другом человеке» [1, с. 117].

Да, мы пишем, выступаем на научных конференциях, добиваемся более гибкой законодательной регламентации прав несовершеннолетних, но иногда не понимаем первопричины преступности несовершеннолетних. Источником девиантного поведения несовершеннолетних является реальная социальная среда, а также недостаточно охраняемый государством институт семьи.

В частности, уровень социальной стабильности и благополучия института семьи в российской государственности не отличается абсолютной позитивной характеристикой и не всегда дети имеют возможность на получение полноценного воспитания и надлежащего уровня развития. Наш законодатель с каждым годом пытается усовершенствовать процессуальную защиту прав несовершеннолетних, но не стремится улучшить правовую защищенность института семьи. Как с уголовно-процессуальной точки зрения, так и с уголовно-правовой позиции под-

черквиваем, что до недавнего времени «в большинстве своем авторами рассматривались проблемы отдельных составов преступлений, а вопросам уголовно-правовой охраны семьи как самостоятельного видового объекта преступлений, содержащихся в главе 20 УК РФ, не уделялось должного внимания» [2, с. 5]. Социальное окружение является положительным или отрицательным фактором в воспитании ребенка. Нестабильность семьи, ее неблагополучие, отрицательное влияние взрослых закладывают такие основы воспитания ребенка, которые впоследствии могут стать источником преступной деятельности. Особенно в подростковом, юношеском возрасте, во время формирования в личности правосознания, идет процесс наработки навыков, которые будут зеркальным отражением социальной ситуации в нашем государстве. Для нас очевидно то, что преступность несовершеннолетних имеет место в нашей жизни, проблематика не угасает. Явным показателем являются статистические данные Судебного департамента при Верховном Суде РФ. К примеру, только за первое полугодие 2021 г. в России в суды первой инстанции поступило 10118 уголовных дел в отношении несовершеннолетних¹.

Следовательно, отечественное законодательство в области прав несовершеннолетних не теряет своей значимости. Думается, современные практические работники органов уголовного преследования, защитники, судьи должны применять такие средства доказывания, чтобы как можно более корректно исследовать личность несовершеннолетнего, строить процесс собирания доказательств с участием несовершеннолетних таким способом, чтобы он был психологически продуманным. Необходимо заботиться о том,

чтобы имела место реализация нравственных принципов к человеку [3, с. 133].

В этой связи на помощь приходят криминалистические приемы тактики и методики расследования, рассмотрения уголовного дела в суде. Наибольший интерес представляет применение тех специальных приемов познания, которые целесообразны с участием специалистов, экспертов, владеющих специальными познаниями в области душевной сферы несовершеннолетнего. Институт судебной экспертизы в свете психики и психологии несовершеннолетних с каждым годом набирает научные обороты и модернизируется.

Смысл так называемого «восстановительного правосудия» видится в том, что каждый правоприменитель обязан осознавать, что в его руках судьба еще не сформировавшейся личности. По этой причине необходимо так строить процесс доказывания, чтобы он основывался на психологическом, индивидуальном подходе к каждому ребенку.

Актуальность использования криминалистических средств в расследовании преступлений несовершеннолетних объяснима их незрелостью. Еще в отечественных дореволюционных источниках упоминалась такая правовая категория, как «разумение», которая и до сих пор актуальна, поскольку характеризует умственное развитие, степень взросления и осознания сущности совершаемого деяния несовершеннолетним.

Личность несовершеннолетнего в подростковом периоде развития представляет научный интерес. Внимания заслуживает то, что в подростковом возрасте личность несовершеннолетнего формируется в единстве общего и индивидуального. В тех случаях, когда в семейных отношениях имеют место примеры конфликтного поведения, когда нет участия в школьной жизни ребенка, когда нет возможности развиваться на дополнительном обучении в рамках спортивных секций, творческих кружков, когда

¹ Судебный департамент при Верховном Суде РФ. URL: <http://cdep.ru/index.php?id=79&item=5896><http://cdep.ru/index.php?id=79&item=5896> (дата обращения: 20.09.2021).

несовершеннолетний лишен полноценного семейного воспитания, в таких условиях наблюдается тенденция упущений в воспитании ребенка. Имеет место переход ребенка к категории «трудных».

Таким образом, мы понимаем, что те индивидуальные свойства, которые сложились у несовершеннолетнего в ближайшем социуме, выступают первопричиной девиантного поведения.

Следовательно, грамотный, специализированный подход к личности ребенка при расследовании и рассмотрении уголовных дел остро необходим, нельзя пренебрегать участием психологов, а в необходимых случаях и психиатров. Еще в 1972 г. профессор В. Я. Рыбальская подчеркивала особую значимость заключения эксперта по делам несовершеннолетних [4, с. 83]. Например, к числу назначаемых экспертиз в обязательном порядке относится экспертиза по установлению возраста несовершеннолетнего, но она, как правило, носит медицинский характер, что не исключает участия и психолога (ст. 196 УПК РФ). Или, как справедливо полагает С. Е. Тимошенко, в тех ситуациях, когда есть основания полагать, что у несовершеннолетнего наблюдаются непатологические явления психики, следует назначать судебно-психологическую экспертизу. В частности, если очевидно, что «подросток в интеллектуальном отношении развит слабее сверстников, в силу чего, к примеру, мог не осознавать в полной мере характер своих действий», также есть основания для назначения судебно-психологической экспертизы [5, с. 83].

К сожалению, в практической деятельности имеют место факты, когда следователь в целях соблюдения оперативности расследования игнорирует возможность назначения судебно-психологической экспертизы.

Следственная практика является в отдельных случаях проявлением поверхностного и формального отношения к факту расследуемого преступления, когда следователь не изучает должным образом

личность несовершеннолетнего, причастного к преступлению, несмотря на то, что фактически в «настойной книге» правоприменителя, в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 14 февраля 2000 г. № 7 «О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних» четко рекомендуется: «при наличии данных, свидетельствующих об умственной отсталости несовершеннолетнего подсудимого, в силу ст. 195 и 196, ч. 2 ст. 421 УПК РФ назначается судебная комплексная психолого-психиатрическая экспертиза для решения вопроса о наличии или отсутствии у несовершеннолетнего отставания в психическом развитии»¹.

Теория и практика производства комплексных экспертиз показали, что исследование одной экспертизой, но с участием нескольких экспертов с пограничными знаниями гораздо эффективнее, профессионально выгоднее и качественнее, чем производство нескольких самостоятельных судебных экспертиз по одному экспертному направлению [6, с. 332].

Конечно, может возникнуть вопрос: если следователь наделен процессуальной самостоятельностью, значит, он сам вправе решать, выносить постановление о назначении экспертизы или нет, а как быть, когда защитник подследственного несовершеннолетнего полагает, что необходимо назначать экспертизу? По его наблюдениям, у несовершеннолетнего имеет место отставание в психическом развитии. Защитник в такой ситуации вправе обратиться с ходатайством к следователю, которое следователь вправе отклонить, на что со стороны защитника может последовать жалоба вышестоящему руководству следователя, прокурору

¹ О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14 февр. 2000 г. № 7. URL: http://www.consultant.ru_doc_LAW_26260/ (дата обращения: 20.09.2021).

или в суд, очевидна реализация права на обжалование процессуальных действий и решений. В то же время мы понимаем, что достаточно сложно защитнику отстаивать право на реализацию заявленного ходатайства.

Судебная практика демонстрирует примеры, когда адвокаты вносят апелляционные жалобы на приговоры суда первой инстанции, мотивируя их доводами о том, что по делу необходимо было проводить судебно-психологическую экспертизу. К примеру, по уголовному делу № 22-1593/2018 защитник полагает, что имелись основания для назначения судебно-психологической экспертизы в отношении З., поскольку эмоциональное состояние обвиняемого входит в предмет доказывания по делу, однако суд первой инстанции это ходатайство необоснованно отклонил. По мнению защитника, мотив совершения преступления не доказан, прямой умысел на причинение смерти не установлен, доказательства виновности З. в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30 ч. 1 ст. 105 УК РФ, отсутствуют. Полагаем, что даже при доказанности установленных судом обстоятельств действия осужденного могли быть квалифицированы лишь по ч. 1 ст. 118 УК РФ¹.

В этой связи ученые предлагают вносить коррективы в действующее законодательство, позволяющие адвокату иметь равные права со стороной обвинения в процессе доказывания по делу [7, с. 164].

Интерес представляет следующий факт. Р. С. Хисматуллин отмечает: «Анализ судебной практики по уголовным делам в отношении несовершеннолетних свидетельствует о том, что суды нередко не выносят определения о назначении судебно-психологической экспертизы... Суды иногда фактически уstraняются от рассмотрения, обсуждения и формулирования вопросов,

что порой влечет за собой постановку вопросов, не относящихся к уголовному делу или компетенции эксперта. Кроме того, достаточно часто нарушаются права и законные интересы несовершеннолетнего подсудимого, который лишается возможности сам поставить вопросы эксперту» [8, с. 137].

Нам видится реальная потребность назначения судебно-психологической экспертизы на первых этапах расследования уголовного дела, особенно по тяжким и особо тяжким уголовным делам, по насильственным преступлениям. Как только уполномоченный представитель органа уголовного преследования выносит постановление о возбуждении уголовного дела, необходимо позаботиться не только об участии в следственных действиях психолога для сопровождения участия несовершеннолетнего, но и сразу же следует назначать судебно-психологическую экспертизу, а еще лучше комплексную экспертизу, с участием не только психолога, но и психиатра. Мы понимаем, что наблюдается тенденция в пользу наличия у следователя или дознавателя не только юридического, но и педагогического или психологического образования, что подтверждает специализацию в пользу гуманного отношения к несформировавшейся личности ребенка. Однако в любом случае заключение эксперта будет только в помощь и на пользу органам предварительного расследования в целях избрания объективной тактики производства следственных действий с участием несовершеннолетнего. Банально, но следственная практика показывает факты, к примеру связанные со склонностью несовершеннолетних ко лжи. Судебно-психологическая экспертиза поможет определиться с индивидуальными свойствами личности несовершеннолетнего и выбрать грамотную линию поведения лица, в производстве которого находится уголовное дело.

Разумеется, экспертиза должна проводиться оперативно, без затягивания

¹ Апелляционное постановление № 22-1593/2018 от 27 сентября 2018 г. по делу № 22-1593/2018. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/> (дата обращения: 20.09.2021).

процессуальных сроков, поскольку то лицо, в руках которого производство по делу, без замедления и в обеспечение принципа разумности процессуальных сроков по уголовному делу должно расследовать факт преступления.

В то же время вспоминаются справедливые слова из Обобщения правовых позиций международных договорных и внедоговорных органов, действующих в сфере защиты прав и свобод человека, по вопросам защиты прав несовершеннолетних, в отношении которых осуществляется производство по уголовному делу: для детей, находящихся в конфликте с законом, ввиду их особой уязвимости требуются более высокие стандарты и более широкие гарантии¹.

Предмет доказывания по уголовным делам несовершеннолетних имеет свою специфику. На основании положений действующего законодательства ст. 421 УПК РФ дополняет общий предмет доказывания, регламентированный ст. 73 УПК РФ. Таким образом, по уголовным делам в отношении несовершеннолетних, помимо фиксации общих обстоятельств, к обязательному установлению подлежат: возраст, число, месяц и год рождения; условия жизни и воспитания несовершеннолетнего, уровень психического развития и иные особенности его личности; влияние на несовершеннолетнего старших по возрасту лиц. При перечислении отмеченных обстоятельств мы обращаем внимание не только на возраст, но и на «особенности личности несовершеннолетнего», что, разумеется, может быть определено наиболее глубоким образом только лицом, владеющим специальными познаниями в области психоло-

гии. По уголовным делам несовершеннолетних индивидуальные свойства личности являются не только теми обстоятельствами, которые помогут принять решение следователю о тактике расследования, но и всегда подлежат обязательному установлению.

В этой связи «личность несовершеннолетнего необходимо изучать с нескольких сторон – как члена общества, члена социальных групп или иных общностей, а также как носителя социально типичных черт» [9, с. 86].

Индивидуальные свойства личности имеют процессуальную силу ключевых доказательств по уголовному делу. Как следует из материалов судебной практики, установление особенностей личности несовершеннолетних всегда нуждается в дополнительных процессуальных действиях, а именно в назначении экспертиз.

Как еще в 1998 г. писала известный ученый, представитель классической школы юридического факультета Московского государственного университета Г. Н. Ветрова, УПК нуждается во введении отдельной статьи «Исследование личности несовершеннолетних» [10, с. 298]. В частности, Галина Николаевна достаточно справедливо отмечала, что предмет доказывания по делам несовершеннолетних необходимо уточнить более расширенным содержанием обстоятельств, характеризующих личность несовершеннолетнего, а именно посредством специального исследования целесообразно устанавливать психологические индивидуальные качества ребенка. Возможно, в некоторых случаях личность несовершеннолетнего может нуждаться и в назначении не просто судебно-психологической, но и судебно-психиатрической экспертизы.

Тактика процесса доказывания по уголовным делам несовершеннолетних содействует посредством грамотного и тонкого, а не приблизительного и необоснованного установления индивидуальных свойств личности ребенка,

¹ Обобщение правовых позиций международных договорных и внедоговорных органов, действующих в сфере защиты прав и свобод человека, по вопросам защиты прав несовершеннолетних, в отношении которых осуществляется производство по уголовному делу. URL: <http://www.vsrf.ru/documents/all/27093/> (дата обращения: 20.09.2021).

наиболее объективному решению вопросов уголовной ответственности. Психологическое исследование поможет как никогда объективно понять характер причинной связи между преступным деянием и наступившими в результате общественно опасными последствиями. Кроме того, установленные психологом качества несовершеннолетнего дадут возможность построить следственные версии, в том числе и определить вопросы склонности совершения преступления посредством прямого или косвенного умысла, в силу проявленной небрежности или самонадеянности, мотивацию и цель преступного деяния. «Существенное значение имеют те личностные особенности, которые повлияли на выбранный и реализованный вариант противоправного поведения, усложняли либо упрощали его, а также определяли отношение к содеянному» [11, с. 131].

Индивидуальные свойства личности несовершеннолетнего относятся к существенным для расследования уголовного дела обстоятельствам. Однако, к сожалению, в силу поспешности в расследовании преступлений они остаются нивелированными, стало быть, бывают вне поля зрения органов уголовного преследования. Посредством такой ситуации неверно определяется квалификация преступного деяния.

В случаях, когда нет объективности и по делу не применяются специальные познания в области детской психологии, наблюдаются факты закладывания в основу процесса доказывания предположительной информации о личности несовершеннолетнего, что служит причиной ошибочных приговоров. В силу ст. 75 УПК РФ предположительные сведения могут быть признаны судом в качестве недопустимого доказательства и не могут быть в основе решения по уголовному делу.

Пробелы в исследовании существенных обстоятельств по уголовным делам несовершеннолетних ведут к неполноте

предварительного или судебного следствия, к судебным ошибкам. Закон предусматривает в качестве одного из оснований к отмене или изменению приговора односторонность или неполноту предварительного или судебного следствия.

От грамотно установленных свойств личности несовершеннолетнего зависит правильность квалификации преступления, объективность определения виновности лица; индивидуализация и справедливость наказания. В этой связи мы солидарны с теми авторами, которые придают особую значимость для установления в рамках расследования по уголовному делу следующим сведениям: «Изучение личности несовершеннолетнего правонарушителя видится в установлении таких факторов, как: социальное окружение, его направленности; выявление индивидуальных особенностей личности подростка, оказывающих влияние на его поведение; определение доминирующих стратегий поведения подростка в трудных жизненных ситуациях; выявление социальных условий, способствовавших совершению правонарушения; определение степени криминальной зараженности подростка; прогнозирование склонности к правонарушениям, определение методов воздействия на личность правонарушителя» [12, с. 203].

Методика судебно-психологической экспертизы потенциальна в части установления мотивации поведения несовершеннолетнего. В данный момент времени злободневной является привязанность к виртуальной жизни, к компьютерным играм, когда дети посредством сети Интернет могут вовлекаться в преступную деятельность. Психология детей такова, что «иногда даже самый слабый призыв к мести и обещание безнаказанности выступает значимым мотивом совершения преступления» [13, с. 34]. Личностные свойства несовершеннолетнего складываются в единую картину не спонтанно, а формируясь постепенно, чем представляют

поэтапный и сложный процесс, который охватывает деформацию эмоционального, волевого и интеллектуального мира ребенка [14, с. 108].

Установление личных свойств несовершеннолетнего позволит определить обстоятельства, способствующие совершению преступлений. Как верно полагают отдельные авторы: «Большое значение в профилактической работе имеют формы индивидуального воздействия. Их результативность определяется возможностью учесть особенности каждого подростка, окружающую его обстановку, условия воспитания» [15, с. 38].

Тонкий психологический подход к личности несовершеннолетнего необходим по той причине, что не только несовершеннолетний потерпевший, но и несовершеннолетний подозреваемый, обвиняемый, подсудимый – они также жертвы, жертвы нашей социальной реальности. Дети рождаются с индивидуальной генетикой, но, попадая в разные семьи, в благополучные или неблагополучные социальные условия, развиваются субъективно, из одних социум формирует законопослушного гражданина, из другого – преступника. Следовательно, участие грамотных экспертов, специалистов в области психологии и психиатрии является важнейшим гарантом прав несовершеннолетних. И мы говорим не только о тех несовершеннолетних, кому не исполнилось 16 лет, участие психолога должно быть гарантом прав всех несовершеннолетних участников уголовного процесса, без ограничений в возрасте и психических условностей. Мы помним, что в свете ст. 2 Конституции РФ человек является высшей ценностью. В каждом ребенке мы видим потенциал будущего, значит, мы не должны потерять ни одного несовершеннолетнего в обеспечение развития нашего государства в качестве правового. Авторы верно полагают, что в зависимости от индивидуализации личности необходимо развивать позитивные мотивации и направления [16, с. 275].

В завершение настоящего научного исследования хотелось бы подчеркнуть и то, что не каждый психолог может иметь право на участие в качестве специалиста или эксперта по делам несовершеннолетних. Думается, что в данном направлении необходимо развивать государственную психологическую помощь, в которой будут работать наиболее опытные и квалифицированные психологи. Для нас очевидно, что практически чуть ли не в каждом вузе можно получить образование психолога, а насколько оно является качественным? Именно поэтому мы полагаем, что психологи должны быть штатными сотрудниками специализированной государственной службы, в которой на постоянной основе будут работать профессионалы, с безупречной репутацией и со стажем работы не менее 5 лет в области детской психологии, а быть может, и не только психологии, но и психиатрии, поскольку, как верно отмечают авторы: «Несовершеннолетний, имеющий отставание в психическом развитии, не связанное с психическим расстройством, вообще не может рассматриваться как субъект преступления, соответственно, не должен подлежать уголовной ответственности» [17, с. 89].

Следовательно, понимая, что несовершеннолетние относятся к особой группе граждан Российской Федерации, которые должны быть обеспечены повышенной защитой со стороны государства, мы должны воплощать в жизнь «уважение основных принципов защиты прав ребенка; рассмотрение несовершеннолетних как специального объекта и субъекта профилактической деятельности; осуществление подготовки специалистов, которые используют свои полномочия разумно» [18, с. 101].

Производство судебно-психологической экспертизы будет прямым проявлением ст. 2 Конституции РФ, в свете которой высшей ценностью в нашем государстве является личность. Познания эксперта-психолога позволят раскрыть

индивидуальные свойства личности несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого, подсудимого, потерпевшего, в отдельных случаях и свидетеля. В силу норм действующего законодательства следователь обладает процессуальной самостоятельностью, значит, имеет право на самостоятельное проявление тактики производства следственных действий. В частности, как регламентировано ч. 2 ст. 189 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее – УПК РФ): следователь свободен при выборе тактики допроса. Однако подобного рода свобода должна реализовываться в пределах соблюдения требований, предусмотренных ст. 9 УПК РФ. Несовершеннолетний участник уголовного процесса имеет право на уважение своей личности, независимо от того, сколько ему лет. Органы уголовного преследования, применяя индивидуальные тактические приемы, являющиеся показателем гуманного отношения к несовершеннолетнему, тем самым обеспечивают реализацию законности уголовного судопроизводства, которое в силу ст. 6 УПК РФ направлено на защиту личности, на восстановление социальной справедливости. Следственная тактика применительно к несовершеннолетним должна быть бережной, не ломающей психику ребенка. Главная цель ювенальной юстиции – защита детей. Каждому оступившемуся несовершеннолетнему, вступившему в конфликт с законом, необходимо помочь встать на праведный путь, наказание должно быть соразмерным содеянному и иметь своей целью воспитание.

Радует то, что в настоящее время ювенальное судопроизводство идет по пути медиативных технологий, что, разу-

меется, преследует гуманные начала уголовного судопроизводства.

Ювенальная юстиция является институтом защиты прав и реабилитации – это процесс гуманизации отношения государства к людям [19, с. 16].

Как справедливо подчеркивают современные ученые: «Курс на дальнейшую либерализацию уголовной политики представляется наиболее предпочтительным» [20, с. 695]. В этой связи гуманизация в аспекте индивидуального подхода к личности несовершеннолетнего в свете воспитательного, бережного отношения будет воплощением реализации лучших начал отечественного судопроизводства.

Выводы

В свете изложенного мы предлагаем редакцию ст. 196 УПК РФ, дополнив ее п. 3.3 следующего содержания: назначение и производство судебной экспертизы обязательно, если необходимо установить... психологическое и психическое состояние несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого и потерпевшего в целях избрания органом уголовного преследования индивидуальной тактики производства следственных действий. Безусловно, методика такой экспертизы должна быть единой и легальной и производиться в максимально короткие сроки.

Данное предложение нам видится вполне оправданным. Возможно, подобного рода положение вызовет несогласие ученых и практиков, но в России исторически сложилось так, что расследование и рассмотрение уголовного дела существует в качестве дифференцированной, сложной процессуальной формы, которая характеризуется охранительным содержанием.

Список литературы

1. Дробышевская Н. А. Не должны быть потеряны дети: из опыта работы с трудными детьми. М.: Изд-во Московской Патриархии Русской Православной Церкви, 2013. 176 с.
2. Акиев А. Р. Уголовная ответственность за посягательства на интересы семьи: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2017. 22 с.

3. Пашутина О. С., Козьявин А. А. Требования, предъявляемые к приговору суда, через призму нормативного регулирования и правоприменения // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2017. № 1 (15). С. 127–135.
4. Рыбальская В. Я. Особенности производства по делам о преступлениях несовершеннолетних: монография. Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 1972. 119 с.
5. Тимошенко С. Е. Особенности назначения экспертиз при расследовании уголовных дел о преступлениях, совершенных несовершеннолетними // Вестник Омского юридического института. 2010. № 1 (12). С. 82–84.
6. Сорокотягин И. Н. Комплексная судебная психологическая экспертиза // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2020. № 3 (82). С. 331–337.
7. Воронина Е. С., Липатова С. Л. Равенство сторон и полномочия адвоката в уголовном процессе // Территория науки. 2016. № 4. С. 159–164.
8. Хисматуллин Р. С. Актуальные проблемы назначения и производства судебной экспертизы в судебном процессе по уголовным делам в отношении несовершеннолетних // Уголовно-процессуальные и криминалистические чтения: материалы Международной научно-практической интернет-конференции. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2012. С. 133–141.
9. Грибунов О. П., Загорьян С. Г. Типология личности несовершеннолетних, совершающих преступления в составе организованных групп // Юридический вестник Самарского университета. 2019. № 3. С. 84–90.
10. Производство по делам о преступлениях несовершеннолетних (гл. 68) // Уголовно-процессуальное законодательство Союза ССР и РСФСР. Теоретическая модель / Г. Н. Ветрова [и др.]; под ред. В. М. Савицкого. М.: ИГиП АН СССР, 1990. 317 с.
11. Голдобина В. С. Индивидуализация наказания несовершеннолетних в правоприменительной деятельности: психологические аспекты // Российский психологический журнал. 2014. Т. 11, № 4. С. 128–137.
12. Ермасов Е. Нормативно-правовые основы изучения личности несовершеннолетних правонарушителей // Развитие личности. 2011. № 3. С. 202–214.
13. Душкин А. С., Гончарова А. Н. Индивидуально-психологические ресурсы личности несовершеннолетних в профилактике их вовлечения в совершение антиобщественных действий // Прикладная юридическая психология. 2021. № 1. С. 33–40.
14. Бельский А. И., Ягодин Р. С., Волков П. А. Предупреждение преступности несовершеннолетних // Ленинградский юридический журнал. 2016. № 2 (44). С. 105–111.
15. Богданов А. В., Хазов Е. Н., Комахин Б. Н. Преступность несовершеннолетних: новые решения и новые проблемы // Вестник Московского университета МВД России. 2013. № 4. С. 34–38.
16. Кожокарева Е. А. Преступления несовершеннолетних // Science Time. 2016. № 2(26). С. 272–275.
17. Гавриленко А. А., Горбачева Е. В. Значение установления отдельных данных, характеризующих личность несовершеннолетнего обвиняемого в уголовном судопроизводстве // Сибирский юридический вестник. 2012. № 4 (59). С. 82–89.
18. Голубничая А. В., Польшаная О. В. Прикладное значение ювенальной юриспруденции // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2016. № 4–2. С. 99–103.
19. Арпентьева М. Р. Вопросы ювенальной юстиции // Наука. 2016. № 5-1. С. 13–19.
20. Дикаев С. У., Дикаева М. С. Об уголовной политике реагирования на преступность несовершеннолетних в современной России // Всероссийский криминологический журнал. 2020. Т. 14, № 5. С. 687–698.

References

1. Drobyshevskaya N. A. Ne dolzhny byt' poteryany deti: iz opyta raboty s trudnymi det'mi [Children should not be lost : from the experience of working with difficult children]. Moscow, Moskovskaya Patriarhiya Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi, 2013. 176 p.

2. Akiev A. R. Ugolovnaya otvetstvennost' za posyagatel'stva na interesy sem'i. Avtoref. diss. kand. jurid. nauk [Criminal liability for encroachments on the interests of the family. Cand. legal sci. abstract diss.]. Omsk, 2017. 22 p.
3. Pashutina O. S., Kozyavin A. A. Trebovaniya, pred'yavlyaemye k prigovoru suda, cherez prizmu normativnogo regulirovaniya i pravoprimereniya [Requirements for a court verdict through the prism of regulatory regulation and law enforcement]. *Sibirskie ugolovno-processual'nye i kriminalisticheskie chteniya = Siberian Criminal procedural and criminalistic readings*, 2017, no. 1 (15), pp. 127–135.
4. Rybal'skaya V. Ya. Osobennosti proizvodstva po delam o prestupleniyah nesovershennoletnih [Features of proceedings in cases of juvenile crimes]. Irkutsk, Irkutsk. St. Univ. Publ., 1972. 119 p.
5. Timoshenko S. E. Osobennosti naznacheniya ekspertiz pri rassledovanii ugolovnyh del o prestupleniyah, sovershennyh nesovershennoletnimi [Features of the appointment of examinations in the investigation of criminal cases of crimes committed by minors]. *Vestnik Omskogo yuridicheskogo instituta = Bulletin of the Omsk Law Institute*, 2010, no. 1 (12), pp. 82–84.
6. Sorokotyagin I. N. Kompleksnaya sudebnaya psihologicheskaya ekspertiza [Complex forensic psychological examination]. *Psihopedagogika v pravoohranitel'nyh organah = Psychopedagogy in law enforcement agencies*, 2020, no. 3 (82), pp. 331–337.
7. Voronina E. S., Lipatova S. L. Ravnstvo storon i polnomochiya advokata v ugolovnom processe [Equality of the parties and the powers of a lawyer in criminal proceedings]. *Territoriya nauki = Territory of Science*, 2016, no. 4, pp. 159–164.
8. Hismatullin R. S. [Actual problems of appointment and production of forensic examination in the judicial process in criminal cases against minors]. *Ugolovno-processual'nye i kriminalisticheskie chteniya. Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy internet-konferencii [Criminal procedural and criminalistic readings: materials of the International scientific and practical Internet Conference]*. Irkutsk, BGUEP Publ., pp. 133–141. (In Russ.)
9. Gribunov O. P., Zagor'yan S. G. Tipologiya lichnosti nesovershennoletnih, sovershayushchih prestupleniya v sostave organizovannyh grupp [Typology of the personality of minors committing crimes as part of organized groups]. *Yuridicheskij vestnik Samarskogo universiteta = Legal Bulletin of Samara University*, 2019, no. 3, pp. 84–90.
10. Vetrova G. N., eds. Proizvodstvo po delam o prestupleniyah nesovershennoletnih (gl. 68) [Proceedings on juvenile crimes (Chapter 68)]. *Ugolovno-processual'noe zakonodatel'stvo Soyuzha SSR i RSFR. Teoreticheskaya model' [Criminal procedure legislation of the USSR and the RSFSR. Theoretical model]*; ed. by V. M. Savickii. Moscow, IGiP AN SSSR Publ., 1990. 317 p.
11. Goldobina V. S. Individualizaciya nakazaniya nesovershennoletnih v pravoprimeritel'noj deyatel'nosti: psihologicheskie aspekty [Individualization of punishment of minors in law enforcement: psychological aspects]. *Rossijskij psihologicheskij zhurnal = Russian Psychological Journal*, 2014, vol. 11, no. 4, pp. 128–137.
12. Ermasov E. Normativno-pravovye osnovy izucheniya lichnosti nesovershennoletnih pravonarushitelej [Normative and legal bases of studying the personality of juvenile offenders]. *Razvitie lichnosti = Personality development*, 2011, no. 3, pp. 202–214.
13. Dushkin A. S., Goncharova A. N. Individual'no-psihologicheskie resursy lichnosti nesovershennoletnih v profilaktike ih вовлечения v sovershenie antiobshchestvennyh dejstvij [Individual psychological resources of the personality of minors in the prevention of their involvement in the commission of antisocial actions]. *Prikladnaya yuridicheskaya psihologiya = Applied Legal Psychology*, 2021, no. 1, pp. 33–40.
14. Bel'skij A. I., Yagodin R. S., Volkov P. A. Preduprezhdenie prestupnosti nesovershennoletnih [Prevention of juvenile delinquency]. *Leningradskij yuridicheskij zhurnal = Leningrad Law Journal*, 2016, no. 2 (44), pp. 105–111.
15. Bogdanov A. V., Hazov E. N., Komahin B. N. Prestupnost' nesovershennoletnih: novye resheniya i novye problemy [Juvenile delinquency: new solutions and new problems]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2013, no. 4, pp. 34–38.
16. Kozhokareva E. A. Prestupleniya nesovershennoletnih [Juvenile crimes]. *Science Time*, 2016, no. 2(26), pp. 272–275.

17. Gavrilenko A. A., Gorbacheva E. V. Znachenie ustanovleniya ot del'nykh dannykh, harakterizuyushchikh lichnost' nesovershennoletnego obvinyaemogo v ugovnom sudoproizvodstve [The importance of establishing individual data characterizing the identity of a minor accused in criminal proceedings]. *Sibirskiy yuridicheskij vestnik = Siberian Legal Bulletin*, 2012, no. 4 (59), pp. 82–89.

18. Golubnichaya A. V., Polyvanaya O. V. Prikladnoe znachenie yuvenal'noj yurisprudencii [Applied value of juvenile jurisprudence]. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki = Proceedings of Tula State University. Economic and legal sciences*, 2016, no. 4–2, pp. 99–103.

19. Arpent'eva M. R. Voprosy yuvenal'noj yusticii [Issues of juvenile justice]. *Nauka = Science*, 2016, no. 5-1, pp. 13–19.

20. Dikaev S. U., Dikaeva M. S. Ob ugovnoy politike reagirovaniya na prestupnost' nesovershennoletnih v sovremennoj Rossii [On the criminal policy of responding to juvenile delinquency in modern Russia]. *Vserossijskiy kriminologicheskij zhurnal = All-Russian Journal of Criminology*, 2020, vol. 14, no. 5, pp. 687–698.

Информация об авторах / Information about the Authors

Акиев Арби Русланович, кандидат юридических наук, начальник кафедры криминалистики, Санкт-Петербургский университет МВД России, майор полиции, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация,
e-mail: melhi530@mail.ru,
ORCID: 0000-0001-6540-9606

Arbi R. Akiev, Candidate of Juridical Sciences, Head of the Department of Criminalistics, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Police Major, St. Petersburg, Russian Federation,
e-mail: melhi530@mail.ru,
ORCID: 0000-0001-6540-9606

Брянская Елена Васильевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики, Санкт-Петербургский университет МВД России, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация,
e-mail: veret.1976@mail.ru,
ORCID: 0000-0002-8715-7099

Elena V. Bryanskaya, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor of the Department of Criminalistics, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, St. Petersburg, Russian Federation,
e-mail: veret.1976@mail.ru,
ORCID: 0000-0002-8715-7099

Оригинальная статья / Original article

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2021-11-6-133-144>

К вопросу о средствах, влияющих на достижение эффективности уголовно-процессуальной деятельности

О. И. Даровских¹ ✉

¹Южно-Уральский государственный университет (Национального исследовательского университета)
ул. Коммуны 149, г. Челябинск 454091, Российская Федерация

✉ e-mail: darovskikhoi@gmail.com

Резюме

Актуальность избранной темы обусловлена отсутствием в доктрине научных исследований, связанных с проблемами обеспечения эффективности уголовно-процессуальной деятельности.

Целью является выявление, структурирование и исследование средств, влияющих на эффективность процессуальной деятельности, в целях их дальнейшей оптимизации.

Задачами исследования являются: классификация средств, обеспечивающих эффективность уголовно-процессуальной деятельности; разработка и обоснование целесообразности выделения нескольких уровней, на которых решаются задачи обеспечения эффективности процессуальной деятельности; характеристика каждого уровня.

Методология. Методологическую основу исследования составили: метод диалектического познания; конкретно-социологические методы: анкетирование, наблюдение; метод системно-структурного анализа и др.

Результаты. Были выявлены и обоснованы 4 уровня, на базе которых проявляются средства, влияющие на эффективность уголовно-процессуальной деятельности, это научный уровень, законодательный, правоприменительный и личностный.

Вывод. Научный уровень, на взгляд автора, проявляется в разработке научной концепции организации уголовного процесса, а также в разработке и применении востребованных в практической деятельности, научных достижений, их обосновании и адаптации именно в уголовно-процессуальной деятельности. Законодательный уровень обеспечения эффективности уголовно-процессуальной складывается как из разработки законодателем безупречной нормативно-правовой базы, так и формирования правовых позиций Верховного Суда РФ и Конституционного Суда РФ относительно спорных вопросов интерпретации отдельных норм закона и их соответствия Конституции РФ, а также правильности применения.

Правоприменительный уровень охватывает средства и способы, а также и организационные моменты уголовно-процессуальной деятельности. Автор обосновывает свое мнение относительно того, что правоприменение должно содержать стадию исполнения решений в том объеме, в котором решаются уголовно-процессуальные вопросы. Личностный уровень представляет собой осознанную деятельность участников уголовного судопроизводства, основанную на их знании, воле, мотивации их действий и принимаемых решений, а также психологических и моральных установках.

Ключевые слова: эффективность; уголовное судопроизводство; уголовно-процессуальная деятельность; средства; обеспечение.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Даровских О. И. К вопросу о средствах, влияющих на достижение эффективности уголовно-процессуальной деятельности // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021. Т. 11, № 6. С. 133–144. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2021-11-6-133-144>.

Поступила в редакцию 20.10.2021

Принята к публикации 24.11.2021

Опубликована 27.12.2021

© Даровских О. И., 2021

Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право / Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law. 2021; 11(6): 133–144

On the Question of the Means Affecting the Achievement of the Effectiveness of Criminal Procedural Activity

Olga I. Darovskikh¹ ✉

¹South Ural State University (National Research University),
149 Commune str., Chelyabinsk 454091, Russian Federation

✉ e-mail: darovskikhoi@gmail.com

Abstract

The relevance of the chosen topic is due to the absence in the doctrine of scientific research related to the problems of ensuring the effectiveness of criminal procedural activity.

The purpose is to identify, structure and study the means that affect the effectiveness of procedural activities in order to further optimize them.

The objectives of the research are: classification of means that ensure the effectiveness of criminal procedural activity; development and justification of the feasibility of identifying several levels at which the tasks of ensuring the effectiveness of procedural activities are solved; characteristic of each level.

Methodology. The methodological basis of the research was formed by the method of dialectical cognition; specific sociological methods: questioning, observation; method of system-structural analysis; and etc.

Results. 4 levels were identified and substantiated, on the basis of which the means that affect the effectiveness of criminal procedural activity are manifested - this is the scientific level, legislative, law enforcement and personal.

Conclusions. The scientific level, in the author's opinion, is manifested in the development of a scientific concept of the organization of criminal proceedings, as well as in the development and application of scientific achievements that are in demand in practice, their substantiation and adaptation in criminal procedural activities. The legislative level of ensuring the effectiveness of the criminal procedure is formed both from the development by the legislator of an impeccable legal framework, and the formation of the legal positions of the Supreme Court of the Russian Federation and the Constitutional Court of the Russian Federation regarding controversial issues of interpretation of certain norms of the law and their compliance with the Constitution of the Russian Federation, as well as the correctness of application.

The law enforcement level covers the means and methods, as well as the organizational aspects of criminal procedure. The author substantiates his opinion that law enforcement should contain a stage of execution of decisions to the extent that criminal procedural issues are resolved. The personal level is the conscious activity of the participants in criminal proceedings, based on their knowledge, will, motivation for their actions and decisions, as well as psychological and moral attitudes.

Keywords: efficiency, criminal proceedings, criminal procedural activity, means, security.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Darovskikh O. I. On the Question of the Means Affecting the Achievement of the Effectiveness of Criminal Procedural Activity. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2021; 11(6): 133–144. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2021-11-6-133-144>.

Received 20.10.2021

Accepted 24.11.2021

Published 27.12.2021

Введение

Ни одна теория не может обойтись без систематизации научных знаний и практической деятельности. Системный метод предполагает рассмотрение предметов и явлений как частей и элементов

определенного целостного образования [1, с. 173]. Эти части и элементы, взаимодействуя между собой, образуют новые интегративные свойства, которыми обладает система как целое [2, с. 273]. Философы отмечают, что «зрелость той или

иной научной системы предопределяется законченностью ее классификационной системы» [3, с. 11].

Под классификацией в логике принято понимать «распределение предметов какого-либо рода на классы согласно наиболее существенным признакам, присущим предметам данного рода и отличающим их от предметов другого рода, при этом каждый класс занимает в получившейся системе определенное постоянное место и, в свою очередь, делится на подклассы» [4, с. 214–215].

Значение классификации средств, обеспечивающих эффективность уголовно-процессуальной деятельности, и средств, препятствующих достижению эффективности уголовного процесса, состоит в том, что она, во-первых, позволяет более глубоко и тщательно изучить объект исследования, а во-вторых, выявить и систематизировать разрозненные как теоретически, так и эмпирически полученные данные о средствах, влияющих на повышение эффективности, и средствах, создающих препятствия для эффективной деятельности.

Методология

Методологическую основу исследования составил диалектический метод научного познания, с помощью которого уровни, определяющие средства, обеспечивающие эффективность уголовно-процессуальной деятельности, рассматриваются во взаимосвязи и взаимозависимости друг от друга; использование конкретно-социологических методов позволило выявить отношение конкретных участников процесса к средствам, обеспечивающим эффективность уголовно-процессуальной деятельности и негативным факторам, препятствующим осуществлению эффективной деятельности. Метод системно-структурного анализа позволил получить новые знания о средствах обеспечения эффективности уголовно-процессуальной деятельности.

Результаты и их обсуждение

В зависимости от того, каким образом проявляются правовые средства, направленные на обеспечение эффективной уголовно-процессуальной деятельности, полагаем, что можно выделить следующие уровни: научный, законодательный, правоприменительный и личностный. Предложенная дифференциация осуществляется исключительно в исследовательских рамках и только в целях выявления влияния этих уровней на уголовно-процессуальную деятельность. Все указанные уровни взаимосвязаны и взаимозависимы. Первые три уровня проявления правовых средств переходят из одного в другой, чаще всего соблюдая некоторую последовательность, а правоприменительный уровень и личностный (субъектный) настолько взаимопроникают друг в друга, что неотделимы, поскольку правоприменение зависит от того, кто, собственно, применяет нормы права и участвует в правоприменительной деятельности. Предлагаемая нами схема позволяет проследить логическую последовательность появления и реализации правовых средств, влияющих на эффективность уголовно-процессуальной деятельности [5, с. 125].

Научный уровень заключается как в целом в разработке научной концепции организации уголовного процесса, так и в разработке и применении востребованных в практической деятельности научных достижений, их обосновании и адаптации именно в уголовно-процессуальной деятельности. Научные идеи детерминируют уголовно-процессуальную деятельность и те средства, которые обеспечивают ее эффективность. Да и сама категория «эффективность» первоначально воспринималась в виде чисто экономического понятия, но это понятие разрабатывалось учеными и постепенно, благодаря этим разработкам на теоретическом (научном) уровне, было распространено и на другие области человеческой деятельности, в том числе на право.

Аналогичная ситуация сложилась и с таким понятием, как справедливость. Рассматриваемая первоначально как философская категория справедливость постепенно благодаря научным исследованиям стала восприниматься и как правовая категория, требование, предъявляемое к приговору суда. Не всегда, но в большинстве случаев практика получает рекомендации по внедрению новых средств, способов, методов воздействия на правовые отношения только после того, как они будут рекомендованы научным сообществом. Исключения есть, можно привести в качестве примера путь, который преодолело такое следственное действие, в настоящее время зафиксированное в тексте закона, как проверка показаний на месте. Первоначально оно применялось следователями как способ закрепления признательных показаний обвиняемого, подозреваемого. После получения признательных показаний следователь по своему усмотрению предлагал показать на месте, как все происходило в момент совершения преступления. Вся процедура показа отражалась в протоколе и фиксировалась на кино- или фотопленку, которая в суде признавалась допустимым доказательством, даже в том случае, если обвиняемый отказывался от своих ранее данных признательных показаний. Эффективность результата данной процедуры способствовала тому, что ученые стали обосновывать целесообразность ее проведения и в результате правоприменители получили новое и весьма эффективное следственное действие.

Научное обоснование обеспечило внедрение в судебную деятельность такого ныне популярного средства, как видеоконференцсвязь. В России она впервые стала применяться в Челябинском областном суде в конце 90-х годов прошлого века в целях обеспечения участия в проверочных стадиях процесса участников уголовного судопроизводства, а затем распространилась на всю территорию Российской Федерации, поскольку

позволяет получать в суде показания свидетелей, которые по уважительным причинам не могут прибыть в зал судебного заседания. Попытки некоторых ученых оспорить целесообразность применения данного коммуникационного средства по причинам сбоя связи, плохой слышимости, видимости, невозможностью предоставления подлинных документов и прочим обстоятельствам, не были поддержаны большинством ученых.

Верховный Суд РФ и Конституционный Суд РФ также заняли по этому вопросу единодушное мнение, признав использование видеоконференцсвязи вполне оправданным и допустимым [6, с. 115]. Полагаем, что в дальнейшем применение видеоконференцсвязи может быть расширено за счет возможности ее применения с согласия подсудимого в суде первой инстанции по делам, рассматриваемым в особом порядке. В качестве примера можно привести ситуацию [7, с. 113–117], когда обвиняемый, заявивший ходатайство о рассмотрении его дела в особом порядке, находясь в следственном изоляторе, получил травму и по состоянию здоровья не мог быть этапирован в суд для участия в судебном заседании. Он заявил ходатайство о рассмотрении его дела с применением видеоконференцсвязи, однако суд был вынужден отказать в удовлетворении данного ходатайства, поскольку для этого не было условий. Рассмотрение дела неоднократно откладывалось из-за состояния здоровья обвиняемого, а в последующем было рассмотрено с его участием¹.

Разработанный и успешно применяемый порядок применения видеоконференцсвязи в судебном разбирательстве может быть применен и на стадии предварительного расследования. Например, при проведении допроса по следственному поручению. Выполняя поручение, поступившее от следователя из другого ре-

¹ Уголовное дело Ленинского районного суда по г. Челябинску № 1-371/2019 // Архив Ленинского районного суда по г. Челябинску.

гиона, следователь-исполнитель задает только те вопросы, которые сформулированы в поручении и фиксирует ответы на них. При этом ответы допрашиваемого могут вызвать необходимость задать ему еще ряд дополнительных, уточняющих, устраняющих противоречия вопросов, что повлечет увеличение сроков расследования, поскольку потребует составление нового поручения и времени для его реализации. Если допрос по видеосвязи будет осуществлять сам инициатор, то результат он получит сразу. В науке можно встретить мнение по данному вопросу, что «все следственные действия, объединенные методом расспроса, такие как очная ставка, опознание, проверка показаний на месте, могут проводиться с использованием видеоконференцсвязи» [8, с. 100–106].

Очевидно, что в текст уголовно-процессуального закона Российской Федерации следует внести дополнения, включив в ст. 192, 193, 194 УПК РФ, регламентирующие проведение соответствующих следственных действий, указание на возможность и особенности их проведения дистанционно с применением системы видеоконференцсвязи.

В одних случаях научный уровень успешно завершается переходом на законодательный, в рамках которого разрабатывается новый закон, или появляется новая статья в УПК РФ [9, с. 269]. В других – законодатель по разным причинам не воспринимает научные предложения, т. к. это случилось с предложениями о введении нового участника уголовного судопроизводства – следственного судьи. Несмотря на неоднократно возникающую тему, обсуждаемую на научных конференциях, на страницах юридических журналов, предложения ученых, касающиеся обоснования целесообразности и необходимости введения и закрепления статуса данного участника судопроизводства, законодатель не пошел на внесение соответствующих изменений в текст закона. Полагаем, что научные разработки

достаточно часто опережают реальные возможности государства по их внедрению и реализации, но в целом, бесспорно, обеспечивают движение вперед, совершенствуя средства обеспечения эффективной уголовно-процессуальной деятельности.

Следующий уровень применения средств обеспечения эффективной деятельности – это законодательный. При регулировании уголовно-процессуальной деятельности возможно использование только таких средств, которые определены в уголовно-процессуальном законе. Поэтому эффективность деятельности зависит от качества разработанного и принятого нормативно-правового акта. Считается, что качественный закон – это такой закон, положения которого могут быть реализованы, хотя и к применяемым законам часто предъявляются вполне обоснованные претензии. Не является исключением и содержание уголовно-процессуального закона. Противоречия и недоработки, встречающиеся в тексте УПК РФ, связывают с отсутствием продуманной концепции законодателя. Разработанная и принятая Верховным Советом РСФСР 21 октября 1991 г. Концепция судебной реформы¹ в ходе своей реализации подверглась корректировке и пошла по совершенно иному, нежели предполагалось, пути [10, с. 107–109]. Например, разработчики Концепции в категоричной форме указывали, что «недопустимо процессуальное подчинение следователя административным начальникам (имелись в виду начальники следственных отделов, комитетов и т. д.), наделение последних процессуальными полномочиями и правом контролировать ход и результаты расследования, пересматривать постановления следователя.

¹ О Концепции судебной реформы в РСФСР: постановление Верховного Совета РСФСР от 24 окт. 1991 г. № 1801-1. URL: <http://www.consul-tant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=EXP&n=221794#3y1D5oS210N LAJOQ1> (дата обращения: 20.09.2021).

Центральной фигурой Следственного комитета должен быть следователь. Существование руководителей всех уровней оправдано лишь в качестве организаторов его работы, осуществляющих ресурсное и методическое обеспечение расследования, начальствующих над техническим персоналом».

Что мы имеем сегодня. Процессуальное положение следователя фактически сведено к положению исполнителя воли руководителя следственного органа. Появление данной процессуальной фигуры внесло существенные изменения в положение данных должностных лиц. И дело даже не в утрате процессуальной самостоятельности, хоть именно об этом указывалось в тексте Концепции, как нам представляется, сама по себе процессуальная самостоятельность следователя не должна являться самоцелью. Проблема в другом. Административные полномочия руководителя следственного органа позволяют ему давать указания не в письменном, как указано в законе, виде, а устно, оправдывая это требованием оперативного решения вопросов. Это исключает возможность следователям обжаловать указания своего руководителя. При таком подходе требовать от следователей эффективной деятельности затруднительно.

Впрочем, проблемы возникают не только из-за отсутствия продуманных взаимосвязанных норм, регулирующих те или иные правоотношения, а из-за некорректных формулировок, неправильного их понимания (толкования) и неправильного применения. Определенные положительные результаты в этом направлении обеспечивают постановления и определения высших судебных органов: Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ. Именно данные органы, формируя судебные правовые позиции, разрабатывают типовые модели правильного понимания и применения норм уголовно-процессуального закона. Хотя не всегда с их мнением соглашаются правоприменители и ученые, признавая их в некоторых

случаях достаточно спорными. Так, например, в Постановлении от 15 января 1999 г. № 1-П Конституционный Суд РФ высказал следующую весьма спорную мысль: «Вместе с тем и по всем иным уголовным делам потерпевший заинтересован в том, чтобы способствовать раскрытию преступления, установлению истины по делу, изобличению преступника и справедливому воздаянию за содеянное»¹. Согласиться в целом с данной правовой позицией сложно, потерпевшие достаточно часто своими неправильными действиями провоцируют лицо, которое в будущем приобретает статус обвиняемого, и поэтому и на стадии предварительного расследования, и в судебном разбирательстве желают скрыть свою незавидную роль в инциденте [11, с. 154]. В качестве примера можно привести дело гр. Б. В отношении него было возбуждено уголовное дело по обвинению в совершении преступления, предусмотренного п. «д» ч. 2 ст. 131 УК РФ. Обстоятельства дела, подтвержденные в судебном разбирательстве, свидетельствовали о том, что потерпевшая своим поведением, которое она не отрицала, спровоцировала указанные действия обвиняемого².

В качестве примера неправомерного поведения потерпевшего, повлиявшего на наказание обвиняемого, можно привести еще одно уголовное дело. По приговору Нижневартовского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа от 3 ноября 2009 г. Г. осужден: по п. «в» ч. 2 ст. 132 УК РФ – к 5 годам лишения свободы, по п. «в» ч. 2 ст. 131 УК РФ – к 5 годам лишения свободы и по ч. 1 ст. 112

¹ По делу о проверке конституционности положений ч. 1 и 2 ст. 295 УПК РСФСР в связи с жалобой гражданина М. А. Ключева: постановление Конституционного суда РФ от 15 янв. 1999 г. № 1-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1999. № 4, ст. 602.

² Уголовное дело Правобережного районного суда г. Магнитогорска № 1-317/2018 // Архив Правобережного районного суда г. Магнитогорска.

УК РФ – к 1 году лишения свободы. При рассмотрении дела в кассационной инстанции было установлено, что совершение Г. преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 112 УК РФ, было вызвано противоправными действиями потерпевшего М.

Поскольку согласно п. «з» ч. 1 ст. 61 УК РФ противоправность или аморальность поведения потерпевшего, явившегося поводом для преступления, признаётся обстоятельством, смягчающим наказание, размер наказания Г. по ч. 1 ст. 112 УК РФ и размер окончательного наказания снижен¹.

В науке нет единого мнения о сущности, правовой природе постановлений и определений Верховного Суда РФ и Конституционного Суда РФ. Такие известные ученые, как А. Д. Бойков, Н. В. Батуев, В. П. Божьев, утверждали, что деятельность Конституционного Суда нельзя признавать законодательной и правотворческой [12, с. 78–79], что решения данного суда – это правоприменительные акты [13, с. 82] или что суд в своих постановлениях дает только толкование Конституции РФ [14, с. 18–19]. Мы считаем вполне обоснованными доводы ученых, которые полагают, что нельзя упускать из вида то, что «решения Конституционного Суда РФ, вообще и в частности, по проблемам уголовного судопроизводства представляют собой особые официальные акты толкования, фактически выступающие источниками права, поскольку им присуща нормативность, как свойство правового акта, направленное на создание норм, правил, регулирующих новые общественные отношения либо расширяющих действие существующих правовых норм. Особенность решений Конституционного Суда РФ состоит в том, что они не вписываются в существующие стандарты источников права, разработанные теорией права. Данное обстоятельство

нельзя оценивать как отрицательный факт. Ранее в России не существовало такого института, как Конституционный Суд РФ, поэтому и нет соответствующих научных разработок, позволяющих ученым принять единодушное решение по данному вопросу» [15, с. 5].

Таким образом, законодательный уровень обеспечения эффективной уголовно-процессуальной деятельности складывается как из разработки законодателем безупречной нормативно-правовой базы, так и формирования правовых позиций Верховного Суда РФ и Конституционного Суда РФ относительно спорных вопросов понимания отдельных моментов закона и их соответствия Конституции РФ и правильности применения.

Следующий уровень – это правоприменительный, который мы рассматриваем более широко, включая в него и организационные моменты уголовно-процессуальной деятельности, и коммуникативные, складывающиеся в ходе данной деятельности. Под правоприменительной деятельностью В. М. Горшенев понимал «совокупность специфических организационных форм и средств, с помощью которых обеспечивается непрерывность процесса реализации нормативно-правовых предписаний путем наделения одних участников отношений субъективными правами и возложения на других соответствующих юридических обязанностей, или путем разбирательства вопросов о последствиях правовых споров и правонарушений» [16, с. 35]. В данном определении вызывает дополнительные вопросы термин «специфические», поскольку в правоприменительной деятельности средства и организационные формы должны быть, в первую очередь, правовые.

С. Б. Швецов указал, что «правоприменительная деятельность – это совокупность организационно-правовых средств, с помощью которых управомоченные правоприменительные органы осуществляют нормативно-правовое воздействие на участников регулируемого правоотношения» [17, с. 10].

¹ Уголовное дело Пуровского районного суда Ямало-Ненецкого автономного округа № 1-78/2009 // Архив Пуровского районного суда Ямало-Ненецкого автономного округа.

ношения в целях создания предпосылок для реализации применяемой нормы права» [17, с. 40].

Ученые подразделяют правоприменительные действия на несколько стадий. Например, С. С. Алексеев все правоприменительные действия подразделяет на три основные стадии: установление фактических обстоятельств дела; выбор и анализ норм права; решение дела, выраженного в акте применения права [18, с. 24]. С ним практически соглашался И. Я. Дюрягин, который выделял такие стадии правоприменения, как: установление и исследование фактических обстоятельств рассматриваемого дела; выбор и анализ правовых норм, подлежащих применению; принятие решения и его документальное оформление [7, с. 52]. П. Е. Недбайло [19, с. 225] и В. И. Гойман-Червонюк [20, с. 255] полагали, что отдельной стадией правоприменения должно быть и фактическое исполнение решений.

Изучение доводов ученых, высказывающих указанные противоположные точки зрения, учет особенностей не просто уголовно-процессуальной деятельности, а именно эффективной уголовно-процессуальной деятельности позволило убедиться в несостоятельности выводов авторов, утверждающих, что правоприменение не должно содержать стадию исполнения решений в том объеме, в котором решаются уголовно-процессуальные вопросы.

Доводы в пользу данного заключения следующие. Исполнение процессуального решения, принятого на любой стадии уголовного судопроизводства, – это необходимое условие данной деятельности. Именно исполнение принятого решения обеспечивает достижение цели осуществляемой деятельности. Без исполнения любое решение утрачивает свое значение и смысл. Если это промежуточное решение, то его исполнение предопределяет возможность дальнейшей деятельности и получения окончательного

решения. Исполнение окончательного решения позволяет судить и о достижении цели деятельности, и о ее эффективности или характеризует эту деятельность как осуществленную (осуществляемую) формально. Для уголовно-процессуальной деятельности стадия исполнения судебного решения особо важна, поскольку выполняет такие важные функции, как обеспечение правопорядка и защита прав и законных интересов граждан. Поэтому полагаем, что деятельность должностных лиц по урегулированию вопросов, связанных с исполнением судебных решений, принятых в рамках уголовного судопроизводства, является обязательной стадией правоприменения. Эта деятельность создает условия для исполнения судебных решений, выступает гарантом возможности реализации прав осужденным и потерпевшим.

Таким образом, считаем, что правоприменение как последующий и важнейший уровень эффективной процессуальной деятельности складывается из следующих стадий: установление фактических обстоятельств дела; выбор и анализ норм права; решение дела, выраженное в акте применения права, и исполнение принятого судебного решения.

Кроме того, правоприменительная деятельность не может успешно осуществляться без решения организационных вопросов, решение которых также обеспечивает ее эффективность. Организационные основы эффективной деятельности правоохранительных органов взаимосвязаны не только с проведением или осуществлением процедурных аспектов самой деятельности, хоть это архиважно, но и содержанием предшествующих и сопутствующих данной деятельности аспектов, влияющих на ее осуществление и обеспечивающих эту деятельность. Такие обеспечивающие эффективную уголовно-процессуальную деятельность средства могут быть как внешние, непосредственно с самой деятельностью не связанные, существующие вне системы уголовно-

процессуальных отношений, но влияющие на порядок их осуществления, так и внутренние, от выполнения которых непосредственно зависит возможность осуществлять уголовно-процессуальную деятельность эффективно. Перечень указанных не процессуальных, а организационных (можно даже сказать управленческих) средств может быть достаточно обширным, поэтому мы более подробно остановимся только на некоторых из них, на наш взгляд, самых существенных. В целом все как внутренние, так и внешние средства, оказывающие влияние на осуществление уголовно-процессуальной деятельности эффективно, взаимосвязаны между собой и взаимозависимы, поэтому рассматривать их необходимо в совокупности.

К внешним организационным вопросам, возникающим при осуществлении эффективной уголовно-процессуальной деятельности, можно отнести необходимость усовершенствования уголовно-процессуального закона, а также разработку и принятие нормативно-правовых актов, устраняющих разночтение положений уголовно-процессуального и иных законодательных актов, содержательное наполнение интерпретационной деятельности Конституционного Суда Российской Федерации и разъяснения, касающиеся правильного применения норм УПК РФ, которые дает Верховный Суд РФ, вопросы подготовки высокопрофессиональных кадров; материально-технической оснащенности подразделений следственных и судебных органов; обеспечение оптимальной нагрузки у судей, следователей и дознавателей; меры, предпринимаемые для преодоления правового нигилизма граждан и многие другие. Успешное решение большинства данных вопросов осуществляется, как правило, за пределами уголовно-процессуальной деятельности, но именно оно способствует успешному ее осуществлению и завершению.

К внутренним средствам от правильного понимания и реализации которых зависит эффективность уголовно-процессуальной деятельности мы относим: внедрение приемов, методов обеспечения достижения критериев эффективной уголовно-процессуальной деятельности, совершенствование порядка применения норм уголовно-процессуального закона, повышение требовательности к обеспечению прав участников уголовно-процессуальных отношений, повышение качества надзора и контроля за уголовно-процессуальной деятельностью, внедрение новых технологий в уголовно-процессуальную деятельность, активное применение психологических знаний при выстраивании отношений между участниками процесса: следователем и руководителем следственного отдела, следователем и прокурором, следователем и обвиняемым и его адвокатом и т. д.

И последний уровень, но не менее значимый и взаимосвязанный с предыдущими – это личностный. Не считаем возможным в данном аспекте употребление термина субъектный, поскольку такая категория, как «субъект», использовалась применимо к должностным лицам, участвующим в уголовном процессе и принимающим властные решения, влияющие на ход и результат данной уголовно-процессуальной деятельности. Но в процессуальной деятельности также участвуют и другие лица, как заинтересованные в результате, так и не имеющие какого-либо интереса и от их правовой позиции, поведения, установки (цели), от того, кто эти лица, как они осуществляют указанную деятельность, какие средства применяют и как их применяют, в конечном счете зависит её результат. Данный уровень особо значим, когда мы говорим об эффективной уголовно-процессуальной деятельности. Личностный уровень представляет собой осознанную деятельность участников уголовного судопроизводства, основанную на их знании, воле, мотивации их действий и принимаемых

решений, а также психологических и моральных установках. Этот уровень весьма конкретен, т. к. по-разному проявляется при расследовании и рассмотрении каждого уголовного дела, как нет абсолютно одинаковых уголовных дел, так и нет абсолютно одинаковых действий и решений правоприменителей и участвующих в данных делах лиц. Личностный уровень проявляется в особенностях, присущих конкретному участнику процесса. На эффективность деятельности лица влияет состояние его здоровья, возраст, его должностное и процессуальное положение, образование, знание языка судопроизводства, задачи, которые он перед со-

бой поставил, жизненные установки, его отношение к содеянному и т. д.

Выводы

Таким образом, можно сделать следующий вывод, что на эффективность уголовно-процессуальной деятельности оказывают влияние средства, проявляющие себя в четырех направлениях (уровнях): научном, законодательном, правоприменительном и личностном. Именно на данных уровнях проявляются средства, как позитивно, так и негативно влияющие на обеспечение эффективности уголовного судопроизводства.

Список литературы

1. Даровских О. И. Злоупотребление правом в уголовном судопроизводстве России: дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2013. 211 с.
2. Рузавин Г. И. Методология научного исследования. М.: ЮНИТИ, 1999. 287 с.
3. Кедров Б. М. Диалектический путь теоретического синтеза современного естественно-научного знания // Синтез современного научного познания. М.: Наука, 1973. 120 с.
4. Кондаков Н. И. Логический словарь. М.: Наука, 1971. 721 с.
5. Винницкий А. В. Административно-правовые основы управления государственной собственностью: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2005. 225 с.
6. Даровских С. М. Проявление идеи конституционализма в деятельности Конституционного Суда Российской Федерации не исключает правовую неопределенность его решений // Проблемы права. 2020. № 2 (76). С. 113–117.
7. Дюрягин И. Я. Применение норм советского права. Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1973. 247 с.
8. Семенцов В. А. Применение технологии видеоконференцсвязи в судебном заседании и при производстве следственных действий // Библиотека криминалиста. 2016. № 6. С. 100–106.
9. Павлов В. И. Концепция эффективности права между теологией и антропологией: к истории формирования // Всероссийский научный журнал «Вопросы правоведения». 2014. № 5. С. 269.
10. Зинатуллин З. З., Зинатуллин Т. З. Концепция судебной реформы в РСФСР от 24 октября 1991 года – базовая основа законотворческой и правоприменительной деятельности постсоветской России // Вестник Удмуртского университета. 2017. Т. 27, № 3. С. 107–109.
11. Даровских О. И. Классификация злоупотребления правами в уголовном судопроизводстве // Проблемы права. 2013. № 1 (39). С. 153–158.
12. Бойков А. Д. Опасность негативного правотворчества // Уголовное право. 2000. № 4. С. 78–79.
13. Батуев Н. В. Решения Конституционного Суда Российской Федерации в механизме уголовно-процессуального регулирования: дис. ... канд. юрид. наук. Ижевск, 2003. 172 с.
14. Научно-практический комментарий к УПК РФ / ред. В. П. Божьев. М.: Спарк, 2002. 1287 с.
15. Даровских С. М. Судебные правовые позиции в уголовном судопроизводстве: теоретические основы и процессуальные формы: дис. ... докт. юрид. наук. М., 2011. 380 с.
16. Горшенев В. М. Способы и организационные формы правового регулирования в социалистическом обществе. М.: Юрид. лит., 1972. 258 с.
17. Швецов С. Б. Эффективность правоприменительной деятельности: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2004. 156 с.

18. Алексеев С. С. Общая теория социалистического права / Свердлов. юрид. ин-т. Свердловск, 1966. 203 с.
19. Недбайло П. Е. Применение советских правовых норм. М.: Госюриздат, 1960. 512 с.
20. Гойман-Червонюк В. И. Очерки теории государства и права. М.: Роспедагентство: МЮН, 1996. 326 с.

References

1. Darovskih O. I. Zloupotreblenie pravom v ugovnom sudoproizvodstve Rossii. Diss. kand. jurid. nauk [Abuse of law in criminal proceedings in Russia. Cand. legal sci. diss.]. Chelyabinsk, 2013. 211 p.
2. Ruzavin G. I. Metodologiya nauchnogo issledovaniya [Methodology of scientific research]. Moscow, YUNITI Publ., 1999. 287 p.
3. Kedrov B. M. Dialekticheskij put' teoreticheskogo sinteza sovremennogo estestvenno-nauchnogo znaniya [Dialectical way of theoretical synthesis of modern natural science knowledge]. Sintez sovremennogo nauchnogo poznaniya [Synthesis of modern scientific knowledge]. Moscow, Nauka Publ., 1973. 120 p.
4. Kondakov N. I. Logicheskij slovar' [Logical Dictionary]. Moscow, Nauka Publ., 1971. 721 p.
5. Vinnickij A. V. Administrativno-pravovye osnovy upravleniya gosudarstvennoj sobstvennost'yu. Diss. kand. jurid. nauk [Administrative and legal bases of state property management. Cand. legal sci. diss.]. Ekaterinburg, 2005. 225 p.
6. Darovskih S. M. Proyavlenie idei konstitucionalizma v deyatelnosti Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii ne isključaet pravovuyu neopredelennost' ego reshenij [The manifestation of the idea of constitutionalism in the activities of the Constitutional Court of the Russian Federation does not exclude the legal uncertainty of its decisions]. *Problemy prava = Problems of Law*, 2020, no. 2 (76), pp. 113–117.
7. Dyuryagin I. Ya. Primenenie norm sovetskogo prava [Application of the norms of Soviet law]. Sverdlovsk, Sred.-Ural. kn. izd-vo, 1973. 247 p.
8. Semencov V. A. Primenenie tekhnologii videokonferencsvyazi v sudebnom zasedanii i pri proizvodstve sledstvennyh dejstvij [Application of videoconferencing technology in a court session and in the course of investigative actions]. *Biblioteka kriminalista = Criminalist Library*, 2016, no. 6, pp. 100–106.
9. Pavlov V. I. Konceptiya effektivnosti prava mezhdru teologii i antropologii: k istorii formirovaniya [The concept of the effectiveness of law between theology and anthropology: towards the history of Formation]. *Vserossijskij nauchnyj zhurnal "Voprosy pravovedeniya" = All-Russian scientific journal "Questions of Jurisprudence"*, 2014, no. 5, pp. 269.
10. Zinatullin Z. Z., Zinatullin T. Z. Konceptiya sudebnoj reformy v RSFSR ot 24 oktyabrya 1991 goda – bazovaya osnova zakonotvorcheskoj i pravoprimeritel'noj deyatelnosti postsovetskogo Rossii [The concept of judicial reform in the RSFSR of October 24, 1991 – the basic basis of legislative and law enforcement activities of post-Soviet Russia]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta = Bulletin of the Udmurt University*, 2017, vol. 27, no. 3, pp. 107–109.
11. Darovskih O. I. Klassifikaciya zloupotrebleniya pravami v ugovnom sudoproizvodstve [Classification of abuse of rights in criminal proceedings]. *Problemy prava = Problems of law*, 2013, no. 1 (39), pp. 153–158.
12. Bojkov A. D. Opasnost' negativnogo pravotvorchestva [The danger of negative lawmaking]. *Ugolovnoe pravo = Criminal Law*, 2000, no. 4, pp. 78–79.
13. Batuev N. V. Resheniya Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii v mekhanizme ugovno-processual'nogo regulirovaniya. Diss. kand. jurid. nauk [Decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation in the mechanism of criminal procedural regulation. Cand. legal sci. diss.]. Izhevsk, 2003. 172 p.
14. Nauchno-prakticheskij kommentarij k UPK RF [Scientific and practical commentary on the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation]; ed. by V.P. Bozh'ev. Moscow, Spark Publ., 2002. 1287 p.

15. Darovskikh S. M. Sudebnye pravovye pozicii v ugovnom sudoproizvodstve: teoreticheskie osnovy i processual'nye formy. Diss. dokt. legal nauk [Judicial legal positions in criminal proceedings: theoretical foundations and procedural forms. Dr. legal sci. diss.]. M., 2011. 380 p.

16. Gorshenev V. M. Sposoby i organizacionnye formy pravovogo regulirovaniya v socialisticheskom obshchestve [Methods and organizational forms of legal regulation in a socialist society]. Moscow, Yurid. lit. Publ., 1972. 258 p.

17. Shvecov S. B. Effektivnost' pravoprimeritel'noj deyatelnosti. Diss. kand. jurid. nauk [Effectiveness of law enforcement activities. Cand. legal sci. diss.]. St. Petersburg, 2004. 156 p.

18. Alekseev S. S. Obshchaya teoriya socialisticheskogo prava [General theory of socialist law]. Sverdlovsk, Sverdlovsk yurid in-t Publ., 1966. 203 p.

19. Nedbajlo P. E. Primenenie sovetskih pravovyh norm [Application of Soviet legal norms]. Moscow, Gosyurizdat Publ., 1960. 512 p.

20. Gojman-Chervonyuk V. I. Ocherki teorii gosudarstva i prava [Essays on the theory of State and law]. Moscow, Rospedagentstvo, MYUN Publ., 1996. 326 p.

Информация об авторе / Information about the Author

Даровских Ольга Игоревна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса, криминалистики и судебной экспертизы, Южно-Уральский государственный университет (Национальный исследовательский университет), г. Челябинск, Российская Федерация,
e-mail: darovskikhoi@gmail.com,
ORCID: 0000-0002-8964-2362

Olga I. Darovskikh, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Procedure, Forensic Science and Forensic Science, South Ural State University (National Research University), Chelyabinsk, Russian Federation,
e-mail: darovskikhoi@gmail.com,
ORCID: 0000-0002-8964-2362

Оригинальная статья / Original article

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2021-11-6-145-155>

Социальная политика в Германии

В. А. Подольский¹ ✉

¹ Государственный академический университет гуманитарных наук
Мароновский пер. 26, г. Москва 119049, Российская Федерация

✉ e-mail: deomniscibili@yandex.ru

Резюме

Актуальность. Решения в сфере социальной политики в Германии стали примером для подражания в других странах, в том числе и в России, и обычно считаются эталонными по своему охвату и эффективности. Изучение немецкого опыта ценно для развития политической науки и реформирования систем социальной политики.

Цель – описать формирование и функционирование социального государства в Германии.

Задачи: показать развитие и работу систем пенсионного и медицинского страхования, страхования от безработицы, мер государственной социальной поддержки.

Методология: сравнительно-исторический подход, анализ правовых документов и институтов.

Результаты. Основания системы социального обеспечения в Германии были заложены в конце XIX – начале XX века, когда были созданы программы страхового финансирования медицинских расходов и пенсий по старости и инвалидности, а затем и страховки от безработицы. Система функционирует более столетия и эффективно решает задачи распределения рисков, во многом опираясь на самоуправление. Во второй половине XX века в Германии было существенно расширено законодательство, регулирующее социальную политику, возросла нагрузка на бюджет и объёмы страховых взносов. Граждане получили право на семейные пособия, была увеличена роль жилищных пособий и пособий при безработице или низком доходе. В конце XX века Германия ввела страхование для финансирования долгосрочного ухода.

Вывод. В Германии действует развитая система социальной поддержки, опирающаяся на многовековые традиции местной и корпоративной взаимопомощи при координации и субсидировании со стороны федерального центра. Наиболее сильные элементы немецкой социальной политики, которые обеспечивают её эффективность, – это исторически сложившиеся самоуправление и солидарность.

Ключевые слова: социальная политика; социальное страхование; история Германии; пенсии; пособия.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Финансирование: Статья подготовлена при финансовой поддержке в рамках выполнения государственного задания ГАУГН по теме «Современное информационное общество и цифровая наука: когнитивные, экономические, политические и правовые аспекты» (FZNF-2020-0014).

Для цитирования: Подольский В. А. Социальная политика в Германии // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021. Т. 11, № 6. С. 145–155. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2021-11-6-145-155>.

Поступила в редакцию 13.10.2021

Принята к публикации 24.11.2021

Опубликована 27.12.2021

© Подольский В. А., 2021

Social policy in Germany

Vadim A. Podolskiy¹ ✉

¹State Academic University for the Humanities
26 Maronovskij per., Moscow 119049, Russian Federation

✉ e-mail: deomniscibili@yandex.ru

Abstract

Relevance. German social policy solutions became an example for imitation for other countries, including Russia, and are usually considered to be a standard due to their coverage and efficiency. Studying the German experience is valuable for development of the political science and for reforming the social policy systems.

Purpose – to describe the origins and implementation of the social state in Germany.

Objectives: to present the development and functioning of the pension and medical insurance systems, unemployment insurance and measures of the public social support.

Methodology: comparative and historical approach, analysis of legal documents and institutions.

Results. The foundations of the social assistance in Germany were created in the end of the XIX century and the beginning of the XX century, with introduction of programs of insurance funding for medical expenses and old-age and disability pensions, followed by unemployment insurance. The system operates for more than a century and effectively accomplishes the task of risk pooling, and it mainly relies on self-government. In the second half of the XX century the law that regulated the social assistance in Germany was extended significantly, the burden on the budget increased, as well as size of the insurance contributions. Citizens obtained the right for family benefits, the role of the housing benefits, unemployment and low-income support was increased. In the end of the XX century Germany introduced insurance to fund the long-term care.

Conclusion. A developed system of social support exists in Germany, it relies on centuries-old traditions of local and corporative mutual help, with coordination and subsidies coming from the federal centre. The most powerful elements of the German social policy, which secure its' efficiency, are historically established self-government and solidarity

Keywords: social policy; social insurance; history of Germany; pensions, benefits.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

Funding: The article is prepared with financial support as part of fulfillment of the SA (State Assignment) for the State Academic University for the Humanities on the subject "Contemporary information society and digital science: cognitive, economic, political and legal aspects" (FZNF-2020-0014).

For citation: Podolskiy V. A. Social policy in Germany. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2021; 11(6): 145–155. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2021-11-6-145-155>.

Received 13.10.2021

Accepted 24.11.2021

Published 27.12.2021

Введение

Исследование социальной политики в Германии представляет интерес по трём причинам. Во-первых, создание системы социального страхования в 1880-е гг. послужило импульсом для проведения реформ в других странах и заложило основание для государства «всеобщего благосостояния». Хотя в Британии государ-

ственное регулирование поддержки нуждающихся началось раньше, обычно именно с Германией связывают происхождение социального государства. Поэтому анализ социальной поддержки в Германии важен в контексте исследований социальной политики. Во-вторых, и Российская империя, и Советский Союз переняли ряд идей из Германии, которые

повлияли на архитектуру социальной политики в России. Роль корпоративного подхода и страхового принципа снизилась после советских реформ в 1950-е гг., но остается заметной. Знакомство с развитием солидаристских решений в Германии полезно при оценке отечественной архитектуры социальной политики. В третьих, в современной России ведутся дискуссии об изменениях в социальной политике. Изучение немецкого опыта позволит учесть важные достижения и риски при организации системы социальной политики.

Методология

Отдельные аспекты или периоды развития немецкой социальной политики были объектом исследования во многих статьях и монографиях как в России и Германии, так и в других государствах [1; 2]. Общие обзоры также встречаются достаточно часто [3; 4]. Немецкая система, созданная при Бисмарке, и британская система 1940-х гг. обычно служат точками отсчёта при описании социальной политики государства, поэтому многие авторы занимались сравнительными исследованиями немецкой и британской практик в сфере социальной поддержки [5; 6]. Настоящая статья производит интеграцию существующих работ по теме социальной поддержки в Германии и производит обзор становления и функционирования важнейших элементов социальной политики, используя сравнительно-исторический подход, анализ правовых документов и институтов. Рассматривается возникновение в конце XIX в., развитие и порядок функционирования социального государства, а также административная организация в таких сферах, как здравоохранение, пенсии, помощь при безработице, семейные пособия.

Результаты и их обсуждение

Социальная политика в Германии выросла из добровольных городских си-

стем попечения о нуждающихся и гильдейских страховых фондов, а также законов Священной Римской империи о том, что каждая община должна самостоятельно заботиться о своих бедных. Социальные реформы Бисмарка опирались на эти решения и определили характер современной немецкой системы социальной политики. В основании немецкой системы лежит страховой принцип: граждане платят взносы в специальные фонды, чтобы впоследствии получить право на бесплатные услуги или выплаты. Эту логику переняли Британия, Япония, Россия и другие страны.

Как и в других странах, два наиболее масштабных и затратных направления социальной политики Германии – это здравоохранение и пенсионное обеспечение, расходы на них составляют чуть более, чем по 10% ВВП. Около 3% ВВП страна тратит на различные семейные пособия и ещё 1% ВВП на пособия по безработице. Вся совокупность социальных расходов делится примерно поровну между федеральным бюджетом, работодателями и работниками [7, p. 115–116]. Образование в Германии финансируется в основном региональными и местными властями, всего расходуется примерно 5% ВВП [8, p. 82].

Немецкая система здравоохранения считается лучшей в мире как с точки зрения качества услуг, так и с точки зрения её доступности для населения и одной из наиболее эффективных с организационной точки зрения. К числу недостатков немецкой системы могут быть отнесены большое время ожидания амбулаторных услуг [9, p. 266] и быстрый рост расходов на её содержание.

Некоторые компании и регионы Германии создавали страховые системы ещё в начале XIX в., но обязательное медицинское страхование было введено в 1883 г. Страховые взносы составляли 2-3% зарплаты [10, p. 67]. В 1892 г. был законодательно закреплён принцип предоставления бесплатных медицинских

услуг, а не выплат для возмещения расходов на услуги – в таком виде страховая система существует по сей день во Франции и в США. Также была введена возможность покрытия страховкой членов семьи [3, р. 61]. Доступ к страховке получало всё больше категорий населения. В 1910 г. страховка стала доступна для прислуги и сельскохозяйственных рабочих [3, р. 71]. Количество застрахованных стало быстро расти. Если к 1900 г. страховкой обладало 15% жителей Германии, то к 1930 г. – уже 60% [3, р. 115]. В 1927 г. медицинскую страховку получили безработные [3, р. 59], в 1972 г. страхование стало обязательным для фермеров, в 1975 г. – для инвалидов и студентов, в 1981 г. – для творческих работников [10, р. 201].

Больничные кассы стали массово возникать в Германии в XIX в. в годы индустриализации, по примеру фондов гильдейской взаимопомощи, а закон 1883 г. о медицинском страховании сделал кассы важнейшим элементом системы здравоохранения. Врачи вели переговоры с больничными кассами для определения условий оплаты услуг. Для защиты своих интересов врачи в 1900 г. создали ассоциацию, больничные кассы также формировали объединения в конце XIX – начале XX в. В 1913 г. врачи пригрозили всеобщей забастовкой из-за несогласия с условиями получения выплат, и вмешалось имперское министерство внутренних дел. Было заключено «Берлинское соглашение», которое предполагало создание объединённого комитета врачей и касс для обсуждения выплат за услуги, а также определяло формат договоров между кассами и врачами. В 1931 г. было заключено новое соглашение, уточнявшее работу ассоциаций терапевтов, которые получали платежи от касс по подушевой формуле и распределяли их между врачами [11, р. 199–200]. Союзы врачей существуют в каждой земле, и без вступления в союз врач не может получать плату из больничной кассы за услуги [10,

р. 208]. Объединённый комитет на сегодня – ключевой орган, устанавливающий правила работы системы здравоохранения в Германии. В него входят представители больниц, больничных касс и врачей, его решения получают силу закона, если министерство здравоохранения не находит в них нарушений федерального законодательства [9, р. 64].

Количество касс постепенно снижалось, а различия между их программами исчезали. Если в начале XX в. в Германии было более 20 000 касс [10, р. 128], в 1950-е гг. – 2 000 [10, р. 202], то на сегодня их около 100. Кассы гарантируют оплату услуг, перечень которых устанавливает Объединённый комитет, различаются лишь второстепенные программы, например, возмещение расходов на реабилитацию в спортзалах после травм [9, р. 74]. После объединения страны Восточная Германия достаточно быстро переняла страховую систему Западной Германии, были созданы новые кассы или начали вести работу кассы из Западной Германии [10, р. 201]. Если с момента создания страховой системы принадлежность к кассе зависела от региона или профессии, то с 1992 г. граждане получили право выбирать между кассами, мера была призвана стимулировать конкуренцию и снижение цен. Также для ограничения роста страховых взносов в 1980-е гг. были введены доплаты за лекарства и ряд услуг, в том числе за пребывание в больнице [10, р. 214–216], в среднем менее 1% от средней зарплаты в день. С 2009 г. заработал государственный фонд для перераспределения средств между страховыми кассами по формуле, оценивающей численность членов кассы и риски на базе средней смертности в сфере ответственности касс [9, р. 127].

Если с 1883 г. рабочие делали 2/3 взносов в больничные кассы, а работодатели 1/3, то с 1949 г. доли взносов стали равными [10, р. 198]. В 1950-е гг. были введены платежи за процедуры, чтобы увязать уровень зарплат врачей с объёмом фактически предоставленных услуг,

из-за чего расходы на медобслуживание стали быстро расти [11, р. 200]. В 1960-е и 1970-е гг. был расширен спектр услуг, которые покрывала страховка, почти удвоилось число врачей, возросла доступность и качество медицины. Расходы выросли в 12 раз, а взносы – почти вдвое, с 6% от зарплаты в 1950 г. до 10,5% в 1975 г. [10, р. 210–211] На сегодня взносы составляют 14,6%, которые делятся поровну между работодателем и работником, а также существуют прямые платежи работника в размере в среднем около 0,9% в конкретную кассу [9, р. 126]. Больничные кассы благодаря сравнительно высоким взносам – в три раза выше, чем в России – финансово самодостаточны и получают только небольшие объёмы средств из федерального бюджета на второстепенные задачи. Капитальные расходы на больницы субсидируют региональные власти [9, р. xxv]. С 1941 г. страховые взносы платят пенсионеры [3, р. 141]. За безработных страховку оплачивает государство, если они имеют право на пособие по безработице, в противном случае ставка взноса составит около 10% от средней зарплаты [12, р. 23]. В Восточной Германии работала система бесплатного государственного здравоохранения по советскому образцу [3, р. 214]. Страховые взносы в Восточной Германии были ниже, чем в Западной Германии – на все цели собиралось 6% от работников и 7,5% от работодателей, поскольку основную нагрузку несли региональные бюджеты [13, р. 159].

Отказаться от государственной страховки и пользоваться частной могут госслужащие, а также работники, чей доход в 2,5 раза превышает среднюю зарплату по стране, суммарно частной страховкой пользуется 10% граждан. Госслужащие и их родственники получают возмещение 50–80% своих медицинских расходов от государства, остальные средства они обычно возвращают с помощью платной страховки [9, р. 137–138].

Из-за старения населения и сокращения размера семьи в 1995 г. введено страхование для возмещения затрат на долго-

срочный уход, т. е. заботу о недееспособных родственниках. Местные выплаты, установленные в социальном законе 1961 г., были призваны помочь гражданам справиться с расходами на размещение родственников в приютах, но в 1970-е гг. эти расходы стали расти опережающими темпами. В других странах эта статья расходов покрывается из медицинской страховки [11, р. 201], или, как в Британии, специальных пособий по уходу. Уровень выплат различается в зависимости от состояния здоровья. Выплаты наличными могут составлять от 15% до 30% средней зарплаты, а стоимость предоставляемых услуг – до 90%. Большинство получателей, примерно две трети, выбирает денежную помощь, а примерно треть – оплату за счёт страховки услуг по уходу или за проживание в интернатах. Страховые взносы составляют 3% от зарплаты [14, р. 1]. Уход предоставляют как муниципальные, так и частные учреждения. За организацию проверки состояния здоровья, сбор средств и предоставление услуг и выплат отвечают больничные кассы.

После создания государственной системы медицинского страхования в Германии в 1889 г. были введены пенсии по старости и инвалидности. В конце XIX – начале XX в. средняя продолжительность жизни не превышала 50 лет, и нагрузка на пенсионные фонды была низкой. Избыточные средства пенсионных фондов государственные страховые агентства направляли на оплату санаторного лечения и строительства жилья [3, р. 62]. Пенсии по инвалидности и по старости в начале XX в. составляли около 20% от средней зарплаты [3, р. 70]. В 1911 г. была произведена кодификация социального законодательства, а также была создана отдельная пенсионная система для госслужащих [1, с. 95]. В 1912 г. были введены пенсии для вдов, которые составляли примерно 10% от средней зарплаты [3, р. 70]. В 1916 г. пенсионный возраст был снижен с 70 лет до 65 [15, р. 10]. В 1938 г. пенсионное страхование стало доступно для ремесленников, в

1957 г. – для фермеров, а в 1981 г. – для работников творческих профессий [11, р. 193].

В 1957 г. в ходе политической конкуренции с Восточной Германией была произведена пенсионная реформа, были существенно увеличены суммы пенсионных выплат. Если при Бисмарке пенсии воспринимались скорее как пособие для поддержки семейного бюджета, то с 1957 г. пенсия должна была стать заменой заработной платы. Уровень замещения вырос с 20% до 30% и выше [3, р. 203]. Для выплаты пенсий использовались федеральные субсидии, но к 1960-м гг. их объём сократился с 50% до 20% от общего объёма пенсий благодаря экономическому росту, сумма менялась в зависимости от конъюнктуры и на сегодня составляет около 20%. Одновременно возрастала и длительность выплаты пенсий, и объём пенсионных взносов. При Бисмарке до пенсионного возраста доживала только четверть участников страховых касс. В 1960-е гг. граждане в среднем получали пенсию по 12 лет, а в 2000-е гг. – уже по 17 [1, с. 97–98]. При введении пенсий отчисления составляли 1,8% от заработной платы, в 1924 г. – 3,5% [16, р. 153]. В 1957 г. ставка взносов составляла 14%, а в 1997 г. она превысила 20% [1, с. 97–98], после чего была несколько снижена и на сегодня составляет 18,6% [17, р. 38]. Средний уровень пенсий в Западной Германии достиг 50% от средней заработной платы, а в Восточной Германии он составлял 45% [13, р. 159].

Немецкая пенсионная система, как и система здравоохранения, использует самоуправление в рамках общих правил функционирования. Пенсионные фонды на региональном уровне были созданы в конце XIX в. для сбора и распределения средств, они управлялись представителями работников и работодателей. В 1919 г. была создана Ассоциация государственных страховых учреждений, в которую входили региональные и профессиональные фонды [16, р. 176]. Пенсионная система в 1957 г. перешла от принципа

накопления средств к принципу выплаты пенсий напрямую из взносов, что обеспечило её устойчивость. С 2005 г. все пенсионные фонды работают как единая система, хотя с административной точки зрения в стране существует 16 фондов с избираемым руководством, наследников тех структур, которые были учреждены в конце XIX – начале XX в. Пенсионные фонды координируют свою деятельность через федеральный совет пенсионных фондов, также за пенсии отвечает министерство труда и социальной политики [16, р. 345]. В Восточной Германии страховые взносы собирали профсоюзы, как и в СССР [3, р. 193]. После объединения Германии эта система была упразднена, и пенсионные фонды Западной Германии стали отвечать за обеспечение восточных земель, передав в 1990-е гг. большие объёмы средств на восток, в общей сложности около 2% ВВП [18, р. 135].

С 1989 г. время отпуска из-за беременности стало учитываться как время выплаты страховых взносов для учёта пенсий [11, р. 198]. В 1992 г. государство изменило принцип индексации пенсий и в качестве ориентира стало использовать не полную сумму заработной платы, а вычитало страховые выплаты. Был введён коэффициент, снижающий пенсионные выплаты при досрочном выходе на пенсию, чтобы побудить граждан работать как можно дольше [18, р. 129]. Пенсия предоставляется с 65 лет, минимальный срок выплаты страховых взносов для получения пенсии – 5 лет [18, р. 253], до 1984 г. срок составлял 15 лет [16, р. 253], возможен ранний выход на пенсию, если общий трудовой стаж составляет 35 лет или при инвалидности. Объём государственной пенсии определяется количеством пенсионных баллов, зависящих от срока выплаты отчислений, возраста, наличия детей. Работник, который 40 лет платил страховые взносы, будет получать пенсию в размере 60% от средней заработной платы после вычета налогов. Пенсия госслужащих обычно выше и составляет примерно 75% от их жалования, если они платили

взносы не менее 35 лет [18, р. 129]. Выплаты при инвалидности также зависят от объема сделанных взносов и степени утраты трудоспособности. В 2007 г. в Германии приняли закон о постепенном повышении пенсионного возраста с 65 до 67 лет с 2012 г. [15, р. 10]

Помимо государственной пенсии существуют частные пенсионные фонды и пенсионные схемы работодателей. Хотя ими пользуется примерно половина и две трети работников соответственно, их общий вклад в пенсионное обеспечение сравнительно невелик и составляет около 1% ВВП или 1/10 от суммы пенсий. Сопоставимый объем имеют пенсии для госслужащих [19, р. 2]. В 2001 г. были введены льготы на частные пенсии, взносы в пенсионные фонды снижают налогооблагаемую базу налога на доход, если они составляют не менее 4% от зарплаты [1, с. 99]. Все пенсии облагаются налогом на доход, если общая сумма превышает установленный государством необлагаемый минимальный доход, примерно 40% от средней зарплаты. С 2004 г. налогооблагаемая база составляла 50% от получаемой пенсии, эта доля постепенно возрастает и в ближайшие годы достигнет 100%. Также с пенсионного дохода платятся взносы за медицинскую страховку и страховку на долгосрочный уход [15, р. 9]. Благодаря более высокому пенсионному возрасту доля пенсионеров в населении Германии ниже, чем в России – примерно четверть [8, р. 18] против трети [20, с. 157].

Важнейшим элементом немецкой социальной политики, помимо здравоохранения и пенсионного обеспечения, стало регулирование в сфере занятости. В 1884 г. было введено страхование от несчастных случаев и выплаты за пропущенные по болезни дни. При введении больничных уровень выплат составлял 50% от зарплаты, в 1961 г. выплаты были увеличены до 90% [3, р. 210]. Пособия по безработице в Германии начали предоставлять в 1914 г. через систему муниципальной помощи нуждающимся из-за безработицы, вызванной Первой мировой

войной [3, р. 85]. В 1918 г. эти пособия стали субсидироваться из федерального бюджета, бюджета земель [3, р. 119].

В 1926 г. был принят закон о выдаче экстренной помощи нуждающимся, с проверкой уровня дохода. $\frac{3}{4}$ помощи предоставлялось из федеральных средств, $\frac{1}{4}$ – из местных. Пособие по безработице выплачивалось полгода, затем ещё полгода – экстренная помощь, а затем – муниципальная помощь для бедных [3, р. 120]. В 1927 г. была введена страховка от безработицы [3, р. 115], для управления страховкой по безработице было создано имперское агентство труда [11, р. 202]. Система, впрочем, достаточно быстро оказалась перегружена и страховых взносов стало недостаточно. Если в 1929 г. в стране было 1,4 млн безработных, то в 1932 г. – уже 6 млн, доходы трети населения были ниже уровня бедности [3, р. 121]. При введении страховки ставка была достаточно большой из-за высокого уровня безработицы и составляла 6,5%, к 1960-м гг. она постепенно снизилась до 2% [3, р. 217], сегодня она составляет 2,4% [17, р. 38]. За выплату пособий по безработице отвечают министерство труда и социальной политики и подведомственное ему федеральное агентство по занятости [3, р. 197–198], а также местные власти, чья деятельность координируется с федеральными агентствами. В Восточной Германии действовал запрет на тунеядство, при этом государство гарантировало занятость и зарплату не ниже уровня прожиточного минимума [3, р. 170–171]. В современной системе гражданин сперва получает пособие по безработице, размер и продолжительность которого зависит от того, сколько он делал взносы на страхование от безработицы – до 60% от зарплаты и чуть больше для семей с детьми, от полугодя до двух лет. Из этих средств будут взиматься взносы в страховые фонды как с обычной зарплаты. Если гражданин не делал взносы или срок выплаты страхового пособия по безработице истек, то он сможет претендовать на государственное пособие в размере около 15–20% от сред-

ней зарплаты. На аналогичное пособие могут претендовать малоимущие пенсионеры. Также федеральный бюджет через центры трудоустройства будет предоставлять средства на оплату страховки, аренды жилья и коммунальных услуг [12, p. 7–10].

Хотя большая часть мер социальной поддержки в Германии основана на принципе страхования, в стране существуют программы помощи, финансируемые из налогов, а также сохраняется высокая роль благотворительности, в том числе церковной. В конце 1940-х – начале 1950-х гг. церковная благотворительность была основным институтом социальной поддержки. При участии церквей, а также отдельных благотворительных организаций в 1961 г. было разработано системное социальное законодательство. Если ранее участие в социальном страховании определялось как обязательство, то в новом законе впервые в истории страны социальная поддержка была названа правом [3, p. 164–165]. Закон регулировал пособия на оплату жилья, помощь нетрудоспособным, помощь малоимущим, пособия по долгосрочному уходу. В 1976 г. социальные законы были объединены в социальном кодексе. В Восточной Германии государство, как и в СССР, субсидировало стоимость продуктов питания, жилищно-коммунальных услуг и проезда на общественном транспорте [3, p. 170–174].

Как и в Британии, в Германии государство было активным участником рынка жилья. Для того чтобы справиться с проблемой дефицита жилья после войн, государство ввело в 1922 г. регулирование арендной платы по образцу Британии. Также предоставлялись государственные субсидии строительным компаниям на возведение жилья [3, p. 109–110]. Если в 1920-е гг. возведение жилья субсидировали местные власти, то в 1950-е гг. – региональные и федеральные [11, p. 207]. Жилищное пособие в современной Германии предоставляется на срок до года и составляет от 40 до 130% от средней зар-

платы в зависимости от численности семьи [12, p. 15].

Семейная политика – важный элемент немецкого государства «всеобщего благосостояния». В 1954 г. в Германии было введено пособие на детей. С 1990 г. гражданам стали доступны налоговые льготы, позволявшие снизить налогооблагаемую базу налога на доход на сумму, потраченную на уход за детьми [11, p. 198]. Пособие составляет около 10% от средней зарплаты. На дополнительное пособие в чуть меньшем объеме могут претендовать родители с низким доходом [12, p. 17]. Также существуют выплаты для родителей в размере от 2/3 до 100% от их зарплаты на уход за детьми продолжительностью чуть более года [12, p. 32]. Также предоставляется «материнский капитал» по решению налоговых служб, если сумма материнского капитала – примерно 2 месячных зарплаты – больше, чем сумма, которую сэкономит получатель благодаря действию налоговой льготы на расходы на детей [12, p. 26].

Исторически в Германии образовательная система находилась в сфере компетенции региональных властей [11, p. 202]. Школы получали финансирование от приходов и местных властей ещё в XVIII в., в XIX в. местное финансирование стали получать детские сады и университеты. Также бесплатное образование в университетах для наиболее талантливых студентов было доступно благодаря пожертвованиям состоятельных граждан на стипендии. В 1888 г. была упразднена плата за начальное образование в Пруссии, а в 1919 г. – за весь период обязательного школьного обучения во всей Германии. Университеты стали бесплатными во второй половине XX в. [11, p. 204]

Хотя детские сады как тип заведения возникли в Германии в XIX в., во второй половине XX в. в Западной Германии их почти не было: родители не работали, чтобы ухаживать за детьми. В Восточной Германии детсады были хорошо развиты по советскому образцу [11, p. 207]. Право

на место в детском саду было введено законом 1992 г., с тех пор началось развитие детсадов [8, р. 102]. Дошкольное образование в субсидируемых государством детских садах стоит около 10% от средней зарплаты, как и в России. Дети получателей пособий имеют право на бесплатное пребывание в детсадах, остальным обычно предоставляется несколько часов бесплатного ухода в день [12, р. 21].

Социальное государство в Германии опирается на страховые взносы для финансирования важнейших направлений социальной политики: здравоохранения, пенсий, пособий по безработице и долгосрочного ухода. Корпоративная солидаристская система получила наименование системы Бисмарка и обычно противопоставляется британской системе Бевериджа, финансируемой из налогов. Немецкая социальная политика при этом использует бюджеты федерации, регионов и муниципалитетов для субсидирования или финансирования некоторых программ. Так же, как и в США, налоговые поступления в бюджеты снижаются из-за действия ряда налоговых льгот. Взносы в страховые фонды снижают налогооблагаемую базу налога на доход [12, р. 26], как и расходы на благотворительность и образование [21, с. 127–128]. Решения в сфере социальной политики в Германии были заимствованы в других странах, в том числе в России.

Выводы

Немецкая социальная политика формировалась в принципиально иных политических, социальных и экономических условиях, нежели российская. Для Германии характерны децентрализация и самоуправление. Россия использует вертикально интегрированную административную систему с концентрацией ресурсов и полномочий. Заимствование решений должно учитывать это принципиальное различие систем управления. Немецкая система была выстроена снизу вверх и основана на почти тысячелетнем опыте общих фондов гильдий и многовековым

опыте помощи нуждающимся за счёт «общих сундуков» в городах. Российская система была создана сверху вниз, по царским указам, а затем советским декретам и федеральным законам.

Российская система по качеству администрирования и доступности услуг для потребителей не уступает немецкой. В России большую роль играют льготы, например, субсидирование расходов на услуги жилищно-коммунального хозяйства и на проезд определённых категорий граждан. В Германии выше уровень прямых выплат. Уровень замещения пенсий в России несколько ниже, чем в Германии, поскольку в России доля пенсионеров больше. Доступность амбулаторных услуг в России выше с точки зрения времени ожидания и удобства, но их качество ниже, а стационарное лечение значительно уступает немецкому уровню, что связано с тем, что в Германии расходы на здравоохранение выше российских в 3 раза в пересчёте на долю расходов на здравоохранение в ВВП. Доступность дошкольного и высшего образования в странах соизмерима.

Россия может заимствовать из Германии принципы локальной солидарности, самоуправления и более широких полномочий в сфере здравоохранения, поддержку благотворительности. Немецкая практика софинансирования социальных расходов из социальных пособий – это важная основа безубыточности социальных фондов и также может применяться для повышения финансирования фонда обязательного медицинского страхования в России. В Германии также отдельно собираются взносы в фонд долгосрочного ухода, эта схема может быть перенята и в России. Наиболее острая проблема, с которой сталкивается Германия – это быстрый рост взносов. В России социальные фонды пополняются за счёт налогов, и выплаты увеличиваются быстрее, чем взносы. России следует учитывать опыт Германии и балансировать объём поступлений взносов в фонды и уровень социальных трат.

Список литературы

1. Зимаков А. В. Пенсионная система ФРГ: эволюция или революция? // Современная Европа. 2016. № 4 (70). С. 94–103.
2. Лохова И. В. Социальная политика Германии и Австрии в последней трети XIX – начале XX веков. Владикавказ: ФГБОУ ВО «СОГУ им. К. Л. Хетагурова», 2020. 174 с.
3. Stolleis M. History of Social Law in Germany. Berlin: Springer, 2013. 258 p.
4. Корнева Л. Н. Социальная политика и социальное государство в Германии. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2014. 455 с.
5. Welfare state reforms seen from below. Comparing public attitudes and organized interests in Britain and Germany / ed. by B. Ebbinghaus. London: Palgrave Macmillan, 2017. 297 p.
6. Behling F. Welfare beyond the welfare state. The employment relationship in Britain and Germany. Cham: Palgrave Macmillan, 2018. 295 p.
7. Blank F. The German welfare system. The calm after the storm // Routledge handbook of European welfare systems / ed. by S. Blum, J. Kuhlmann, K. Schubert. Oxon: Routledge, 2020. P. 110–128.
8. The Education system in the Federal Republic of Germany 2017/2018 / ed. by T. Eckhardt. Bonn: KMK, 2019. 385 p.
9. Busse R., Blumel M. Germany: health system review // Health Systems in Transition. Vol. 16, No. 2. London: European Observatory of Health Systems and Policies, 2014. 296 p.
10. Two centuries of solidarity. German, Belgian and Dutch social health insurance 1770–2008 / K. P. Comanje, R. H. M. Hendriks, K. F. E. Veraghtert, B. E. M. Widdershoven. Amsterdam: Aksant, 2009. 393 p.
11. Kaufmann F. X. Variations of the welfare state: Great Britain, Sweden, France and Germany between capitalism and socialism. Berlin: Springer, 2013. 250 p.
12. The OECD tax-benefit model for Germany. Description of policy rules for 2019. Paris: The Directorate for Employment, Labour and Social Affairs, 2020. 33 p.
13. Thumann G. The system of public finance in the German Democratic Republic and the Challenges of Fiscal Reform // German Unification. Economic Issues occasional paper. 1990. No. 75. P. 155–164.
14. Long-term care in Germany. Berlin: Federal ministry of health, 2017. 18 p.
15. Worz M. Old-age provisions in Germany: Changes in the retirement system since the 1980s // WZB Discussion Paper. No. SP I 2011-208. Berlin: Wissenschaftszentrum Berlin für Sozialforschung, 2011. 45 p.
16. Mierzejewski A. C. A history of the German public pension system: continuity amid Change. Lanham: Lexington Books, 2016. 415 p.
17. 2019 Annual Economic Report. Federal Ministry for Economic Affairs and Energy. Frankfurt: Druck- und Verlagshaus Zarbock, 2019. 78 p.
18. Schludi M. The reform of Bismarckian pension systems. A comparison of pension politics in Austria, France, Germany, Italy and Sweden. Amsterdam: Amsterdam University Press, 2005. 311 p.
19. Weinzierl J. Alterssicherungsbericht 2020 – Ergebnisse und Reaktionen. Munich: Regionaltrager der Deutschen Rentenversicherung, 2021. 10 p.
20. Российский статистический ежегодник. 2019 / Росстат. М., 2019. 708 с.
21. Малкова Ю. В. Налоговый инструментарий обеспечения социальной поддержки граждан: опыт зарубежных стран // Экономика. Налоги. Право. 2016. № 1. С. 126–134.

References

1. Zimakov A. V. Pensionnaya sistema FRG: evolyuciya ili revolyuciya? [The pension system of Germany: evolution or revolution?]. *Sovremennaya Evropa = Modern Europe*, 2016, no. 4 (70), pp. 94–103.

2. Lohova I. V. Social'naya politika Germanii i Avstrii v poslednej treti XIX – nachale XX vekov [Social policy of Germany and Austria in the last third of the XIX - early XX centuries]. Vladikavkaz, FGBOU VO "SOGU im. K. L. Hetagurova", 2020. 174 p.
3. Stolleis M. History of Social Law in Germany. Berlin, Springer Publ., 2013. 258 p.
4. Korneva L. N. Social'naya politika i social'noe gosudarstvo v Germanii [Social policy and the welfare State in Germany]. Kemerovo, Kuzbassvuzizdat Publ., 2014. 455 p.
5. Welfare state reforms seen from below. Comparing public attitudes and organized interests in Britain and Germany; ed. by B. Ebbinghaus. London, Palgrave Macmillan Publ., 2017. 297 p.
6. Behling F. Welfare beyond the welfare state. The employment relationship in Britain and Germany. Cham, Palgrave Macmillan Publ., 2018. 295 p.
7. Blank F. The German welfare system. The calm after the storm. Routledge handbook of European welfare systems; ed. by S. Blum, J. Kuhlmann, K. Schubert. Oxon, Routledge Publ., 2020, pp. 110–128.
8. The Education system in the Federal Republic of Germany 2017/2018; ed. by T. Eckhardt. Bonn, KMK Publ., 2019. 385 p.
9. Busse R., Blumel M. Germany: health system review. *Health Systems in Transition*, vol. 16, no. 2. London, European Observatory of Health Systems and Policies, 2014. 296 p.
10. Companje K. P., Hendriks R. H. M., Veraghtert K. F. E., Widdershoven B. E. M. Two centuries of solidarity. German, Belgian and Dutch social health insurance 1770–2008. Amsterdam, Aksant Publ., 2009. 393 p.
11. Kaufmann F. X. Variations of the welfare state: Great Britain, Sweden, France and Germany between capitalism and socialism. Berlin, Springer Publ., 2013. 250 p.
12. The OECD tax-benefit model for Germany. Description of policy rules for 2019. Paris: The Directorate for Employment, Labour and Social Affairs, 2020. 33 p.
13. Thumann G. The system of public finance in the German Democratic Republic and the Challenges of Fiscal Reform. German Unification. *Economic Issues occasional paper*, 1990, no. 75, pp. 155–164.
14. Long-term care in Germany. Berlin, Federal ministry of health Publ., 2017. 18 p.
15. Worz M. Old-age provisions in Germany: Changes in the retirement system since the 1980 s. WZB Discussion Paper. No. SP I 2011-208. Berlin, Wissenschaftszentrum Berlin für Sozialforschung Publ., 2011. 45 p.
16. Mierzejewski A. C. A history of the German public pension system: continuity amid Change. Lanham, Lexington Books, 2016. 415 p.
17. 2019 Annual Economic Report. Federal Ministry for Economic Affairs and Energy. Frankfurt, Druck- und Verlagshaus Zarbock Publ., 2019. 78 p.
18. Schludi M. The reform of Bismarckian pension systems. A comparison of pension politics in Austria, France, Germany, Italy and Sweden. Amsterdam, Amsterdam University Press, 2005. 311 p.
19. Weinzierl J. Alterssicherungsbericht 2020 – Ergebnisse und Reaktionen. Munich, Regionaltrager der Deutschen Rentenversicherung Publ., 2021. 10 p.
20. Rossijskij statisticheskij ezhegodnik [Russian Statistical Yearbook]. 2019. Moscow, Rosstat Publ., 2019. 708 p.
21. Malkova Yu. V. Nalogovyj instrumentarij obespecheniya social'noj podderzhki grazhdan: opyt zarubezhnyh stran [Tax tools for providing social support to citizens: the experience of foreign countries]. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economy. Taxes. Right*, 2016, no. 1, pp. 126–134.

Информация об авторе / Information about the Author

Подольский Вадим Андреевич, кандидат политических наук, доцент факультета политологии, Государственный академический университет гуманитарных наук, г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: deomniscibili@yandex.ru,
ORCID: 0000-0002-1659-9025

Vadim A. Podolskiy, Candidate of Political Sciences, Associate Professor of the Political Sciences Faculty, State Academic University for the Humanities, Moscow, Russian Federation,
e-mail: deomniscibili@yandex.ru,
ORCID: 0000-0002-1659-9025

Оригинальная статья / Original article

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2021-11-6-156-167>

Типология политических изменений европейских парламентских монархий

М. С. Кабацкий¹ ✉

¹Среднерусский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
бульвар Победы 5А, г. Орёл 302028, Российская Федерация

✉ e-mail: mkabatsky@mail.ru

Резюме

Актуальность статьи объясняется динамичностью и системной изменчивостью европейского политического процесса, для которого характерны политические изменения государственных институтов, их обновление и адаптация к современным реалиям. Принимая во внимание то обстоятельство, что 11 европейских государств являются парламентскими монархиями, особого внимания заслуживает анализ политических изменений, характерных для государств с данной разновидностью формы правления ввиду особой политической уникальности монархической государственной власти. Построение теоретической модели, структурирующей политические изменения европейских парламентских монархий, позволит углубить системные исследования, направленные на выявление существенных характеристик европейских государств с соответствующей формой правления.

Целью статьи является построение типологии политических изменений, затрагивающих европейские государства с парламентарно-монархической формой правления.

Задачи исследования включают выработку, структурирование, систематизирование и иллюстрирование типов политических изменений по ряду переменных, раскрывающих политические признаки и свойства политических изменений, включая их влияние на политический процесс и политическую систему.

Методология исследования основывается на принципах, подходах и методах политической науки. Особое внимание уделяется применению системного, исторического, структурно-функционального и компаративистского методов исследования.

Результаты. Проведённое исследование предлагает типологию политических изменений, основанную на историческом периоде, природе политического изменения, а также его влияния на форму правления. Каждая группа типов политических изменений имеет несколько разновидностей, позволяя классифицировать любое политическое изменение европейских парламентских монархий, позволяя отнести его к нескольким категориям.

Выводы. Политические изменения, происходящие в европейских парламентских монархиях, являются сложным и многогранным явлением, отражающим развитие европейского политического процесса и адаптацию политических систем государств к запросам политических акторов и интересов общественности. Их неоднородность и многоаспектность не позволяет рассматривать данные политические изменения одномерными категориями анализа, в силу чего признаётся необходимость наличия их типологии, общепринятая модель которой отсутствует в современном российском научном дискурсе. Разные типы политических изменений могут инициировать разные типы политических сценариев, что является важным фактором, способствующим политическому анализу текущего положения европейских парламентских монархий, а также политическому прогнозированию последующих политических изменений, включая потенциальную смену формы правления в некоторых ситуациях.

Ключевые слова: политическое изменение; парламентская монархия; политический процесс; политическая система; политический институт.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Кабацкий М. С. Типология политических изменений европейских парламентских монархий // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021. Т. 11, № 6. С. 156–167. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2021-11-6-156-167>.

Поступила в редакцию 16.10.2021

Принята к публикации 25.11.2021

Опубликована 27.12.2021

Typology of Political Change in European Parliamentary Monarchies

Maxim S. Kabatsky ¹ ✉

¹Central Russian Institute of Management – Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
5A Bulevard Pobedy, Orel 302028, Russian Federation

✉ e-mail: mkabatsky@mail.ru

Abstract

The relevance of the article is determined by the dynamism and systemic variability of the European political process, which is characterized by political changes in state institutions, their renewal and adaptation to modern realities. Taking into account the fact that 11 European states are parliamentary monarchies, special attention should be paid to the analysis of political changes characteristic of states with this type of form of government in view of the special political uniqueness of monarchical state power. The construction of a theoretical model that structures the political changes of European parliamentary monarchies will make it possible to deepen systemic studies aimed at identifying the essential characteristics of European states with an appropriate form of government.

The purpose of the article is to build a typology of political changes affecting European states with a parliamentary-monarchical form of government.

The objectives of the research include the development, structuring, systematization and illustration of the types of political changes in a number of variables that reveal political signs and properties of political changes, including their impact on the political process and the political system.

The research methodology is based on the principles, approaches and methods of political science. Particular attention is paid to the application of systemic, historical, structural-functional and comparative research methods.

The results. This study offers a typology of political change based on the historical period, the nature of the political change, and its impact on the form of government. Each group of types of political changes has several varieties, allowing you to classify any political change in European parliamentary monarchies, allowing it to be attributed to several categories.

The conclusions. Political changes taking place in European parliamentary monarchies are a complex and multifaceted phenomenon reflecting the development of the European political process and the adaptation of the political systems of states to the needs of political actors and public interests. Their heterogeneity and multidimensionality does not allow considering these political changes in one-dimensional categories of analysis, due to which the need for their typology is recognized, the generally accepted model of which is absent in modern Russian scientific discourse. Different types of political changes can initiate different types of political scenarios, which is an important factor contributing to political analysis of the current situation of European parliamentary monarchies, as well as political forecasting of subsequent political changes, including potential changes in the form of government in some situations.

Keywords: political change; parliamentary monarchy; political process; political system; political institution.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Kabatsky M. S. Typology of Political Change in European Parliamentary Monarchies. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2021; 11(6): 156–167. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2021-11-6-156-167>.

Received 16.10.2021

Accepted 25.11.2021

Published 27.12.2021

Введение

Трансформации института парламентской монархии в европейских государствах являются неизменным атрибутом развития политического процесса и

обновления политических институтов. Данные трансформации находят непосредственное выражение в рамках происходящих политических изменений, затрагивающих политические институты,

национальное законодательство и политическую практику государств с соответствующей формой правления. Классическое разделение политических изменений на реформы и революции [1, с. 44] представляется упрощённым и не охватывающим многогранности и многоаспектности соответствующих изменений. В рамках политических изменений, характерных для европейских парламентских монархий, наиболее целесообразным представляется выделение эволюционного либо революционного характера изменений, однако данное условие будет являться фактором, а не типом политического изменения. В постбиполярном мире трансформация политических систем во многом происходит под влиянием идеологического и информационно-психологического факторов [1, с. 70]

Поскольку современный российский научный дискурс не имеет общепринятых концепций типов политических изменений, позволяющих целостно структурировать каждое политическое изменение, происходящее в европейских парламентских монархиях, предлагается типология, решающая данную научную проблему.

Политические изменения государственности известны с появления самой государственности в Античности и продолжают происходить до настоящего момента времени.

Наиболее вероятным представляется продолжение политических изменений в будущем, принимая во внимание факт ускорения развития глобального политического процесса. Политическую изменчивость следует признать неотъемлемой характеристикой политического процесса, поскольку существование такой политической системы, которая будет сохранять абсолютную статичность на протяжении больших исторических промежутков, не представляется возможным, что также подтверждается ходом политико-исторического процесса. Политическая практика такого рода, основанная на по-

пытке категорического отрицания политических изменений, может стать актором или катализатором политической напряжённости и конфликтности, и как следствие – краха или коллапса соответствующей политической системы, с возможным появлением новой политической системы, что будет также являться особым типом политического изменения.

Начиная со второй половины XX в. в 11 европейских парламентских монархиях обнаруживается не менее 45 ключевых политических изменений, оказавших существенное влияние на политический процесс, политические системы и политические институты. Принимая во внимание факт более широкой представленности политических локальных и менее значимых трансформаций, которые могут иметь повышенную значимость при определённых исследованиях, число таких изменений может достигать больших значений, в силу чего их типологизация представляется неизбежным и необходимым обстоятельством, позволяющим классифицировать и структурировать политические изменения, и как следствие – выявлять и учитывать их влияние и роль в политическом процессе и его развитии.

Методология

Анализ массива информации, необходимой для построения соответствующей типологии, требует использования ряда научных методов. Системный метод позволяет выработать целостную исследовательскую систему, охватывающую многообразие факторов и условий, необходимых для выработки целостной типологии. Кроме того, данный метод способствует комплексному исследованию политических систем тех стран, которые составляют группу государств с парламентско-монархической формой правления. Структурно-функциональный метод способствует раскрытию взаимосвязи типа «структура – функция», что позволяет сопоставить типы изменений с их разновидностями, определив функциональную

значимость происходящих политических изменений. Использование исторического метода обусловлено необходимостью классификации политических изменений в зависимости от исторического периода их совершения и ретроспективного анализа. Компаративистский метод раскрывает существенные характеристики политических изменений парламентских монархий при их сравнении, также позволяя обнаруживать политические свойства непосредственно самих типов политических изменений.

Результаты и их обсуждение

Институт парламентской монархии оказывает значительное влияние на политические системы государств с соответствующей формой правления. Принимая во внимание широкую представленность парламентской монархии как формы правления в европейском сообществе, возникает естественная научная потребность во всеобъемлющем и всестороннем политическом исследовании атрибутивных качеств и признаков данного института. Как было отмечено ранее, европейские монархии могут быть описаны формулой «12+1» [3, с. 70], где 12 государств имеют монархическую форму правления, а один субъект международного права с оспариваемым государственным статусом (Мальтийский Орден) является выборной монархией. Практически все государства, затрагиваемые данной формулой, являются парламентскими монархиями (Великое Герцогство Люксембург, Княжество Андорра, Княжество Лихтенштейн, Княжество Монако, Королевство Бельгия, Королевство Дания, Королевство Испания, Королевство Норвегия, Королевство Швеция, Нидерланды и Соединённое Королевство; 11 стран). Данное исследование предлагает типологию политических изменений, которая может применяться при политическом анализе вышеназванных стран. Применяя адаптивные методы, типология может быть также допустимой при проведении ис-

следований с отличающимся объектом исследования, например, неевропейских парламентских монархий, абсолютных монархий или монархий в целом. Важно подчеркнуть, что государства Княжество Лихтенштейн и Княжество Монако рассматриваются как парламентские монархии, поскольку они соответствуют предложенным критериям определения парламентско-монархической формы правления [4, с. 199–201]. При этом исследование монархии как формы правления является одним из приоритетных направлений политической науки, посвящённых изучению форм правления [5; 6; 7; 8].

Предлагается классификация политических изменений европейских парламентских монархий по следующим категориям:

- 1) политические изменения в зависимости от исторического момента их совершения;
- 2) политические изменения в зависимости от природы изменений политической власти института монарха;
- 3) политические изменения смены формы правления.

Стоит отметить, что данная типологизация не является абсолютной и исчерпывающей, выделяя наиболее важные для актуальных политических исследований категории. При необходимости классификация может быть дополнена и расширена в соответствии с интересами, целями и задачами проводимых исследований.

Политические изменения первой категории предлагается разделять на четыре типа в зависимости от года совершения политического изменения:

- 1) политические изменения монархий до XX в.;
- 2) политические изменения монархий в первой половине XX в.;
- 3) политические изменения монархий во второй половине XX в.;
- 4) политические изменения монархий в XXI в.

Данная категория сформирована таким образом, чтобы наиболее эффективно определять исторические изменения, актуальные для исследования современного состояния европейских парламентских монархий. Ввиду данного обстоятельства первый тип политических изменений является укрупнённым, созданным для облегчения проводимых исследований, поскольку наиболее отдалённые политические изменения обладают меньшим политическим весом относительно недавних политических изменений. В случае проведения политико-исторических исследований с акцентом на историческое, а не современное состояние европейских парламентских монархий, данная категория может быть дополнительно переклассифицирована. При этом в рамках весового распределения наблюдается следующая картина: политические изменения, совершённые давно, обладают меньшим политическим весом для современного положения дел, однако более фундаментальным характером, исключая или существенно затрудняющим изменение определённых параметров, которые могут рассматриваться в качестве константы; в свою очередь, политические изменения, совершённые недавно, обладают наибольшим политическим весом, но являются менее фундаментальными, в силу чего могут быть пересмотрены с большей степенью вероятности. Данное обстоятельство, например, может способствовать повышению вероятности наступления изменений реставрации в случае недавнего упразднения монархии или, наоборот, изменений упразднения при недавней реставрации.

Для политических изменений каждой группы характерны определённые признаки. Политические изменения в первом периоде преимущественно направлены на возникновение и развитие монархии

как формы правления, появление парламентской монархии и политический переход к ней в ряде государств, с сохранением локальной республиканской направленности в некоторых европейских государствах. Особый интерес данная группа политических изменений представляет при исследовании наиболее древних парламентских монархий, таких как Соединённое Королевство [9; 10; 11]. Второй период отличается наличием активных революционных республиканских изменений и ограниченным переходом к конституционной и парламентской монархиям. К третьему периоду относится сохранение монархической формы правления в Европе (за исключением Королевства Греция), углубление политических реформ по ограничению монархической власти в рамках парламентаризма. Четвёртый период, охватывающий современное состояние европейских парламентских монархий, отличается высокой стабильностью и устойчивостью монархической формы правления с локальными сохраняющимися политическими рисками упразднения в некоторых государствах, наличием потенциальных условий для реставрации в государствах, ранее являвшихся монархиями. В этот период продолжается интеграция европейских монархических государств в состав международных союзов как панъвропейского, так и евроатлантического масштабов [12, с. 161]. Принимая во внимание стабильность парламентских монархий, стоит учитывать сохраняющиеся политические риски упразднения монархии, в качестве примера непосредственной реализации которых следует привести предпринятые попытки упразднения монархии в Королевстве Норвегия в 2012, 2016 и 2019 гг., несмотря на её высокую политическую стабильность [13, с. 427].

Политические изменения в зависимости от природы изменений политической власти института монарха позволяют проследить, как влияет изменение условий политического процесса и политической системы на положение и роль института монарха и, как следствие, на парламентскую монархию в целом. Данная категория подразделяется на три типа таких изменений:

- 1) усиление монархической власти;
- 2) ослабление монархической власти;
- 3) политические изменения, нейтральные по отношению к монархической власти.

Изменения первого типа предполагают увеличение законодательных полномочий монарха (принятие новой конституции в Королевстве Испания в 1978 г.,¹ Конституционный референдум 2003 г. в Княжестве Лихтенштейн), изменение политических принципов (Принципы Ласселса в Соединённом Королевстве, 1950 г.) или более активная публичная политическая деятельность монарха (публичная оценка Королевой Дании Маргрете II проблемы миграции в 2015 г.).² В некоторых случаях к усилению монархической власти могут приводить события, на первый взгляд ослабляющие монархическую власть (демократический транзит в Королевстве Испания, отречение Короля Бельгийцев Леопольда III в пользу Бодуэна). Соответствующие политические изменения могут быть признанными за таковые при условии, что подобное решение в целом способствует сохранению монархической политиче-

ской системы и способствует деэскалации политического конфликта с антимонархической компонентой республиканской направленности. Например, осуществлённый демократический транзит в Королевстве Испания, в котором активную роль сыграл король Испании Хуан Карлос I, способствовал сохранению монархии, достаточным подтверждением чему служит высказывание политического деятеля левого политического спектра, лидера Коммунистической партии Испании С. Карилльо: «Боже! Храни короля! Сегодня мы все монархисты!».³ В свою очередь, отречение Леопольда III от бельгийского престола позволило не допустить политического раскола бельгийского общества и государственности после передачи власти своему сыну Бодуэну, который смог стабилизировать ситуацию в стране. Таким образом, несмотря на потенциальное ослабление монархической власти некоторые политические изменения могут усиливать монархическую власть, что подтверждается политико-историческим процессом и его развитием.

Политическим изменением, ослабляющим монархическую власть, может быть признано изменение законодательства, лишаящее монарха прав или полномочий (Акт о фиксированном сроке Парламента⁴ и Акт о престолонаследии в Соединённом Королевстве⁵, упразднение сенаторов по праву рождения в Королев-

¹ Конституция Королевства Испания // Агентство официальной государственной газеты. URL: <https://www.boe.es/legislacion/documentos/ConstitucionCASTELLANO.pdf> (дата обращения: 04.09.2021).

² Королева Дании: иммигранты должны приспособиться // Русская служба BBC. URL: https://www.bbc.com/russian/society/2015/04/150413_5floor_denmark_queen_immigrants (дата обращения: 04.09.2021).

³ Хуан больше не король // Газета.Ru. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2014/06/02_a_6057089.shtml (дата обращения: 04.09.2021).

⁴ Fixed-term Parliaments Act 2011 // Статутное право Соединённого Королевства. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2011/14/section/3/enacted> (дата обращения: 04.09.2021).

⁵ Succession to the Crown Act 2013 // Статутное право Соединённого Королевства. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2013/20/enacted> (дата обращения: 04.09.2021).

стве Бельгия, лишение Великого Герцога Люксембурга в праве отказать в одобрении законопроекта, принятие новой конституции Королевства Дания в 1953 г.), вынуждение отречения монарха или его эмиграция из страны (вынужденное отречение короля Испании Хуана Карлоса I в 2014 г. и его эмиграция из страны в 2019 г.),¹ политическое решение акторов политического процесса (победа республиканской коалиции на испанских выборах в 2020 г., три волны роспуска монархических партий Нидерландов, приостановление неформальных встреч нидерландского монарха с депутатами Генеральных Штатов, отчёт Варинго от 2020 г. в Великом Герцогстве Люксембург,² Торковский компромисс 1971 г. в Королевстве Швеция). Существуют исследования, уделяющие особое внимание правовым вопросам обеспечения монархической власти [14]. Важно подчеркнуть, что добровольное отречение не может относиться к ослаблению монархической власти при условии, что не последовало никаких негативных политических последствий для института монархии. Обратная картина наблюдается при вынужденном отречении, которое в крайней форме может привести к провозглашению республики.

Изменения, нейтральные по отношению к монархической власти, как правило, связаны с изменением законодатель-

ства, в котором наблюдаются процедурные и нормативные трансформации, которые в целом не изменяют положения института монарха в политической системе. К таким изменениям часто относится изменение законодательства о наследовании престола (разрешение наследникам нидерландского престола заключать брак с католиками при одобрении Генеральными Штатами от 1983 г., замена мужского первородства абсолютным первородством при наследовании люксембургского престола в 2011 г., Акт о престолонаследии в Королевстве Дания от 1953 г.), однако имеются и исключения (приостановление королевских полномочий короля Бодуэна для подписания законопроекта о легализации аборт в 1990 г., добровольное отречение великого герцога Жана в пользу своего сына Анри в 2000 г.). Изменение законов о наследовании может являться ослабляющим или усиливающим власть монарха, например, ограничение членства в королевском доме Нидерландов в 2002 г. Приостановление королевских полномочий короля Бодуэна относится к данной группе, поскольку оно было инициировано по инициативе самого короля ввиду нежелания подписывать законопроект о разрешении абортов, после подписания которого ему была возвращена вся полнота монархической власти.

Политические изменения смены формы правления отражают условия политического перехода в иную разновидность монархии или республику, а также сохранение текущего монархического статуса либо перехода к парламентской монархии. В рамках данной категории выделяются следующие типы политических изменений:

- 1) изменения упразднения;
- 2) изменения реставрации или прокламации;

¹ СМИ: бывший король Испании Хуан Карлос уехал в Доминиканскую Республику // Русская служба BBC. URL: <https://www.bbc.com/russian/news-53644566> (дата обращения: 04.09.2021).

² Rapport du représentant spécial du Premier ministre auprès de la Cour grand-ducale // Правительство Великого Герцогства Люксембург. URL: <https://gouvernement.lu/dam-assets/fr/publications/rapport-etude-analyse/rapport-special/rapport-rep-special-cour-gd.pdf> (дата обращения: 04.09.2021).

- 3) изменения перехода;
- 4) изменения сохранения.

Изменения упразднения сигнализируют о ликвидации монархической формы правления и переходе к республике любого типа. Принимая во внимание масштаб политических трансформаций и их последствий для политической системы и политических институтов, изменения упразднения в европейском сообществе являются крайне редкими и маловероятными в обозримом прогнозируемом будущем. Единственным примером изменений упразднения с 1950 г. являются политические события в Королевстве Греция, результатом которых стало провозглашение Греческой Республики. Наиболее значимыми политическими изменениями в рамках данного политического сценария являются референдумы от 1973 и 1974 гг. о форме правления, а также запрет королю Греции Константину II вернуться в страну и проводить политическую кампанию в поддержку сохранения монархии. Принимая во внимание противоречивость последнего запрета демократическим принципам, проведение первого референдума представителями антидемократического режима «Чёрных полковников», а также активное использование административного ресурса при проведении обоих референдумов, данные изменения упразднения имеют низкую легитимность, что повышает вероятность срабатывания политического сценария греческой реставрации в прогнозируемом будущем, однако политические шансы подобного развития событий представляются менее вероятными при сохранении текущего состояния греческой политической системы. Стоит отметить, что опыт греческого политического процесса может находить

своё непосредственное отражение в условиях продолжающейся глобализации, с учётом взаимосвязи типа «политический процесс – глобализация» [15].

Изменения реставрации являются политическими индикаторами, сигнализирующими об обратном развитии событий – восстановлении монархической формы правления в государстве, которое на данный момент времени является республикой. В свою очередь, изменения прокламации предполагают либо первичное провозглашение монархии в государстве, не имевшем обширного монархического политико-исторического опыта, либо восстановление монархии при главенстве с таким монархом, который имеет только первичные претензии на престол, не подкреплённые общей династической преемственностью. Изменения реставрации в европейском сообществе также являются редкими, однако начиная с 1950 г. к таким изменениям относится реставрация монархии в Испанском государстве (Назначение Ф. Франко Хуана Карлоса I наследником испанского престола в 1969 г. и коронация Хуана Карлоса в 1975 г.). Изменения прокламации в недавнем прошлом не фиксируются, а вероятность успешного срабатывания в прогнозируемом будущем представляется более гипотетической, нежели чем практически обоснованной. Однако изменение политической обстановки, в том числе при целенаправленной политической активности акторов политического процесса, включая властные институты государств, могут способствовать повышению вероятностей наступления подобных политических сценариев.

Политические изменения перехода предполагают трансформацию монархической формы правления в рамках при-

сущих ей разновидностей, например, переход от парламентской монархии к абсолютной или от абсолютной – к парламентской. Изменения подобного рода не фиксируются в современном европейском сообществе, поскольку политическая культура европейского региона склонна рассматривать отличные от парламентской разновидности монархии как недемократические, в силу чего наступление подобных сценариев является крайне маловероятным. В свою очередь, единственная абсолютная монархия Европы (государство-город Ватикан) имеет соответствующее устройство ввиду теократического и церковного характера организации, и подобная трансформация не представляется обоснованной с точки зрения внутренней организации политической системы.

Изменения сохранения являются наиболее распространёнными из данной категории политических изменений, и предполагают изменения законодательства и соглашений, политических институтов или политической практики, подтверждающие парламентско-монархический характер государства и действующие полномочия монарха. К наиболее характерным изменениям сохранения относятся Пертское соглашение от 2011 г., подтверждение права британского монарха на выдачу и изъятие британского подданства от 1988 и 2016 гг., неудачные попытки отмены монархии в Королевстве Норвегия (2012, 2016 и 2019 гг.), принятие конституции в Княжестве Андорра в 1993 г.,¹ конституционный референдум в

Лихтенштейне от 2012 г. Высокая частота изменений сохранения может сигнализировать о стабильности монархической формы правления и института монарха, выступая механизмом политической адаптации данных институций к изменяющимся условиям политического процесса и требованиям входа политической системы.

Выводы

Природа политических изменений, охватывающих европейские парламентские монархии и их разнотипность, порождают необходимость в их комплексной структуризации и систематизации. Наиболее целесообразным представляется выделение трёх категорий: политические изменения в зависимости от исторического момента их совершения, политические изменения в зависимости от природы изменений политической власти института монарха, политические изменения смены формы правления. В рамках каждой категории выделяются уникальные типы, и в некоторых случаях является допустимым межкатегориальная классификация. Типологизация соответствующих изменений способствует облегчённому проведению политических исследований и позволяет выявить атрибутивные свойства, которые могут быть упущены без применения соответствующей классификации. Полученная в результате информация после анализа может быть использована при прогнозировании и построении политических сценариев, рассматривающих дальнейшее развитие европейских парламентских монархий в XXI в. Предложенная типология решает проблему научного вакуума в вопросе классификации европейских парламентских монархий.

¹ Конституция Княжества Андорра // Конституционный суд Княжества Андорра. URL: <https://www.tribunalconstitucional.ad/docs/legislacio/constitucio.pdf> (дата обращения: 04.09.2021).

Список литературы

1. Бейдина Т. Е., Попов Ю. А. Дефиниции «Политический процесс», «Политические изменения», «Политическое развитие» в научном дискурсе // Вестник Забайкальского государственного университета. 2018. Т. 24, № 3. С. 39–49.
2. Цыбаков Д. Л. Борьба идеологий в современном политическом процессе: информационно-психологический аспект // Среднерусский вестник общественных наук. 2009. № 2 (9). С. 129–133.
3. Кабацкий М. С. Исторический и современный опыт развития института европейских парламентских монархий // Вестник государственного и муниципального управления. 2021. № 1 (39). С. 69–75.
4. Кабацкий М. С. Современное положение института монарха в Королевстве Бельгия // Среднерусский вестник общественных наук. 2020. Т. 15, № 5. С. 198–209.
5. Велиев А. Э. Понятие и особенности монархии как формы правления // Прорывные научные исследования как двигатель науки: сборник статей Международной научно-практической конференции. Уфа: Омега Сайнс, 2016. С. 124–126.
6. Голубева Л. А. Форма государства и политический режим: термины и соотношение их содержания // Проблемы юридической практики. Двенадцатые Спиридоновские чтения: Международная научно-теоретическая конференция. СПб.: С.-Петерб. ин-т внешнеэкономических связей, экономики и права, 2015. С. 232–241.
7. Кононенко Д. Х. Общая характеристика контрольных функций парламента в государствах с монархической формой правления // Право и государство: теория и практика. 2017. № 4 (148). С. 27–30.
8. Кочеткова П. В., Крылова К. В. Формы существования современных монархий // Актуальные проблемы современного конституционализма: материалы III Всероссийской научно-практической конференции. Пенза: Пензен. гос. ун-т, 2018. С. 186–191.
9. Долиновский С. Л. Становление и развитие парламентской монархии в Великобритании // История государства и права. 2008. № 17. С. 35–37.
10. Салимгареев И. И. Особенности системы государственного управления в Великобритании // Аллея науки. 2021. Т. 1, № 5 (56). С. 765–767.
11. Талова М. И. Проблемы формирования верхней палаты парламента – палаты лордов в Великобритании в конце XX – начале XXI веков // *Filo Ariande*. 2019. № 1 (13). С. 103–111.
12. Цыбаков Д. Л. Милитаризация межгосударственных союзов в постбиполярном мире: последствия для национальных интересов России // Власть. 2012. № 1. С. 161–165.
13. Зосимова М. П. Причины и условия стабильности политического режима на примере демократического режима в Норвегии // Молодой ученый. 2015. № 2 (82). С. 426–428.
14. Каримов Д. А. Правовой статус монархии: теоретические основы и новый взгляд на старую проблему // Государственная власть и местное самоуправление. 2009. № 4. С. 2–6.
15. Куликов С. П., Куньщиков С. В. Влияние глобализации на политические режимы: опыт статистического анализа индексов глобализации и политических режимов // Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования: материалы XXI Международной конференции памяти проф. Л. Н. Когана. Екатеринбург: Урал. федер. ун-т им. Первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2018. С. 2126–2135.

References

1. Bejdina T. E., Popov Yu. A. Definicii "Politicheskij process", "Politicheskie izmeneniya", "Politicheskoe razvitie" v nauchnom diskurse [Definitions of "Political process", "Political changes", "Po-

litical development" in scientific discourse]. *Vestnik Zabajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Trans-Baikal State University*, 2018, vol. 24, no. 3, pp. 39–49.

2. Cybakov D. L. Bor'ba ideologij v sovremennom politicheskom processe: informacionno-psihologicheskij aspekt [The struggle of ideologies in the modern political process: informational and psychological aspect]. *Srednerusskij vestnik obshchestvennyh nauk = Central Russian Bulletin of Social Sciences*, 2009, no. 2 (9), pp. 129–133.

3. Kabackij M. S. Istoricheskij i sovremennyy opyt razvitiya instituta evropejskih parlamentskih monarhij [Historical and modern experience of the development of the Institute of European parliamentary monarchies]. *Vestnik gosudarstvennogo i municipal'nogo upravleniya = Bulletin of State and Municipal Administration*, 2021, no. 1 (39), pp. 69–75.

4. Kabackij M. S. Sovremennoe polozhenie instituta monarha v Korolevstve Bel'giya [The current situation of the institution of the monarch in the Kingdom of Belgium]. *Srednerusskij vestnik obshchestvennyh nauk = Central Russian Bulletin of Social Sciences*, 2020, vol. 15, no. 5, pp. 198–209.

5. Veliev A. E. [The concept and features of the monarchy as a form of government]. *Proryvnye nauchnye issledovaniya kak dvigatel' nauki. Sbornik statej Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* [Breakthrough scientific research as the engine of science: a collection of articles of the International Scientific and Practical Conference]. Ufa, Omega Sajns Publ., 2016, pp. 124–126. (In Russ.)

6. Golubeva L. A. [The form of the state and the political regime: terms and the ratio of their content]. *Problemy yuridicheskoy praktiki. Dvenadcatye Spiridonovskie chteniya. Mezhdunarodnaya nauchno-teoreticheskaya konferenciya* [Problems of legal practice. The Twelfth Spiridon Readings: International Scientific and Theoretical Conference]. St. Petersburg, St. Petersburg in-t vneshneekonomicheskikh svyazej, ekonomii i prava, 2015, pp. 232–241. (In Russ.)

7. Kononenko D. H. Obshchaya harakteristika kontrol'nyh funkcij parlamenta v gosudarstvah s monarhicheskoj formoj pravleniya [General characteristics of the control functions of parliament in states with a monarchical form of government]. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika = Law and the State: theory and practice*, 2017, no. 4 (148), pp. 27–30.

8. Kochetkova P. V., Krylova K. V. [Forms of existence of modern monarchies]. *Aktual'nye problemy sovremennogo konstitucionalizma. Materialy III Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii* [Actual problems of modern constitutionalism. Materials of the III All-Russian Scientific and Practical Conference]. Penza, Penza St. Univ. Publ., 2018, pp. 186–191.

9. Dolinovskij S. L. Stanovlenie i razvitie parlamentskoj monarhii v Velikobritanii [Formation and development of the parliamentary monarchy in Great Britain]. *Istoriya gosudarstva i prava = History of State and Law*, 2008, no. 17, pp. 35–37.

10. Salimgareev I. I. Osobennosti sistemy gosudarstvennogo upravleniya v Velikobritanii [Features of the public administration system in the UK]. *Alleya nauki = Alley of Science*, 2021, vol. 1, no. 5 (56), pp. 765–767.

11. Talova M. I. Problemy formirovaniya verhnjej palaty parlamenta – palaty lordov v Velikobritanii v konce XX – nachale XXI vekov [Problems of formation of the upper house of Parliament - the House of Lords in Great Britain in the late XX - early XXI centuries]. *Filo Ariande*, 2019, no. 1 (13), pp. 103–111.

12. Cybakov D. L. Militarizaciya mezhgosudarstvennyh soyuzov v postbipolyarnom mire: posledstviya dlya nacional'nyh interesov Rossii [Militarization of Interstate Unions in the Post-Bipolar world: Consequences for Russia's National Interests]. *Vlast' = Power*, 2012, no. 1, pp. 161–165.

13. Zosimova M. P. Prichiny i usloviya stabil'nosti politicheskogo rezhima na primere demokraticeskogo rezhima v Norvegii [Reasons and conditions for the stability of the political regime on the example of the democratic regime in Norway]. *Molodoj uchenyj = Young Scientist*, 2015, no. 2 (82), pp. 426–428.

14. Karimov D. A. Pravovoj status monarhii: teoreticheskie osnovy, i novyj vzglyad na staruyu problemu [The legal status of the monarchy: theoretical foundations, and a new look at the old problem].

Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie = State power and local selfgovernment, 2009, no. 4, pp. 2–6.

15. Kulikov S. P., Kun'shchikov S. V. [The influence of globalization on political regimes: the experience of statistical analysis of the indices of globalization and political regimes]. *Kul'tura, lichnost', obshchestvo v sovremennom mire: metodologiya, opyt empiricheskogo issledovaniya. Materialy XXI Mezhdunarodnoj konferencii pamyati prof. L. N. Kogana* [Culture, personality, society in the modern world: methodology, empirical research experience. Materials of the XXI International Conference in Memory of Prof. L. N. Kogan]. Ekaterinburg, Ural. Feder. Univ. im. Pervogo Prezidenta Rossii V. N. El'cina, 2018, pp. 2126–2135.

Информация об авторе / Information about the Author

Кабацкий Максим Сергеевич, аспирант кафедры политологии и государственной политики, Среднерусский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Орёл, Российская Федерация,
e-mail: mkabatsky@mail.ru

Maxim S. Kabatsky, Post-Graduate Student of the Department of Political Science and Public Policy, Central Russian Institute of Management – Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Orel, Russian Federation,
e-mail: mkabatsky@mail.ru

Оригинальная статья / Original article

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2021-11-6-168-176>

Актуальные проблемы военно-морской политики России

М. М. Шныптев¹ ✉

¹ Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

Средний проспект В.О. 57/43, г. Санкт-Петербург 199178, Российская Федерация

✉ e-mail: fugas1623@yandex.ru

Резюме

Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью осмысления проблем военно-морской политики для их решения в рамках реализации целей стратегического планирования морской деятельности Российской Федерации на период до 2030 года.

Цель исследования – политический анализ современных проблем военно-морской политики России, решение которых необходимо для достижения целей стратегического планирования, рассчитанных на период до 2030 года в сфере морской деятельности.

Задачами исследования стали: политологический анализ новейших документов государственной политики в сфере морской деятельности России на предмет определения наиболее значимых проблем, требующих оперативного разрешения; контент-анализ отдельных положений Стратегии развития морской деятельности в Российской Федерации, принятой до 2030 года; анализ направлений исследований военно-морской политики России российскими учеными; разработка рекомендаций по возможному решению проблем политико-правового характера, способствующих повышению эффективности дальнейшей реализации военно-морской политики России на стратегический период до 2030 года.

Методология научного исследования основана на использовании методов политологического и контент-анализа документов стратегического характера, определяющих вектор развития современной российской военно-морской политики на ближайшее десятилетие. В исследовании использованы методы политической науки и юриспруденции (в частности, правовой анализ).

Результаты. Автор обоснованы наиболее актуальные проблемы военно-морской политики России, от решения которых напрямую зависят результаты стратегического планирования морской деятельности в Российской Федерации на период до 2030 года.

Осуществлен анализ позиций российских ученых и практиков по проблеме исследования.

Вывод. Исследование позволило сформулировать необходимые рекомендации относительно решения проблем незавершенности международно-правового регулирования морских границ России с отдельными сопредельными государствами как основных проблем реализации современной военно-морской политики Российской Федерации.

Ключевые слова: государственная политика; морская деятельность; военно-морская политика; стратегия развития; проблемы.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Шныптев М. М. Актуальные проблемы военно-морской политики России // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021. Т. 11, № 6. С. 168–176. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2021-11-6-168-176>.

Поступила в редакцию 22.10.2021

Принята к публикации 23.11.2021

Опубликована 27.12.2021

© Шныптев М. М., 2021

Actual Problems of the Naval Policy of Russia

Mihail M. Shnyptev¹ ✉

¹Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Russia
57/43 Sredny prospect VO, St. Petersburg 119178, Russian Federation

✉ e-mail: fugas1623@yandex.ru

Abstract

The relevance of the research topic is due to the need to comprehend the problems of naval policy in order to solve them within the framework of the implementation of the goals of strategic planning of maritime activities of the Russian Federation for the period up to 2030.

The purpose of the study is a political analysis of the current problems of Russia's naval policy, the solution of which is necessary to achieve the goals of strategic planning for the period up to 2030 in the field of maritime activities.

The objectives of the study were: political analysis of the latest documents of the state policy in the field of maritime activity of Russia in order to identify the most significant problems that require prompt resolution; content analysis of certain provisions of the Strategy for the Development of Maritime Activities in the Russian Federation adopted until 2030; analysis of the research directions of the naval policy of Russia by Russian scientists; development of recommendations on possible solutions to problems of a political and legal nature that contribute to improving the effectiveness of further implementation of Russia's naval policy for the strategic period up to 2030.

The methodology of scientific research is based on the use of methods of political science and content analysis of strategic documents that determine the vector of development of modern Russian naval policy for the next decade. The research uses methods of political science and jurisprudence (in particular, legal analysis).

Results. The author substantiates the most pressing problems of Russia's naval policy, the solution of which directly affects the results of strategic planning of maritime activities in the Russian Federation for the period up to 2030.

The analysis of the positions of Russian scientists and practitioners on the problem of research is carried out.

Conclusion. The study made it possible to formulate the necessary recommendations regarding the solution of the problems of incompleteness of international legal regulation of the maritime borders of Russia with certain neighboring states as the main problems of the implementation of modern naval policy of the Russian Federation.

Keywords: state policy; maritime activity; naval policy; development strategy; problems.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Shnyptev M. M. Actual Problems of the Naval Policy of Russia. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2021; 11(6): 168–176. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2021-11-6-168-176>.

Received 22.10.2021

Accepted 23.11.2021

Published 27.12.2021

Введение

Цели и задачи формирования и реализации военно-морской политики в новейшей истории России отражаются в целом ряде государственных доктрин, стратегий и программ. Важным для их реализации является определение проблем, решение которых определит эффективность военно-морской политики

государства в среднесрочной и стратегической перспективе.

Методология

В исследовании использованы общенаучные методы исследования – анализа и синтеза информации при включении методов политического анализа.

Результаты и их обсуждение

В российской политической науке исследование вопросов и проблем военно-морской политики в основном, по нашему мнению, с учетом публикаций в открытом доступе находилось и продолжает находиться в плоскости нескольких основных направлений.

Во-первых, это, безусловно, проблематика, связанная с национальными интересами России в мировом океане, доктринальными, программными и нормативно-правовыми аспектами развития военно-морской политики на современном этапе. В частности, это научные статьи В. В. Чиркова [1], А. Попова [2], В. В. Круглова, М. А. Лопатина [3], А. И. Исмаилов, А. А. Лобанов, А. Н. Попов, В. В. Пучнин [4; 5].

Во-вторых, это активизация так называемых, «арктических исследований», где следует отметить работы: Е. В. Бей [6], М. И. Безбородова [7], С. А. Бокерии, Е. А. Кернер, Д. А. Кузнецовой [8], В. П. Журавель [9], И. А. Кононович [10].

Военно-морской политике России в Арктике посвятили свои работы также: К. П. Курьлев, Н. П. Пархитко, М. А. Никулин [11], А. В. Семенов, С. С. Жильцов, И. С. Зонн, А. Г. Костяной [12], О. А. Хлопов [13], Р. М. Гасанов [14].

В последние несколько лет в Российской Федерации были приняты несколько важных для морской политики документов доктринального и стратегического характера. Принятие данных документов стало не только логичным продолжением предыдущих аналогичных программ государственного характера, но также и переход с 2015 г. на рельсы стратегического планирования в рамках формирования государственной политики современными инструментами и механизмами, соответствующими текущему состоянию развития технологий и методического обеспечения¹.

¹ О стратегическом планировании в Российской Федерации: федер. закон от

В рамках настоящей статьи нами исследованы отдельные положения Стратегии развития морской деятельности в Российской Федерации, принятой до 2030 года.

Политологический акцент сделан именно на проблемах морской деятельности российского государства, и в том числе военно-морской политики. Также объектом исследования выступили мнения и позиции современных российских ученых относительно проблематики регулирования морских границ.

Как отмечает, в частности, Л. В. Вардомский, рост научного интереса к проблематике государственных границ обусловлен «кардинальными изменениями на политической карте мира» [15].

Подчеркнем, что действующий стратегический документ государственной политики развития морской деятельности делает особый акцент на констатации проблем в развитии военно-морской деятельности. В частности, в нем зафиксированы следующие основные проблемы развития морской деятельности Российской Федерации согласно Стратегии развития морской деятельности Российской Федерации до 2030 года²:

1) это, прежде всего, сохраняющиеся до сих пор в XXI веке территориальные притязания к Российской Федерации при одновременной де-факто и де-юре незавершенности процесса международно-правового оформления морских пространств;

2) как это определено в Стратегии, сохраняющееся несовершенство современного российского законодательства Российской Федерации «в области нор-

28 июня 2014 г. № 172-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_164841/ (дата обращения: 11.09.2021).

² О Стратегии развития морской деятельности в Российской Федерации до 2030 года: Распоряжение Правительства РФ от 30 авг. 2019 г. № 1930-р. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_332557/ (дата обращения: 11.09.2021).

мативно-правового регулирования мобилизационной подготовки и мобилизации в сфере морской деятельности, ограничивающее возможности по призыву российских морских судов в состав Вооруженных сил Российской Федерации в период мобилизации, а также в мирное время при проведении специальных операций»¹;

3) «изношенность корабельного состава органов федеральной службы безопасности и пунктов его базирования, а также недостаточный уровень оснащения современным корабельным составом, необходимым для эффективного решения задач пограничной деятельности на морских направлениях».

Рассмотрим первую из названных проблем более детально с более глубоким акцентом на проблемы незавершенности международно-правового регулирования морских границ России с отдельными сопредельными государствами. Объективно действительно следует подчеркнуть, что проблема разграничения морских пространств и морских границ остается крайне актуальной и в XXI в. для Российской Федерации и граничащих с ней государств.

Несмотря на то, что многие вопросы были сняты различными конвенциями и соглашениями после окончания ключевых военно-политических конфликтов XX века, Второй мировой войны или через небольшой промежуток времени после ее завершения, отдельные государства, тем не менее, или остались не согласны с соответствующими решениями полностью или в отдельной части принятых решений, или же в современное время появились новые политические силы в

данных государствах, желающих пересмотреть договора более чем пятидесятилетней давности. Отдельные же вопросы, связанные с морскими границами сопредельных с Россией государств, не решены до сих пор.

Фактически, Россия и в XXI в. испытывает на себе значительное давление со стороны некоторых государств, у которых сохраняются претензии на оспариваемые ими водные территории. Эти отношения носят как политический характер, так и сугубо международно-правовой, когда речь идет о несогласии одной из сторон с толкованием примененных международных договоров, решениями международных судов или арбитражей.

Так или иначе, но такого рода несогласие с закрепленным рамками международного права положением дел с морскими границами де-факто являются источником потенциальной угрозы в будущем. Здесь можно согласиться с мнением Е. В. Неверовой, которая подчеркивает, что «территориальные споры пагубны для двусторонних отношений спорящих государств, для всеобщего мира и безопасности, поскольку такие споры представляют постоянный риск вооруженного конфликта» [16].

Между тем ни много, ни мало, но соседние с Россией государства имеют притязания по пересмотру границ, в том числе морских границ, и оспаривают приграничные территории (морские акватории), сопоставимые с площадью целых государств, таких как, например, Белоруссия. Например, международно-правовыми договорами морская граница оформлена с Финляндией. Несмотря на такую относительную международно-правовую «идиллию» следует, тем не менее, отметить, что в общественно-политической сфере, например в Финляндии, имеют место быть некоторые

¹ О стратегическом планировании в Российской Федерации: федер. закон. от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_164841/ (дата обращения: 11.09.2021).

движения, программными целями которых являются цели пересмотра данных соглашений. Это, в частности, «Карельский Союз Финляндии» и «Великая Финляндия» («Суур Суоми»).

Следует отметить, что «Карельский Союз Финляндии» является весьма влиятельной политической силой и политической организацией, насчитывающей более 80000 членов и имеющей свои представительства в зарубежных странах. Но все же следует справедливо отметить, что они не влияют существенным образом на общественное мнение всего населения Финляндии. Тем не менее публичные акции политического характера против действующих границ, в том числе морских границ, они проводят на регулярной основе.

Так, в частности, в 2007 г. представители националистических движений Финляндии совместно с эстонскими представителями провели публичную, освещаемую в СМИ акцию по установлению своих «правильных» границ между странами¹. Как отмечает Н. В. Остроухов, «речь идет о возвращении согласно Московскому Договору от 12 марта 1940 г. в состав СССР исторических карельских земель, а именно Карельский перешеек с городом Выборг, северное и западное побережье Ладожского озера, а также западная часть полуостровов Рыбачий и Средний» [17].

Политико-правовой проблемой достаточно долгое время была неурегулированность морских границ Норвегии и Российской Федерации, примыкающих водных пространств архипелага Шпицбергена [18]. Соответствующие двухсторонние переговоры проходили постепен-

но, на протяжении фактически нескольких десятков лет и в 2010 г. завершились подписанием Договора между Российской Федерацией и Королевством Норвегия о разграничении морских пространств и сотрудничестве в Баренцевом море и Северном Ледовитом океане.

Однако следует отметить имеющуюся публичную критику данного договора. Так, в частности, В. К. Зиланов [19] дает оценку положений данного договора на соответствие национальным интересам Российской Федерации.

Заслуживает также внимания оценка «за» и «против» позиции договора В. Коптелова, который, в частности, отмечает, что сам договор создает благоприятный в целом для взаимодействия России и Норвегии политический фон по арктическим вопросам, но, с другой стороны, «Норвегия все еще считает необходимым повышение внимания НАТО к Арктике, включение арктических вопросов в сферу интересов альянса» [20].

Со стороны северной европейской части также и Эстония имеет отдельные притязания относительно сухопутных и морских границ (142 км по Балтийскому морю). Политическая риторика по данным проблемам продолжается на протяжении уже более 30 лет. Так, в 2007 г. в эстонском парламенте подняли вопрос о пересмотре морских границ².

В 2019 г. спикер парламента Эстонии Хенн Пыллуаас заявил, что Россия должна вернуть прибалтийской республике часть земель в соответствии с Тартуским мирным договором 1920 г.³

² Сорокина Н. Эстония перешла в газовую атаку // Российская газета. 2007. 4 нояб. URL: <https://rg.ru/2007/04/11/estonia.html> (дата обращения: 09.11.2021).

³ В парламенте Эстонии обвинили Россию в попытках «переписать историю». URL: <https://ria.ru/20200128/1563957198.html> (дата обращения: 11.09.2021).

¹ Эстонские и финские националисты установили свою «морскую границу». URL: <https://ria.ru/20070927/81236226.html> (дата обращения: 09.09.2021).

В итоге Договор о границах и его ратификация между Россией и Эстонией и сегодня остается большой политической проблемой.

Краткая хронология его разработки, ведения переговоров и подписания выглядит следующим образом. В 2005 г. стороны согласовали все основные моменты и готовы были его подписать. Однако эстонская сторона включила в преамбулу договора упоминание Тартуского мира, после чего российская сторона была вынуждена отозвать свою подпись и решение вопроса не было вплоть до 2012 г. Договор не ратифицирован парламентами до сих пор¹.

Среди всех прибалтийских государств проблему границ, в том числе и морских, стоит выделить особенно. Как отмечает Ю. Д. Рожков-Юрьевский, «в отечественной литературе практически не освещалась проблематика формирования государственных границ и морских территорий России в Балтийском море на участке Калининградской области». Особенность ситуации заключается в том, что морская граница Латвии и России не устанавливалась и данная тема «разграничения морских вод на Балтике между РСФСР и Литовской ССР» не поднималась.

В новейшее время переговоры по морским границам с Латвией прошли несопоставимо легче, чем с другими странами Балтии, и «по итогам переговоров 24 октября 1997 г. в Москве президентами России и Литвы Б. Н. Ельциным и А. Бразаускасом были подписаны договоры о российско-литовской государственной границе и разграничении морских пространств на Балтике». «Заверше-

ние переговоров по формированию государственной границы Российской Федерации и разграничению морских пространств в Балтийском море в 2005 г. позволило окончательно установить географические параметры территории Калининградской области, а также прилегающих к ней территориальных вод и ИЭЗ России» [21].

Таким образом, важнейшая из проблем современной военно-морской политики России, закреплённая в Стратегии развития морской деятельности Российской Федерации до 2030 г., проблема незавершённости международно-правового урегулирования морских границ России с сопредельными государствами остается таковой практически весь период существования новой России.

Данные проблемы России со странами Балтии уже можно считать более или менее решёнными.

Политико-правовая неразрешённость проблем морских границ, актуальная для России, остается во взаимоотношениях с такими государствами, как Южная Корея, Тайвань, Япония.

Выводы

Политико-правовое исследование актуальных проблем современной государственной политики Российской Федерации в военно-морской сфере показывает их остающуюся неурегулированность. Следовательно, необходимо и далее продолжать политико-дипломатические усилия по решению данных проблем.

В качестве важнейшей рекомендации следует отметить необходимость интенсификации политических диалогов и разработки политико-правовых мер решения проблем закрепления морских границ России.

¹ Необоснованные претензии: глава Ленобласти ответил эстонскому спикеру. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2021/01/03_a_13425536.shtml (дата обращения: 15.09.2021).

Список литературы

1. Чирков В. В. Государственная программа вооружения - документ среднесрочного планирования технического перевооружения армии и флота // Труды Крыловского государственного научного центра. 2020. № 3 (393). С. 113–120.
2. Попов А. Развитие нормативно-правового обеспечения морской деятельности Российской Федерации // Морской сборник. 2021. № 3(2088). С. 40–45.
3. Круглов В. В., Лопатин М. А. О стратегическом значении Северного морского пути // Военная мысль. 2020. № 9. С. 92–102.
4. Проблемы мобилизации гражданских судов различного назначения в современных рыночных условиях России / А. И. Исмаилов, А. А. Лобанов, А. Н. Попов, В. В. Пучнин // Навигация и гидрография. 2019. № 56. С. 7–14.
5. Исмаилов А. И., Попов А. Н., Пучнин В. В. Национальные интересы Российской Федерации в мировом океане и инструменты государственной политики для их защиты // Военная мысль. 2020. № 12. С. 6–13.
6. Бей Е. В. Обеспечение военной безопасности России в Арктике: история вопроса // Военная мысль. 2020. № 12. С. 14–25.
7. Безбородов М. И. Российская арктическая политика в программных документах государства // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2020. № 33. С. 58–67.
8. Бокерия С. А., Кернер Е. А., Кузнецова Д. А. Контент-анализ арктических стратегий России и США // Власть. 2020. Т. 28, № 2. С. 117–123.
9. Журавель В. П. НАТО в Арктике: угроза национальной безопасности России (2010–2020 гг.) // Большая Евразия: Развитие, безопасность, сотрудничество. 2020. № 3-2. С. 79–84.
10. Кононович И. А. Национальные интересы России в арктических морях // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2008. № 70-1. С. 198–201.
11. Курылев К. П., Пархитко Н. П., Никулин М. А. Военно-морская сила России в Черноморском и Средиземноморском регионах // Постсоветские исследования. 2020. Т. 3, № 1. С. 26–39.
12. Арктическая геополитика и интересы России / А. В. Семенов, С. С. Жильцов, И. С. Зонн, А. Г. Костяной // Образовательные ресурсы и технологии. 2014. №5 (8). С. 313.
13. Хлопов О. А. Стратегия России и НАТО в Арктике: возможные сценарии // Социология. 2021. № 2. С. 136–145.
14. Гасанов Р. М. Теоретико-правовые основы военно-морской политики в сфере судостроения и кораблестроения // Научный вестник ОПК России. 2012. №1. С. 3–8.
15. Вардомский Л. Б. Приграничный пояс России: проблемы и тенденции развития // Россия и современный мир. 2000. № 2. С. 54–64.
16. Неверова Е. В. Международно-правовой режим Южно-Курильских островов: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2021.
17. Остроухов Н. В. Международно-правовое оформление государственной границы Российской Федерации и сопредельных государств // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2009. № 4. С. 84–92.
18. Повал Л. М. Российско-норвежские соглашения о разделе арктических пространств // Арктика и Север. 2012. № 6. С. 118–143.
19. Зиланов В. К. Арктическое разграничение. России и Норвегии: новые вызовы и сотрудничество // Арктика и Север. 2017. № 29. С. 28–56.
20. Коптелов В. Россия и Норвегия в Арктике / Российский совет по международным делам. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rossiya-i-norvegiya-v-arktike/> (дата обращения: 11.09.2021).
21. Рожков-Юрьевский Ю. Д. К вопросу установления государственных границ и разграничения морских пространств Российской Федерации на участке Калининградской области // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2013. № 3. С. 162–167.

References

1. Chirkov V. V. Gosudarstvennaya programma vooruzheniya - dokument srednesrochnogo planirovaniya tekhnicheskogo pereosnashcheniya armii i flota [The state armament program is a document of medium-term planning of technical re-equipment of the army and navy]. *Trudy Krylovskogo gosudarstvennogo nauchnogo centra = Proceedings of the Krylov State Scientific Center*, 2020, no. 3 (393), pp. 113–120.
2. Popov A. Razvitie normativno-pravovogo obespecheniya morskoy deyatel'nosti Rossijskoj Federacii [Development of regulatory and legal support for maritime activities of the Russian Federation]. *Morskij sbornik = Marine collection*, 2021, no. 3(2088), pp. 40–45.
3. Kruglov V. V., Lopatin M. A. O strategicheskom znachenii Severnogo morskogo puti [About the strategic importance of the Northern Sea Route]. *Voennaya mysl' = Military thought*, 2020, no. 9, pp. 92–102.
4. Ismailov A. I., Lobanov A. A., Popov A. N., Puchnin V. V. Problemy mobilizacii grazhdanskih sudov razlichnogo naznacheniya v sovremennyh rynochnyh usloviyah Rossii [Problems of mobilization of civil courts of various purposes in modern market conditions of Russia]. *Navigaciya i gidrografiya = Navigation and hydrography*, 2019, no. 56, pp. 7–14.
5. Ismailov A. I., Popov A. N., Puchnin V. V. Nacional'nye interesy Rossijskoj Federacii v mirovom okeane i instrumenty gosudarstvennoj politiki dlya ih zashchity [National interests of the Russian Federation in the world ocean and instruments of state policy for their protection]. *Voennaya mysl' = Military Thought*, 2020, no. 12, pp. 6–13.
6. Bej E. V. Obespechenie voennoj bezopasnosti Rossii v Arktike: istoriya voprosa [Ensuring Russia's military security in the Arctic: background]. *Voennaya mysl' = Military thought*, 2020, no. 12, pp. 14–25.
7. Bezborodov M. I. Rossijskaya arkticheskaya politika v programmnyh dokumentah gosudarstva [Russian Arctic Policy in State policy documents]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politologiya. Religiovedenie = News of Irkutsk State University. Series: Political Science. Religious studies*, 2020, no. 33, pp. 58–67.
8. Bokeriya S. A., Kerner E. A., Kuznecova D. A. Kontent-analiz arkticheskikh strategij Rossii i SSHA [Content analysis of the Arctic strategies of Russia and the USA]. *Vlast' = Power*, 2020, vol. 28, no. 2, pp. 117–123.
9. Zhuravel' V. P. NATO v Arktike: ugroza nacional'noj bezopasnosti Rossii (2010–2020 gg.) [NATO in the Arctic: a Threat to Russia's National Security (2010–2020)]. *Bol'shaya Evraziya: Razvitie, bezopasnost', sotrudnichestvo = Greater Eurasia: Development, Security, Cooperation*, 2020, no. 3-2, pp. 79–84.
10. Kononovich I. A. Nacional'nye interesy Rossii v arkticheskikh moryah [National interests of Russia in the Arctic seas]. *Izvestiya RGPU im. A. I. Gercena = Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*, 2008, no. 70-1, pp. 198–201.
11. Kurylev K. P., Parhit'ko N. P., Nikulin M. A. Voенно-морская сила России в Черноморском и Средиземноморском регионах [Naval power of Russia in the Black Sea and Mediterranean regions]. *Postsovetskije issledovaniya = Post-Soviet Studies*, 2020, vol. 3, no. 1, pp. 26–39.
12. Semenov A. V., Zhil'cov S. S., Zonn I. S., Kostyanov A. G. Arkticheskaya geopolitika i interesy Rossii [Arctic geopolitics and interests of Russia]. *Obrazovatel'nye resursy i tekhnologii = Educational resources and Technologies*, 2014, no. 5 (8), pp. 313.
13. Hlopov O. A. Strategiya Rossii i NATO v Arktike: vozmozhnye scenarii [The strategy of Russia and NATO in the Arctic: possible scenarios]. *Sociologiya = Sociology*, 2021, no. 2, pp. 136–145.
14. Gasanov R. M. Teoretiko-pravovye osnovy voенно-морской политики в сфере судостроения и кораблестроения [Theoretical and legal foundations of naval policy in the field of shipbuilding and shipbuilding]. *Nauchnyj vestnik OPK Rossii = Scientific Bulletin of the Agroindustrial Complex of Russia*, 2012, no. 1, pp. 3–8.
15. Vardomskij L. B. Prigranichnyj pojas Rossii: problemy i tendencii razvitiya [The border belt of Russia: problems and development trends]. *Rossiya I sovremennyi mir = Russia and the modern world*, 2000, no. 2, pp. 54–64.

16. Neverova E. V. Mezhdunarodno-pravovoj rezhim Yuzhno-Kuril'skih ostrovov. Avtoref. diss. kand. yurid. nauk [International legal regime of the South Kuril Islands. Cand. legal sci. abstract diss.]. Moscow, 2021.
17. Ostrouhov N. V. Mezhdunarodno-pravovoe oformlenie gosudarstvennoj granicy Rossijskoj Federacii i sopredel'nyh gosudarstv [International legal registration of the state border of the Russian Federation and neighboring states]. *Vestnik RUDN. Seriya: Yuridicheskie nauki = Bulletin of the RUDN. Series: Legal Sciences*, 2009, no. 4, pp. 84–92.
18. Poval L. M. Rossijsko-novezhskie soglasheniya o razdele arkticheskikh prostranstv [Russian-Norwegian agreements on the division of Arctic spaces]. *Arktika i Sever = Arctic and the North*, 2012, no. 6, pp. 118–143.
19. Zilanov V. K. Arkticheskoe razgranichenie Rossii i Norvegii: novye vyzovy i sotrudnichestvo [Arctic delimitation of Russia and Norway: new challenges and cooperation]. *Arktika i Sever = Arctic and the North*, 2017, no. 29, pp. 28–56.
20. Koptelov V. Rossiya i Norvegiya v Arktike [Russia and Norway in the Arctic]. Available at: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rossiya-i-norvegiya-v-arktike/> (accessed 11.09.2021).
21. Rozhkov-Yur'evskij Yu. D. K voprosu ustanovleniya gosudarstvennyh granic i razgranicheniya morskikh prostranstv Rossijskoj Federacii na uchastke Kaliningradskoj oblasti [On the issue of establishing State borders and delimiting the maritime spaces of the Russian Federation in the Kaliningrad Region]. *Vestnik Baltijskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki = Bulletin of the Baltic Federal University named after I. Kant. Series: Humanities and Social Sciences*, 2013, no. 3, pp. 162–167.

Информация об авторе / Information about the Author

Шныптев Михаил Михайлович, соискатель, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
e-mail: fugas1623@yandex.ru

Mihail M. Shnyptev, Applicant, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, St. Petersburg, Russian Federation
e-mail: fugas1623@yandex.ru

Оригинальная статья / Original article

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2021-11-6-177-190>

Россия и ЮНЕСКО в геополитической архитектонике XXI века: концепция избирательного сотрудничества

А. Т. Белекова¹ ✉

¹Министерство иностранных дел Российской Федерации, Секретариат Комиссии Российской Федерации по делам ЮНЕСКО
Смоленская-Сенная пл. 32/34, г. Москва 119200, Российская Федерация

✉ e-mail: ra@mail.ru

Резюме

Актуальность. В настоящей статье рассмотрены задачи сохранения роли ЮНЕСКО, интеллектуального лидера в системе ООН, как важнейшей составляющей политического механизма современного миропорядка и альтернативы сохранения стабильности международных отношений. В статье сделан акцент на выявление наиболее востребованных приоритетов перспективного сотрудничества России с ЮНЕСКО, которые наряду с общецивилизационными аспектами в определяющей степени отвечают национальным интересам нашей страны

Цель статьи состоит в изучении институциональных и функциональных аспектов деятельности ЮНЕСКО, выявлении наиболее важных и актуальных целей взаимовыгодного взаимодействия России и ЮНЕСКО в процессе стратегического преобразования Организации.

Задачи исследования состоят в анализе научного и политического потенциала ЮНЕСКО, изучении проблемы ее реформирования и перспектив деятельности, рассмотрении возможных путей оптимизации участия России в ЮНЕСКО в целях реализации национальных интересов страны.

Методология. Теоретико-методологической основой исследования в соответствии с поставленной целью стали методы системного анализа, контент-анализ, структурно-функциональный и ряд эмпирических методов.

Результаты. В статье даны рекомендации о возможных путях оптимизации участия России в ЮНЕСКО, выдвинуты предложения относительно перспектив взаимодействия России и ЮНЕСКО.

Выводы. ЮНЕСКО традиционно пользуется в России большой популярностью и заслуженным авторитетом. Ее уникальный мандат, охватывающий разносторонние проблемы в области науки, образования и культуры, позволяет участвовать в сотрудничестве широкому спектру российских ведомств федерального уровня, региональных властей, гражданского общества. Перспектива взаимодействия России и ЮНЕСКО будет зависеть от способности Организации адекватно адаптироваться к вызовам современности, оставаясь верной принципу деполитизации и сохраняя мандат ведущего в мире института гуманитарного сотрудничества.

Ключевые слова: ЮНЕСКО; ООН; образование; наука; культура; сотрудничество; уникальность мандата.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Белекова А. Т. Россия и ЮНЕСКО в геополитической архитектонике XXI века: концепция избирательного сотрудничества // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021. Т. 11, № 6. С. 177–190. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2021-11-6-177-190>.

Поступила в редакцию 23.10.2021

Принята к публикации 26.11.2021

Опубликована 27.12.2021

© Белекова А. Т., 2021

Russia and UNESCO in the Geopolitical Architectonics of the XXI Century: the Concept of Selective Cooperation

Aysur T. Belekova¹ ✉

¹Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Secretariat of the National Commission for UNESCO
32\34 Smolenskaya-Sennaya sq., Moscow 119200, Russian Federation

✉ e-mail: a_belekova@mail.ru

Abstract

Relevance. The article considers tasks of preserving UNESCO's role as an intellectual leader in the UN system, as a major constituent of the political mechanism of the modern world order and an alternative of the international relations' stability. The article focuses on identifying the priorities of the perspective Russia-UNESCO cooperation that along with civilizational aspects fully serve the national interests of our country.

The purpose of the article is to study institutional and functional aspects of UNESCO activities, to identify the most important and relevant goals of the mutually beneficial cooperation between Russia and UNESCO in the process of the strategic transformation of the Organization.

Objectives of the research consist in analyzing scientific and political capacity of UNESCO, examining the problem of its reform and perspectives of the activities, considering the possibilities of optimizing Russia's participation in UNESCO programs for the purpose of promoting national interests of the country.

Methodology. In accordance with the purpose of the article the research methods included a system-based analysis, content-analysis with its functional and empiric methods.

Results. Some recommendations are made on streamlining Russia's participation in UNESCO activities. Certain proposals have been made concerning the perspectives of the Russia-UNESCO cooperation.

Conclusion. UNESCO has earned a well-deserved authority and is very popular in Russia. Its unique mandate that encompasses different problems in the sphere of science, education and culture, gives the possibility to wide range of Russian federal and regional authorities and civil society to participate in this cooperation. The perspective of the collaboration of Russia and UNESCO will depend on the ability of the Organization to adequately adapt to the contemporary challenges, staying committed to the principles of depolitization and conserving the mandate of the world leading institute of the humanitarian cooperation.

Keywords: UNESCO; UN; education; science; culture; communication; cooperation; unique mandate.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Belekova A. T. Russia and UNESCO in the Geopolitical Architectonics .of the XXI Century: the Concept of Selective Cooperation. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2021; 11(6): 177–190. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2021-11-6-177-190>.

Received 23.10.2021

Accepted 26.11.2021

Published 27.12.2021

Введение

В современном мире отчетливо проявляется тенденция, которую с определенной степенью политологического допущения правомерно охарактеризовать как «цивилизационное выравнивание». Длительный период доминирования стран «условного Запада» в сложившейся геополитической ситуации уже не в состоя-

нии обеспечить их исключительное преимущественное положение и заявляемые ими ранее экономические и политические амбиции. Не исключено не только отягощение, но и резкая радикализация международной обстановки – иными, крайне взрывоопасными тенденциями.

Очевидно нарастание угрозы обесценивания основополагающих принци-

пов Организации Объединенных Наций. В этом контексте очевидна задача России – не допустить усугубления глобальной ситуации. В то же время, оказывая максимально возможную поддержку ООН, углубляя взаимодействие и сотрудничество с ее специализированным учреждением – ЮНЕСКО (далее – Организация), Российское государство стоит перед необходимостью в значительно большей степени, чем прежде, сконцентрировать усилия на приоритетах, наиболее востребованных самой нашей страной и отвечающих сугубо ее национальным интересам.

Современное состояние ЮНЕСКО, эффективность механизмов реализации Программ и прикладных проектов Организации, практики сотрудничества ЮНЕСКО с Россией и обретаемый совместный опыт, безусловно, должны быть подвергнуты системному анализу, выявлению положительных и отрицательных тенденций, научному прогнозированию. Особое значение приобретают пути и методы наращивания взаимодействия; механизмы повышения эффективности; стратегии управления проектами ЮНЕСКО в России; задачи формирования этики информационного общения, безопасности цифровой инфраструктуры, поиска наиболее эффективных механизмов противодействия возникающим проблемам кибербезопасности и ряд других. В статье предполагается рассмотреть их спектр.

Именно этим определяется актуальность предпринятого исследования, его концептуально-методологические задачи и прикладные цели. Научная новизна темы заключается в том, что в подобном ракурсе она ранее не исследовалась. Осуществлен всесторонний анализ политического курса ЮНЕСКО в качестве единственной альтернативы сохранения глобальной стабильности. Предлагаемая концепция избирательного сотрудниче-

ства представляет собой абсолютно новый подход.

Методология

Теоретико-методологической основой исследования в соответствии с поставленной целью стали методы системного анализа, основанного на изучении информационно-аналитических материалов Секретариата ЮНЕСКО, Комиссии Российской Федерации по делам ЮНЕСКО, структурно-функциональный и ряд эмпирических методов.

Результаты и их обсуждение

Девальвация категориальных постулатов и базисных основ

В настоящее время усиливается тенденция к ослаблению восприятия ряда базисных основ Устава ООН, а именно выдвигаемых в нем сентенций в отношении уважения к обязательствам, вытекающим из договоров и других источников международного права; консолидации усилий Объединенных Наций для поддержания международного мира и безопасности; обеспечению «принятием принципов и установлением методов, чтобы вооруженные силы применялись не иначе, как в общих интересах...» [1], равно как и ряда других. Не может не обратить внимание, что вышеизложенные постулаты касаются уже Документа с изменениями, внесенными Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 16 сентября 2005 г. №60/1.

В силу девальвации ряда основополагающих и общепринятых ранее категориальных определений, таких как «мировое сообщество», «международное сотрудничество», «общецивилизационные интересы», «общие цели», следует считать их современное употребление некорректным. Во всяком случае, если не в общенаучной, то в политологической сфере. Каковым, к примеру, стало после двух мировых войн понятие «цивилизованный мир». Ход мирового развития также под-

тверждает, сколь значительную коррекцию претерпели в последний период и такие базисные конструкции логико-категориального мышления, как «система международных отношений», «международная безопасность», «поддержание мира», «баланс сил», «гуманитарная интервенция», «публичная дипломатия» и ряд им подобных. Существенно девальвированы базисные понятия «гуманистические идеалы человечества» и «общечеловеческие ценности». В современной повестке дня все в большей степени утверждаются в качестве приоритетной терминологии такие понятия, как «национальная безопасность», «стратегический интерес», «национальный суверенитет», «государственные приоритеты», «национальные интересы».

Исходя из официально выдвинутой Китайской Народной Республикой на государственных переговорах с Соединенными Штатами Америки (Анкоридж, март 2021 г.), как двумя наиболее могущественными экономическими державами современности, идеологемой о том, что «...западный мир не является выразителем глобального общественного мнения»¹, в ближайшей перспективе предстоит безусловная и значительная коррекция геополитической архитектоники современности. Исходя из этого представляется абсолютно правомерным выдвинуть гипотезу, что эта коррекция затронет все мироустройство; его вертикальные и горизонтальные векторы; приведет к пересмотру ряда базисных основ в деятельности Организации Объединенных Наций; окажет значительное влияние на механизм функционирования их специализированного учреждения по вопросам образования, науки, и культуры – ЮНЕСКО.

¹ Тан Дж. Основные моменты жесткого диалога между представителями США и Китая во время встречи на Аляске. 2021. 20 марта. URL: <https://inosmi.ru/politic/20210320/249381776.html> (дата обращения: 21.03.2021).

Безусловно, Российской Федерации предстоит приложить максимальные усилия для сохранения функциональности данных глобальных структур. Пусть и в несколько скорректированной форме, исходящей из сложившихся реалий современности и определяемых уровнем заинтересованности в них всех государств-членов ООН. В этой связи еще в большей степени возрастает цивилизационная роль Российской Федерации как уникального сообщества народов и национальных культур в поиске выхода из сложившейся опасной ситуации в мире, несущей в себе угрозу существования человечества – в предотвращении попыток реализации деструктивными силами теории так называемого «управляемого хаоса»; в содействии формированию и относительно устойчивому функционированию обновленной архитектоники будущего мироустройства.

В силу усложняющихся задач глобального мира, возрастания степени ответственности за будущее человеческого сообщества, исключительное значение приобретает в современных условиях обновленная роль ЮНЕСКО, обладающей уникальным мандатом в рамках своей компетенции [2; 3]. Среди спектра современных проблем: реализация задачи деполитизации Организации; возрастающая опасность снижения эффекта от программной деятельности ЮНЕСКО и падения ее международного престижа. Очевидна потребность в концентрации усилий на безусловном освобождении Организации от деятельности, противоречащей ее мандату; в повышении роли ЮНЕСКО именно в качестве механизма интеллектуального сотрудничества и «лаборатории идей» [4; 5].

В силу сложившихся обстоятельств выявляется необходимость в определенной коррекции уже среднесрочных стратегий Организации. Безусловно, нуждается в системном осмыслении и сама базисная Всеобъемлющая стратегия партнерства. В целом возрастает востребо-

ванность в новой Глобальной консультации государств-членов ЮНЕСКО, в разработке обновленной стратегии Организации в русле усложнившихся задач современности [6]. Такая потребность дополняется важной ценностной составляющей, значимостью и особой спецификой взаимодействия государств в рамках ЮНЕСКО, а для самой России – назревшей задачей в углублении наиболее востребованных форм сотрудничества нашей страны с ЮНЕСКО, в высшей степени отвечающих, наряду с глобальными приоритетами, национальным интересам Российского государства.

Актуальный вопрос

В научном мире России придано особое внимание выступлению Генерального секретаря ООН Антониу Гутерреш на открытии 46-й сессии Совета ООН по правам человека, а именно в отношении предупреждения мирового сообщества об опасности массового сбора цифровых данных, которые, в частности, спровоцировала пандемия COVID-2019. По словам А. Гутерреша, дело касается «все более широкого проникновения цифровых платформ, использования данных и злоупотребления ими»¹, сбора массива информации о каждом человеке. В отсутствие реального доступа к этим данным нарастает опасение общества в целях их сбора. Подобная информация может быть задействована не только в коммерческих целях, но и в выстраивании определенных поведенческих моделей как самих индивидов, так и групп людей и даже человеческого сообщества в целом. «Данные о нас используются также для формирования нашего сознания и манипулирования нашим восприятием, причем все это происходит незаметно для нас самих», – констатировал

¹ Документы 46-й сессии Совета ООН по правам человека. URL: <https://www.ohchr.org/EN/HRBodies/HRC/RegularSessions/Session46/Pages/46RegularSession.aspx> (дата обращения: 30.03.2021).

Генеральный секретарь ООН. Таким образом, открывается ресурс контроля над поведением граждан через нарушения прав человека. Все это требует предметного обсуждения на уровне Генеральной Ассамблеи ООН и специально посвященной данной глобальной проблематике Генеральной Конференции ЮНЕСКО.

Как убеждает анализ, острота проблемы усугубляется тем обстоятельством, что цифровое пространство становится площадкой противостояния, принимающего агрессивные формы. В этой связи необходимы новые подходы к формированию глобального режима обеспечения информационной безопасности, к выработке понятных и четких, открытых и прозрачных правил. Безусловной основой их должны стать международные соглашения под эгидой ООН и ЮНЕСКО, которые позволят предотвращать конфликты в этой сфере и развивать взаимовыгодное сотрудничество. Таким образом, необходимо целенаправленно создавать новые форматы и площадки для сотрудничества. В данном контексте очень важно отметить недавний факт одобрения Президентом Российской Федерации основ ее геополитики по международной кибербезопасности.

Следует признать, что опасно нарастает не только цифровая зависимость, но и искажается объективное отражение картины мира. Подобное происходит в силу алгоритмов заданности IT-компаний, фактически монополизировавших цифровое пространство и управляемых небольшой группой менеджеров. Информационные технологии приобрели глобальный трансграничный характер. Игнорируются национальные интересы государств в информационной сфере. Резко нарастают угрозы информационной безопасности и ее обеспечение. В целом остро назрел глобальный диалог по кибербезопасности. Россия настойчиво выступает за универсальные международные договоренности по предупреждению конфликтов в киберсфере [7; 8].

Системный анализ сложившегося положения подтверждает, что у нашей страны имеется реальная возможность действовать в этом направлении через конкретные законодательные инициативы, с опорой на совокупные механизмы (БРИКС, ШОС, ЕАЭС и др.) авторитетных международных структур. Однако именно ООН и его специализированному учреждению ЮНЕСКО предстоит сформулировать универсальные правила поведения государств в киберпространстве. Требуют безусловного научного исследования по линии институтов ЮНЕСКО, равно как и в целом усиления позиции и роли самой Организации в ее воздействии на обостряющийся процесс взаимоотношений глобальных компаний-монополий в информационной среде с конкретными государствами; в строгом соответствии с национальными законодательствами последних.

В то же время возрастают и возможности коллективного противодействия IT-корпорациям под угрозой утраты важной для них части рынка. Безусловно, перед Россией стоит задача максимального ускорения усилий в формировании национальной космической группировки спутников и обретения собственного сегмента Всемирной системы объединенных компьютерных сетей для хранения и передачи информации.

При анализе данной проблематики обращает на себя внимание то обстоятельство, что если разница во времени между принятием первой и обновленной доктрины России об информационной безопасности составила 16 лет (2000–2016 гг.) [9], то в рамках современного стратегического планирования в сфере обеспечения национальной безопасности нашей страны уже фактически назрела необходимость внесения изменений в обновленную доктрину информационной безопасности пятилетней давности.

Совершенно очевидно, что, исходя из потребностей современности, сложившаяся ситуация резко актуализирует

задачу передачи глобального контроля над функционированием Всемирной системы Интернет под эгиду Организации Объединенных Наций. Это не только усилило бы информационную безопасность, но и, в свою очередь, создало бы значительно более благоприятные предпосылки и возможности в сфере национальных языков народов мира.

В последний период перед самой ЮНЕСКО возникли и иные проблемы, которые принимают обостренный характер и усугубляются. Так, декларируемый международной Организацией постулат «в интересах обеспечения... основных свобод человека, провозглашенных в Уставе ООН, для всех народов, без различия расы, пола, языка или религии» [1], в современном мире – во всяком случае, в отношении половой принадлежности – уже воспринимается далеко не однозначно рядом стран. И в то же время может вызвать их резкое неприятие другими странами-членами, при наличии таковых аспектов в новых проектах и программах ЮНЕСКО. Частично это уже затрагивает такие категориальные понятия, как «гендерное равенство», «гендерное равноправие», «равноправие полов», «гендерная эгалитарность», «гендерная идентичность», «гендерное неравенство» и ряд иных. К примеру, определение пола в женском спорте в отношении спортсменов-трансгендеров (особо в части уровня мужского гормона, равно как и изначального физического преимущества) уже входит в определенное противоречие с принятой Генеральной конференцией ЮНЕСКО в 2005 г. Международной конвенцией о борьбе с допингом в спорте [10; 11].

Таким образом, ЮНЕСКО стоит перед объективной необходимостью в полной мере учитывать данное обстоятельство. Организация вынуждена и обязана будет проводить дифференциацию в отношении половой принадлежности, необходимую «страновую коррекцию» внутри своих проектов и программ, ре-

комендуемых государствам-членам. Данный аспект включает в себе лишь часть глобальной проблемы. Безусловно, возникают и другие противоречия, в совокупности уже не являя собой лишь теоретические предположения о возможности их проявления. Это уже реалии современности, которые требуют концептуально-методологической, финансовой, технологической коррекции со стороны Организации.

Ключевой приоритет – национальные интересы страны

Перед нашей страной уже в среднесрочной перспективе образуется серьезный массив проблем, в том числе и в гуманитарной сфере. За счет не обеспеченной реальными механизмами контроля со стороны ООН и ЮНЕСКО глобальной цифровой среды резко возрастает опасность преднамеренных попыток направленного смещения фундаментальных понятий и ценностных категорий, внедрения чуждых идеалов (в том числе и российскому обществу, и в особой степени – его этносообществам в национальных субъектах Российской Федерации).

Как подтверждает анализ истории, даже обладание ядерным оружием не гарантирует государствам защиту от преднамеренного, агрессивного и разрушительного против них воздействия – в конечном счете их распада (о чем свидетельствует пример бывшего СССР). Вот почему для современной России приобретают ключевое значение социальные инновации, убедительные образовательные ценности, прогрессивная информационно-коммуникативная среда, неотчуждаемые этнокультурные ценности. Равно как и аспекты, связанные, наряду с развитием информационного общества, с обеспечением информационной безопасности страны в гуманитарной сфере.

В число основополагающих векторов взаимодействия России с ЮНЕСКО все в большей степени выдвигаются такие, как: поиск механизмов противодействия возникающим новым глобальным пробле-

мам кибербезопасности; завершение работ на уровне международной Организации рекомендаций по этике искусственного интеллекта (одним из инициаторов которых выступила Россия); уделение со стороны ЮНЕСКО большего внимания этике информационного общества, безопасности цифровой инфраструктуры.

Научным силам России, как академическому корпусу, так частично и на направлениях вузовской науки, как представляется, было бы важным сделать современные, более обоснованные выводы относительно перспектив развития ЮНЕСКО; выдвинуть новые идеи по стратегическому преобразованию Организации, с тем чтобы в рамках своего мандата она более эффективно использовала уникальный потенциал; предложить наиболее инновационные пути реформирования концепции ЮНЕСКО в свете качественно возрастающих задач XXI века.

Социо- и этнокультурное пространство взаимодействия

В научно-историческом понимании современная Россия – это полноправная преемница государственности, складывавшейся в занимаемых ею пространствах уже более двух тысяч лет. Наша страна являет собой многонациональное и многоконфессиональное федеративное государство, территориально расположенное в двух частях света, в котором «193 народа говорят на 277 языках и диалектах»¹. Это обширное социо- и этнокультурное пространство взаимодействия славянских, тюрко-монгольских, кавказских, угро-финских, самодийских, тунгусо-маньчжурских и иных народов.

Безусловно, следует в исключительной степени учитывать и нижеследующее

¹ Смирнова С. В. Если не русский, как нам родниться? // Российская газета. 2020. 4 марта. URL: <https://rg.ru/2020/03/04/pochemu-v-konstitucii-neobhodima-popravka-o-russkom-iazyke.html> (дата обращения: 03.02.2021).

обстоятельство. Россия в результате смены за столетие трех общественно-политических формаций (равно как и в силу исторического опыта, обретенного после осуществленной против нее агрессии, геноцида в отношении ее народов со стороны нацизма во Второй мировой войне и понесенных невосполнимых утрат своего народа), нуждается в созидательной повестке дня, мирном строительстве. В этой связи в силу нового глобального обострения в геополитической архитектонике XXI века правомерно вновь выдвигание тезиса мирного существования – в отношении уже не политических систем как таковых, а непосредственно государств и народов. Часть этих задач в сфере образования, науки, культуры и коммуникации по формированию в подрастающих поколениях культуры мира и развития навыков межкультурного диалога, Объединенным Нациям предпочтительно еще в большей степени возложить на авторитет ЮНЕСКО.

Исходя из своих национальных интересов, Российская Федерация стремится к проведению независимой политики, в том числе и в гуманитарной сфере [12]. Опираясь на евразийское направление государственного приоритета развития, российская держава вновь обрела способность ставить перед собой глобальные задачи. Исходная цель России – превращение Евразии в зону мира, сотрудничества и процветания. В этих условиях должна быть обеспечена абсолютная устойчивость состояния государственных структур, полноценное развитие гуманитарного вектора страны.

В то же время, как свидетельствует предпринятый анализ, осуществляемые в настоящее время процессы агрессивного противодействия России со стороны ряда неконструктивных сил глобального доминирования управляемы и имеют конечные задачи и цели. Исходя из этого, России следует не снижать системность и нацеленность своих действий в современном глобальном мире [13], при этом в

максимальной степени основываясь на целеполаганиях ООН. Внося важный и востребованный вклад в реализацию глобальных стратегий Объединенных Наций, принимая предметное участие в проектах всеобщего масштаба, оказывая посильное содействие, предоставляя соразмерную финансовую и экспертную помощь, Россия стоит перед необходимостью значительно полнее сконцентрировать свои усилия на собственных приоритетах. В этой связи и встает задача разработки концепции избирательного сотрудничества, о которой заявлено выше. основополагающие цели сотрудничества России с ЮНЕСКО по-прежнему заключаются в том, чтобы получить от этого специализированного учреждения ООН наиболее ценные виды ресурса, которыми оно располагает. Целесообразность же дальнейшего укрепления взаимодействия России с ЮНЕСКО состоит в возможности использования авторитета и интеллектуального потенциала этой Организации для решения внешнеполитических задач страны средствами международного гуманитарного сотрудничества в областях ее компетенции.

В числе важнейших векторов находятся: формирование ценностных мировоззренческих установок, межкультурной коммуникации; возвращение культуры мира и ненасилия; сохранение уникального культурного и природного наследия; воспитание экологической грамотности. Именно они для России – ключевые [14].

В современном мире нарастает острота вопросов, по которым ЮНЕСКО могла бы в большей степени проявлять свой авторитет¹. Так, в настоящее время усилились тенденциозные действия со стороны определенных деструктивных элементов пересмотреть причины Второй

¹ Effert Sarah-Lea. Re-imagining the future: is UNESCO on to something / Centre for International Policy Studies. URL: <https://www.cips-cepi.ca/2021/08/26/re-imagining-the-future-is-unesco-on-to-some-thing/> (дата обращения: 24.03.2021).

мировой войны. В ряде государств действуют силы, заинтересованные в реабилитации нацизма и его идеологии.

Принимая во внимание декларируемый ЮНЕСКО отказ от вмешательства в дела, входящие во внутреннюю компетенцию стран-членов, тем не менее представляется в высшей степени важным высказать нижеследующее суждение. В целях поддержания не имеющих срока давности решений Международного военного трибунала в Нюрнберге (особенно в части преступлений против мира и преступлений против человечности), противостояния идеологии возрождающегося неонацизму, попыткам искажения исторической правды о войне и принижения масштабов Холокоста, сбережения исторической памяти человечества необходим новый глобальный импульс на уровне ООН. Исходя из основополагающих постулатов своего Устава по укреплению мира и безопасности, формированию культуры мира, необходимости укоренения в сознании людей идеи защиты мира, ЮНЕСКО целесообразно и исключительно важно определить свою, более четкую позицию по данной проблематике, затрагивающей общецивилизационный гуманитарный уровень [15].

Направления синергии: синтез традиций и новаций

Потребность углубления взаимодействия (и векторов наиболее действенного сотрудничества Российского государства с ЮНЕСКО в особенности) определяется не только возрастающим значением Российской Федерации, как одного из опорных государств – членов данной международной Организации, но и необходимостью сохранения позиций России в качестве одного из мировых центров культуры и образования.

Коэффициент полезного действия такого сотрудничества определяется и уникальными возможностями синергии России и ЮНЕСКО в культурно-гуманитарной сфере; возрастающей потребностью в качественном усилении по-

ложения и роли русского языка ЮНЕСКО, его потенциала и возможностей. В высшей степени возрастает необходимость выработки новых механизмов защиты духовно-культурной самобытности российского общества и максимального ограждения его от преднамеренного и разрушительного информационного воздействия деструктивных сил; религиозной и национальной нетерпимости; этнонационализма, разжигания расовой ненависти, национальной исключительности, общественно опасных культов, фундаментализма, фанатизма. Особое значение приобретают в новых реалиях задачи формирования ценностных мировоззренческих установок, возвращения культуры мира и ненасилия [16].

Сотрудничество с ЮНЕСКО определяется для нашего государства потребностью в уточнении геостратегических приоритетов России и более полном задействовании потенциала международной Организации для продвижения взаимодействия в гуманитарной сфере с государствами постсоветского пространства [17], равно как и возрастающей необходимостью в определении качественно обновленных направлений гуманитарной синергии народов; потребностью в осмыслении проблематики синтеза традиции и новаций в сфере гуманитарных проектов ЮНЕСКО. Встают задачи формирования концептуально обновленных и методологически углубленных механизмов полноценной и плодотворной межкультурной коммуникации [18].

Совершенно очевидно, что эта потребность определяется и необходимостью в налаживании более тесных контактов ЮНЕСКО с Русской православной церковью, духовными учреждениями иудаизма, ислама, буддизма, иными учреждениями религиозной и объединениями автохтонной культовой обрядности в целях обогащения содержания межкультурного диалога в Российской Федерации, равно как и потребностью качественного усиления использования

каналов Организации в формировании объективного образа России в мире, укрепления международных позиций нашей страны через демонстрацию ее достижений в областях компетенции ЮНЕСКО.

Безусловно, системному исследованию со стороны российских ученых должен быть подвергнут не только сам механизм взаимодействия Российской Федерации с ЮНЕСКО на современном этапе, но и социокультурное пространство этого сотрудничества, включающее наиболее инновационные направления и наиболее перспективные стороны такого взаимодействия и сотрудничества, позволяющие содействовать как реализации программных государственных установок на международной арене, так и во всевозрастающей пропорции – решению внутренних задач России.

Системная работа над стратегиями

Сотрудничество ЮНЕСКО и Российской Федерации развивается системно, поступательно, взаимовыгодно. Согласно стратегиям самой международной Организации, прикладными в отношении России в настоящее время являются два десятка программ в различных областях. К этому следует дополнительно присовокупить и ряд реализуемых в нашей стране специальных тем ЮНЕСКО. В то же время Россия как страна, глубоко приверженная идеалам ЮНЕСКО, заинтересована в том, чтобы эта ведущая гуманитарная межправительственная организация «работала без политизации, строго в рамках своего мандата и приоритетов, утвержденных странами-членами»¹.

¹ Выступление главы делегации Российской Федерации в ходе общеполитической дискуссии на 40-й сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО, Париж, 14 ноября 2019 // МИД России. URL: https://www.mid.ru/organizacia-obedinennyh-nacij-po-voprosam-obrazovania-nauki-i-kul-tury/-/asset_publisher/IKce0ngQQV7r/content/id/3900846 (дата обращения: 05.03.2021).

В последний период со стороны ЮНЕСКО были предприняты значительные усилия по приданию более инновационного характера Всеобъемлющей стратегии партнерства. У России в данной сфере свои, вполне естественные приоритеты. Как представляется, уже в ближайшей перспективе проявится всевозрастающая потребность со стороны Российского государства в усилении партнерства с этой международной Организацией. Тем более, как заявлено непосредственно самой ЮНЕСКО, задачи обновления Всеобъемлющей стратегии партнерства будут основываться на комплексной стратегии привлечения средств, экспертных знаний и профессиональных качеств².

На основании изложенного актуально целеполагание, что на федеральном уровне Российского государства, равно как и в самих субъектах Федерации (в особенности осуществляющих контакты с ЮНЕСКО через сформированные в них региональные структуры Комиссии РФ по делам ЮНЕСКО), назрела необходимость обобщить накопленный в этом отношении опыт и в дальнейшем действовать на основе наиболее успешных моделей партнерства. В этом контексте особенно важной представляется задача установления приоритетов и стратегического позиционирования, исходя из обстоятельства, что не все партнерства для России одинаково важны и полезны для ее сугубо национальных интересов.

Подвергая системному анализу и объективным научным выводам допущенные ранее недостатки на этих направлениях, следует заключить, что исключительное значение при отборе и определении приоритетного характера партнерства должны нести такие категории, как согласованность с приоритетами и ценностями ЮНЕСКО; недопустимость коммерциализации символов данной Ор-

² UNESCO Medium Term Strategy 2014-2021. 37 C/4. Paris. UNESCO Publishing. 40 p.

ганизации и извлечения на этой основе финансовой прибыли.

Безусловную привлекательность для Российской Федерации заключает в себе приглашение к перспективному сотрудничеству с ЮНЕСКО и расширению партнерства по ключевым сквозным темам. В этих целях представлялась бы крайне важной тенденция уделения первостепенного внимания созданию в нашей стране собственных внутренних сетей специалистов.

Особую важность приобретают для России идеи ЮНЕСКО в отношении городов, которым принадлежит ключевая роль в достижении целей устойчивого развития на местном уровне. Сотрудничество в нарастающей прогрессии будет основываться на взаимодействии с объединяющими города сетями ЮНЕСКО. Задача Российской Федерации в этой связи – более системная работа над стратегиями регионального и местного развития, в особенности разработка целостного подхода к образованию, объединяющему технические и профессиональные навыки и компетенции, наряду с обучением на протяжении всей жизни. Важнейшие для нашей страны аспекты включают в себе: стимулирование инноваций в рамках концепции устойчивого развития; поддержку инвестиций в человеческий капитал и социальную инфраструктуру; создание положительного климата для местной экономики.

Выводы

Российская Федерация глубоко заинтересована в сохранении базисных основ ООН, ее специализированного учреждения ЮНЕСКО и предпринимает целенаправленные действия для поддержания их роли в изменяющейся геополитической архитектонике мира, поскольку в значительной степени именно через данные механизмы системы ООН до сих пор удается сохранять всеобъемлющий мир.

Научным силам России в этой связи представляется возможность выдвинуть

собственные обоснованные предложения по стратегическому преобразованию Организации, с тем чтобы в рамках уникального мандата ЮНЕСКО более эффективно использовала свой потенциал; предложить инновационные пути углубления базисных концептов и обновления механизмов функционирования ЮНЕСКО в свете качественно возрастающих задач, что позволит сделать более обоснованные выводы относительно перспектив развития Организации.

В числе приоритетных тем академической, а в определенной степени и вузовской, науки России могли бы стать исследования современных задач и наиболее инновационных действий ЮНЕСКО и России в отношении формирования этики информационного общества, безопасности цифровой инфраструктуры, поиска механизмов противодействия возникающим новым глобальным проблемам кибербезопасности, эффективному управлению рисками. Крайне востребована системная разработка проблематики, связанной с путями и методами наращивания кооперации с ЮНЕСКО, механизмами повышения эффективности, долгосрочным планированием; стратегиями многоуровневого управления гуманитарными проектами ЮНЕСКО в России.

Стратегии нашей страны при реализации программ и проектов ЮНЕСКО следует в гораздо большей степени направить на формирование: 1) правильного понимания истории; 2) позитивной интерпретации общего исторического пространства; 3) оптимистического образа будущего и его совместного созидания. В этом отношении базовые духовные и этические ценности, сформировавшиеся в ходе исторического развития русской культуры и культур других народов Российской Федерации, в современных условиях должны выступать исключительно в качестве ключевых и приоритетных в синергии нашей страны со специализированным учреждением ООН.

В число особых национальных приоритетов в контактах России с ЮНЕСКО, безусловно, следует включить изучение проблематики профилактики экстремизма и радикализма с помощью образовательных программ данной Организации.

Первостепенное значение в современных условиях следует придать содействию посредством программ и проектов ЮНЕСКО сохранению исторической памяти о борьбе с нацизмом, как одной из самых чувствительных тем для россиян; формированию культуры мира и ненасилия.

Векторам реализуемых в нашей стране программ и прикладных проектов ЮНЕСКО допустимо было бы придать большую коррекцию в их содействии формированию российской гражданской и ценностной идентичности; укреплению гражданского сознания; сбережению, развитию и распространению русского языка как языка государствообразующего народа; национальных языков и культур всех народов столь уникальной Федерации.

В этой связи важно подчеркнуть, что гражданская идентичность представляет собой не только и не столько политоло-

гический вопрос. В данном контексте ее следует рассматривать как совокупность различного спектра измерений, сочетание традиционных ценностей народов и приемлемых (в силу их культур) ценностных инноваций, привносимых современностью.

Вне сомнения, программы и прикладные проекты ЮНЕСКО заключают в себе пусть опосредованное, но крайне важное значение в поиске и формировании наднациональной идеи России. Исходя из концепта, что русская идея и советская идея в свои эпохи были суть идеями мессианства, такая наднациональная идея России должна заключать в себе безусловное глобальное цивилизационно-нравственное целеполагание.

Взаимодействие и сотрудничество Российской Федерации с Объединенными Нациями и их специализированным учреждением ЮНЕСКО, равно как и иными международными гуманитарными организациями, должны быть в абсолютной степени нацелены на обеспечение права нашей страны на собственный цивилизационный выбор, ее собственный путь и суверенное развитие.

Список литературы

1. Устав Организации Объединенных Наций от 26 июня 1945 г. // Действующее международное право: документы: в 2-х т. / сост. Ю. М. Колосов, Э. С. Кривчикова. Т. 1. М.: Юрайт: Международные отношения, 1999. 768 с.
2. Лавров С. В. Гуманитарные горизонты ЮНЕСКО // Международная жизнь. 2020. 16 нояб. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/28118> (дата обращения: 07.09.21)
3. Митрофанова Э. В. «Большой юбилей» ЮНЕСКО // Международная жизнь. 2011. № 1. С. 107–124.
4. Kozymka I. The diplomacy of culture: the role of UNESCO in sustaining cultural diversity. New York, NY: Palgrave Macmillan, 2014. 296 p.
5. Duedahl P. A history of UNESCO: Global actions and impacts. New York Palgrave: Macmillan, 2016. 338 p.
6. Скачков А. С. Культурная политика ЮНЕСКО в эпоху глобализации. М.: Канон+, 2015. 162 с.
7. Хаустов Н. В. Информационная безопасность – взгляд ЮНЕСКО // Международная жизнь. 2015. № 5. С. 131–144.
8. Саямов Ю. Н. Политические проблемы и ракурсы безопасности: состояние и перспективы. // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2021. № 1(35). С. 133–144.
9. Малюк А. А., Полянская О. Ю. Комментарии к Доктрине информационной безопасности Российской Федерации. М.: Горячая линия – Телеком, 2018. 102 с.

10. Анцелиович А. А., Долматова Т. В. Международные организации в области борьбы с допингом. М.: ВНИИФК, 2019. 241 с.
11. Орлов А. А. Борьба международного сообщества с допингом в спорте: роль и место ЮНЕСКО // *Международная аналитика*. 2019. № 3(28). С. 16–29.
12. Белекова А. Т. Возрастание роли ЮНЕСКО как партнера в Евразийском сотрудничестве // *Проблемы современной экономики*. 2020. № 2 (74). С. 222–225.
13. Лебедева О. В. Концептуальные основы культурной политики России на современном этапе: основные цели и задачи // *Международная жизнь*. 2020. № 9. С. 34–44.
14. Белекова А. Т. Возрастание роли России во взаимоотношениях с ЮНЕСКО на современном этапе // *Известия Иркутского государственного университета*. 2021. Т. 35. С. 77–85.
15. Лебедева О. В. Современные методы и практики дипломатии. М.: Аспект Пресс, 2021. 237 с.
16. Томский Г. В. Возможности усиления и развития системы ЮНЕСКО // *Concorde*. 2019. №3. С. 3–41.
17. Лебедева О. В. Институты многосторонней дипломатии. М.: Аспект Пресс, 2019. 268 с.
18. Сургуладзе В. Ш. Россия в программах ЮНЕСКО: опыт и потенциал сотрудничества // *Проблемы национальной стратегии*. 2015. № 5 (32). С. 85–104.

References

1. Ustav Organizacii Ob"edinennyh Nacij ot 26 iyunya 1945 g. [Charter of the United Nations of June 26, 1945]. *Dejstvuyushchee mezhdunarodnoe pravo: dokumenty* [Current international law: documents]; ed. by Yu. M. Kolosov, E. S. Krivchikova. Vol. 1. Moscow, Yurajt Publ., *Mezhdunarodnye otnosheniya Publ.*, 1999. 768 p.
2. Lavrov S. V. Gumanitarnye gorizonty YUNESKO [UNESCO Humanitarian Horizons]. *Mezhdunarodnaya zhizn' = International Life*, 2020, November 16. Available at: <https://interaffairs.ru/news/show/28118>. (accessed 07.09.2021)
3. Mitrofanova E. V. "Bol'shoj yubiley" YUNESKO [UNESCO's "Big Anniversary"]. *Mezhdunarodnaya zhizn' = International Life*, 2011, no. 1, pp. 107–124.
4. Kozymka I. The diplomacy of culture: the role of UNESCO in sustaining cultural diversity. New York, NY, Palgrave Macmillan Publ., 2014. 296 p.
5. Duedahl P. A History of UNESCO: Global Actions and Impacts. New York Palgrave, Macmillan Publ., 2016. 338 p.
6. Skachkov A. S. Kul'turnaya politika YUNESKO v epohu globalizacii [UNESCO's cultural policy in the era of globalization]. Moscow, Kanon+ Publ., 2015. 162 p.
7. Haustov N. V. Informacionnaya bezopasnost' – vzglyad YUNESKO [Information Security - UNESCO's view]. *Mezhdunarodnaya zhizn' = International Life*, 2015, no. 5, pp. 131–144.
8. Sayamov Yu. N. Politicheskie problemy i rakursy bezopasnosti: sostoyanie i perspektivy [Political problems and security perspectives: the state and prospects]. *Evrazijskaya integraciya: ekonomika, pravo, politika = Eurasian Integration: Economics, Law, Politics*, 2021, no. 1(35), pp. 133–144.
9. Malyuk A. A., Polyanskaya O. Yu. Kommentarii k Doktrine informacionnoj bezopasnosti Rossijskoj Federacii [Comments on the Information Security Doctrine of the Russian Federation]. Moscow, Goryachaya liniya – Telekom Publ., 2018. 102 p.
10. Anceliovich A. A., Dolmatova T. V. Mezhdunarodnye organizacii v oblasti bor'by s dopingom [International organizations in the field of anti-doping]. Moscow, VNIIFK Publ., 2019. 241 p.
11. Orlov A. A. Bor'ba mezhdunarodnogo soobshchestva s dopingom v sporte: rol' i mesto YUNESKO [The fight of the international community against doping in sport: the role and place of UNESCO]. *Mezhdunarodnaya analitika = International Analytics*, 2019, no. 3(28), pp. 16–29.
12. Belekova A. T. Vostrastanie roli YUNESKO kak partnera v Evrazijskom sotrudnichestve [The increasing role of UNESCO as a partner in Eurasian cooperation]. *Problemy sovremennoj ekonomiki = Problems of Modern Economy*, 2020, no. 2 (74), pp. 222–225.

13. Lebedeva O. V. Konceptual'nye osnovy kul'turnoj politiki Rossii na sovremennom etape: osnovnye celi i zadachi [Conceptual foundations of Russia's cultural policy at the present stage: main goals and objectives]. *Mezhdunarodnaya zhizn' = International Life*, 2020, no. 9, pp. 34–44.
14. Belekova A. T. Vozrastanie roli Rossii vo vzaimootnosheniyah s YUNESKO na sovremennom etape [The increasing role of Russia in relations with UNESCO at the present stage]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta = News of Irkutsk State University*, 2021, vol. 35, pp. 77–85.
15. Lebedeva O. V. Sovremennyye metody i praktiki diplomatii [Modern methods and practices of diplomacy]. Moscow, Aspekt Press Publ., 2021, 237 p.
16. Tomskij G. V. Vozmozhnosti usileniya i razvitiya sistemy YUNESKO [Opportunities for strengthening and developing the UNESCO system]. *Concorde*, 2019, no. 3, pp. 3–41.
17. Lebedeva O. V. Instituty mnogostoronnej diplomatii [Institutions of multilateral diplomacy]. Moscow, Aspekt Press Publ., 2019. 268 p.
18. Surguladze V. Sh. Rossiya v programmah YUNESKO: opyt i potencial sotrudnichestva [Russia in UNESCO programs: experience and potential of cooperation]. *Problemy nacional'noj strategii = Problems of National Strategy*, 2015, no. 5 (32), pp. 85–104.

Информация об авторе / Information about the Author

Белекова Айсур Тимановна, кандидат политических наук, советник Министерства иностранных дел Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация, e-mail: a_belekova@mail.ru, ORCID: 0000-0002-0891-0530

Aysur T. Belekova, Candidate of Political Sciences, Counsellor of the Ministry of Foreign Affairs, Moscow, Russian Federation, e-mail: a_belekova@mail.ru, ORCID: 0000-0002-0891-0530

Региональное регулирование социальной сферы села в 1970-е годы (на материалах Оренбургской области)

Л. Т. Жайбалиева¹ ✉

¹ Оренбургский государственный университет
просп. Победы 13, г. Оренбург 460018, Российская Федерация

✉ e-mail: ra@mail.ru

Резюме

Актуальность. Современные дискуссии о прошлом и настоящем российской деревни создают необходимость обращения к историческому опыту Советского государства в регулировании социальных процессов. В 1970-е годы начал осуществляться поворот государства к социальной сфере села, наметились новые тенденции в ее развитии. Это период поиска партийным руководством страны оптимальных путей решения вопросов совершенствования социально-экономических и культурно-бытовых условий жизни сельских тружеников.

Цель исследования – анализ основных аспектов государственного регулирования социальной сферы села Оренбургской области в 1970-е годы.

Задачи: определить содержание и основные направления государственной политики по социальному развитию села; изучить региональные аспекты социальной политики на селе, показать особенности ее реализации в Оренбургской области.

Методология исследования основывается на принципах историзма и объективности. Методологической базой исследования является системный подход. Используются сравнительно-исторический метод и метод логического анализа.

Результаты. Понимание значимости социальных вопросов нашло отражение в ряде документов партийно-государственных органов Оренбургской области 1970-х годов. На заседаниях областных партийных конференций, а также пленумов Оренбургского обкома в качестве главной повестки мероприятия ставились различные социально-бытовые вопросы.

В исследовании раскрываются пути, формы и методы активизации социально-культурной деятельности на селе, дается объективный анализ роли партийно-хозяйственных структур в процессах реформирования социальной сферы.

Вывод. В 1970-е годы осуществляется поворот государства к социальной сфере села, намечаются новые тенденции в его развитии. Несмотря на то, что осознание важности социального развития сельской местности и населения получило доказательное отражение во многих постановлениях обкома и официальных выступлениях первых лиц области, социальная политика в 1970-е годы не стала приоритетным направлением деятельности областной партийной организации.

Ключевые слова: государственное регулирование; социальная политика; партийные органы; сельское население; сельское хозяйство.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Жайбалиева Л. Т. Региональное регулирование социальной сферы села в 1970-е годы (на материалах Оренбургской области) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021. Т. 11, № 6. С. 191–200. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2021-11-6-191-200>.

Поступила в редакцию 21.10.2021

Принята к публикации 22.11.2021

Опубликована 27.12.2021

© Жайбалиева Л. Т., 2021

Regional Regulation of the Social Sphere of the Village in the 1970s. (the Case of the Orenburg Region)

Lusia T. Zhaybalieva¹ ✉

¹ Orenburg State University
Prospekt Pobedy 13, Orenburg 460018, Russian Federation

✉ e-mail: ra@mail.ru

Abstract

Relevance. Modern discussions about the past and present of the Russian countryside create the need to refer to the historical experience of the Soviet state in regulating social processes. In the 1970s, the state began to turn towards the social sphere of the village, new trends in its development emerged. This is the period when the party leadership of the country is searching for optimal ways to solve the issues of improving the socio-economic and cultural living conditions of rural workers.

The purpose – analysis of the main aspects of state regulation of the social sphere of the village of the Orenburg region in the 1970s.

Objectives: to determine the content and main directions of the state policy on the social development of rural areas; to study the regional aspects of social policy in rural areas, to show the features of its implementation in the Orenburg region.

Methodology. The research methodology is based on the principles of historicism and objectivity. The methodological basis of the research is a systematic approach. The comparative historical method and the method of logical analysis are used.

Results. The understanding of the importance of social issues was reflected in a number of documents of the party and state bodies of the Orenburg region in the 1970s. At meetings of regional party conferences, as well as plenums of the Orenburg Regional Committee, various social and everyday issues were put as the main agenda of the event.

The study reveals the ways, forms and methods of activating socio-cultural activities in rural areas, provides an objective analysis of the role of party and economic structures in the processes of reforming the social sphere.

Conclusion. In the 1970s, the state turned to the social sphere of the village, new trends in its development were outlined. Despite the fact that the awareness of the importance of social development of rural areas and the population was evidently reflected in many resolutions of the regional committee and official speeches of the top officials of the region, social policy in the 1970s did not become a priority area of activity of the regional party organization.

Keywords: state regulation; social policy; party bodies; rural population; agriculture.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Zhaybalieva L. T. Regional Regulation of the Social Sphere of the Village in the 1970s. (the Case of the Orenburg Region). *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2021; 11(6): 191–200. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2021-11-6-191-200>.

Received 21.10.2021

Accepted 22.10.2021

Published 27.12.2021

Введение

Актуальность проблем истории российского села второй половины XX в. определяется их научно-теоретической и общественно-политической значимостью. В настоящее время обществу необходима

модель новой социальной стратегии, которая основывается на современной концепции рыночной модели социальной политики. Во всестороннем изучении нуждается региональный опыт социаль-

но-экономического развития села и регулирования социальных отношений.

К настоящему времени в изучении вопросов развития социально-бытовой и культурной сферы села достигнуты значительные успехи. Обзор историографии и анализ региональной исторической литературы по теме исследования показывает, что характер и специфика процессов, протекавших в аграрной сфере Оренбуржья в 1970-х гг. рассматриваются в работах по изучению истории региона [1–5]. Данная проблематика нашла отражение в работах, посвященных развитию социально-бытовой сферы оренбургского села [6–8], решению вопросов сельского образования [9–13]. Вместе с тем проблемы социокультурного развития крестьянства рассматриваются, как правило, в комплексе со смежными и близкими вопросами о социально-экономическом развитии сельского хозяйства.

Методология

Для достижения цели и решения поставленных задач в ходе исследования использовались принципы историзма, объективности и научной достоверности. Данный подход позволяет объективно проанализировать источники с использованием системного и сравнительно-исторического методов.

Важной методологической характеристикой работы является применяемый подход к оценке результатов развития социально-бытовой и культурной сферы села, заключающийся в абстрагировании от директивных планов ЦК КПСС, соответствующих министерств и Оренбургского обкома ввиду их необъективности по отношению к реалиям Оренбургской области и их экономической противоречивости.

Результаты и их обсуждение

В рамках проведенного исследования установлено, что в 1970-е гг. определяющее влияние на социокультурное

развитие крестьянства оказал курс на ускорение социально-экономического развития села, начало которому положили решения мартовского (1965 г.) Пленума ЦК КПСС. Основными направлениями новой аграрной политики наряду с созданием и совершенствованием системы экономических отношений стали осуществление целостной системы социальных мероприятий и повышение уровня благосостояния сельского населения.

Понимание значимости социальных вопросов нашло отражение в ряде документов партийно-государственных органов Оренбургской области 1970-х гг. При этом проблемы развития социально-культурной сферы, тем более в сельской местности, имели вторичное значение.

Вместе с тем неблагоприятная ситуация в социально-бытовой и культурной сферах в начале 1970-х гг. в целом по области создавала необходимость более основательного рассмотрения этой проблемы. На заседаниях областных партийных конференций и пленумов обкома различные социально-бытовые вопросы ставились в качестве главной повестки мероприятия.

Так, в отчетном докладе первого секретаря обкома А. В. Коваленко на заседании IX пленума Оренбургского обкома в январе 1970 г. отмечалось, что достигнуты серьезные успехи в повышении жизненного уровня населения [14, л. 14]. В этот период построено более 400 млн кв. м жилья; на 25,9% увеличились доходы на душу населения. Государственный план и бюджет на 1970 г. предусматривали выделение средств на капитальное строительство, укрепление материальной базы села и развитие отраслей, связанных с удовлетворением потребностей населения [14, л. 15].

При этом А. В. Коваленко обращает внимание пленума на имеющиеся значительные недостатки в работе предприятий сельского строительства, торговли и бытового обслуживания населения. В частности, по государственному плану за

4 года пятилетки не был выполнен объем строительно-монтажных работ более чем на 30 млн руб., в сельской местности отставание от плана достигло более 100 тыс. кв. м жилой площади. Организации облсельстроя не справлялись с программой строительства на селе. Годовой план строительства в совхозах области выполнен менее чем на 80% [14, л. 20].

Областной комитет партии и облисполком неоднократно обвиняли председателя облпотребсоюза и начальника областного управления торговли в срыве торговли товарами первой необходимости. Отмечалось, что Облпотребсоюз допускает многочисленные факты перебоев в торговле на селе керосином, сахаром, крупами и даже солью. Несмотря на значительное увеличение производства не удовлетворялись и потребности населения в швейных изделиях, обуви и предметах культурно-хозяйственного обихода [14, л. 26]. Председателем исполкома облсовета А. Н. Баландиным был выделен еще один существенный недостаток социального строительства – значительное снижение объема бытовых услуг на селе. Рассматривая перспективы работы по устранению данных недостатков, первый секретарь озвучил конкретные планы: населению области в 1970 г. намечено было продать различных товаров на сумму свыше 1 млрд руб. и на 19% увеличить объем бытовых услуг [14, л. 80].

В официальных документах и выступлениях руководителей различного ранга нередко идеологически выдержанные постулаты о преодолении социально-экономических различий между городом и деревней, об укреплении союза рабочего класса и крестьянства в социалистическом обществе и т.п. При этом расширение социально-культурного строительства на селе областным руководством рассматривалось с точки зрения создания необходимых условий для привлечения специалистов в сельскую местность, что, в свою очередь, послужило бы мощным фактором прироста продукции. Подтвер-

ждением данного положения выступает ряд заявлений районных и областных руководителей в рамках работы пленума.

В докладе первого секретаря Сорочинского райкома партии Д. Г. Клочкова отмечалось, что в девятой пятилетке для решения проблем и увеличения производства продукции животноводства на 60–70% требуется создать необходимые условия труда, развернуть работу по строительству современного жилья городского типа. Согласно отчету колхозы и совхозы района обеспечены кадрами животноводов и механизаторов, но на 50% это контингент в возрасте старше 40–45 лет, очень мало молодежи до 25–30 лет. Вследствие нелегких условий труда и быта молодежь уезжала из села в город.

Условия быта в сельской местности были далеки от городских. Строительство жилья в районе оценивалось как неудовлетворительное. Колхозы могли вкладывать собственные деньги в строительство механизированных животноводческих помещений и жилья. Однако межколхозные строительные организации не в состоянии освоить этот заказ, а строительство хозяйственным способом почти не велось из-за отсутствия стенового материала, леса и других стройматериалов.

Как видно из заявления, при удовлетворительном уровне заработной платы основным препятствием для эффективного закрепления работников в районе являлось отсутствие благоустроенного жилья. Действительно, материалы пленума свидетельствуют о том, что в этот период трест «Оренбургжилстрой» снизил объем строительства объектов жилья и соцкультбыта по лимитам местных советов на 2 млн руб. В 1969 г. не было введено около 13 тыс. кв. м жилья по лимитам облисполкома. Трестом план выполнен только на 82,2% к уровню 1968 г. [14, л. 47] В целом по области на 1 января 1970 г. план по вводу жилья по всем ведомствам выполнен лишь на 83%, недо-

стача по плану составляла 55 тыс. кв. м жилья [14, л. 82].

Напротив, в Домбаровском районе, по словам секретаря райкома И. Т. Боровика, преобладала финансово-материальная сторона вопроса. В районе принимались меры по обеспечению приемлемых условий для специалистов и других сельскохозяйственных работников, строились для них благоустроенное жилье, школы, клубы и т. д. Однако высокой оставалась текучесть специалистов и механизаторов. Одной из причин того, что кадры не задерживались в районе, являлось отсутствие дифференцированной оплаты труда за сдаваемую продукцию полеводства, что ставило хозяйства и специалистов в неравные условия [14, л. 59].

В области слабо реализовывались возможности, предоставляемые экономической реформой, и в частности использование материальных стимулов для лучшей организации труда и закрепления кадров на предприятиях. В 1969 г. из-за неудовлетворительной организации труда с предприятий местного подчинения уволилось 7 тыс. человек, или 26%, в том числе с предприятий бытового обслуживания 25% [14, л. 80]. Учитывая все перечисленное, председатель исполкома облсовета в своем докладе обозначил пути решения накопившихся вопросов: улучшение нормирования труда, организация производства, механизация труда, повышение производительности труда, рост заработной платы [14, л. 81].

В связи с этим постановления ряда следующих областных пленумов 1970–1972 гг. направлены на решение проблем сельского строительства и материального обеспечения сельскохозяйственных работников [15, л. 36, 166]. В постановлении следующего, X пленума обкома, состоявшегося 27 апреля 1970 г., ставилась задача обязать руководителей областного управления сельского строительства, – «Облколхозстройобъединения», областного управления сельского хозяйства, горкомы и райкомы партии, райисполко-

мы принять меры по ускорению темпов строительства на селе, укреплению подрядных строительных организаций и развитию их собственной производственной базы, пресекать практику распыления капитальных вложений, добиваться, чтобы объекты сельскохозяйственного и культурно-бытового назначения вводились в эксплуатацию в сроки, установленные народно-хозяйственным планом [16, л. 8–9].

XI пленум Оренбургского обкома КПСС от 10 июля 1970 г. обязал облсельстрой, облмежколхозстройобъединение, областное управление сельского хозяйства принять меры к укреплению производственной базы сельского строительства с таким расчетом, чтобы к концу пятилетки сельские строительные организации выполняли строительные работы на селе не менее чем на 100 млн руб. в год [16, л. 7]. Областное управление «Оренбургэнерго» и трест «Оренбургсельэлектросетстрой» планировали значительно увеличить объемы и резко ускорить темпы работ по сельской электрификации.

Собрание актива областной и Оренбургской городской партийных организаций от 24 декабря 1970 г. постановило ввести в эксплуатацию в колхозах и совхозах свыше 150 тыс. кв. м жилья, большое количество культурно-бытовых объектов, увеличить розничный товарооборот в кооперативной торговле на 6,5%, объем бытовых услуг в сельской местности – на 24% (по сравнению с 1970 г.) [16, л. 8].

Таким образом, недостаток квалифицированных кадров в сельском хозяйстве в области в начале 1970-х гг. обусловил пристальное внимание местного руководства к вопросам создания привлекательных условий жизни для работников агропромышленного комплекса и принятие ряда постановлений, направленных на развитие социально-бытовой сферы.

Начало девятой пятилетки в партийной жизни Оренбуржья было ознаменовано созывом XIX областной партийной

конференции (11–12 февраля 1971 г.). В отчете областного комитета КПСС подтвержден курс областных партийных, советских, хозяйственных органов на дальнейшее повышение жизненного уровня сельских жителей, отмечены их успехи в этом направлении, а также ряд недостатков. В целом по области уровень культурно-просветительной работы на селе не отвечал современным требованиям ввиду плохо организованной подготовки кадров для соответствующих учреждений и их частой сменяемости [17, л. 10].

Комплексное рассмотрение вопросов, связанных с материальным благосостоянием и обслуживанием населения, содержит доклад первого секретаря обкома КПСС А. В. Коваленко «О состоянии и мерах улучшения торговли и бытового обслуживания населения в области в свете решений XXIV съезда КПСС» на заседании V пленума Оренбургского обкома от 2 марта 1972 г. Отмечалось, что состояние торговли и бытового обслуживания населения «...не в полной мере отвечает требованиям XXIV съезда». Торговые организации и предприятия службы быта не справились с выполнением планов и заданий 1971 г. В розничный товарооборот не поступило продовольственных и промышленных товаров на 5 млн руб. Из 37 организаций государственной торговли не выполнили задания 12, а из 34 райпотребсоюзов – 15. Особенно неудовлетворительно, по данным доклада, работали предприятия торговли Кваркенского, Абдулинского и Сорочинского районов [17, л. 4].

План бытового обслуживания населения в 1971 г. выполнен только на 93%, с заданием не справились 15 комбинатов и производственных объединений, а в Новосергиевском, Пономаревском, Ташлинском и Шарлыкском районах было допущено снижение объемов против уровня 1970 г. В январе 1971 г. план бытовых услуг в сельской местности выполнен лишь на 73%. Областное управление торговли, облпотребсоюз, област-

ная плановая комиссия допускали серьезные просчеты при определении действительных потребностей в отдельных видах товаров, что приводило в ряде случаев к «перебоям» в торговле [17, л. 4–5].

В целом первый секретарь обкома выразил неудовлетворенность работой облпотребсоюза и управления бытового обслуживания населения, крайне медленно устраняющих серьезные недостатки в сельской торговле и бытовом обслуживании. Более половины колхозов и совхозов области не имели комплексных приемных пунктов. В осенне-зимний период резко сокращалось выездное обслуживание сельского населения. В большинстве районов не выполнялся установленный перечень услуг, имеющиеся мощности службы быта использовались не полностью. В Абдулинском, Сакмарском и Северном районах обеспеченность торговой площадью не превышала 70% от норматива [17, л. 6].

Сложившаяся к началу пятилетки ситуация в сельской торговле дала основание председателю Пономаревского райисполкома на совещании работников сельского хозяйства Оренбургской области в январе 1971 г. высказать значительные претензии областным торговым и промышленным организациям. В докладе отмечалось, что организации не уделяют внимания труженикам сельского хозяйства [18, л. 79–80].

Партийно-государственные документы области отражали не только имеющиеся проблемы и перспективы развития, но и конкретные мероприятия, направленные на решение тех или иных недостатков. В ноябре 1971 г. бюро обкома КПСС и исполком облсовета приняли постановление, которым установлены задания по производству товаров для населения на 1971–1975 гг. Планировалось увеличить за девятую пятилетку объем производства товаров народного потребления в 1,5 раза, выпуск всех бытовых товаров – в 1,8 раза. В результате в 1971 г. освоено и внедрено в производ-

ство более 300 новых видов и моделей различных товаров, в том числе около 30 культурно-бытового назначения и хозяйственного обихода. Восстановлен выпуск 18 наименований промышленных и продовольственных товаров, ранее снятых с производства [19, л. 80].

Одной из характерных черт документов и материалов областного масштаба является их чрезмерная идеологизованность и, как следствие, отсутствие в них критического осмысления деятельности партийных органов. Так, несмотря на невыполнение планов по общественному питанию и бытовому обслуживанию в отчетном докладе секретаря обкома по итогам работы после XXIV съезда отмечалось, что достигнуты значительные результаты в выполнении обширной программы роста народного благосостояния [20, л. 4–5].

XXI Оренбургская областная партийная конференция (15–16 января 1976 г.) признала работу областного комитета КПСС за отчетный период (девятую пятилетку) неудовлетворительной, а также обязала обком, горкомы и райкомы партии улучшить руководство Советами депутатов, направлять их деятельность на совершенствование культурно-бытового обслуживания, работы культурно-просветительных и медицинских учреждений, школ, транспорта, торговли и общественного питания, на улучшение содержания жилого фонда.

В докладе председателя исполкома областного совета депутатов А. Н. Баландина «Основные направления развития народного хозяйства СССР на 1976–1980 годы» отмечалось, что обеспеченность области основными видами коммунальных услуг отстает от установленных нормативов. В связи с этим предусматривалось дальнейшее развитие водоснабжения, канализации, газификации и централизованного теплоснабжения [21, л. 174]. Намечалось довести уровень газификации в сельской местности до 80% [21, л. 175].

Соответствующие задачи перед местным руководством ставила программа повышения жизненного уровня трудящихся, увеличения доходов населения, совершенствования структуры потребления, изложенная в проекте «Основных направлений». В области намечался значительный рост товарооборота, улучшение торговли, общественного питания, бытового обслуживания. Планировалось, что розничный товароборот увеличится примерно на 27%, более высокими темпами в расчете на душу населения будет развиваться товароборот на селе, полнее будет удовлетворяться спрос населения на товары, пользующиеся повышенным спросом. За пятилетку предполагалось построить 230–240 магазинов с общей торговой площадью 60–70 тыс. кв. м, ввести в эксплуатацию 750–800 новых предприятий общественного питания примерно на 40–45 тыс. мест, оснащенных современным оборудованием [21, л. 176]. Намечалось дальнейшее развитие и совершенствование среднего образования. Предполагалось построить новых школ примерно на 80 тыс. мест [21, л. 177]. За счет средств промышленных предприятий планировалось строительство крупных учреждений культуры на 6 тыс. посетителей, в том числе в рабочих поселках Ясный, Тюльган, Адамовка, Домбаровка [21, л. 178].

Принятые в последующем Оренбургским обкомом документы свидетельствуют о систематическом невыполнении показателей в сфере обслуживания. В постановлении бюро Оренбургского обкома партии и исполкома облсовета от 18 февраля 1977 г. отмечалось, что несмотря на определенный рост в прошедшей пятилетке объемов реализации бытовых услуг населению областное управление бытового обслуживания не полностью использует имеющиеся возможности для расширения видов услуг и повышения качества организации обслуживания [22, л. 217].

В марте 1978 г. состоялся очередной пленум обкома КПСС с повесткой «О состоянии и мерах улучшения торговли, общественного питания и бытового обслуживания населения области». Согласно представленным документам план товарооборота и бытового обслуживания за два года многими предприятиями области не был выполнен, качество бытового обслуживания области не отвечало возрастающим требованиям населения [23, л. 65].

Выводы

Таким образом, в 1970-е гг. осуществляется поворот государства к социальной сфере села, намечаются новые тенденции в его развитии. Вместе с тем анализ местных партийно-государственных документов свидетельствует о явной недостаточности внимания областного руководства к этим проблемам. В соот-

ветствии с партийными традициями данного периода в центре внимания областных пленумов и собраний партактива находились вопросы, связанные с выполнением производственных планов и заготовок сельхозпродукции. Проблемы развития социально-культурной сферы, тем более в сельской местности, имели вторичное значение.

Неблагоприятная ситуация в социально-бытовой и культурной сферах создавала необходимость более основательного рассмотрения этой проблемы. Несмотря на то, что осознание важности социального развития сельской местности и населения получило доказательное отражение во многих постановлениях обкома и официальных выступлениях первых лиц области, социальная политика в 1970-е гг. не стала приоритетным направлением деятельности областной партийной организации.

Список литературы

1. Злобин Ю. П. История Оренбургского региона. Оренбург: Агентство «Пресса», 2012. 163 с.
2. История Оренбуржья / сост. науч. ред. Л. И. Футорянский. Оренбург: Оренбург. кн. изд-во, 1996. 350 с.
3. Лабузов В. А. История Оренбургская. Оренбург: Орлит-А, 2008. Ч. 2. 196 с.
4. Лапаева М. Г. Развитие экономики Оренбургской области в советский период // Экономика и предпринимательство. 2021. № 1 (126). С. 406–410.
5. Лапаева М. Г. Экономика Оренбургской области (1743–2004 гг.). Оренбург: Газпром-печать, 2007. 468 с.
6. Климантова Ю. К. Бытовое обслуживание сельского населения Оренбургской области в 1965–1970 гг. // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 5. С. 71–79.
7. Климантова Ю. К. Торговое обслуживание сельских жителей в 1970–1980 гг. (на примере Оренбургской области) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2010. № 1. С. 93–97.
8. Стратегические приоритеты развития агропромышленного комплекса и социальной сферы села Оренбургской области: монография / под общ. ред. С. А. Соловьева, Т. Д. Дегтяревой. М.: Экономика, 2008. 310 с.
9. Болодурин В. С. Образование в Оренбуржье (XVIII–XX века). Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2008. 463 с.
10. Кораблева Г. В. Государственная политика обеспечения условий развития общеобразовательной школы на Урале (1970–1980 гг.). Оренбург: ООИПКРО, 2000. 176 с.
11. Кораблева Г. В. Общеобразовательная школа Урала в 1970–1980 гг.: история, развитие, опыт. Оренбург: ОГАУ, 2009. 198 с.
12. Кораблева Г. В. Опыт и уроки школьной политики РФ в 1970–1980-годы: на материалах Уральского региона. М.: МПГУ, 2001. 312 с.
13. Пузанов В. С. Становление сельской интеллигенции и ее возрастающее влияние на социокультурное развитие южноуральской деревни (1886–1991 гг.). Оренбург: ОГПУ, 2005. 552 с.

14. ОГАСПИ (Оренбургский государственный архив социально-политической истории). Ф. 371. Оп. 40. Д. 2.
15. ОГАСПИ. Ф. 371. Оп. 44. Д. 48.
16. ОГАСПИ. Ф. 371. Оп. 40. Д. 4.
17. ОГАСПИ. Ф. 371. Оп. 42. Д. 2.
18. ОГАСПИ. Ф. 371. Оп. 42. Д. 62.
19. ОГАСПИ. Ф. 371. Оп. 44. Д. 54.
20. ОГАСПИ. Ф. 371. Оп. 46. Д. 2.
21. ОГАСПИ. Ф. 371. Оп. 66. Д. 2.
22. ОГАСПИ. Ф. 371. Оп. 67. Д. 10.
23. ОГАСПИ. Ф. 371. Оп. 70. Д. 4.

References

1. Zlobin, Yu. P. *Istoriya Orenburgskogo regiona* [History of the Orenburg region]. Orenburg, Agentstvo "Pressa", 2012. 163 p.
2. *Istoriya Orenburgskaya* [History of Orenburg region]; ed. by L. I. Futoryanskiy. Orenburg, Orenburgskoe knizhnoe izdatelstvo, 1996. 350 p.
3. Labuzov V. A. *Istoriya Orenburgskaya* [Orenburg History]. Orenburg, Orlit-A Publ., 2008, pt. 2. 196 p.
4. Lapaeva M. G. *Razvitie ekonomiki Orenburgskoi oblasti v sovetskii period* [Economic development of the Orenburg region in the Soviet period]. *Ekonomika i predprinimatel'stvo = Economics and entrepreneurship*, 2021, no. 1 (126), pp. 406–410.
5. Lapaeva M. G. *Ekonomika Orenburgskoi oblasti (1743–2004 gg.)* [Economics of the Orenburg region (1743–2004)]. Orenburg, Gazprompechat' Publ., 2007. 468 p.
6. Klimantova Yu. K. *Bytovoe obsluzhivanie selskogo naseleniya Orenburgskoy oblasti v 1965–1970 gg.* [Household services for the rural population of the Orenburg region in 1965–1970]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Chelyabinsk State University*, 2008, no. 5, pp. 71–79.
7. Klimantova Yu. K. *Torgovoe obsluzhivanie selskikh zhiteley v 1970–1980 gg. (na primere Orenburgskoy oblasti)* [Trade service of rural residents in 1970–1980. (on the example of the Orenburg region)]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskie nauki = Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: History and Political Sciences*, 2010, no. 1, pp. 93–97.
8. *Strategicheskie priority razvitiya agropromyshlennogo kompleksa i sotsial'noi sfery sela Orenburgskoi oblasti* [Strategic priorities for the development of the agro-industrial complex and the social sphere of the village of the Orenburg region]; ed. by S. A. Solov'ev, T. D. Degtyareva. Moscow, Ekonomika Publ., 2008. 310 p.
9. Bolodurin V. S. *Obrazovanie v Orenburzh'e (XVIII–XX veka)* [Education in Orenburg region (XVIII–XX centuries)]. Orenburg, OGPU Publ., 2008. 463 p.
10. Korableva G. V. *Gosudarstvennaya politika obespecheniya usloviy razvitiya obshcheobrazovatel'noy shkoly na Urale (1970–1980 gg.)* [State policy of ensuring the conditions for the development of secondary schools in the Urals (1970–1980)]. Orenburg, OOIPKRO Publ., 2000. 176 p.
11. Korableva G. V. *Obshcheobrazovatel'naya shkola Urala v 1970–1980 gg.: istoriya, razvitie, opyt* [Secondary school of the Urals in 1970–1980: history, development, experience]. Orenburg, OGAU Publ., 2009. 198 p.
12. Korableva G. V. *Opyt i uroki shkol'noi politiki RF v 1970–1980-gody: na materialakh Ural'skogo regiona* [Experience and lessons of school policy of the Russian Federation in the 1970s–1980s: on the materials of the Ural region]. Moscow, MPGU Publ., 2001. 312 p.
13. Puzanov V. S. *Stanovlenie selskoy intelligentsii i ee vozrastayushchee vliyaniye na sotsiokulturnoe razvitie yuzhnouralskoy derevni (1886–1991 gg.)* [The formation of the rural intelligentsia and its increasing influence on the socio-cultural development of the South Ural village (1886–1991)]. Orenburg, OGPU Publ., 2005. 552 p.

14. OGASPI (Orenburgskii gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii) [Orenburg State Archive of Socio-Political History], f. 371, op. 40, d. 2.
15. OGASPI, f. 371, op. 44, d. 48.
16. OGASPI, f. 371, op. 40, d. 4.
17. OGASPI, f. 371, op. 42, d. 2.
18. OGASPI, f. 371, op. 42, d. 62.
19. OGASPI, f. 371, op. 44, d. 54.
20. OGASPI, f. 371, op. 46, d. 2.
21. OGASPI, f. 371, op. 66, d. 2.
22. OGASPI, f. 371, op. 67, d. 10.
23. OGASPI, f. 371, op. 70, d. 4.

Информация об авторе / Information about the Author

Жайбалиева Люция Турсунгалиевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, Оренбургский государственный университет, г. Оренбург, Российская Федерация,
e-mail: ra-58@mail.ru,
ORCID: 0000-0002-4798-3249

Luzia T. Zhaybalieva, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of History, Orenburg State University, Orenburg, Russian Federation,
e-mail: ra-58@mail.ru,
ORCID: 0000-0002-4798-3249

Оригинальная статья / Original article

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2021-11-6-201-212>

Проблемы советской военной авиации перед началом Великой Отечественной войны

В. И. Бирюлин¹ ✉, Д. В. Куделина¹, О. М. Ларин¹

¹ Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: bir1956@mail.ru

Резюме

Актуальность. Настоящая статья представляет собой попытку анализа состояния советской военной авиации, в том числе и боевой подготовки, в предвоенное время и влияние этих факторов на военные действия в начальный период войны. Исследование причин неудач советских войск в этот период, особенно тяжелых потерь боевой авиации, проводилось во многих работах на протяжении большого периода времени, но в этих трудах в основном рассматривались вопросы, связанные с авиационной техникой. Состояние боевой подготовки и воинской дисциплины в авиационных частях и соединениях и влияние на их уровень субъективных факторов практически не рассматривается в данных работах, поэтому актуальность данной статьи не вызывает сомнений.

Цель статьи – раскрыть состояние советской военной авиации с учетом объективных и субъективных причин, уровня готовности ее к боевым действиям и выполнение различных мероприятий по их повышению в ходе общей подготовки СССР к войне.

Задачи: рассмотреть проблемы советской военной авиации с учетом состояния дисциплины и боевой подготовки, выявленные в различных военных конфликтах и советско-финской войне; оценить влияние рассмотренных причин на результаты боевых действий авиации в начальном периоде войны.

Методология. Статья основана на общих принципах историзма, научной объективности и системности. Помимо того, были использованы методы интерпретации, контент-анализа.

Результаты. Советско-финская война и военные конфликты второй половины 30-х годов прошлого века выявили большие недостатки в подготовке и вооружении авиации Красной армии. Эти недостатки активно обсуждались на самом высшем уровне военного руководства. Чтобы устранить их, было принято много решений. Так, ускорилось создание новой авиационной техники, особенно истребителей. Была начата перестройка всей системы боевой подготовки, чтобы исправить недостатки и повысить готовность летного состава и командования авиационных частей и соединений. Но несмотря на принимаемые меры уровень общей готовности военной авиации не был доведен по разным причинам (в том числе и из-за дефицита времени) до нужного уровня, что в итоге и стало одной из главных причин трагических событий лета и осени 1941 года.

Вывод. Общее состояние советской военной авиации в рассматриваемый период определялось не только объективными факторами (например, уровнем развития авиационной промышленности), но также в значительной мере субъективными, личностными факторами.

Ключевые слова: военная авиация; воинская дисциплина; боевая подготовка; нарком обороны; летный состав; командный состав; приказ; боевые документы; боевые действия.

Конфликт интересов: Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Бирюлин В. И., Куделина Д. В., Ларин О. М. Проблемы советской военной авиации перед началом Великой Отечественной войны // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021. Т. 11, № 6. С. 201–212. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2021-11-6-201-212>.

Поступила в редакцию 15.10.2021

Принята к публикации 24.11.2021

Опубликована 27.12.2021

© Бирюлин В. И., Куделина Д. В., Ларин О. М., 2021

Problems of the Soviet Military Aviation Before the Start of the Great Patriotic War

Vladimir I. Biryulin¹ ✉, Daria V. Kudelina¹, Oleg M. Larin¹

¹ Southwest State University
50 Let Oktyabrya str. 94, Kursk, 305040, Russian Federation

✉ e-mail: bir1956@mail.ru

Abstract

Relevance. This article is an attempt to analyze the state of the Soviet military aviation, including combat training, in the pre-war period and the influence of these factors on military operations in the initial period of the war. The study of the reasons for the failures of the Soviet troops during this period, especially the heavy losses of combat aviation, was carried out in many works over a long period of time, but these works mainly dealt with issues related to aviation technology. The state of combat training and military discipline in aviation units and formations and the influence of subjective factors on their level are practically not considered in these works. Therefore, the relevance of this article is beyond doubt.

The purpose of the article is to reveal the state of the Soviet military aviation, taking into account the objective and subjective reasons, the level of its readiness for combat operations and the implementation of various measures to improve them in the course of preparing the general preparation of the USSR for the war.

Objectives. To consider the problems of the Soviet military aviation, taking into account the state of discipline and combat training, identified in various military conflicts and the Soviet-Finnish war; to evaluate the considered reasons for the results of aviation combat operations in the initial period of the war.

Methodology. The article is based on the general principles of historicism, scientific objectivity and consistency. In addition, methods of interpretation and content analysis were used.

Results. The Soviet-Finnish war and military conflicts in the second half of the 30s of the last century revealed great shortcomings in the training and armament of the Red Army aviation. These shortcomings were actively discussed at the highest level of the military leadership. Many decisions were made to eliminate them. So, the creation of new aviation technology, especially fighters, has accelerated. The restructuring of the entire combat training system was begun in order to correct the shortcomings and increase the readiness of the flight personnel and the command of aviation units and formations. But, despite the measures taken, the level of general readiness of military aviation was not brought to the required level for various reasons (including due to lack of time), which ultimately became one of the main reasons for the tragic events of the summer and autumn of 1941.

Conclusion. The general state of the Soviet military aviation in the period under review was determined not only by the objective factors (for example, the level of the aviation industry development), but also largely by subjective, personal factors.

Keywords: military aviation; military discipline; combat training; people's commissar of defense; flight personnel; command personnel; order; combat documents; military operations.

Conflict of interest: The Authors declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Biryulin V. I., Kudelina D. V., Larin O. M. Problems of the Soviet Military Aviation Before the Start of the Great Patriotic War. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2021; 11(6): 201–212. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2021-11-6-201-212>.

Received 15.10.2021

Accepted 24.11.2021

Published 27.12.2021

Введение

Все дальше и дальше уходят в прошлое события Великой Отечественной войны. Но несмотря на это история этой

войны по-прежнему является предметом многочисленных исследований, дискуссий и споров. Большое внимание привлекает период начала войны, который изу-

чался и изучается авторами многих работ, как отечественных, так и зарубежных [1–7]. Такой интерес именно к этому временному отрезку объясняется в первую очередь тем, что неудачное развитие боевых действий на фронте оказалось совершенно не соответствующим довоенному общественному мнению и привело в конечном итоге к значительным человеческим потерям, разорению большой территории страны. Неудивительно, что вопросы исследования причин этих событий не теряют своей актуальности.

Существенное влияние на военные неудачи и поражения Красной армии в 1941 г. оказало возникшее с первых же дней войны превосходство немецкой авиации. Проведенные ранее исследования в качестве причин такого явления рассматривают либо решения высшего политического и военного руководства страны, либо чисто технические вопросы, связанные с авиационной техникой. Разумеется, эти причины сыграли свою негативную роль, но при этом в недостаточной мере изучаются вопросы, связанные с влиянием на эти события субъективных, человеческих факторов.

Методология

Статья основывается на общих принципах историзма, научной объективности и системности, предполагающих анализ состояния советской военной авиации по итогам советско-финской войны и военных конфликтов второй половины 30-х годов; мероприятий по устранению недостатков в этой области, предпринятых руководством страны; результатов выполнения этих мер к моменту начала войны; влияния субъективных, человеческих факторов как на технический уровень и боевую подготовку военной авиации, так и на результаты боевых действий в начальный период войны.

Свое применение в статье нашли методы интерпретации, контент-анализа.

Результаты и их обсуждение

Развитие советской авиации в предвоенные годы было, несомненно, одним из главных достижений Советского Союза за этот период времени. Дальние перелеты и другие результаты, в том числе и мировые рекорды, служили основой для создания общественного мнения о самом сильном и передовом воздушном флоте, особенно если учитывать, что в СССР была создана авиационная индустрия практически с нуля.

В работе [8, с. 53] указано, что с 1909 по 1917 г. в России появилось 20 небольших авиационных заводов, занимавшихся изготовлением самолетов в основном зарубежных конструкций и из импортных комплектующих деталей. Военное руководство страны прекрасно понимало значение авиации и среди первоочередных мероприятий пятилетнего плана (1926–1931 гг.) военного строительства было «максимально-возможное увеличение воздушного флота» [8, с. 66].

Эту точку зрения разделяло и высшее политическое руководство страны, и за сравнительно короткий промежуток времени в СССР была создана современная авиационная промышленность, которую вполне заслуженно доктор исторических наук А. С. Степанов назвал в своей работе [9, с. 94] гордостью отечественной военной экономики.

Повышенное внимание к развитию военной авиации легко подтверждается значениями финансовых средств, расходованных на авиапром, и другими показателями. Так в 1936 г. капитальные вложения в авиационную промышленность, являвшуюся в то время главком Народного комиссариата оборонной промышленности (НКОП), составили 499 млн рублей, а второе место по капитальным вложениям было у химического главка НКОП – 304 млн рублей [8, с. 97].

В 1939 г. уже самостоятельный Народный комиссариат авиационной промышленности (НКАП) по стоимости валовой продукции (5738,8 млн рублей)

превосходил остальные наркоматы, занятые выпуском военной продукции [8, с. 97]. По капитальным вложениям (1427 млн рублей) он лишь немного уступал Народному комиссариату боеприпасов, у которого они составляли 1525 млн рублей. Такая же картина была и в численности работников – 337,1 тыс. человек работали на производстве боеприпасов, а в НКАП работало 272,6 тыс. человек [8, с. 97]. Для сравнения можно привести оценку численности работников всей советской авиапромышленности в 1925 г. – чуть больше 5 тыс. сотрудников [10, с. 43].

Может показаться, что при таком внимании со стороны руководства страны никаких проблем, связанных с авиационной техникой, не должно было возникать. Но это было далеко не так. Бурный рост авиационной промышленности не мог не создавать проблем. В основной массе эти проблемы хорошо известны и освещены во многих работах, например [8–12]. Но данные работы практически не рассматривают влияние субъективного, человеческого фактора.

Легко понять, что боевая готовность авиационной техники определяется не только ее проектными тактико-техническими характеристиками, но также качеством изготовления. Опытные экземпляры того или иного самолета могут иметь просто прекрасные характеристики. Но если у серийных самолетов будут большие проблемы с качеством, то такая авиационная техника вряд ли сможет эффективно выполнять поставленные перед ней боевые задачи.

Обратимся к письму летчика-инженера И. П. Белозерова наркому обороны СССР К. Е. Ворошилову о неудовлетворительной работе авиазаводов [13]. Автор этого письма с удивительной смелостью не побоялся обратить внимание наркома обороны на большие недостатки в работе авиационной промышленности. В начале письма он отмечает, что наша авиационная промышленность, созданная

партией и страной, имеет, несомненно, крупные успехи и достижения.

Далее автор письма переходит к негативным явлениям в советской авиапромышленности и напрямую говорит: «Но эти положительные стороны ни на одну минуту не могут изгладить то безобразное отношение к людям, летающим на самолетах, которое сложилось у целого ряда крупных руководящих работников авиационных заводов... При любом безобразии хотят отыграться на конструкции, чертеже, на колхознике, “недавно” пришедшем на завод, на его некультурности (а сами не учат его этому), но только не на ответственности контрольного отдела, начальника цеха и директора» [13].

Разумеется, такой подход не мог не сказаться на качестве выпускаемой продукции. Поэтому автор продолжает на конкретных примерах: «20 апреля с. г. принимаю с завода № 21 самолет И-16 № 42133, нахожу наряду с другими дефектами люфт элеронов... Требую его устранения. Начальник контрольного отдела завода Белоусов и начальник сборочного цеха Абрамов отказываются его устранить, заявляя, что такой люфт нормальный...»

26 апреля при приемке на том же заводе самолета И-16 № 42144 прошу начальника цеха Абрамова поставить два шурупа для закрепления болтающегося зализа у стабилизатора. Он мне заявляет (хотя видит, что зализ болтается), что по чертежам в этом месте шурупов не ставят.

Как реагирует на все безобразие директор завода? Он стоит здесь же, на аэродроме, и просит военных летчиков... поскорее улететь из Горького!» [13].

Но не только у производителей наблюдалось такое отношение к своим обязанностям. Можно сказать, что не отставали от них и конструкторы. Про них автор данного письма говорит следующее: «Конструктивных дефектов еще много. Их наши зазнавшиеся конструкторы

торы с большим трудом, а самое главное, чересчур долго устраняют. Если итальянской фирме “Маркети” требуется [для того, чтобы] сконструировать, рассчитать и построить моторную установку для самолета всего лишь две недели, то наши заводы потратят на “согласование” и “увязывание”, да на совещания и заседания месяца, а то еще и больше» [13].

Приводя и другие примеры сложившегося в авиапроме отношения к своему делу, автор отмечает: «Пять-семь лет назад самолету, пришедшему с завода, верили, как большевику. Что сделано на заводе, так уж не подведет!.. А теперь, наоборот, раз машина пришла с завода, надо все снять, проверить, промыть. Самолет только через 20-30 часов работы (над аэродромом) после прибытия с завода считается исправным к дальнейшим перелетам и длительным полетам» [13].

Автор письма говорит о совершенно ненормальной ситуации. Боевой самолет не доведен до исправного состояния в заводских условиях и его должны перебирать и дорабатывать для приведения в исправное состояние в строевых авиационных частях, где заведомо хуже технические возможности по сравнению с авиазаводами.

Большое количество дефектов в выпускаемых самолетах И-16 (вряд ли и на других типах самолетов было лучше положение с качеством) отмечают и авторы книги «Ишак» против мессера. Испытание войной в небе Испании», например, смещение бензобаков, поломки ручек, вырывание шурупов и заклепок, обрыв валов [14, с.63].

Нельзя сказать, что эти факты были не известны руководителям промышленности. Так, в выступлении наркома тяжелой промышленности С. Орджоникидзе 11 марта 1936 г. на отраслевой конференции авиационной промышленности о качестве работы (тогда авиапром входил в Наркомат тяжелой промышленности. — *Авт.*) приводились такие негативные факты: «Надо прямо сказать, что в про-

шлом году наша авиация работала из рук вон плохо... Когда военные летчики нападают и очень резко нападают на нашу авиапромышленность, мы очень часто обижаемся, говорим, что к нам придираются... У нас нет дисциплины. У нас нет производственной дисциплины... Директора наших авиазаводов... работают они хуже других директоров, ...они менее дисциплинированы, чем директора других предприятий... Нет достаточной организованности» [15].

Разумеется, такие негативные факторы не могли не сказаться на развитии боевой авиации СССР. Авторы исследований по истории советской авиации отмечают, что в середине 30-х годов XX века в ее развитии возникли значительные сложности, в том числе из-за отмеченных выше факторов. Не будет большой ошибкой назвать такое положение стагнацией.

Данное положение было известно высшему военному руководству. И оно понимало, что это может привести к большим проблемам в случае начала боевых действий. Начальник военных воздушных сил РККА, командарм 2-го ранга Я. И. Алкснис в своей докладной записке наркому обороны СССР К. Е. Ворошилову сообщал, что весь парк боевых самолетов на 1 декабря 1936 г. составляет 6246 самолетов [16]. На первый взгляд внушительная цифра, но как указано в этой записке: «Из наличного на 1 декабря 1936 г. самолетного парка по своим максимальным горизонтальным скоростям современными смогут считаться на 1938 г. только 966 самолетов» [16].

Получается, что всего через год после составления данного документа только одна шестая часть всего состава боевых самолетов может по скоростным характеристикам не уступать иностранной военной авиации. Поэтому для срочного исправления такой негативной ситуации автор докладной записки предлагал пересмотреть планы выпуска авиатехники, чтобы «иметь на 1 января 1938 г. в составе ВВС, как минимум, 8835 вполне со-

временных сухопутных боевых самолетов, как это определено решением правительства» [16].

Далее рассмотрим обсуждение авиационной техники на Главном военном совете Красной армии с целью обобщения опыта финской кампании в апреле-мае 1940 г. В настоящее время материалы работы этого совета рассекречены и опубликованы [17].

Перейдем к краткому рассмотрению материалов по обсуждению авиационного вооружения. Для участников этого обсуждения указываются воинские звания и занимаемые должности на момент проведения данного совета. Остановимся на фрагментах наиболее характерных выступлений.

Начальник Главного управления авиационного снабжения РККА, комдив Алексеев: «По истребителям мы сильно отстали в скоростях и в дальностях. Мы имеем скорость 470 км, дальность 560 км, 45–60 минут в воздухе, т. е. меньше в 2 раза чем за границей» [17, с. 216].

Заместитель наркома авиационной промышленности Воронин: «Мы выпустили И-16 и И-153... Эти машины должны быть сходящими... Завод № 21 строит истребитель “Чайку” И-153 с мотором М-62... Эта машина все же стара» [17, с. 217].

Заместитель наркома обороны, командарм 2-го ранга Локтионов: «Нужно срочно заменить устаревшую “Чайку”... Мы отстаем по дальности, плетемся в хвосте у конструкторов» [17, с. 218–219].

Командарм 1-го ранга, начальник Генерального штаба Красной армии Шапошников: «Нам нужен истребитель со скоростью 650–700 км, даже я бы пошел на эту скорость за счет маневренности, дальностью 1500 км, и с высотой 12000 м... Конструктора работают плохо... Доводка – это кустарщина... Конструктора должны тщательно отрабатывать чертежи и больше шевелить мозгами» [17, с. 219].

Народный комиссар обороны, Маршал Советского Союза Ворошилов: «Правительством принимались все меры,

чтобы заинтересовать конструкторов. Им платили за каждую машину 1,5 млн руб., т. е. в 1,5 раза больше, чем стоит самолет» [17, с. 219].

Начальник ВВС 9-й армии, комдив Рычагов: «Моторы, которые мы имеем, мало надежны. Самолетные ресурсы наших моторов 100 ч, а следовательно, работать можем не более 70–80 ч. Нужны моторы с летными ресурсами не менее 300 ч.» [17, с. 230].

Заместитель наркома обороны, армейский комиссар 1-го ранга Мехлис: «А конструктора все-таки за жирели» [17, с. 230].

Командарм 2-го ранга Павлов: «Не заболели конструктора, а саботажничают» [17, с. 230].

Нарком авиационной промышленности Шахурин: «Поликарпова, Архангельского и Ильюшина перехвалили. Между отдельными конструкторами и летчиками существовала спайка, которая мешала двигать вперед самолетостроение» [17, с. 230].

По этим выступлениям ясно видно, что большие проблемы в советском авиационном производстве существовали по-прежнему. Так же как автор вышеприведенного письма к наркому обороны СССР [13], выступающие отмечали наличие негативных субъективных факторов у конструкторов авиационной техники. Эти факторы не могли не сказаться на состоянии дел в советской военной авиации, что привело к значительному отставанию в предвоенный период времени, когда с наибольшей остротой требовалось быстрое развитие, чтобы в случае начала военных действий не оказаться с устаревшей техникой.

Для примера влияния субъективных факторов несколько подробнее рассмотрим самолет И-153, или «Чайка». Приведенные выше фрагменты выступлений свидетельствуют, что данный самолет, созданный конструктором Поликарповым, весной 1940 г. уже фактически был устаревшим. Обратимся к источникам

для более подробного ознакомления с ним.

Самолет И-153, имеющий схему биплана, был построен в 1938 г., в октябре этого же года прошел государственные испытания и после устранения выявленных недостатков этот самолет был запущен в серию [11, с. 142]. Принятие этого самолета на вооружение советских ВВС трудно объяснить объективными причинами, пожалуй, здесь следует снова обратиться к приведенным выше словам наркома обороны Ворошилова о материальной заинтересованности конструкторов.

Тем более удивительным этот факт становится в свете того, что по данным, приведенным в [9, с. 422], в мировой авиации уже произошел отказ от самолетов-истребителей, имеющих схему биплана. Самое позднее снятие бипланов с вооружения и переход на монопланы было в морской авиации США [9, с. 422], и этот процесс полностью завершился к июню 1941 г.

В СССР, как ни странно, это было, за период с 1 октября 1939 г. по 1 июня 1940 г. происходил рост численности бипланов и удельный их вес достиг 45,2% [9, с. 422]. Производство бипланов И-153 продолжалось весь 1940 г. и этот год самолетов этого типа было построено 2362, а монопланов – 2294, из которых доля также устаревшего И-16 составила 2110 самолета 494 с [9, с. 494].

В декабре 1940 г. состоялось большое совещание высшего руководящего состава РККА, рассмотревшее ряд вопросов военного строительства [17]. Обратимся к материалам этого совещания для изучения мнения высокого военного руководства об авиационной технике.

Начальник Главного управления ВВС Красной армии генерал-лейтенант авиации Рычагов так говорил на этом совещании: «Анализируя основные показатели сегодняшних самолетов, мы приходим к выводу, что летно-технические данные непрерывно растут... Вооружение

истребителя за последние пять лет по количеству пулеметов увеличилось в два-три раза... Растет калибр самого оружия: 7,6-мм пулемет вытесняется 12,7-мм, а 20-мм пушка – 23–37-мм... Тенденции в развитии самолетостроения идут сейчас по линии дальнейшего увеличения скорости: истребителя до 750 км в час... За счет увеличения скорости, высотности и скороподъемности самолет становится более мощным и более маневренным» [17, с. 173].

Хорошо видно, что на фоне приведенных цифр характеристики самолета И-153 выглядят очень скромно, если не сказать больше. Но несмотря на это данный самолет выпускался в довольно больших количествах с 1939 по 1940 г.

Выпуск устаревшей авиатехники и медленный переход к современным самолетам послужили одной из главных причин крайне негативных последствий для Красной армии в начальный период войны. Так, в Западном особом военном округе на 1 июня 1941 г. из общего числа 1043 самолетов-истребителей было 269 бипланов И-153 [18, с. 248–249.] В Прибалтийском военном округе это соотношение составило 364/744, а в Киевском особом военном округе – 515/1341.

Перейдем теперь к анализу предвоенного состояния ВВС Красной армии, в частности, как обстояло дело с добросовестным исполнением своих служебных обязанностей военнослужащими данного рода войск. Для этого анализа используем приказы народного комиссара обороны СССР [19].

Приказ №113 от 11 декабря 1938 г. «О боевой и политической подготовке войск на 1939 учебный год» [19, с. 67] среди главных недостатков в армии и в ВВС особенно приводит высокую аварийность и большое количество чрезвычайных происшествий. С течением времени острота этой проблемы не снижалась, а наоборот, возрастала.

Совсем скоро был издан приказ №070 от 4 июня 1939 г. «О мерах по

предотвращению аварийности в частях военно-воздушных сил РККА». Данный приказ прямо говорил, что число летных происшествий в 1939 г. достигло чрезвычайных размеров [19, с. 102] и что за конец 1938 и первые месяцы 1939 г. в авариях погибло 5 летчиков Героев Советского Союза, а за период с 1 января до 15 мая 1939 г. погибло 70 человек личного состава ВВС.

Среди причин в первую очередь назывались – недисциплинированность и разболтанность или невнимательное и недопустимо халатное отношение к своим обязанностям летно-подъемного и технического состава [19, с. 102]. Также в этом приказе признавалось, что среди летчиков наблюдается чванство и зазнайство и нередко большие, а за ними и малые начальники считают, что инструкции, уставы, наставления и положения написаны не для них, что они уже переросли эти наставления и приказы, что для них закон не писан [19, с. 105].

Перечисление данных причин показывает, что во многом причины большой аварийности в советской военной авиации носили субъективный характер и при должном отношении к своим обязанностям количество летных происшествий было бы намного меньше.

Через год с небольшим уже новым народным комиссаром обороны СССР Маршалом Советского Союза Тимошенко был издан приказ №0200 от 28 августа 1940 г. «О задачах ВВС Красной армии в связи с большой аварийностью» [19, с. 105]. Этот приказ подводил итоги проверки 28 авиационных полков различных военных округов.

В тексте приказа приводится перечисление выявленных причин аварийности и других недостатков [19, с. 171–172]. На первом месте в этом перечне находится чрезвычайно низкая дисциплина, расхлябанность и неорганизованность в частях ВВС Красной армии. Неудивитель-

но, что в таких условиях постановка учебно-боевой подготовки во многих полках была неудовлетворительной. Подготовка летчиков и техников находилась на низком уровне, в том числе отмечено слабое знание материальной части, что приводило к плохому ее состоянию и обслуживанию, в частности вылету без горючего, с неснятыми струбцинками (зажимами, блокирующими движение управляющих поверхностей самолетов или рулей высоты и направления, что необходимо на стоянке для предотвращения самопроизвольного движения этих частей самолетов под действием ветра).

Приведенные документы не отражают общее состояние ВВС Красной армии. Для получения более полной картины обратимся к акту приема Наркомата обороны СССР С. К. Тимошенко от К. Е. Ворошилова. Эта передача дел от прежнего наркома к новому состоялась согласно Постановлению Совета Народных Комиссаров СССР от 8 мая 1940 г. № 690 [19, с. 298–309].

В этом акте была дана негативная оценка текущего состояния ВВС и отмечено, что материальная часть ВВС Красной армии в своем развитии за последние три года отстает по важнейшим показателям от авиации передовых армий других стран. Не было проявлено высшим военным руководством как Наркомата обороны, так и управления ВВС должной инициативы и настойчивости по внедрению современных типов самолетов. Отмечено также, что отработка новых самолетов, испытание и доводка их проходит крайне медленно.

Разумеется, были и объективные причины такого положения дел в советской военной авиации. Например, быстрый рост авиапрома требовал большого количества квалифицированных работников, оснащения создаваемых авиазаводов современным производственным

оборудованием, внедрения высоких технологий, особенно в моторостроении.

Но все же сильное влияние на сложившееся положение дел оказали причины субъективного характера. Конечно, сложно сказать, как бы происходило развитие советской военной авиации при надлежащем исполнении своих должностных обязанностей на всех уровнях, как в авиационной промышленности, так и ВВС, а также в каком положении они подошли бы к началу Великой Отечественной войны и как бы все это сказало на ходе боевых действий.

Для оценки реального положения дел обратимся к отчету командующего ВВС Западного фронта за 1941 г. о состоянии ВВС фронта и боевых действий [20, с.127–131]. Уровень боевой подготовки к 15 апреля 1941 г. в этом документе оценивается так: «Истребители – небоеспособны (в воздухе почти не стреляли и воздушных боев не вели); бомбардировщики – ограниченно боеспособны (мало бомбили, мало стреляли, мало летали на маршрутные полеты)» [20, с. 127].

Разумеется, такая картина была не во всех частях ВВС Красной армии, иначе вряд ли бы удалось переломить превосходство немецкой авиации. Были и настоящие авиационные командиры, и отличные летчики, которые даже на устаревшей технике добивались успехов. Лучше всего об этом сказано в очерке «Советские истребители в Великой Отечественной войне», опубликованном в книге М. Спика «Асы союзников»: «Многие летчики РККА, благодаря прочным навыкам в пилотировании... навязывали противнику и собственные, довольно жесткие и бескомпромиссные методы боя, выжимая из устаревших И-16 и

И-153 все, что было возможно» [21, с. 274].

Остается только сожалеть, что они встретили врага не на современной технике, а на устаревших машинах. Но, несмотря на это, они не дали возможности немецкой авиации действовать, не встречая сопротивления, приближая своими успехами в воздухе перелом и победу в Великой Отечественной войне.

Выводы

В ходе военного строительства в 20–30-е годы XX века руководство СССР уделяло большое внимание развитию советской военной авиации. В этом направлении были достигнуты неоспоримые успехи, особенно если учитывать, с каких стартовых позиций начиналось это развитие. Тем более оглушительными оказались хорошо известные итоги первых дней войны и огромные потери авиационной техники, как в воздушных боях, так и на земле.

При рассмотрении причин данных поражений обычно рассматривается авиационная техника, неудачные действия командования и т. д. Но влияние субъективных, личностных факторов на эти события зачастую либо не рассматривается совсем, либо анализируется не в полной мере.

Приведенные в статье факты показывают значительную роль данных факторов в сложившемся положении. Сложно ожидать высокого уровня боевой подготовки в авиационных частях, где состояние дисциплины (самый что ни на есть личностный фактор) находилось на недопустимо низком уровне.

Список литературы

1. Драбкин А. В., Исаев А. В. 22 июня. Черный день календаря. М.: Яуза: Эксмо, 2008. 384 с.
2. Исаев А. В. Вторжение. 22 июня 1941 года. М.: Яуза-каталог, 2019. 464 с.

3. Гланц Д. Колосс поверженный. Красная Армия в 1941 г. / пер. с англ. В. Федоров. М.: Яуза: Эксмо, 2008. 544 с.
4. Ефимов Н. Н., Бондаренко А. Ю. Горькое лето 41-го. М.: Вече, 2011. 416 с.
5. Некрич А. М. 1941. 22 июня. М.: Памятники исторической мысли, 1995. 178 с.
6. Лопуховский Л., Кавалерчик Б. Июнь. 1941 г. Запрограммированное поражение. М.: Яуза: Эксмо, 2010. 736 с.
7. Кершоу Р. 1941 год глазами немцев. Березовые кресты вместо железных. М.: Яуза: Эксмо, 2010. 660 с.
8. Симонов Н. С. Военно-промышленный комплекс СССР в 1920–1950 годы: темпы экономического роста, структура, организация производства и управление. М.: Российская политическая энциклопедия, 1996. 336 с.
9. Степанов А. С. Развитие советской авиации в предвоенный период (1938 год – первая половина 1941 года). М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2009. 44 с.
10. Мухин М. Ю. Авиапромышленность СССР в 1921–1941 годах. М.: Наука, 2006. 320 с.
11. Бюшгенс Г. С. Самолетостроение в СССР, 1917–1945 гг.: в 2 кн. М.: ЦАГИ, 1992-1994.
12. Шумихин В. С. Советская военная авиация 1917–1941 г. М.: Наука, 1986. 284 с.
13. Письмо летчика-инженера И. П. Белозерова наркому обороны СССР К. Е. Ворошилову о неудовлетворительной работе авиазаводов // Становление оборонно-промышленного комплекса СССР (1933–1937). М., 2011. С. 393–396.
14. Дегтев Д. М., Борисов Ю. С., Зубов Д. В. «Ишак» против мессера. Испытание войной в небе Испании. 1936–1939. М.: Центрполиграф, 2012. 255 с.
15. Выступление наркома тяжелой промышленности СССР С. Орджоникидзе на отраслевой конференции авиационной промышленности о качестве работы в 1935 г. // Становление оборонно-промышленного комплекса СССР (1933–1937). М., 2011. С. 502–508.
16. Докладная записка начальника военно-воздушных сил РККА Я. И. Алксниса наркому обороны СССР К. Е. Ворошилову о состоянии материальной части ВВС РККА на 1 декабря 1936 г. и плане заказов на 1937 г. // Становление оборонно-промышленного комплекса СССР (1933–1937). М., 2011. С. 197–200.
17. Русский архив: Великая Отечественная: Накануне войны: материалы совещания высшего руководящего состава РККА. Т. 12(1). М.: ТЕРРА, 1993. 408 с.
18. Боевой и численный состав вооруженных сил СССР в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Статистический сборник №1 (22 июня 1941 г.). М.: Институт военной истории Министерства обороны Российской Федерации, 1994. 334 с.
19. Русский архив: Великая Отечественная: Приказы народного комиссара обороны СССР. Т. 13 (2–1). М.: ТЕРРА, 1994. 368 с.
20. Сборник боевых документов ВОВ. Выпуск № 35. М.: Воениздат, 1959. 206 с.
21. Спик М. Асы союзников / пер. с англ. А. А. Жеребилова. Смоленск: Русич, 2000. 464 с.

References

1. Drabkin A. V., Isaev A. V. 22 iyunya. Chernyj den' kalendarya [June 22. Black day of the calendar]. Moscow, Yauza Publ., Eksmo Publ., 2008. 384 p.
2. Isaev A. V. Vtorzhenie. 22 iyunya 1941 goda [Invasion. June 22, 1941.]. Moscow, Yauza-katalog Publ., 2019. 464 p.
3. Glanc D. Koloss poverzhennyj. Krasnaya Armiya v 1941 g. [The colossus is defeated. The Red Army in 1941]. Moscow, Yauza Publ., Eksmo Publ., 2008. 544 p.
4. Efimov N. N., Bondarenko A. Yu. Gor'koe leto 41-go [The bitter summer of the 41st.]. Moscow, Veche Publ., 2011. 416 p.
5. Nekrich A. M. 1941. 22 iyunya [June 22. Monuments of historical thought]. Moscow, Pamyatniki istoricheskoy mysli, 1995. 178 p.

6. Lopuhovskij L., Kavalerchik B. Iyun'. 1941 g. Zaprogrammirovannoe porazhenie [June. 1941 Programmed defeat]. Moscow, Yauza Publ., Eksmo Publ., 2010. 736 p.

7. Kershov R. 1941 god glazami nemcev. Berezovye kresty vmesto zheleznyh [1941 through the eyes of the Germans. Birch crosses instead of iron ones]. Moscow, Yauza Publ., Eksmo Publ., 2010. 660 p.

8. Simonov N. S. Voенно-promyshlennyy kompleks SSSR v 1920–1950 gody: tempy ekonomicheskogo rosta, struktura, organizaciya proizvodstva i upravlenie [The military-industrial complex of the USSR in 1920-1950: the pace of economic growth, structure, organization of production and management]. Moscow, Rossijskaya politicheskaya enciklopediya Publ., 1996. 336 p.

9. Stepanov A. S. Razvitie sovetskoj aviacii v predvoennyj period (1938 god – pervaya polovina 1941 goda) [The development of Soviet aviation in the pre-war period (1938 – the first half of 1941)]. Moscow, Russkij fond sodejstviya obrazovaniyu i nauke Publ., 2009. 44 p.

10. Muhin M. Yu. Aviapromyshlennost' SSSR v 1921–1941 godah [Aviation industry of the USSR in 1921-1941]. Moscow, Nauka Publ., 2006. 320 p.

11. Byushgens G. S. Samoletostroenie v SSSR, 1917–1945 gg. [Aircraft construction in the USSR, 1917-1945]. Moscow, CAGI Publ., 1992-1994.

12. Shumihin V. S. Sovetskaya voennaya aviaciya 1917–1941 g. [Soviet military aviation 1917-1941]. Moscow, Nauka Publ., 1986. 284 p.

13. Pis'mo letchika-inzhenera I. P. Belozerova narkomu oborony SSSR K. E. Voroshilovu o neudovletvoritel'noj rabote aviazavodov [The letter of the pilot-engineer I. P. Belozerov to the People's Commissar of Defense of the USSR K. E. Voroshilov about the unsatisfactory work of aircraft factories]. Stanovlenie oboronno-promyshlennogo kompleksa SSSR (1933–1937). [The formation of the military-industrial complex of the USSR (1933-1937)]. Moscow, 2011, pp. 393–396.

14. Degtev D. M., Borisov Yu. S., Zubov D. V. "Ishak" protiv messera. Ispytanie vojnoj v nebe Ispanii ["Ass" against Messer. The test of war in the skies of Spain]. 1936–1939. Moscow, Centrpoligraf Publ., 2012. 255 p.

15. Vystuplenie narkoma tyazhelej promyshlennosti SSSR S. Ordzhonikidze na otraslevoj konferencii aviacionnoj promyshlennosti o kachestve raboty v 1935 g. [Speech of the People's Commissar of Heavy Industry of the USSR S. Ordzhonikidze at the aviation industry industry conference on the quality of work in 1935]. Stanovlenie oboronno-promyshlennogo kompleksa SSSR (1933–1937) [Formation of the USSR military-industrial complex (1933-1937)]. Moscow, 2011, pp. 502–508.

16. Dokladnaya zapiska nachal'nika voенно-vozdushnyh sil RKKa Ya. I. Alksnisa narkomu oborony SSSR K. E. Voroshilovu o sostoyanii material'noj chasti VVS RKKa na 1 dekabrya 1936 g. i plane zakazov na 1937 g. [Memo of the Chief of the Red Army Air Force Ya. I. Alksnis to the People's Commissar of Defense of the USSR K. E. Voroshilov on the state of the material part of the Red Army Air Force on December 1, 1936 and the plan of orders for 1937]. Stanovlenie oboronno-promyshlennogo kompleksa SSSR (1933–1937) [Formation of the USSR military-industrial complex (1933-1937)]. Moscow, 2011, pp. 197-200.

17. Russkij arhiv: Velikaya Otechestvennaya: Nakanune vojny: materialy soveshchaniya vysshego rukovodyashchego sostava RKKa [Russian archive: The Great Patriotic War: On the eve of the war: materials of the meeting of the supreme leadership of the Red Army]. Vol. 12(1). Moscow, TERRA Publ., 1993. 408 p.

18. Boevoj i chislennyj sostav vooruzhennyh sil SSSR v period Velikoj Otechestvennoj vojny (1941–1945 gg.) [Combat and numerical composition of the Armed forces of the USSR during the Great Patriotic War (1941-1945)]. Statisticheskij sbornik №1 (22 iyunya 1941 g.) [Statistical Collection No. 1 (June 22, 1941)]. Moscow, Institut voенnoj istorii Ministerstva oborony Rossijskoj Federacii Publ., 1994. 334 p.

19. Russkij arhiv: Velikaya Otechestvennaya: Prikazy narodnogo komissara oborony SSSR [Russian Archive: The Great Patriotic War: Orders of the People's Commissar of Defense of the USSR]. Vol. 13 (2–1). Moscow, TERRA Publ., 1994. 368 p.

20. Sbornik boevykh dokumentov VOV [Collection of WWII combat documents]. Is. no. 35. Moscow, Voenizdat Publ., 1959. 206 p.
21. Spik M. *Asy soyuznikov* [Aces of the Allies]. Smolensk, Rusich Publ., 2000. 464 p.

Информация об авторах / Information about the Authors

Бирюлин Владимир Иванович, кандидат технических наук, доцент кафедры электроснабжения, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: bir1956@mail.ru,
ORCID: 0000-0002-1681-184X,
Researcher ID: ABA-6330-2020

Vladimir I. Biryulin, Candidate of Engineering Sciences, Associate Professor of the Department of Power Supply, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: bir1956@mail.ru,
ORCID: 0000-0002-1681-184X,
Researcher ID: ABA-6330-2020

Куделина Дарья Васильевна, кандидат технических наук, доцент кафедры электроснабжения, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: mary_joy@mail.ru,
ORCID: 0000-0003-2304-9547,
Researcher ID: O-6973-2017

Daria V. Kudelina, Candidate of Engineering Sciences, Associate Professor of the Department of Power Supply, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: mary_joy@mail.ru,
ORCID: 0000-0003-2304-9547,
Researcher ID: O-6973-2017

Ларин Олег Михайлович, кандидат технических наук, доцент кафедры электроснабжения, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: larin77@mail.ru,
ORCID: 0000-0002-6436-997X,
Researcher ID: F-1316-2019

Oleg M. Larin, Candidate of Engineering Sciences, Associate Professor of the Department of Power Supply, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: larin77@mail.ru,
ORCID: 0000-0002-6436-997X,
Researcher ID: F-1316-2019

Оригинальная статья / Original article

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2021-11-6-213-224>

Состояние медицинских учреждений и проблемы здоровья населения в период позднего сталинизма (на материалах Актюбинской области Казахской ССР)

А. К. Мухамбетгалиева¹ ✉, Р. Р. Хисамутдинова²

¹Западно-Казахстанский медицинский университет имени Марата Оспанова
ул. Маресьева 68, г. Актобе 030019, Республика Казахстан

²Оренбургский государственный педагогический университет
ул. Советская 19, г. Оренбург 460000, Российская Федерация

✉ e-mail: k.alima.82@mail.ru

Резюме

Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью отражения в исторической науке особенностей развития советского здравоохранения в условиях послевоенного восстановления. Функционирование медицинских учреждений в послевоенный период проходило в сложных условиях не только на освобожденной территории, но и в тыловых регионах, так как последствия Великой Отечественной войны для страны и всех народов бывшего СССР были колоссальными. В настоящее время в российской и казахской историографии отсутствуют комплексные исследования по данной проблеме, а имеющиеся работы носят в основном фрагментарный характер.

Цель исследования – изучение проблем лечебных и санитарно-профилактических учреждений, состояния здоровья населения Актюбинской области Казахской ССР в послевоенные годы.

Задачи: на основе привлечения архивных документов проанализировать проблемы здравоохранения Актюбинской области, такие как нехватка врачебных кадров, слабое материально-техническое обеспечение и низкое санитарное состояние медицинских учреждений, оценить уровень оказания медицинской помощи и масштабы распространения инфекционных заболеваний, особенно среди сельских жителей.

Методология. В работе использовались общенаучные методы (анализ, синтез), специальные исторические методы: историко-генетический, проблемно-хронологический, сравнительно-исторический и др.

Результаты. Исследование показало, что в целом состояние лечебных учреждений в период позднего сталинизма на территории Актюбинской области было неудовлетворительным. Изучение архивных документов позволило выявить реальную картину нужды и скудости в больничных учреждениях в послевоенные годы, а также оценить попытки правительства реформирования системы амбулаторных и поликлинических учреждений для улучшения оказываемой медицинской помощи населению.

Вывод. Ухудшение состояния народного здравоохранения, в результате которого сократилась рождаемость и возросла смертность населения, возникло вследствие Великой Отечественной войны. Низкая оснащенность оборудованием, медицинскими инструментами учреждений здравоохранения Актюбинской области, нехватка кадров способствовали снижению качества оказываемой лечебной помощи. Результаты исследования могут выступать базой для дальнейшего изучения проблемы развития и организации здравоохранения в Казахской ССР в послевоенный период.

Ключевые слова: Актюбинская область; послевоенный период; медицинские учреждения; здравоохранение; инфекционные заболевания.

Конфликт интересов: Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Мухамбетгалиева А. К., Хисамутдинова Р. Р. Состояние медицинских учреждений и проблемы здоровья населения в период позднего сталинизма (на материалах Актюбинской области Казахской ССР) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021. Т. 11, № 6. С. 213–224. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2021-11-6-213-224>.

Поступила в редакцию 20.10.2021

Принята к публикации 25.11.2021

Опубликована 27.12.2021

© Мухамбетгалиева А. К., Хисамутдинова Р. Р., 2021

State of Medical Institutions and Public Health Problems during Late Stalinism (on the Materials of the Aktobe Region of the Kazakh SSR)

Alima K. Mukhambetgalieva¹ ✉, Ravilya R. Khisamutdinova²

¹ Marat Ospanov West Kazakhstan Medical University Kazakhstan, Aktobe
Maresieva str. 68, Aktobe 030019, Kazakhstan

² Orenburg State Pedagogical University Russia, Orenburg
Sovetskayastr.19, Orenburg 460000, Russian Federation

✉ e-mail: k.alima.82@mail.ru

Abstract

The relevance of the topic of the research is conditioned by the necessity to reflect in the historical science the peculiarities of development of the Soviet public health care in the conditions of the postwar reconstruction. The functioning of medical institutions in the postwar period took place in difficult conditions not only in the liberated territory, but also in the rear regions, as the consequences of the Great Patriotic War for the country and all the peoples of the former Soviet Union were enormous. Currently, Russian and Kazakh historiography lacks comprehensive studies on this issue, and the available works are mostly fragmentary in nature.

The purpose of the research is to study the problems of medical and sanitary-preventive institutions, the state of health of the population of the Aktobe region of the Kazakh SSR in the post-war years.

Objectives: on the basis of the documents of the State Archive of Aktobe region to analyze problems such as the shortage of medical personnel in the region, poor material - technical support and poor sanitary condition of medical institutions, to assess the extent of the spread of various infectious diseases, especially among the rural population.

Methodology. The source base of the research includes published materials and archive documents. In the work were used scientific methods, typical for historical research: historical-genetic, comparative-historical.

Results. The study showed that in general the state of medical institutions during the late Stalinism period in the territory of Aktobe region was unsatisfactory. The study of published sources and archival documents allowed us to reveal the real picture of the need and scarcity in the hospital institutions in the postwar years, as well as to assess the government attempts to reform the system of outpatient and polyclinic institutions.

Conclusion. Deterioration of public health, which resulted in a decrease in the birth rate and increased mortality, arose as a result of the Great Patriotic War. Low provision of equipment, medical instruments contributed to the decline in the quality of medical care. The results of the study can serve as a basis for further study of the problem of development and organization of health care in the Kazakh SSR in the postwar period.

Keywords: Aktobe region; postwar period; medical institutions; public health; infectious diseases.

Conflict of interest: The Authors declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Mukhambetgalieva A. K., Khisamutdinova R. R.. State of Medical Institutions and Public Health Problems during Late Stalinism (on the Materials of the Aktobe Region of the Kazakh SSR). *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2021; 11(6): 213–224. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2021-11-6-213-224>.

Received 20.10.2021

Accepted 25.11.2021

Published 27.12.2021

Введение

Эпоха «позднего сталинизма» была наиболее сложной и противоречивой в истории страны. Она ассоциируется с послевоенной разрухой, восстановлением хозяйства и наивысшим расцветом культа

личности Сталина. В советской историографии послевоенные годы долгое время оставались в тени Великой Отечественной войны, по-настоящему до конца не осмысленными. В работах первых послевоенных лет в основном прославлялся

мирный созидательный труд советского народа, но не раскрывалась суть социально-экономической истории советского общества. Проблема советского здравоохранения периода позднего сталинизма представляет большой интерес для исторической науки, потому что большинство исследований историко-медицинского характера советского периода разрабатывались под давлением идеологии и во многом не могли отразить объективную картину прошлого. Одними из первых исследований в российской историографии, которые посвящены исследованию послевоенного общества, были труды Е. Ю. Зубковой [1], В. Ф. Зимы [2]. В работе К. Бартона [3] рассматриваются послевоенные реформы, связанные с переходом от производственного к территориальному принципу медицинской помощи населению, доступностью медицины для всех категорий граждан.

В казахской историографии развитию медицины и проблеме здоровья населения уделялось внимание в работах С. Х. Душманова [4], К. К. Абдрахмановой [5], З. Г. Сактагановой [6]. В монографии С. Х. Душманова дается комплексное исследование истории развития здравоохранения Западного Казахстана с XVII в. до 1991 г. [4] Исследователи З. Г. Сактаганова, К. К. Абдрахманова рассматривают развитие здравоохранения в городах Центрального Казахстана, характеризуют сеть больничных учреждений, состояние женского и детского здравоохранения в 1946–1953 гг. [5; 6]

На региональном уровне комплексные исследования по данной проблеме вовсе отсутствуют. В отдельных статьях имеются сведения по Актюбинской области, однако в них тема отражена лишь частично.

Методология

Исследовательские задачи были достигнуты на основе использования документов, извлеченных из фондов Государственного архива Актюбинской области,

которые вводятся в научный оборот впервые. В исследовании использованы документы фонда №13–«П», обозначающие «партийные», куда вошли различные отчеты партийных комитетов, докладные записки, решения пленумов Актюбинского обкома Компартии Казахстана. Методологическую основу исследования составили комплекс как общенаучных, так и специально-научных методов. Особое значение в научном исследовании придается таким методам научного познания, как анализ и синтез. Результаты применения анализа позволили создать полное и всестороннее представление об изученном явлении. Результаты синтеза помогли выделить наиболее существенные особенности развития медицинского обслуживания, характерные для региона. Специальные исторические методы: историко-генетический, проблемно-хронологический, сравнительно-исторический помогли выявить проблемы развития здравоохранения Актюбинской области на протяжении послевоенных лет и попытки их решения центральными и местными органами власти, провести сравнительный анализ с другими регионами Казахской Республики.

Результаты и их обсуждение

Развитие медицины и качество здоровья населения являются основными направлениями социальной политики государства, показатель роста страны в целом и региона в частности. В годы войны здравоохранение понесло большой урон. Общие потери советского здравоохранения по неполным данным составили 6,6 млрд руб. [7] Хотя боевых действий на территории Казахстана не происходило, но, как известно, республика стала крепким тылом фронту. Здравоохранение республики мобилизовало все силы и средства на помощь раненым и больным. В годы войны в Актюбинской области разместились четыре эвакуационных госпиталя на 1700 коек, после войны они были расформированы [8].

С окончанием Великой Отечественной войны перед советским правительством стояли ряд проблем, требовавших незамедлительного решения, а именно ликвидация санитарных последствий войны, строительство и расширение сети лечебно-профилактических учреждений, подготовка и воспитание медицинских кадров. Ввиду длительного военного положения здравоохранение республики работало в условиях острого недостатка.

В послевоенные годы Актюбинская область считалась одной из крупнейших областей сельского хозяйства и развитой

промышленности в Казахской ССР. Однако от экономического развития области отставали медико-санитарное состояние и уровень медицинского обслуживания населения. В городах и селах специализированная медицинская помощь оставалась слабой. В первые послевоенные годы сеть лечебных учреждений Актюбинской области не претерпела существенных изменений. Об этом свидетельствуют сравнительные данные ниже приведенной таблицы 1 [9, л. 2, 3; 10, л. 29, 31].

Таблица 1. Сеть учреждений здравоохранения Актюбинской области в 1946–1948 гг.

Наименование учреждений	1946 г.	1947 г.	1948 г.
Больницы и роддома	38	38	39
Амбулаторные учреждения	41	42	44
Стационары при амбулаториях	7	6	6
Венерологические пункты и диспансеры	14	14	15
Детские и женские консультации	13	15	17
Врачебные здравпункты	3	3	2
Санэпидстанции	6	7	7
Малярстанции и пункты	11	12	12
Молочные контр.станции	1	3	3
Молочные кухни	8	6	7
Фельдшерско-акушерские и акушерские пункты	68	97	106
Станции скорой помощи	3	3	3
ГСИ	19	14	14
Дет.туберкулезная санатория	1	1	2
Онкологические пункты	-	-	1
Фельдшерские здрав.пункты	11	11	11
Детские ясли	24	25	25
Колхозные родхаты	3	4	4

Статистические данные показывают, что количественные изменения в медицинских учреждениях в эти годы были незначительны, увеличилось только количество фельдшерско-акушерских пунктов с 68 до 106 и детских и женских консультаций с 13 до 17, показатели остальных учреждений практически не изменились, а некоторые даже уменьшились. На 1 января 1949 г. функционировало 39 больниц с количеством фактически развернутых коек – 1308, амбулаторий – 44.

Выполнение койко-дней по области за 1947 г. составило 267496 (88%), а в 1948 г. – 228970, или 76%. Причинами невыполнения являлись следующие: основные лечебные учреждения были подвергнуты ремонту, которые в течение ряда лет не ремонтировались; недостаточность врачебных кадров на местах; плохое снабжение продуктами питания [9, л. 6].

В 1948 г. сеть городских лечебно-профилактических учреждений состояла из 10 объединенных больниц и амбулаторий

рий. В систему Актюбинского горздра-
вотдела входили городская объединенная
больница, городская детская объединен-
ная больница, родильный дом, Дом ре-
бенка, Горэпидстанция, Гормалярстан-
ция. В области имелись две санитарные
части (на заводе ферросплавов и на шахте
Курашасай), 14 рентгенаппаратов, 10 кли-
нико-диагностических лабораторий, 3 фи-
зиотерапевтических кабинета. Сельская
сеть области состояла из 29 объединен-
ных больниц на 328 коек. По области ра-
ботали 5 участков отгонного животно-
водства: Иргизе, Байганине, Челкаре, Ка-
рабутаке, Джуруне, где имелись фельд-
шерские пункты. Каждому пункту были
прикреплены из райцентра врачи, кото-
рые выезжали для консультации и оказа-
ния медицинской помощи [9, л. 7, 8].
Сельский врачебный участок оказывал
населению только общую врачебную по-
мощь, т. к. его структура и штатные воз-
можности не позволяли осуществить
специализированную врачебную помощь,
без чего нельзя было добиться улучше-
ния здоровья жителей села. В районных
центрах людям не была обеспечена ква-
лифицированная помощь при хирургиче-
ских, гинекологических и других заболе-
ваниях, т. к. большинство врачей в райо-
нах были врачами общей практики [11,
л. 287].

Существенным недостатком в работе
здравоохранения являлись слабая мате-
риально-техническая база, перебои в
снабжении медикаментами, особенно в
районных и сельских больницах. Больни-
цы плохо обеспечивались мягким инвен-
тарем, медицинским оборудованием, ле-
карственными и транспортными сред-
ствами. В отдаленных от областного цен-
тра Карабутакском, Уильском, Байганин-
ском районах из-за отсутствия авто-
транспорта и несвоевременного оказания
медицинской помощи имели место слу-
чай смертности [10, л. 7, 8].

Низкая оснащенность бактериологи-
ческих лабораторий, станций оборудова-
нием, медицинскими инструментами

способствовала снижению качества ока-
зываемой лечебной помощи. В справке
по итогам проверки деятельности лечеб-
ных учреждений г. Актюбинска за 1952 г.
выявлено, что в лаборатории городской
объединенной больницы отсутствовали
ряд реактивов, без которых лаборатория
не могла давать правильные анализы, а
также необходимые минзурки и шприцы
[12, л. 58]. В лечебных учреждениях име-
ли место расхождения диагнозов, напри-
мер, за 1949 г. в терапевтическое отделе-
ние поступило 892 больных, из них в 113
случаях было расхождение диагнозов,
что составляло 12,5%, в инфекционное
отделение – соответственно 774 больных,
из них в 116 случаев расхождение диа-
гноза, или 15% [13, л. 10, 11]. Из-за от-
сутствия помещений и койко-мест в
больницах имели случаи отказа в приеме
«длительно болеющих», т. е. больных с
хроническими заболеваниями.

О тяжелом положении медицинских
учреждений в рассматриваемый период
достаточно много описывается в архив-
ных документах: в сведениях, справках о
работе органов здравоохранения, доклад-
ных записках и отчетах. Рассмотрим не-
сколько ситуаций в лечебных учрежде-
ниях области. В Новороссийском районе
за 1947 г.: «обеспечение твердым инвен-
тарём лечебных учреждений выполнено
на 50%, мягким инвентарем на 40%,
ощущается недостаток в коврах, столах и
стульях, недостает одеял 30 штук, про-
стыней и нательного белья, как мужско-
го, так и женского» [14, л. 1]. В докумен-
тах о результатах обследования хирургиче-
ского отделения городской больницы в
1949 г. описывается удручающая картина
бедности: «здание старое, ветхое, в неко-
торых палатах доски пола прогнившие.
Больница плохо оснащена твердым инвен-
тарем, из имеющихся 60 кроватей 30% хо-
роших и 70% старых с порвавшимися сет-
ками, подлежат списанию» [15, л. 13].

В докладной записке председателю
Исполкома Облсовета депутатов трудя-
щихся отмечено следующее: «...обеспе-
чение лечебно-профилактических и дет-

ских учреждений на зиму топливом остается очень низким. По состоянию на 17 октября 1946 г. обеспечены углём на зиму областные учреждения на 24,3% и городские на 52%» [16, л. 1]. При этом получаемое топливо было некачественным, оно содержало 50% пыли, что не удовлетворяло потребным количества теплоты для лечебных детских учреждений на зимний период.

Многие учреждения здравоохранения области не имели необходимого помещения, здания требовали ремонта и расширения. К примеру, результаты проверки в 1951 г. городского родильного дома выявили, что «прачечная находится в подвальном помещении, где темно, сыро и тесно. По положению охраны труда прачечная может принести вред здоровью сотрудников, а также большой ущерб, потому что здание роддома может разрушиться и в первую очередь может обвалиться потолок, который является полом первого этажа, так как стены уже дают осадки» [17, л. 68]. Несмотря на аварийное состояние, многие учреждения продолжали оказывать медицинскую помощь населению.

Санитарное состояние лечебных учреждений области было крайне неблагоприятным. Обследование детской костнотуберкулезной санатории в 1946 г. показало, что она находилась в непригодном здании, «окна грязные, на мебели пыль, белье плохо постиранное,

при наличии пустых комнат в санатории отсутствовала перевязочная, гипсовая комната, поэтому все манипуляции больными проводились в грязной постели. Больные с тяжелым кокситом лежали без шин, в вынужденном положении» [16, л. 4].

В послевоенные годы одной из важнейших проблем являлась нехватка фактической численности кадров и низкий уровень компетентности врачей по республике. Описывая состояние здравоохранения СССР в послевоенный период, К. Бартон отмечает, что сельские районы и отдаленные регионы продолжали испытывать недостаток медицинского персонала, в то время как укомплектованность кадров в крупных городах значительно выше. После войны только 20% сельских районных центров имели трех и более докторов, в то время как 40% имели лишь одного [3, с. 545].

Обеспеченность медицинскими кадрами Актюбинской области была слабая. Практически во многих районах области ощущалась острая нехватка медицинских специалистов. Свидетельством тому служат документы различного характера из архивных фондов: справки о составе кадров, сведения о прибывших медработниках, отчеты о работе лечебных учреждений области. Краткий обзор о численности медицинских работников области в послевоенный период отражен в таблице 2.

Таблица 2. Сведения о количестве медицинских работников в Актюбинской области [10, л. 7; 12, л. 2; 15, л. 197; 16, л. 34; 17, л. 27; 18, л. 1; 19, л. 14]

Наименование	1945 г.	1946 г.	1947 г.	1948 г.	1949 г.	1950 г.	1951 г.	1952 г.	1953 г.
Врачи	95	78	92	128	140	225	246	231	228
Средние медицинские работники	481	459	452	521	624	662	679	667	686

Как видно, данные о медицинских работниках в период 1945–1953 гг. возросли: в 2,3 раза врачей и 1,4 раза среднего медперсонала. Надо заметить, что информация за эти годы очень скудна, количество работников здравоохранения

постоянно менялось, главным образом из-за переезда в другие республики. Несложно предположить, что советское здравоохранение, особенно в голодном 1947 г., пребывало в плачевном состоянии. Область особенно нуждалась в спе-

циалистах по таким отраслям, как: венерология, фтизиатрия, хирургия, акушерство-гинекология, педиатрия. В 1948 г. в области работали всего 21 акушер-гинеколог, не укомплектованными остались 7 районных больниц. В 1953 г. в области было всего 58 акушерок, а для работы в колхозных родильных домах и отделениях требовалось 176 [20, с. 208].

Во второй половине 1940-х гг. количественная нехватка медицинских кадров ощущалась и в других областях республики. Например, в городах Центрального Казахстана больницы нуждались в хирургах, терапевтах, гинекологах, во фтизиатрах и инфекционистах [5, с. 21]. Проблему медицинских кадров решали пополнением за счет врачей – выпускников Алма-Атинского, Астраханского, Саратовского, Харьковского медицинских институтов. Например, по плану в 1951 г. из 81 запрошенных врачей прибыло 49 специалистов [18, л. 26]. Пополнение средних медицинских кадров шло за счет выпуска Актюбинской школы медсестер. Так, в 1951 г. были подготовлены 61 медсестра [18, л. 11]. Однако одновременно с прибытием новых специалистов происходила и текучесть кадров, например, за 1951 г. из области выбыло 33 врача по разным причинам, из них 8 специалистов «самовольно – не вернулись из отпуска» [18, л. 6]. Таким образом, большая некомплектованность врачебными кадрами и текучесть не позволяли обеспечить в достаточном количестве промышленные центры области и районы ведущими специалистами.

Эпидемиологическое положение Актюбинской области в рассматриваемый период продолжало оставаться неудовлетворительным. Голодная зима 1946–1947 гг. в стране привела к большому ухудшению здоровья населения. В качестве причины высокой заболеваемости и смертности населения была дистрофия, особенно среди детей. Постоянное недоедание, низкие бытовые условия приводили к ухудшению состояния здоровья и

вспышкам инфекционных заболеваний. По мнению Е. Ю. Зубковой, точных данных о количестве жертв послевоенного голода не существует. Сам факт голода тщательно скрывался советскими властями, медицинская статистика была несовершенна, а частично и сфальсифицирована [1, с. 76]. Историк В. Ф. Зима – один из первых российских исследователей, обратившихся к проблеме и последствиям голода 1946–1947 гг., утверждает, что в целом по Союзу ССР всего с 1946 по 1948 г. от голода и связанных с ним болезней погибло около 2 млн человек [2, с. 179]. По данным историка В. П. Попова, прямые потери от голода 1947 г. составили 770,7 тыс. человек [21, с. 130].

Голод тяжело отразился на состоянии здоровья населения Западного Казахстана. Среди населения Актюбинской области имело место большое распространение различных инфекционных заболеваний – туберкулеза, кожно-венерических, малярии и др. По неполным данным в лечебных учреждениях области только зарегистрированных больных туберкулезом числилось более 1500, малярией – 7000 человек. Если проанализировать распространение активной формы туберкулеза легких, то наблюдается резкое повышение. Например, в 1947 г. было зарегистрировано 1062 случая, т. е. на 10 тыс. населения составило 37 человек, в 1948 г. – 1560 случаев, что составляло 55 человек на 10 тыс. населения [9, л. 6]. Особенно этими заболеваниями было поражено население Карабутацкого, Темирского, Иргизского, Новороссийского, Уильского и Байганинского районов. В связи с тем что медицинские обследования населения в отдаленных неблагополучных районах не проводились, следует полагать, что больных было больше. Выборочное медицинское обследование населения отдельных колхозов показало высокую пораженность населения указанными заболеваниями, доходящую по некоторым населенным пунктам до 70% [10, л. 6]. Это объясняется тем, что ин-

фекционные больные своевременно не подвергались лечению и не изолировались, тем самым распространяли инфекции. Кроме того, заболеваемость населения в 1948 г. по сравнению с 1947 г. увеличилась сыпным тифом на 49%, скарлатиной – на 48%, коклюшем – в 8 раз [22, л. 23]. Инфекционная заболеваемость по возвратному тифу в Западном Казахстане в 1946 г. составила 42,2, что значительно превосходило среднереспубликанский (17,6) и среднесоюзный (3,2) показатели [4, с. 309].

В послевоенный период особенно сложно приходилось детям. Система охраны здоровья женщин и детей находилась под особым контролем государства. Туберкулез, малярия, затяжная дизентерия, брюшной тиф были частыми заболеваниями среди детей. Случаи эпидемических заболеваний и смертности фиксировались среди воспитанников детских домов. Скученность, тяжелый быт, отсутствие хорошей организации питания в детских домах создавали серьезную угрозу вспышек инфекционных заболеваний. В документах проверок за 1948 г. есть сведения о том, что дети, больные туберкулезом, вовремя не были изъяты из детдомов [23, с. 168], что свидетельствовало о грубом нарушении в работе отделов здравоохранения. В целом по СССР в 1947 г. по сравнению с 1946 г. детская смертность увеличилась на 51%, но при этом она оставалась значительно ниже предвоенного 1940 г., когда также отмечался всплеск детской смертности [24, с. 99]. Установить количество смертности среди детей в послевоенный период в Актюбинской области не представляется возможным ввиду отсутствия достаточных сведений.

В послевоенные годы в Казахстане возобновилась начатая еще в предвоенные годы борьба с бруцеллезом. В 1949 г. в г. Актюбинск начала свою работу бруцеллезная больница на 30 коек. Неблагополучными очагами бруцеллеза являлись животноводческие хозяйства трех райо-

нов области – Хобдинского, Джурунского и Новороссийского, где число случаев заболеваний составило 1440 в 1948 г. против 541 в 1947 г. [4, с. 316], т. е. возросло в 2,7 раза. Увеличение количества случаев инфекционных заболеваний говорило о слабой работе санитарно-противоэпидемических учреждений по предупреждению, выявлению и лечению болезни. Большинство населенных пунктов, жилищ, рынков, мест общественного пользования находились в антисанитарном состоянии [22, л. 24]. К примеру, в документе о работе здравоохранения за 1946 г. по Хобдинскому району говорится следующее: «районная противоэпидемическая комиссия работает крайне неудовлетворительно. В районе 38 бань, работает только 18, из них 8 бань работает аккуратно – 3 раза в месяц, остальные от случая к случаю. Дезокамер в районе всего 5, работают только 3» [25, л. 1]. Таким образом, низкий уровень противоэпидемического и медицинского обслуживания приводил к большой пораженности населения различными инфекционными заболеваниями. Такое положение явилось, прежде всего, результатом необеспеченности области медицинскими кадрами и отсутствием необходимых условий в работе лечебных учреждений.

Определенные улучшения в системе медицинского обслуживания в послевоенные годы всё же были. Процесс объединения амбулаторно-поликлинических учреждений с больницами, хотя и был проведен Министерством здравоохранения СССР волевым методом, часто без учета особенностей местных условий, изменил и улучшил специализированную помощь населению, дал возможность врачам повышать свою квалификацию, работая в больнице. Значительно увеличилось количество хирургических, акушерско-гинекологических операций, число случаев переливания крови и вылетов специалистов в отдаленные районы [19, л. 32]. Уменьшилось число расхождений диагнозов и летальных исходов. С

1 января 1949 г. была введена обязательная противотуберкулезная вакцинация детей. План профилактических мероприятий, намеченный в 1949 г., был выполнен, что привело к снижению инфекционных заболеваний, как, например, сыпного тифа в 1948 г. зарегистрировано 44 случая, в 1949 г. – 16 случаев, брюшного тифа – соответственно 77 и 26 случаев, паратифа – 73 и 17 случаев, т. е. случаи заболеваемости снизились почти в 3–4 раза [13, л. 9]. Необходимо отметить, что в 1952 г., особенно во 2 полугодии, значительно вырос процент охвата госпитализацией больных с крупозной пневмонией с 72% до 92% [26, л. 88]. В сельских местностях коечный фонд в 1950 г. составил 455 против 398 в 1946 г., т. е. увеличился на 57 коек [4, с. 294].

Приоритетными мерами по охране здоровья населения во время четвертой пятилетки были строительство больниц, диспансеров, расширение коек и снабжение медицинскими средствами. В 1949 г. была проведена большая работа по открытию в г. Актюбинск туберкулезной больницы на 30 коек и детской легочной санатории в п. Тамды на 25 коек, увеличилось число коек в сельской местности на 115 [27, л. 8]. В том же году открыты две детско-женские консультации, кожно-венерологический диспансер в г. Темире, онкодиспансер в г. Актюбинск, больница на руднике Тай-Кеткен Степного района, увеличилось число мест в детских яслях. В 1951 г. женщинам и детям лечебную помощь оказывали 19 детско-женских консультаций, детская объединенная больница, два самостоятельных детских отделения и родильные отделения при больницах области [20, с. 208]. В Актюбинской области к 1952 г. завершилось объединение амбулаторно-поликлинических и больничных учреждений всех профилей. В области к концу 1952 г. всего функционировали 47 больниц, один родильный дом, 15 эпидемиологических станций,

28 детских яслей, дом ребенка, 8 малярийных станций [11, л. 4]. Эти данные показывают значительный количественный рост медицинских учреждений по сравнению с 1947–1948 гг., что позволило улучшить качество медицинского обслуживания, снизить заболеваемость и смертность.

Органы здравоохранения стремились изменить к лучшему эпидемическую ситуацию с помощью создания широкого санитарного актива из числа населения города, работников учреждений, предприятий и организаций. Систематически проводились санитарно-просветительные лекции и беседы среди населения по важнейшим аспектам бруцеллеза, туберкулеза и венерологических заболеваний.

Выводы

Таким образом, ключевыми проблемами состояния здравоохранения Актюбинской области Казахской ССР после окончания Великой Отечественной войны являлись: недостаточное количество медицинских учреждений, их слабая материально-техническая база; нехватка медицинских кадров, в первую очередь врачей, особенно узких специалистов, что тормозило оказание качественной медицинской помощи населению, особенно в сельской местности. После войны несовершенна была работа и санитарно-эпидемиологических учреждений, особенно в селе, что создавало высокую инфекционность среди населения.

Советскими, партийными органами и органами здравоохранения союзного и республиканского уровня была проведена работа по развитию сети медицинских учреждений по оснащению их материальной базы, по подготовке медицинских кадров, по улучшению эпидемиологической обстановки в Актюбинской области. Предпринятые меры дали положительные результаты: к концу 1952 г. происходит значительный количественный рост медицинских учреждений по сравнению с 1947–1948 гг., увеличивается количе-

ство врачей за счет выпускников не только Алма-Атинского медицинского института Казахской ССР, но и других медицинских вузов Советского Союза, пополнение средних медицинских кадров

за счет выпускников Актюбинской школы медсестер. Все это позволило постепенно улучшить качество медицинского обслуживания населения, снизить заболеваемость и смертность.

Список литературы

1. Зубкова Е. Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953. М.: РОССПЭН, 1999. 229 с.
2. Зима В. Ф. Голод в СССР 1946–1947 годов. Происхождение и последствия. М.: ИРИ РАН, 1996. 265 с.
3. Бартон К. Здравоохранение в период позднего сталинизма и дух послевоенного государства благоденствия, 1945–1953 годы // Журнал исследований социальной политики. 2007. Т. 5, № 4. С. 541–558.
4. Душманов С. Х. История здравоохранения Западного Казахстана. Актюбе: Растр, 2003. 491 с.
5. Абдрахманова К. К. Особенности системы здравоохранения в городах Центрального Казахстана в послевоенные годы // Вестник Карагандинского университета. Серия: История. Филология. 2013. № 4(72). С. 15–25.
6. Сактаганова З. Г., Абдрахманова К. К. Повседневность Центрального Казахстана в послевоенное десятилетие: проблемы здоровья городского населения и системы здравоохранения // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. 2015. № 4 (8). С. 90–99.
7. Игнатьева Л. Н. Миграционные процессы в Казахской ССР в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Известия Алтайского государственного университета. 2005. №4(38). С. 38–40.
8. Абдуллаев Н. Актюбинск в годы войны // Актюбинский вестник. 2015. 22 янв. URL: <https://avestnik.kz/aktyubinsk-v-gody-vojny/> 22.01.2015 (дата обращения: 19.02.2021).
9. ГААО (Государственный архив Актюбинской области). Ф. 13. Оп. 18. Д. 306.
10. ГААО. Ф. 13. Оп. 18. Д. 302.
11. ГААО. Ф. 13. Оп. 22. Д. 213.
12. ГААО. Ф. 13. Оп. 22. Д. 265.
13. ГААО. Ф. 13. Оп. 19. Д. 358.
14. ГААО. Ф. 13. Оп. 16. Д. 212.
15. ГААО. Ф. 13. Оп. 19. Д. 356.
16. ГААО. Ф. 13. Оп. 15. Д. 176.
17. ГААО. Ф. 13. Оп. 21. Д. 303.
18. ГААО. Ф. 13. Оп. 20. Д. 446.
19. ГААО. Ф. 13. Оп. 21. Д. 302.
20. Хисамутдинова Р. Р., Мухамбетгалиева А. К. Развитие системы охраны здоровья советских женщин и детей в 1946–1953-х гг. (по материалам Актюбинской области) // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2020. № 2 (34). С. 204–216. <https://doi.org/10.32516/2303-9922.2020.34.17>.
21. Хисамутдинова Р. Р. СССР в период позднего сталинизма. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2015. 240 с.
22. ГААО. Ф. 13. Оп. 18. Д. 307.
23. Мухамбетгалиева А. К. Пребывание эвакуированных польских детей в Казахстане после окончания Великой Отечественной войны (по материалам Актюбинской области) // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2019. № 3 (31). С. 164–172.
24. Демина Ю. В. Демографические последствия голода 1946–1947 гг. в РСФСР: историографический аспект // Демографическая и семейная политика в контексте целей устойчивого развития: сборник статей IX Уральского демографического форума: в 2-х т. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2018. Т. 2. С. 98–102.

25. ГААО. Ф. 13. Оп. 14. Д. 160.
26. ГААО. Ф. 13. Оп. 22. Д. 263.
27. ГААО. Ф. 13. Оп. 18. Д. 292.

References

1. Zubkova E. Yu. Poslevoennoe sovetskoe obshchestvo: politika i povsednevnost' [Post-war Soviet Society: Politics and Everyday life]. 1945–1953. Moscow, ROSSPEN Publ., 1999. 229 p.
2. Zima V. F. Golod v SSSR 1946–1947 godov. Proiskhozhdenie i posledstviya [Famine in the USSR 1946–1947. Origin and consequences]. Moscow, IRI RAN Publ., 1996. 265 p.
3. Barton K. Zdravooхранenie v period pozdnego stalinizma i duh poslevoennogo gosudarstva blagodenstviya, 1945–1953 gody [Healthcare in the period of Late Stalinism and the spirit of the post-war Welfare State, 1945]1953]. *Zhurnal issledovaniy social'noj politiki = Journal of Social Policy Research*, 2007, vol. 5, no. 4, pp. 541–558.
4. Dushmanov S. H. Istoriya zdravooхранeniya Zapadnogo Kazakhstana [History of healthcare in Western Kazakhstan]. Aktobe, Rastr Publ., 2003. 491 p.
5. Abdrahmanova K. K. Osobennosti sistemy zdravooхранeniya v gorodah Central'nogo Kazakhstana v poslevoennye gody [Features of the healthcare system in the cities of Central Kazakhstan in the post-war years]. *Vestnik Karagandinskogo universiteta. Seriya: Istoriya. Filosofiya = Bulletin of Karaganda University. Series: History. Philosophy*, 2013, no. 4(72), pp. 15–25.
6. Saktaganova Z. G., Abdrahmanova K. K. Povsednevnost' Central'nogo Kazakhstana v poslevoennoe desyatiletie: problemy zdorov'ya gorodskogo naseleniya i sistemy zdravooхранeniya [Everyday life of Central Kazakhstan in the post-war decade: health problems of the urban population and the healthcare system]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Istoricheskie nauki = Bulletin of Omsk University. Series: Historical Sciences*, 2015, no. 4 (8), pp. 90–99.
7. Ignat'eva L. N. Migracionnye processy v Kazahskoj SSR v period Velikoj Otechestvennoj vojny (1941–1945 gg.) [Migration processes in the Kazakh SSR during the Great Patriotic War (1941–1945)]. *Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta = Proceedings of the Altai State University*, 2005, no. 4(38), pp. 38–40.
8. Abdullaev N. Aktyubinsk v gody vojny [Aktobe during the war years]. *Aktyubinskij vestnik = Aktobe Bulletin*, 2015, January 22. Available at: <https://avestnik.kz/aktyubinsk-v-gody-vojny/> 22.01.2015. (accessed 19.02.2021)
9. GAAO (Gosudarstvennyj arhiv Aktyubinskoj oblasti) [State Archive of Aktobe region], f. 13, op. 18, d. 306.
10. GAAO, f. 13, op. 18, d. 302.
11. GAAO, f. 13, op. 22, d. 213.
12. GAAO, f. 13, op. 22, d. 265.
13. GAAO, f. 13, op. 19, d. 358.
14. GAAO, f. 13, op. 16, d. 212.
15. GAAO, f. 13, op. 19, d. 356.
16. GAAO, f. 13, op. 15, d. 176.
17. GAAO, f. 13, op. 21, d. 303.
18. GAAO, f. 13, op. 20, d. 446.
19. GAAO, f. 13, op. 21, d. 302.
20. Hisamutdinova R. R., Muhambetgaliyeva A. K. Razvitie sistemy ohrany zdorov'ya sovetskih zhenshchin i detej v 1946–1953-h gg. (po materialam Aktyubinskoj oblasti) [The development of the health protection system of Soviet women and children in the 1946–1953-ies (based on the materials of the Aktobe region)]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = Bulletin of the Orenburg State Pedagogical University*, 2020, no. 2 (34), pp. 204–216. <https://doi.org/10.32516/2303-9922.2020.34.17>.
21. Hisamutdinova R. R. SSSR v period pozdnego stalinizma [The USSR in the period of Late Stalinism]. Orenburg, OGPU Publ., 2015. 240 p.
22. GAAO, f. 13, op. 18, d. 307.

23. Muhambetgalieva A. K. Prebyvanie evakuirovannyh pol'skih detej v Kazahstane posle okonchaniya Velikoj Otechestvennoj vojny (po materialam Aktyubinskoj oblasti) [Stay of evacuated Polish children in Kazakhstan after the end of the Great Patriotic War (based on materials of the Aktobe region)]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = Bulletin of the Orenburg State Pedagogical University*, 2019, no. 3 (31), pp. 164–172.

24. Demina Yu. V. Demograficheskie posledstviya goloda 1946–1947 gg. v RSFSR: istoriograficheskij aspekt [Demographic consequences of the famine of 1946–1947 in the RSFSR: historiographical aspect]. Demograficheskaya i semejnaya politika v kontekste celej ustojchivogo razvitiya: sbornik statej IX Ural'skogo demograficheskogo foruma [Demographic and family policy in the context of Sustainable Development Goals: collection of articles of the IX Ural Demographic Forum]. Ekaterinburg, Institut ekonomiki UrO RAN, 2018, vol. 2, pp. 98–102.

25. GAAO, f. 13, op. 14, d. 160.

26. GAAO, f. 13, op. 22, d. 263.

27. GAAO, f. 13, op. 18, d. 292.

Информация об авторах / Information about the Authors

Мухамбетгалиева Алима Кенжегалиевна, старший преподаватель кафедры общественно-гуманитарных дисциплин, Западно-Казахстанский медицинский университет им. Марата Оспанова, г. Актобе, Республика Казахстан; аспирант, Оренбургский государственный педагогический университет, г. Оренбург, Российская Федерация, e-mail: k.alima.82@mail.ru, ORCID: 0000-0002-0293-2894

Alima K. Mukhambetgalieva, Senior Lecturer of the Department of Social and Humanitarian Disciplines, Marat Ospanov West Kazakhstan Medical University, Aktobe, Republic of Kazakhstan; Post-Graduate Student, Orenburg State Pedagogical University, Orenburg, Russian Federation e-mail: k.alima.82@mail.ru, ORCID: 0000-0002-0293-2894

Хисамутдинова Равиля Рахимьяновна, доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой всеобщей истории и методики преподавания истории и обществознания, Оренбургский государственный педагогический университет, г. Оренбург, Российская Федерация, e-mail: hisamutdinova@inbox.ru

Ravilya R. Khisamutdinova, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of General History and Methods of Teaching History and Social Science, Orenburg State Pedagogical University, Orenburg, Russian Federation, e-mail: hisamutdinova@inbox.ru

Оригинальная статья / Original article

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2021-11-6-225-232>**Награды спасателей на воде в городе Тифлисе во второй половине XIX – начале XX века**С. А. Воробьева¹ ✉

¹ Курский государственный университет
ул. Радищева 33, г. Курск 305000, Российская Федерация

✉ e-mail: nauka@rags.vrn.ru

Резюме

Актуальность статьи состоит в том, что общество спасения на воде в городе Тифлисе являлось организацией, оказывающей помощь утопающим и состоящей из энтузиастов. На рубеже XX в. Морское министерство России озаботилось значительным количеством ежегодных несчастных случаев, происшедших на водоемах Российской империи. Созданное российское общество спасателей старалось учредить филиалы во всех значимых губернских городах. Среди губернских обществ спасателей Тифлисская организация выделялась своей активной профессиональной деятельностью и поддержкой со стороны официальной власти, купечества и духовенства. С самого начала своего существования члены Тифлисского общества спасателей внесли свой вклад в национальное дело спасения утопающих.

Цель статьи – анализ наградной системы российского общества спасателей и характеристика заслуг Тифлисской окружной общественной организации в спасении утопающих на территории губернии.

Задачи при помощи малоизвестных опубликованных отчетов Тифлисского общества спасателей проанализировать процесс становления российской наградной системы, связанной со спасением утопающих; рассмотреть деятельность российского общества спасателей, направленную на награждение профессиональных и добровольных спасателей Тифлисской губернии; выявить особенности награждения личного состава Тифлисского общества спасателей и определить достижения губернской общественной организации в деле спасения утопающих.

Методология. В работе использовались традиционные и общенаучные методы вместе с историко-ситуационным подходом при исследовании особенностей поощрения и награждения членов Тифлисского общества спасателей на всероссийском уровне.

Результаты. Сформированная российским обществом спасателей наградная система вместе с отличительными знаками окружных организаций являлись существенным стимулом для развития в дореволюционной России дела спасения утопающих.

Выводы статьи содержат мнение об эффективности и привлекательности наградной системы вместе с отличительными знаками для окружных общественных организаций, сформированных российским обществом спасателей. Использование такого организационного подхода способствовало главной задаче, то есть популяризации национального дела спасения утопающих среди профессиональных спасателей и энтузиастов общественного движения.

Ключевые слова: общественная организация; спасение утопающих; Морское министерство; Тифлисская губерния; награда; отличительный знак; денежная премия.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Воробьева С. А. Награды спасателей на воде в городе Тифлисе во второй половине XIX – начале XX века // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021. Т. 11, № 6. С. 225–232. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2021-11-6-225-232>.

Поступила в редакцию 23.10.2021

Принята к публикации 22.11.2021

Опубликована 27.12.2021

© Воробьева С. А., 2021

Awards of Rescuers on the Water in the City of Tiflis in the Second Half of the XIX – Early XX Centurie

Svetlana A. Vorobyova¹ ✉

¹ Kursk State University
33 Radishcheva str., Kursk 305000, Russian Federation

✉ e-mail: tatyana_lysak@mail.ru

Abstract

The relevance of the article is that the Water Rescue Society in the city of Tiflis was an organization that provides assistance to drowning people and consists of enthusiasts. At the turn of the twentieth century . The Maritime Ministry of Russia took care of a significant number of annual accidents that occurred on the reservoirs of the Russian Empire. The created Russian society of rescuers tried to establish branches in all significant provincial cities. Among the provincial rescue societies, the Tiflis organization stood out for its active professional activity and support from the official authorities, merchants and clergy. From the very beginning of its existence, members of the Tiflis Rescue Society have contributed to the national cause of saving drowning people.

The purpose of the article is to analyze the award system of the Russian Society of rescuers and to characterize the merits of the Tiflis district public organization in rescuing drowning people in the province.

Objectives of the article: With the help of little-known published reports of the Tiflis Rescue Society to analyze the process of formation of the Russian award system associated with the rescue of drowning. To consider the activities of the Russian Society of rescuers aimed at rewarding professional and voluntary rescuers of the Tiflis province. To identify the peculiarities of awarding the personnel of the Tiflis Rescue Society and to determine the achievements of the provincial public organization in the rescue of drowning.

Methodology. The work used traditional and general scientific methods together with a historical and situational approach in the study of the features of encouraging and rewarding members of the Tiflis Rescue Society at the All-Russian level.

Results. The award system formed by the Russian Society of rescuers, together with the distinctive signs of district organizations, were a significant incentive for the development of the cause of drowning rescue in pre-revolutionary Russia.

The conclusions of the article contain an opinion on the effectiveness and attractiveness of the award system together with distinctive signs for district public organizations formed by the Russian Society of rescuers. The use of such an organizational approach contributed to the main task, i.e. popularization of the national cause of drowning rescue among professional rescuers and enthusiasts of the social movement.

Keywords: public organization; rescue of drowning; Maritime Ministry; Tiflis province; award; distinctive sign; monetary award.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Vorobyova S. A. Awards of Rescuers on the Water in the City of Tiflis in the Second Half of the XIX – Early XX Centuries. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2021; 11(6): 225–232. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2021-11-6-225-232>.

Received 23.10.2021

Accepted 22.11.2021

Published 27.12.2021

Введение

К началу XX в. Морское министерство России озаботилось значительным количеством ежегодной гибели российских поданных на реках, озерах и морях государства. Благодаря инициативе официальной власти, представителей духовенства и общественных деятелей было

создано российское общество спасателей. Нельзя не отметить, что данное начинание получило достаточно широкую финансовую поддержку со стороны купеческого сословия.

В свою очередь, правление российского общества спасателей стало поощрять открытие своих окружных общественных организаций во всех губерниях

Российской империи. При этом центральная общественная организация имела разветвленный управленческий аппарат, существовали даже специальные инспекторы, курировавшие различные районы Российского государства. Одной из таких губернских общественных организаций являлось Тифлисское общество спасателей, получившее при формировании всевозможную поддержку от государственных чиновников, священнослужителей разных конфессий Тифлисской губернии и местных меценатов.

Открытие подобных губернских общественных организаций можно проследить по трудам воронежских краеведов В. В. Бахтина, Т. Л. Скрыпниковой [1, с. 14] и А. М. Безуглова [2, с. 27–28]. Одновременно А. М. Безуглов в своей научной статье рассматривает награждение членов Воронежского общества спасателей [3, с. 76–77]. В его исследовании просматривается четкая наградная система, созданная правлением российского общества спасателей [3, с. 78].

Вообще исследуемый исторический период характеризовался оформлением самых различных общественных организаций, например, военно-морских общественных организаций, которые исследует Т. Н. Лысак [4, с. 254], или спортивных кружков и обществ, рассмотренных в научной статье О. М. Цуканова и Г. Г. Карпова [5, с. 207]. Естественно, награждение членов Тифлисского общества спасателей всероссийскими и губернскими знаками отличия представляет научный интерес с точки зрения истории функционирования российских общественных организаций.

Методология

Автор статьи использует в работе отчеты Тифлисского общества спасателей, отпечатанные в городе Тифлисе. Одновременно привлекался ряд малоизвестных научных исследований современных специалистов в области краеведения и дела спасения утопающих, относящихся

к началу XX в. Важное место при подготовке научной статьи заняла делопроизводственная документация.

Метод историзма стал незыблемым залогом максимально возможной научной объективности. В свою очередь, применение комплексного подхода к исследованию вопросов, связанных с историей Тифлисского общества спасателей, потребовало обратиться к научному методу системности.

Проблемно-хронологический метод позволил восстановить достоверную последовательность истории создания наградной системы вместе с губернскими знаками отличия российским обществом спасателей. Обращение к проблемно-хронологическому методу помогло последовательно реконструировать награждения членов Тифлисского общества спасателей как на всероссийском, так и на губернском уровнях.

Результаты и их обсуждение

Нельзя не отметить, что тифлисские спасатели регулярно отличались в деле спасания утопающих. Уже в первый год существования в 1887–1888 гг. два гребца спасательной станции Семен и Антон Водопьяновы были представлены к серебряной медали за спасение утопающих [6, с. 39]. В 1889 г. за спасение утопающего в реке Аракс коллежский регистратор Михаил Мороховец получил серебряную медаль на Владимирской ленте за спасение утопающих [7, с. 5].

Серьезное награждение по ходатайству Тифлисского общества спасателей случилось в 1890 г. Секретаря общественной организации полковника Г. К. Комарова за его организационные таланты пожаловали орденом Св. Владимира 3-й степени [8, с. 40]. Затем в 1891 г. состоялось награждение местным знаком отличия – золотой знак статского советника О. Я. Симонсона [9, с. 9]. Еще одной наградой был похвальный отзыв 3-й степени российского общества спасателей, пожалованный за спасение жизни тонув-

шего в реке Кура мальчика в 1892 г. местному дворянину Георгию Имнадзе [10, с. 8]. В 1893 г. содержатель спасательного поста местный меценат Е. И. Доланов одновременно удостоился серебряной медали за спасение утопающих и Похвального отзыва 3-й степени российского общества спасателей [11, с. 7].

10 октября 1895 г. серебряные медали на Владимирской ленте за спасение утопающих вручили сыну почетного гражданина города Тифлиса Василию Шкинину и ученику 2-й Тифлисской гимназии Александру Водопьянову за спасение жизни тонувшего в реке Кура мальчика [12, с. 7–8].

Удоставались знаков отличия Тифлисского общества спасателей и представители правящего императорского дома. 6 мая 1896 г. великий князь Николай Михайлович был избран почетным членом общественной организации и удостоился серебряного знака Тифлисского общества спасателей [13, с. 15]. В то же время 4 февраля 1897 г. медаль на Станиславской ленте для ношения на шее за спасение утопающего мальчика получил гребец спасательной станции Семен Водопьянов [14, с. 8]. В данной ситуации за многочисленные случаи спасения на реке Кура утопающих речь шла уже о настоящей государственной награде. В этот же год директор правления Тифлисского банка пожертвовал на дело спасения утопающих 500 руб., за что ему вручили серебряный знак Тифлисского общества спасателей [15, с. 9]. В 1899 г. серебряными медалями с бантами «за спасение погибавших» наградили фельдшера Владимира Давидова и тифлисского обывателя Ивана Самодурова [16, с. 11–12]. 24 мая 1900 г. серебряной медали для ношения на шее за спасение утопающих удостоились сразу трое спасателей из Тифлисской губернии:

- 1) запасной ефрейтор Петр Петухов;
- 2) тифлисский почетный гражданин Ростом Грикуров;

3) канцелярский служитель межевого присутствия тифлисской судебной палаты Константин Трофимов [17, с. 8].

В начале XX в. продолжались интенсивные награждения членов общественной организации за успехи в деле спасения утопающих. Например, за организационные достижения в развитии Тифлисского общества спасателей в 1901 г. серебряную медаль для ношения на шее вручили члену правления И. А. Лоскутову [18, с. 49]. Затем 14 апреля 1902 г. серебряными медалями с бантами за спасение утопающих наградили:

- 1) крестьянина Василия Самодурова;
- 2) тифлисского почетного гражданина Владимира Полянского;
- 3) тифлисского почетного гражданина Григория Дандурова;
- 4) священника Александра Бегизова;
- 5) крестьянина Якова Пудова;
- 6) тифлисского мещанина Михаила Самодурова;
- 7) тифлисского мещанина Максима Абирова;
- 8) тифлисского мещанина Ивана Давидова [19, с. 7].

В 1903 г. серебряные медали за спасение утопающих получили Аветик Агабабов и Иосиф Гогиашвили, которые спасли утопающих в реке Кура [20, с. 7]. 17 декабря 1904 г. состоялось массовое награждение членов Тифлисского общества спасателей. Среди наград присутствовали следующие знаки отличия:

- 1) одиннадцать серебряных медалей «за спасение погибавших»;
- 2) три банта к серебряным медалям «за спасение погибавших»;
- 3) четырнадцать свидетельств от российского общества спасателей на водах на право ношения серебряных медалей за спасение утопающих и бантов к ним [21, с. 6].

В 1905–1906 гг. от главного правления Всероссийского общества спасания на водах тифлисские спасатели получили целый ряд наград:

- 1) одна золотая медаль за спасение утопающих;
- 2) двадцать одна серебряная медаль за спасение утопающих;
- 3) шесть бантов к серебряным медалям за спасение утопающих;
- 4) две именные серебряные медали за спасение утопающих;
- 5) денежные награды наиболее успешным спасателям [22, с. 7].

Кстати, денежные премии за спасение утопающих различного размера регулярно выдавались членам Тифлиского общества спасателей на водах. Наконец, 16 февраля 1907 г. серебряную медаль за спасение утопающих с бантом к ней и свидетельством от главного правления российского общества спасателей пожаловали тифлисскому спасателю Георгию Озерову [23, с.7].

Конечно, все вышеупомянутые награждения членов Тифлиского общества спасателей в исследуемый исторический период не охватывают всего объема знаков отличия, полученных представителями общественной организации. Однако из приведенного перечня можно сделать вывод, что официальная власть активно

поощряла участников общественного движения спасения утопающих в Тифлисской губернии.

Выводы

Таким образом, во второй половине XIX – начале XX в. у Тифлиского общества спасателей сложилась целая наградная система, включавшая в себя: золотую и серебряную медаль за спасение утопающих, наградные банты к медалям «за спасение погибавших», дипломы трех степеней от главного правления российского общества спасателей. К ним добавлялись золотой и серебряный знаки отличия непосредственно самого Тифлиского общества спасателей на водах. К тому же главное правление российского общества спасателей вместе со своим окружным тифлиским отделением выдавали отличившимся спасателям денежные премии различного размера.

Все вышеупомянутые награды и другие формы поощрения оказывали, несомненно, положительное воздействие на развитие Тифлиского общества спасателей.

Список литературы

1. Бахтин В. В., Скрыпникова Т. Л. Воронежское общество спасания на водах // Битюг. 2014. № 4. С. 13–18.
2. Безуглов А. М. Награды Воронежского окружного общества спасания на водах // Берегиня-777-Сова. 2019. № 2–3 (41–42). С. 76–78.
3. Безуглов А. М. Учреждение воронежского окружного общества спасания на водах // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 4 (54), ч. 1. С. 26–28.
4. Лысак Т. Н. Форма одежды и знаки отличия Комитета морских экскурсий в начале XX в. // Известия Юго-Западного государственного университета. 2021. Т. 11, № 5. С. 252–259.
5. Цуканова О. М., Карпова Г. Г. Зарождение велоспорта в городе Курске конца XIX – начала XX века // Известия Юго-Западного государственного университета. 2021. Т. 11, № 5. С. 206–215.
6. Отчет Тифлиского окружного правления общества спасания на водах, состоящего под высочайшим покровительством Её Императорского Величества Государыни Императрицы, за 1887 – 1888 гг. Тифлис, 1889. 39 с.
7. Отчет Тифлиского окружного правления общества спасания на водах, состоящего под высочайшим покровительством Её Императорского Величества Государыни Императрицы, за 1888 – 1889 гг. Тифлис, 1890. 51 с.

8. Отчет Тифлисского окружного правления общества спасания на водах, состоящего под высочайшим покровительством Её Императорского Величества Государыни Императрицы, за 1889 – 1890 гг. Тифлис, 1891. 43 с.
9. Отчет Тифлисского окружного правления общества спасания на водах, состоящего под высочайшим покровительством Её Императорского Величества Государыни Императрицы, за 1890 – 1891 гг. Тифлис, 1892. 40 с.
10. Отчет Тифлисского окружного правления общества спасания на водах, состоящего под высочайшим покровительством Её Императорского Величества Государыни Императрицы, за 1891 – 1892 гг. Тифлис, 1893. 44 с.
11. Отчет Тифлисского окружного правления общества спасания на водах, состоящего под высочайшим покровительством Её Императорского Величества Государыни Императрицы Марии Федоровны, за 1894 г. Тифлис, 1895. 42 с.
12. Отчет Тифлисского окружного правления общества спасания на водах, состоящего под высочайшим покровительством Её Императорского Величества Государыни Императрицы Марии Федоровны, за 1895 г. Тифлис, 1896. 37 с.
13. Отчет Тифлисского окружного правления общества спасания на водах, состоящего под высочайшим покровительством Её Императорского Величества Государыни Императрицы Марии Федоровны, за 1896 г. Тифлис, 1897 г. 76 с.
14. Отчет Тифлисского окружного правления общества спасания на водах, состоящего под высочайшим покровительством Её Императорского Величества Государыни Императрицы Марии Федоровны, за 1898 г. Тифлис, 1898. 70 с.
15. Деятельность общества // Спасание на водах: орган состоящего под Высочайшим покровительством Её Императорского Величества государыни императрицы Марии Федоровны Общества спасания на водах. 1897. № 12. С. 9.
16. Отчет Тифлисского окружного правления общества спасания на водах, состоящего под высочайшим покровительством Её Императорского Величества Государыни Императрицы Марии Федоровны, за 1899 г. Тифлис, 1900 г. 72 с.
17. Отчет Тифлисского окружного правления общества спасания на водах, состоящего под высочайшим покровительством Её Императорского Величества Государыни Императрицы Марии Федоровны, за 1900 г. Тифлис, 1901 г. 70 с.
18. Отчет Тифлисского окружного правления общества спасания на водах, состоящего под высочайшим покровительством Её Императорского Величества Государыни Императрицы Марии Федоровны, за 1901 г. Тифлис, 1902 г. 59 с.
19. Отчет Тифлисского окружного правления общества спасания на водах, состоящего под высочайшим покровительством Её Императорского Величества Государыни Императрицы Марии Федоровны, за 1902 г. Тифлис, 1903 г. 53 с.
20. Отчет Тифлисского окружного правления общества спасания на водах, состоящего под высочайшим покровительством Её Императорского Величества Государыни Императрицы Марии Федоровны, за 1903 г. Тифлис, 1904 г. 54 с.
21. Отчет Тифлисского окружного правления общества спасания на водах, состоящего под высочайшим покровительством Её Императорского Величества Государыни Императрицы Марии Федоровны, за 1905 г. Тифлис, 1906. 52 с.
22. Отчет Тифлисского окружного правления общества спасания на водах, состоящего под высочайшим покровительством Её Императорского Величества Государыни Императрицы Марии Федоровны, за 1906 г. Тифлис, 1907. 53 с.
23. Отчет Тифлисского окружного правления общества спасания на водах, состоящего под высочайшим покровительством Её Императорского Величества Государыни Императрицы Марии Федоровны, за 1907 г. Тифлис, 1908. 56 с.

References

1. Bahtin V. V., Skrypnikova T. L. Voronezhskoe obshchestvo spasaniya na vodah [Voronezh Rescue Society on the waters]. *Bityug = Bityug*, 2014, no. 4, pp. 13–18.

2. Bezuglov A. M. Nagrady Voronezhskogo okruzhnogo obshchestva spasaniya na vodah [Awards of the Voronezh District Rescue Society on the waters]. *Bereginya-777-Sova = Bereginya-777-Owl*, 2019, no. 2–3 (41–42), pp. 76–78.

3. Bezuglov A. M. Uchrezhdenie voronezhskogo okruzhnogo obshchestva spasaniya na vodah [Establishment of the Voronezh District rescue Society on the waters]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki = Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art criticism. Questions of theory and practice*, 2015, no. 4 (54), pt. 1, pp. 26–28.

4. Lysak T. N. Forma odezhdy i znaki otlichiya Komiteta morskikh ekskursij v nachale XX v. [The uniform and insignia of the Committee of Sea Excursions in the early twentieth century]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta = Proceedings of the Southwest State University*, 2021, vol. 11, no. 5, pp. 252–259.

5. Cukanova O. M., Karpova G. G. Zarozhdenie velosporta v gorode Kurske konca XIX – nachala XX veka [The origin of cycling in the city of Kursk of the late XIX - early XX century]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta = Proceedings of the Southwest State University*, 2021, vol. 11, no. 5, pp. 206–215.

6. Otchet Tiflisskogo okruzhnogo pravleniya obshchestva spasaniya na vodah, sostoyashchego pod vysochajshim pokrovitel'stvom Eyo Imperatorskogo Velichestva Gosudaryni Imperatricy, za 1887–1888 gg. [Report of the Tiflis District Board of the Water Rescue Society, consisting under the highest patronage of Her Imperial Majesty the Empress, for 1887–1888]. Tiflis, 1889. 39 p.

7. Otchet Tiflisskogo okruzhnogo pravleniya obshchestva spasaniya na vodah, sostoyashchego pod vysochajshim pokrovitel'stvom Eyo Imperatorskogo Velichestva Gosudaryni Imperatricy, za 1888–1889 gg. [Report of the Tiflis District Board of the Water Rescue Society, consisting under the highest patronage of Her Imperial Majesty the Empress, for 1888–1889]. Tiflis, 1890. 51 p.

8. Otchet Tiflisskogo okruzhnogo pravleniya obshchestva spasaniya na vodah, sostoyashchego pod vysochajshim pokrovitel'stvom Eyo Imperatorskogo Velichestva Gosudaryni Imperatricy, za 1889–1890 gg. [Report of the Tiflis District Board of the Water Rescue Society, consisting under the highest patronage of Her Imperial Majesty the Empress, for 1889–1890]. Tiflis, 1891. 43 p.

9. Otchet Tiflisskogo okruzhnogo pravleniya obshchestva spasaniya na vodah, sostoyashchego pod vysochajshim pokrovitel'stvom Eyo Imperatorskogo Velichestva Gosudaryni Imperatricy, za 1890–1891 gg. [Report of the Tiflis District Board of the Water Rescue Society, consisting under the highest patronage of Her Imperial Majesty the Empress, for 1890–1891]. Tiflis, 1892. 40 p.

10. Otchet Tiflisskogo okruzhnogo pravleniya obshchestva spasaniya na vodah, sostoyashchego pod vysochajshim pokrovitel'stvom Eyo Imperatorskogo Velichestva Gosudaryni Imperatricy, za 1891–1892 gg. [Report of the Tiflis District Board of the Water Rescue Society, consisting under the highest patronage of Her Imperial Majesty the Empress, for 1891–1892]. Tiflis, 1893. 44 p.

11. Otchet Tiflisskogo okruzhnogo pravleniya obshchestva spasaniya na vodah, sostoyashchego pod vysochajshim pokrovitel'stvom Eyo Imperatorskogo Velichestva Gosudaryni Imperatricy Marii Fedorovny, za 1894 g. [Report of the Tiflis District Board of the Water Rescue Society, consisting under the highest patronage of Her Imperial Majesty the Empress, for 1894]. Tiflis, 1895. 42 p.

12. Otchet Tiflisskogo okruzhnogo pravleniya obshchestva spasaniya na vodah, sostoyashchego pod vysochajshim pokrovitel'stvom Eyo Imperatorskogo Velichestva Gosudaryni Imperatricy Marii Fedorovny, za 1895 g. [Report of the Tiflis District Board of the Water Rescue Society, consisting under the highest patronage of Her Imperial Majesty the Empress, for 1895]. Tiflis, 1896. 37 p.

13. Otchet Tiflisskogo okruzhnogo pravleniya obshchestva spasaniya na vodah, sostoyashchego pod vysochajshim pokrovitel'stvom Eyo Imperatorskogo Velichestva Gosudaryni Imperatricy Marii Fedorovny, za 1896 g. [Report of the Tiflis District Board of the Water Rescue Society, consisting under the highest patronage of Her Imperial Majesty the Empress, for 1896]. Tiflis, 1897 g. 76 p.

14. Otchet Tiflisskogo okruzhnogo pravleniya obshchestva spasaniya na vodah, sostoyashchego pod vysochajshim pokrovitel'stvom Eyo Imperatorskogo Velichestva Gosudaryni Imperatricy Marii Fedorovny, za 1898 g. [Report of the Tiflis District Board of the Water Rescue Society, consisting under the highest patronage of Her Imperial Majesty the Empress, for 1898]. Tiflis, 1898. 70 p.

15. Deyatel'nost' obshchestva [The activity of the Society]. *Spasanie na vodah: organ sostoyashchego pod Vysochajshim pokrovitel'stvom Ee Imperatorskogo Velichestva gosudaryni imperatricy Marii Fe-*

dorovny Obshchestva spasaniya na vodah, 1897 = Rescue on the waters: the organ of the Rescue on the Waters Society, consisting under the Highest patronage of Her Imperial Majesty Empress Maria Feodorovna 1897, no. 12, p. 9.

16. Otchet Tiflisskogo okruzhnogo pravleniya obshchestva spasaniya na vodah, sostoyashchego pod vysochajshim pokrovitel'stvom Eyo Imperatorskogo Velichestva Gosudaryni Imperatricy Marii Fedorovny, za 1899 g. [Report of the Tiflis District Board of the Water Rescue Society, consisting under the highest patronage of Her Imperial Majesty the Empress, for 1899]. Tiflis, 1900 g. 72 p.

17. Otchet Tiflisskogo okruzhnogo pravleniya obshchestva spasaniya na vodah, sostoyashchego pod vysochajshim pokrovitel'stvom Eyo Imperatorskogo Velichestva Gosudaryni Imperatricy Marii Fedorovny, za 1900 g. [Report of the Tiflis District Board of the Water Rescue Society, consisting under the highest patronage of Her Imperial Majesty the Empress, for 1900]. Tiflis, 1901 g. 70 p.

18. Otchet Tiflisskogo okruzhnogo pravleniya obshchestva spasaniya na vodah, sostoyashchego pod vysochajshim pokrovitel'stvom Eyo Imperatorskogo Velichestva Gosudaryni Imperatricy Marii Fedorovny, za 1901 g. [Report of the Tiflis District Board of the Water Rescue Society, consisting under the highest patronage of Her Imperial Majesty the Empress, for 1901]. Tiflis, 1902 g. 59 p.

19. Otchet Tiflisskogo okruzhnogo pravleniya obshchestva spasaniya na vodah, sostoyashchego pod vysochajshim pokrovitel'stvom Eyo Imperatorskogo Velichestva Gosudaryni Imperatricy Marii Fedorovny, za 1902 g. [Report of the Tiflis District Board of the Water Rescue Society, consisting under the highest patronage of Her Imperial Majesty the Empress, for 1902]. Tiflis, 1903 g. 53 p.

20. Otchet Tiflisskogo okruzhnogo pravleniya obshchestva spasaniya na vodah, sostoyashchego pod vysochajshim pokrovitel'stvom Eyo Imperatorskogo Velichestva Gosudaryni Imperatricy Marii Fedorovny, za 1903 g. [Report of the Tiflis District Board of the Water Rescue Society, consisting under the highest patronage of Her Imperial Majesty the Empress, for 1903]. Tiflis, 1904 g. 54 p.

21. Otchet Tiflisskogo okruzhnogo pravleniya obshchestva spasaniya na vodah, sostoyashchego pod vysochajshim pokrovitel'stvom Eyo Imperatorskogo Velichestva Gosudaryni Imperatricy Marii Fedorovny, za 1905 g. [Report of the Tiflis District Board of the Water Rescue Society, consisting under the highest patronage of Her Imperial Majesty the Empress, for 1905]. Tiflis, 1906. 52 p.

22. Otchet Tiflisskogo okruzhnogo pravleniya obshchestva spasaniya na vodah, sostoyashchego pod vysochajshim pokrovitel'stvom Eyo Imperatorskogo Velichestva Gosudaryni Imperatricy Marii Fedorovny, za 1906 g. [Report of the Tiflis District Board of the Water Rescue Society, consisting under the highest patronage of Her Imperial Majesty the Empress, for 1906]. Tiflis, 1907. 53 p.

23. Otchet Tiflisskogo okruzhnogo pravleniya obshchestva spasaniya na vodah, sostoyashchego pod vysochajshim pokrovitel'stvom Eyo Imperatorskogo Velichestva Gosudaryni Imperatricy Marii Fedorovny, za 1907 g. [Report of the Tiflis District Board of the Water Rescue Society, consisting under the highest patronage of Her Imperial Majesty the Empress, for 1907]. Tiflis, 1908. 56 p.

Информация об авторе/ Information about the Author

Воробьева Светлана Анатольевна, соискатель, Курский государственный университет, г. Курск, Российская Федерация, e-mail: nauka@rags.vrn.ru
ORCID: 0000-0003-0901-7426

Svetlana A. Vorobyeva, Applicant, Kursk State University, Kursk, Russian Federation, e-mail: nauka@rags.vrn.ru
ORCID: 0000-0003-0901-7426

Оригинальная статья / Original article

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2021-11-6-233-245>

«Поднять уровень благосостояния»: о приобщении горожан Байкальской Сибири к искусству во второй половине XIX – начале XX века

В. В. Ткачев¹ ✉

¹ Иркутский государственный университет
ул. К. Маркса 1, г. Иркутск 664003, Российская Федерация

✉ e-mail: vitaliy.tkachev.96@mail.ru

Резюме

Актуальность статьи заключается в том, что проводится анализ архивных документов, которые раскрывают жизнь и деятельность Н. М. Ядринцева, Г. Н. Потанина в контексте их влияния на процесс приобщения горожан Байкальской Сибири к искусству во второй половине XIX – начале XX века. Работа позволяет рассмотреть историю проведения художественных мероприятий как международного, так и регионального уровня. Исследование подтверждает то, что интеллигенция участвовала в создании благоприятных условий для знакомства жителей с предметами искусства.

Цель работы заключается в том, чтобы на основе широкого круга исторических источников показать процесс приобщения горожан Байкальской Сибири к искусству во второй половине XIX – начале XX века.

Задачами данной работы являются: провести анализ документов Государственного архива Иркутской области о жизни и деятельности Н. М. Ядринцева, Г. Н. Потанина, работе общественных организаций; выделить трудности и особенности в процессе приобщения горожан региона к искусству.

Методология. Статья опирается на принципы историзма, системности и научной объективности. Используются историко-генетический и проблемно-хронологический методы.

Результаты. В исследовании по материалам Государственного архива Иркутской области восстановлена история организации художественных мероприятий в городах Байкальской Сибири второй половины XIX – начала XX века. Показано то, как деятельность известных учёных Н. М. Ядринцева, Г. Н. Потанина влияла на работу общественных объединений, создание общедоступных выставочных пространств.

Выводы. В результате исследования было доказано то, что деятельность Н. М. Ядринцева и Г. Н. Потанина влияла на процесс приобщения горожан к предметам искусства в Байкальской Сибири второй половины XIX – начала XX века. В статье проведён анализ содержательной стороны не исследуемых ранее исторических источников, что даёт возможность рассмотреть работу общественных организаций и интеллигенции с разных сторон.

Ключевые слова: Байкальская Сибирь; городская культура; городское общество; просвещение; художественная интеллигенция; художественная жизнь.

Финансирование: Исследование проведено при финансовой поддержке гранта Иркутского государственного университета для молодых ученых № 091-21-322 «Художественная жизнь в городах Байкальской Сибири второй половины XIX – начала XX вв.: история и особенности развития».

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Ткачев В. В. «Поднять уровень благосостояния»: о приобщении горожан Байкальской Сибири к искусству во второй половине XIX – начале XX века // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021. Т. 11, № 6. С. 233–245. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2021-11-6-233-245>.

Поступила в редакцию 19.10.2021

Принята к публикации 23.11.2021

Опубликована 27.12.2021

© Ткачев В. В., 2021

Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право / Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law. 2021; 11(6): 233–245

"Raise the Level of Well-Being": on the Introduction of the Townspeople of Baikal Siberia to Art in the Second Half of the XIX – Early XX Century

Vitaliy V. Tkachev¹ ✉

¹ Irkutsk State University

1 K. Marx str., Irkutsk 664003, Russian Federation

✉ e-mail: vitaliy.tkachev.96@mail.ru

Abstract

The relevance of the article lies in the fact that the analysis of archival documents that reveal the life and work of N. M. Yadrintsev, G. N. Potanin allows you to consider the history of art events at both international and regional levels. The study confirms that the intelligentsia participated in creating favorable conditions for acquaintance of residents with art objects.

The purpose of the work is to show, based on a wide range of historical sources, the process of introducing the townspeople of Baikal Siberia to art in the second half of the 19th - early 20th centuries.

The objectives of this work are: to analyze the documents of the State Archives of the Irkutsk region about the life and activities of N. M. Yadrintsev, G. N. Potanin, the work of public organizations; to highlight the difficulties and peculiarities in the process of introducing the townspeople of the region to art.

Methodology. The article is based on the principles of historicism, consistency and scientific objectivity. Historical-genetic and problem-chronological methods are used.

Results. In the study, based on the materials of the State Archives of the Irkutsk Region, the history of organizing art events in the cities of Baikal Siberia in the second half of the 19th - early 20th centuries has been restored. It shows how the activities of famous scientists N. M. Yadrintsev, G. N. Potanin influenced the work of public associations, the creation of public exhibition spaces.

Conclusions. As a result of the research, it was proved that the activities of N. M. Yadrintsev, G. N. Potanin influenced the work of public organizations and the intelligentsia from different angles.

Keywords: Baikal Siberia; urban culture; urban society; education; artistic intelligentsia; artistic life.

Financing: The research was supported by Irkutsk State University, project N 091-21-322 "Artistic life in the cities of Baikal Siberia in the second half of the XIX - early XX centuries: history and features of development".

Conflict of interest: The Author declares the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Tkachev V. V. "Raise the Level of Well-Being": on the Introduction of the Townspeople of Baikal Siberia to Art in the Second Half of the XIX – Early XX Century. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2021; 11(6): 233–245. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2021-11-6-233-245>.

Received 19.10.2021

Accepted 23.11.2021

Published 27.12.2021

Введение

Особенностью развития городской среды второй половины XIX – начала XX в. является то, что в данный период усиливается интеллектуальная основа сибирского общества. Она влияла на проведение научных исследований, в том

числе и в сфере культуры. Многие представители художественной интеллигенции последовали примеру известных учёных и совместно с ними создавали выставочные пространства, где знакомили жителей с произведениями искусства, традиционным укладом сибирских народов. Исследования настоящего времени

по истории направлены на изучение общественной деятельности художественной интеллигенции в городах Байкальской Сибири (Иркутской губернии и Забайкальской области). Известно то, что они участвовали в создании общественных организаций: Восточно-Сибирский отдел Императорского Русского географического общества (далее – ВСОИРГО), Общество распространения народного образования и народных развлечений в Иркутской губернии (далее – ОРНОиНР), Иркутское общество «Просвещение» и др. Научные труды публикуют уникальные документы, которые показывают участие интеллигенции в городских мероприятиях: выставках, лекциях, концертах. Источники подтверждают то, что огромные денежные средства от представителей городской общественности поступали и на реализацию научных исследований, просветительских проектов.

Изучая деятельность таких известных учёных, исследователей Сибири, как Н. М. Ядринцев, Г. Н. Потанин, историки показали, что в городах появлялись свои собственные коллекционеры, хранители и исследователи культурного наследия. Они поддерживали проекты общественных организаций, таких как ВСОИРГО, ОРНОиНР, Иркутское общество «Просвещение». Многие предметы из их собраний были отправлены на Парижскую Всемирную выставку в 1900 г. Исследователи участвовали в процессе формирования художественной жизни Байкальского региона, приобщения городского общества к произведениям искусства. Они привлекали к участию в просветительских мероприятиях и жителей региона, т. к. считали это полезным для развития интеллектуального потенциала сибирского общества. Данная работа позволяет рассмотреть то, как общественные деятели, учёные активизировали работу научных, творческих объединений по созданию выставочных пространств как международного, так и регионального уровня, образовательных и научных цен-

тров, которые приобщали жителей к искусству. Включение в исследование обширного круга источников по общественным организациям позволяет рассмотреть процесс формирования художественного пространства с разных сторон.

Жизнь и деятельность Н. М. Ядринцева, Г. Н. Потанина изучали многие сибирские исследователи. В трудах Б. Б. Глинского, И. Г. Чередниченко, А. М. Сагалаева, В. М. Крюкова, А. В. Дулова, М. В. Шиловского и других рассматриваются научные работы, политические взгляды, печатное дело общественных деятелей, но о том, как они участвовали в создании выставочных пространств, сообщалось мало [1; 2; 3]. Также стоит отметить, что культурное развитие региона изучали В. П. Шахеров, Н. И. Гаврилова, Т. В. Паликова и др. [4; 5; 6; 7; 8]

Историю развития художественного пространства Байкальской Сибири второй половины XIX – начала XX в., научную и выставочную деятельность общественных организаций рассматривали многие историки в своих статьях и монографиях [9; 10]. Так, о проведении художественных выставок в музее ВСОИРГО, городском общественном собрании, деятельности сибирских художников можно познакомиться в научных трудах А. Д. Фатьянова, Т. Г. Ларевой, Ю. П. Лыхина, Е. С. Манзыревой и других исследователей [11; 12; 13; 14]. Особенно стоит выделить работы А. Д. Фатьянова, которые были посвящены анализу широкого круга источников: писем, переписки, официальных документов творческих организаций и т.д. В книгах «Судьба сокровищ» (1967 г.) и «Художники, выставки, коллекционеры Иркутской губернии» (1995 г.) рассматривается подробная история появления картин иностранных художников в Иркутском областном художественном музее В. П. Сукачева. Также искусствовед рассматривал деятельность отдельных мастеров в ВСОИРГО [15; 16; 17].

Деятельность общественных организаций изучал в своих трудах Ю. П. Лы-

хин [18; 19]. Он собрал уникальный материал о жизни и творчестве сибирских и иностранных мастеров и организации художественных выставок в Иркутске в начале XX в. Также необходимо указать то, что участию интеллигенции в первом научном объединении Байкальской Сибири (ВСОИРГО) посвящена монография иркутских исследователей, в которой фрагментарно представлены сюжеты, связанные с развитием художественного пространства [20]. Вопросы о том, как происходил процесс приобщения городского общества к произведениям искусства, поднимались настоящим автором, и данная работа продолжает исследование в этом направлении [21].

Таким образом, сибирские исследователи представили отдельные аспекты жизни и деятельности Н. М. Ядринцева, Г. Н. Потанина в своих трудах. Однако в современной исторической науке не существует работ, объясняющих то, каким образом их работа активизировала процесс воплощения международных и региональных выставочных проектов в городах Байкальской Сибири второй половины XIX – начала XX в. Используя архивные документы, данное исследование направлено на то, чтобы восстановить историю создания выставочных пространств в регионе по приобщению горожан к искусству.

Методология

Исследование основано на принципе историзма, что даёт возможность объективно определить особенности в проведении художественных мероприятий интеллигенцией и общественными организациями в городах Байкальской Сибири второй половины XIX – начала XX в. Использование системного подхода позволяет провести анализ обширного круга источников фондов ВСОИРГО, ОРНОиНР, Иркутского общества «Просвещение», Н. С. Романова, входящие в состав Государственного архива Иркутской области. Историко-генетический

метод направлен на раскрытие сюжетов, связанных с историей формирования художественного пространства в городах Байкальского региона. Проблемно-хронологический метод даёт возможность проследить жизнь и деятельность Н. М. Ядринцева, Г. Н. Потанина в контексте роста активности общественных организаций по приобщению горожан к искусству и определить взаимосвязь исторических событий с развитием художественного пространства региона.

В настоящем исследовании используются материалы фондов известного летописца Н. С. Романова (ГАИО. Ф. 480), ВСОИРГО (ГАИО. Ф. 293), ОРНОиНР (ГАИО. Ф. 197), Иркутского общества «Просвещение» (ГАИО. Ф. 590), входящие в состав Государственного архива Иркутской области. В фонде сохранились не только документы о деятельности общественных организаций, но и материалы о Н. М. Ядринцеве, Г. Н. Потанине и представителях художественной интеллигенции, состоящих в творческих, научных объединениях. Источники рассказывают о том, как проводились экспедиции, международные и региональные выставки во второй половине XIX – начале XX в.

Результаты и их обсуждение

Важным условием в создании определённых социокультурных связей в городской среде является поддержание инициатив общественности в сфере культуры, искусства. Многие представители художественной интеллигенции второй половины XIX – начала XX в. стремились решить большое количество проблем, ослабить жёсткие административные рамки и настроить людей на получение новых знаний. Появились мастера, исследователи региона, которые давали свою оценку состояния художественного пространства. Они писали о том, что необходимо знакомить жителей с произведениями искусства, разными живописными школами. Также авторы высказывали то, что нужно сделать всё, чтобы за-

интересовать представителей разных слоёв общества искусством. Деятельность интеллектуалов влияла на людей, которые занимались организацией выставочных пространств. В результате приобщения городского общества к творчеству сибирских и иностранных художников формировались свои представления о действительности, о том, как необходимо решать важные социальные, экономические, культурные проблемы. Чтобы реконструировать процесс создания особого пространства для знакомства жителей с живописными полотнами, необходимо рассмотреть жизнь и деятельность представителей сибирской интеллигенции и общественных организаций, которые просвещали горожан Байкальской Сибири.

На развитие интереса городского общества к художественному образованию, искусству влияла деятельность таких учёных, как Н. М. Ядринцев, Г. Н. Потанин. Как писал о сибирском обществе XIX в. известный общественный деятель, исследователь Сибири Н. М. Ядринцев (1842–1894): «Сибирское общество ждёт введения земства, нового гласного суда, распространения образования, гарантий личности и лучшего общественного существования. Дарование самоуправления, водворение правосудия и справедливости для этого несчастного края становится тем необходимее, что Сибирь в продолжение всего прошлого существования испытала много притеснений, несправедливостей и неурядиц. Общество желает гарантий для личности и защиты от местного произвола. Наши первые и настоятельные нужды – это введение земства, гласного суда, свободы печати и слова, свободы личности, свободы переселений и прекращения ссылки в Сибирь» [22, л. 2]. Николай Михайлович родился 18 октября 1842 г. в Омске в семье крупного купца. Летом 1843 г. семья переехала в Тобольск, спустя 4 года – в Тюмень, а в 1851 г. – в Томск. В 1860 г. Николай Михайлович отправился в Петербург и поступил вольнослушателем

естественного факультета Петербургского университета. Он познакомился с другим общественным деятелем Сибири – Г. Н. Потаниным. Их сближали научные, просветительские интересы, желание перемен в общественном строе, обеспокоенность судьбами Сибири. В столице они организовали сибирское землячество. Н. М. Ядринцев познакомился с революционерами «Земли и воли», опубликовал в сатирическом журнале «Искра» свои первые фельетоны. За участие в студенческих волнениях Н. М. Ядринцев три месяца просидел в тюрьме, а университет в 1861 г. был закрыт. В 1863 г. Н. М. Ядринцев возвратился в Омск, устраивался домашним учителем, принимал активное участие в общественной деятельности, агитировал за открытие университета в Сибири. Приехав затем в Томск, Н. М. Ядринцев и Г. Н. Потанин вели большую общественную деятельность, пропагандировали необходимость серьёзных перемен в жизни Сибири, устанавливали связи с революционными элементами. На тайных собраниях обсуждались проблемы родного края, резко критиковалась позиция администрации, местной буржуазии. Об этом времени Николай Михайлович писал в своих воспоминаниях: «Богатая эпоха в духовной жизни России вообще, шестидесятые годы для Сибири имели особо выдающееся значение, шестидесятые годы дали нашей окраине толчок к непосредственно-практической работе молодых интеллигентно-культурных сил, отдавших себя на служение родине, её нуждам, горю и лишениям» [22, л. 3].

В 1865 г. Н. М. Ядринцева, Г. Н. Потанина, С. С. Шашкову и других членов кружка арестовали, возникло дело «сибирских сепаратистов». Полиция пыталась представить арестованных как сторонников отделения Сибири от России. После трёхлетнего следственного процесса Н. М. Ядринцева сослали в городок Шенкурск Архангельской губернии, где он находился до 1874 г. Но и в эти годы

Николай Михайлович активно трудился, его статьи печатались в ряде периодических изданий, вышла в свет его книга «Русская община в тюрьме и ссылке» [23].

В 1874 г. состоялась свадьба Николая Михайловича с А. Ф. Барковой, образованной женщиной, которая разделяла идеи мужа и помогала ему в работе. Книги Н. М. Ядринцева о русских тюрьмах, его публикации, посвящённые Сибири, производили сильное впечатление, в том числе и на либерально настроенного Н. Г. Казнакова, назначенного в 1874 г. генерал-губернатором Западной Сибири. Н. Г. Казнаков тогда же сообщил Н. М. Ядринцеву, что император дал согласие на открытие университета в Сибири – идею, которую Н. Г. Казнакову внушил Николай Михайлович. В 1876 г. Н. Г. Казнаков предложил Н. М. Ядринцеву служить в Сибири, после чего Николай Михайлович приехал в Омск, где до января 1881 г. служил чиновником в ряде комиссий и комитетов, в которых его роль заключалась главным образом в собирании статистических сведений по разным проблемам края и составлении по ним конкретных предложений. Н. М. Ядринцев внимательно изучал состояние региона, совершил несколько путешествий на Алтай, выступил инициатором создания Западно-Сибирского отдела императорского русского географического общества. Он продолжал агитировать генерал-губернатора за открытие университета, и 16 мая 1878 г. Александр II подписал повеление об открытии университета в Томске. В конце 1880 г. Н. Г. Казнаков ушел с поста генерал-губернатора. Вслед за ним в 1881 г. возвратился в Петербург и Н. М. Ядринцев.

Близкий друг Н. М. Ядринцева, общественный деятель Г. Н. Потанин (1835–1920) также стремился улучшать жизнь, создавать общедоступные выставочные пространства в городах Байкальской Сибири. В 1903 г. исследователь подготовил известный научный труд, описывающий

развитие художественного пространства Сибири: «Живопись в Сибири» (С работой можно познакомиться в газете «Сибирская жизнь» № 195 (Томск)). Григорий Николаевич родился 22 сентября 1835 г. в посёлке Ямышевском, близ г. Павлодара, в семье казачьего офицера. С детства отличался большим интересом к знаниям. В 1852 г. окончил Омский кадетский корпус. С 1853 по 1858 г. служил офицером в Семипалатинске и Омске. В эти годы существенно изменились политические взгляды Г. Н. Потанина. Чтение газет, журналов, общение с Ч. Валихановым, киргизом, начинавшим свою научную деятельность, политическим ссыльным петрашевцем С. Ф. Дуровым заставило казачьего офицера проникнуться критическим отношением к крепостному праву и самодержавию.

Вместе с тем у Г. Н. Потанина усилился интерес к путешествиям. Он желал поступить в университет, получить специальность и возможность участвовать в экспедициях научных организаций. Омские чиновники, решившие поддержать талантливого молодого человека, помогли ему уволиться от казачьей службы, которая должна была длиться 25 лет.

Осенью 1859 г. Г. Н. Потанин стал студентом естественного отделения физико-математического факультета Петербургского университета. Особенно интересовали его лекции по ботанике.

Г. Н. Потанин занимался географическими исследованиями, за результаты которых был награждён в 1873 г. Русским географическим обществом серебряной медалью. Г. Н. Потанин был руководителем семи экспедиций, исследовавших Монголию, Китай, Тибет. В 1876–1877 гг. работал в Монголии. Начав свой путь от Чёрного Иртыша, экспедиция перешла хребет Монгольский Алтай, перезимовала в г. Кобдо, дважды пересекла Джунгарское Гоби, затем вернулась в Кобдо и вышла к российской границе через г. Кош-Агач, обследовав северо-западную Монголию. В 1879–1880 гг.

экспедиция Г. Н. Потанина изучала примыкавшую к Сибири часть Монголии, в том числе Урянхайский край. В 1884–1886 гг. Г. Н. Потанин вышел из Кяхты и двигался на юг, дойдя до границ Тибета. Затем экспедиция направилась к горному озеру Кукунор, пересекла пустыню Гоби и вышла на границе с Россией к Кяхте.

Вернувшись из экспедиции, Г. Н. Потанин остался в Иркутске, т. к. был избран правителем дел ВСОИРГО. При нём деятельность отдела активизировалась. В 1892–1893 гг. неутомимый исследователь вновь отправился в экспедицию из Кяхты через Ургу и Калаган в Пекин, а затем – на окраину Тибета. Путешествие снова дало обильный материал, но нанесло его руководителю тяжёлый удар: в сентябре 1893 г. умерла А. В. Потанина, сопровождавшая мужа во всех экспедициях. Лишь спустя несколько лет после смерти жены, летом 1899 г., Г. Н. Потанин нашёл в себе силы совершить своё последнее заграничное путешествие – в область хребта Большой Хинган, который отделял Монголию от Маньчжурии. Эта территория была очень слабо изучена. Как и во время прежних экспедиций, её участники привезли богатый материал.

В результате многочисленных исследований Г. Н. Потанин собрал огромные и разнообразные сведения о природе, этнографии многих местностей Монголии, Китая, Тибета. Экспедиции давали науке гербарии и зоологические коллекции, составлялись многотомные отчёты о результатах работы. В музее ВСОИРГО, общедоступных местах проводил художественные выставки сибирских и иностранных мастеров. Источники сохранили записи о том, что 11–25 апреля 1910 г. Г. Н. Потанин в городском пятиклассном училище Иркутска открыл выставку картин алтайского художника Г. И. Гуркина. Зрителям было представлено свыше 200 работ. Мероприятие посетило более 1500 человек. Часть картин была продана и на ещё большую сумму художник получил заказов. При участии Г. Н. Потанина

28 апреля – 9 мая 1910 г. в малом зале Общественного собрания работала «1-я сибирская передвижная выставка картин томских художников»: А. П. Базановой, В. Д. Ложкина, В. И. Лукина, Н. П. Никифорова, З. А. Рокачевского, П. Г. Тарасова, П. С. Тарского и Н. П. Ткаченко – членов возникшего в 1909 г. Томского общества любителей художеств. Одной из задач нового общества было объединение художественных сил Сибири.

На примере работы Н. М. Ядринцева и Г. Н. Потанина по приобщению жителей Байкальской Сибири к искусству можно подтвердить то, что интеллигенция участвовала в художественных мероприятиях и поддерживала научные, творческие организации в этом направлении. Интерес общественности проявлялся и к международным мероприятиям, которые организовывало ВСОИРГО. Известно, что Всемирная выставка в Париже, которая проходила с 15 апреля по 12 ноября 1900 г., являлась эффективной площадкой для показа традиционного образа жизни в Сибири. Многие жители приняли участие в создании сибирского павильона, где были представлены природные, этнографические богатства региона. Всемирные выставки начались с лондонской в 1851 г. и парижской в 1855 г. Как отмечали периодические издания того времени: «Выставка будущего 1900 года в Париже привлекает всеобщее внимание тою характерною особенностью, что она должна представить всему образованному миру итоги умственного движения человечества за истекающее столетие накануне нового наступающего XX века» [24, л. 2]. На выставке официально были представлены 35 государств: Россия и Финляндия, Австрия, Англия, Соединённые Штаты, Италия, Испания, Бельгия, Голландия, Венгрия, Дания, Люксембург, Греция, Португалия, Румыния, Турция, Китай, Корея, Япония, Марокко, Мексика, Персия, Перу и др. Мероприятие поддерживали научные организации. Они создавали отдельные комиссии по сбору

экспонатов. В оформлении сибирского павильона Парижской Всемирной выставки участвовали известные учёные, краеведы, художники, фотографы, коллекционеры. Так были распределены по тематическим направлениям отделы для сбора снимков между членами фотографической комиссии: якуты (А. В. Тихвин); юкогиры, чукчи, ламуты (В. Г. Богораз); рыболовство, судоходство, судостроение (В. А. Комаровский); буряты, сойоты (А. П. Богословский); охота (А. В. Клеменьев); кедровый промысел, куренье смолы, рубка леса, постройки, способы передвижения (А. П. Артюшков) и т. д. Все были распределены на 27 отделов [24, л. 2].

В результате проведения международных, региональных выставок во второй половине XIX – начале XX в. горожане приобщались к искусству западных и местных мастеров. Городское общество Байкальской Сибири стремилось объединить свои усилия для организации доступных просветительских мероприятий. Количество подобных событий в городах было недостаточно, чтобы доступно объяснить сложные явления. Большинство событий проводились для определённого круга людей. Приглашались состоятельные гости, представители губернской и городской власти. Посещение было платным. Денежные средства поступали от известных горожан, коллекционеров, которые направлялись на развитие творческих объединений. Как писали о жертвователях в источниках периодической печати данного периода: «Сибирь славится своими жертвователями на цели просвещения. Почти каждый сибирский город имеет одного или нескольких меценатов. Для Троицкосавска, Кяхты и окрестных селений такими меценатами были Алексей Михайлович и недавно скончавшаяся Клавдия Христофоровна Лушниковы. Их просветительная благотворительная деятельность вышла далеко за пределы родного им Забайкалья. Их имена встречаются в трудах американца

Джорджа Кеннана, французов Ж. Легра, Поля Лабе и в трудах русских путешественников – Н. М. Пржевальского, Г. Н. Потанина, Н. М. Ядринцева и др. Все отдают должное просвещённой и отзывчивой семье Лушниковых» [25, л. 4].

Художественные события поддерживало и организовывало ОРНОиНР. Общество было создано 6 июня 1900 г., когда был принят устав организации и определена первая программа развития. Учредителями Общества являлись В. И. Вагин и В. А. Николаев. В состав объединения на 1 сентября 1901 г. входило 225 человек. О стремлении общественности к развитию образования, приобщении жителей к искусству сообщалось в докладной записке совета ОРНОиНР в Иркутскую городскую думу о постройке народного детского дома от 13 мая 1903 г.: «Городские самоуправления издавна в числе основных своих задач полагают постановку населения в такие культурные условия, которые способствовали бы правильному развитию как физических, так и духовных сил этого населения. В данном вопросе наш город идёт по пути, намеченному во всём цивилизованном мире, не исключая и России» [26, л. 1].

Как отмечали исследователи конца XIX – начала XX в., вопросы начального народного образования привлекли к себе серьёзное внимание всех слоёв общества. Идея всеобщего обучения восторжествовала. Образование перестало быть монополией отдельных сословий. Городские думы и земские собрания в России придавали вопросам народного образования важное, часто исключительное значение в ряду других вопросов общественной жизни и заботились о возможно широком развитии начальной школы. Опыт и всестороннее исследование вопроса показывали, что одной начальной школы ещё недостаточно для удовлетворения современным условиям общественной и промышленной жизни в области просвещения и образования народа. Начальная школа разрешала только часть задачи.

Как писали эксперты, члены ОРНОиНР: «Взятая сама по себе, несмотря на её важное значение, она является всё же системой без начала и конца, и наряду с начальной школой выдвигается ещё два вопроса, а именно вопросы о дошкольном и послешкольном образовании народа» [26, л. 2].

Общественная творческая организация изучала состояние дел в сфере образования, культурной среде Байкальской Сибири. Члены объединения участвовали в экспедициях по всей территории региона и проводили опрос местного населения, составляли анкеты. В результате анализа документов было определено то, что общество нуждалось в доступных библиотеках, лекциях, музеях, чтобы приобщить жителей к культурным традициям России. Для этого создавались библиотеки, школы, организовывались лекции. Так было предложено на заседании ОРНОиНР магистром богословия Иоанном Дроздовым прочитать несколько лекций по истории искусства для иркутян и других жителей Иркутской губернии. 2–22 ноября 1903 г. в Иркутске объединение провело передвижную сибирскую выставку картин [27, л. 3].

Работу по приобщению жителей к искусству, культурным событиям продолжило учрежденное в 1907 г. Иркутское общество «Просвещение». Первые свои проекты в этом направлении организация представила после того, как приступила к своей деятельности 14 сентября 1907 г. Задачи общества, подробно перечисленные в уставе, заключались в содействии распространению народного образования в Иркутской губернии путем учреждения школ, библиотек и складов книг, устройства народных чтений, публичных лекций и т.д. Как сообщалось в первом документе об учреждении общественной организации: «Мы, нижеподписавшиеся, члены учреждаем Иркутское общество “Просвещение”. Постановили: 1) в члены общества включить следующих лиц: Р. Н. Мухину, В. Л. Франк-

Каменецкую, Н. Н. Фёдорову, Ф. Ф. Заборовского, А. М. Донца, А. В. Цирович, И. В. Фатьев, И. И. Фёдоров, З. Г. Франк-Каменецкий, Е. М. Хитун, И. С. Иконников, В. Я. Кузнецов и других (всего: 25 человек); 2) назначить общее собрание членов общества на 14 сентября 1907 г. для выбора председателя и членов правления» [28, л. 1]. Известно, что 8 сентября 1907 г. в члены организации было включено 13 человек, а 14 сентября 1909 г. – 19 человек. Общество «Просвещение» проводило занятия и экскурсии, члены объединения читали лекции. Сохранились сведения об организации публичных лекций В. А. Мякотина, С. Г. Сватикова, Б. П. Веинберга, М. Н. Соболева и других в городах Байкальской Сибири. В соответствии с интересами в обществе были определены темы по истории, литературе, искусству, физике для выступающих: «Исторический Рим и его памятники», «Главные представители общественного движения в Екатерининскую эпоху», «Александр Герцен, как публицист», «Декабристы в освещении новых материалов», «Что дала человечеству физика и что должна ещё дать?», «Из воспоминаний и впечатлений» и т. д.

Таким образом, во второй половине XIX – начале XX в. общественные, творческие и научные организации, их представители, внесли огромный вклад в формирование художественной жизни городов Байкальской Сибири. В данный период активно проводились выставки, концерты, музыкальные вечера и другие развлекательные мероприятия, создавались детские площадки, которые были направлены на то, чтобы поднять уровень образованности жителей, познакомить всех с новыми достижениями в искусстве, направлениями в живописи, культурными традициями России. Таким образом, происходил подъём общего уровня благосостояния населения, происходило улучшение общественного быта городов Байкальской Сибири.

Выводы

Таким образом, события второй половины XIX – начала XX в. активизировали процесс приобщения горожан Байкальской Сибири к искусству. В данный период увеличилось количество проводимых как международных, так и региональных выставок, просветительских мероприятий, экскурсий. Интеллектуальные силы были направлены на сбор материалов для дальнейших научных исследований. Для этого создавались как государственные, так и частные музеи и выставочные пространства. Формировалась система художественного образования и просвещения. К процессу формирования художественного пространства и развития социокультурных связей в городах присоединялись разные представители сибирской художественной интеллигенции. Появилось большое количество площадок для демонстрации посетителям живописных полотен. Образовались общественные организации. В результате деятельности Н. М. Ядринцева, Г. Н. Потанина в городах появились свои соб-

ственные коллекционеры, хранители и исследователи культурного наследия. Они поддерживали проекты общественных организаций, таких как ВСОИРГО, ОРНОиНР, Иркутское общество «Просвещение». Многие предметы из их собраний были отправлены на Парижскую Всемирную выставку в 1900 г. Известные представители научных и творческих объединений высказывались о том, что нужно создавать и развивать образовательные центры. В программу обучения должны были входить и дисциплины, раскрывающие особенности развития искусства в Российской империи.

Во второй половине XIX – начале XX в. разные представители художественной интеллигенции участвовали в создании выставочных, научных пространств для жителей Байкальской Сибири, где демонстрировались предметы изобразительного искусства. Исследование показало то, что жизнь и деятельность многих членов общественных, творческих и научных организаций до конца не изучены и требуют поиска новых исторических документов.

Список литературы

1. Николай Михайлович Ядринцев: Биогр. очерк, сост. Б. Глинским: С предисл. В. Острогорского и прил. воспоминаний Г. Потанина. М.: Изд. Д. И. Тихомирова, 1895. С. 8–10.
2. Чередниченко И. Г. Николай Михайлович Ядринцев – публицист, теоретик и организатор провинциальной печати: монография. Иркутск: Иркут. техн. ун-т, 1999. С. 15–18.
3. Сагалаев А. М., Крюков В. М. Г. Н. Потанин, последний энциклопедист Сибири: опыт осмысления личности. Томск: Изд-во науч.-техн. лит., 2004. С. 21–25.
4. Шахеров В. П. Социально-демографические характеристики городского населения Иркутской губернии // Государственная власть и общество: на материалах городов Иркутской губернии XIX – начала XX веков: коллективная монография. Иркутск: Отгиск, 2019. С. 132–181.
5. Шахеров В. П. Иркутск купеческий: история города в лицах и судьбах. Хабаровск: Приамурские ведомости, 2006. С. 15–22.
6. Гаврилова Н. И. Развитие сферы гражданской активности иркутян: деятельность добровольных неполитических объединений города во второй половине XIX – начале XX в. // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. 2017. Т. 21. С. 58–62.
7. Паликова Т. В. Формирование музейного пространства городов Забайкалья рубежа XIX–XX веков // Проблемы социально-экономического развития Сибири, 2020. № 1. С. 148–154.

8. Паликова Т. В. Развитие культуры городов Забайкальской области (вторая половина XIX – начало XX в.). Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2008. С. 16–18.
9. Ларева Т. Г. История изобразительного искусства Прибайкалья XX – начала XXI века. Иркутск: Принт Лайн, 2015. С. 21–26.
10. Чирков В. Ф. Изобразительное искусство Сибири XVII – начала XXI вв.: словарь-указатель: в 2-х т. Тобольск: Общественный благотворительный фонд «Возрождение Тобольска», 2014. С. 81–82.
11. Кошман Л. В. Город и городская жизнь XIX столетия: социальные и культурные аспекты. М.: РОССПЭН, 2008. С. 348–349.
12. Токарев В. П. Изобразительное искусство Сибири XIX в. Новосибирск: Наука: Сиб. изд. фирма, 1973. С. 8–10.
13. Токарев В. П. Художники Сибири XIX в. Новосибирск: Наука: Сиб. изд. фирма, 1993. С. 4–6.
14. Манзырева Е. С. Развитие художественной культуры в городах Восточной Сибири (XIX – начало XX вв.) // Вестник Восточно-Сибирской государственной академии культуры и искусств. 2014. № 2 (7). С. 18–22.
15. Фатьянов А. Д. Художники, выставки, коллекционеры Иркутской губернии. Иркутск: Вост.-Сибир. кн. изд-во, 1995. С. 19–20.
16. Фатьянов А. Д. Судьба сокровищ. Иркутск: Вост.-Сибир. кн. изд-во, 1967. С. 12–13.
17. Фатьянов А. Д. Владимир Сукачев. Иркутск: Вост.-Сибир. кн. изд-во, 1990. С. 51–54.
18. Лыхин Ю. П. Художественная жизнь Иркутска (первая четверть XX века). Иркутск: АЭМ «Тальцы», 2002. С. 35–38.
19. Лыхин Ю. П., Крючкова Т. А. Иконописцы, мастера и художники Иркутска (XVII век – 1917 год): библиографический словарь. Иркутск: АЭМ «Тальцы», 2000. С. 122–126.
20. Дамешек Л. М. Музей ВСОРГО: история формирования коллекции и выставочная деятельность (1851–1931 гг.). Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2013. С. 20–22.
21. Ткачев В. В. Организация художественных мероприятий Восточно-Сибирским отделом Императорского Русского географического общества во второй половине XIX – начале XX века // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021. Т. 11, № 4. С. 216–227.
22. ГАИО (Государственный архив Иркутской области). Ф. 480. Оп. 1. Д. 459.
23. ВСОРГО в лицах: библиографический словарь. Вып. 2 / под ред. Ю. А. Зуляра, Л. М. Коротного. Иркутск: Изд-во Института географии им. В. Б. Сочавы СО РАН, 2012. С. 78–114.
24. ГАИО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 162.
25. ГАИО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 113.
26. ГАИО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 595.
27. ГАИО. Ф. 197. Оп. 1. Д. 7.
28. ГАИО. Ф. 590. Оп. 1. Д. 6.

References

1. Nikolaj Mihajlovich Yadrincev: Biogr. ocherk, sost. B. Glinskim: S predisl. V. Ostrogorskogo i pril. vospominanij G. Potanina [Nikolai Mikhailovich Yadrintsev: A biographical essay, by B. Glinsky: With a preface by V. Ostrogorsky and adj. memoirs of G. Potanin]. Moscow, Izd. D. I. Tihomirova, 1895, pp. 8–10.
2. Cherednichenko I. G. Nikolaj Mihajlovich Yadrincev – publicist, teoretik i organizator provincial'noj pechati [Nikolay Mikhailovich Yadrintsev - publicist, theorist and organizer of the provincial press]. Irkutsk, Irkut. tekhn. Univ. Publ., 1999, pp. 15–18.

3. Sagalaev A. M., Kryukov V. M. G. N. Potanin, poslednij enciklopedist Sibiri: opyt osmysleniya lichnosti [G. N. Potanin, the last encyclopedist of Siberia: the experience of understanding personality]. Tomsk, Izd-vo nauch.-tekhn. lit., 2004, pp. 21–25.

4. Shaherov V. P. Social'no-demograficheskie harakteristiki gorodskogo naseleniya Irkutskoj gubernii [Socio-demographic characteristics of the urban population of the Irkutsk province]. Gosudarstvennaya vlast' i obshchestvo: na materialah gorodov Irkutskoj gubernii XIX – nachala XX vekov [State power and society: based on the materials of the cities of the Irkutsk province of the XIX - early XX centuries]. Irkutsk, Ottisk Publ., 2019, pp. 132–181.

5. Shaherov V. P. Irkutsk kupecheskij: istoriya goroda v licah i sud'bah [Irkutsk merchant: the history of the city in faces and destinies]. Habarovsk, Priamurskie vedomosti Publ., 2006, pp. 15–22.

6. Gavrilova N. I. Razvitie sfery grazhdanskoj aktivnosti irkutyan: deyatelnost' dobrovol'nyh nepoliticheskikh ob"edinenij goroda vo vtoroj polovine XIX – nachale XX v. [The development of the sphere of civic activity of Irkutsk residents: the activities of voluntary non-political associations of the city in the second half of the XIX - early XX century]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*, 2017, vol. 21, pp. 58–62.

7. Palikova T. V. Formirovanie muzejnogo prostranstva gorodov Zabajkal'ya rubezha XIX–XX vekov [Formation of the museum space of the cities of Transbaikalia of the turn of the XIX-XX centuries]. *Problemy social'no-ekonomicheskogo razvitiya Sibiri = Problems of socio-economic development of Siberia*, 2020, no. 1, pp. 148–154.

8. Palikova T. V. Razvitie kul'tury gorodov Zabajkal'skoj oblasti (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.) [The city and urban life of the XIX century: social and cultural aspects]. Ulan-Ude, Buryat St. Univ. Publ., 2008, pp. 16–18.

9. Lareva T. G. Istoriya izobrazitel'nogo iskusstva Pribajkal'ya XX – nachala XXI veka [The history of fine art of the Baikal region of the XX - beginning of the XXI century]. Irkutsk, Print Lajn Publ., 2015, pp. 21–26.

10. Chirkov V. F. Izobrazitel'noe iskusstvo Sibiri XVII – nachala XXI vv. [Fine art of Siberia of the XVII - early XXI centuries]. Tobol'sk, Obshchestvennyj blagotvoritel'nyj fond "Vozrozhdenie Tobol'ska", 2014, pp. 81–82.

11. Koshman L. V. Gorod i gorodskaya zhizn' XIX stoletiya: social'nye i kul'turnye aspekty [The city and urban life of the XIX century: social and cultural aspects]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2008, pp. 348–349.

12. Tokarev V. P. Izobrazitel'noe iskusstvo Sibiri XIX v. [Fine art of Siberia of the XIX century]. Novosibirsk, Nauka Publ., Sib. izd. firma, 1973, pp. 8–10.

13. Tokarev V. P. Hudozhniki Sibiri XIX v. [Artists of Siberia of the XIX century]. Novosibirsk, Nauka Publ., Sib. izd. firma 1993, pp. 4–6.

14. Manzyreva E. S. Razvitie hudozhestvennoj kul'tury v gorodah Vostochnoj Sibiri (XIX – nachalo XX vv.) [Development of artistic culture in the cities of Eastern Siberia (XIX - early XX centuries)]. *Vestnik Vostochno-Sibirskoj gosudarstvennoj akademii kul'tury i iskusstv = Bulletin of the East Siberian State Academy of Culture and Arts*, 2014, no. 2 (7), pp. 18–22.

15. Fat'yanov A. D. Hudozhniki, vystavki, kollekcionery Irkutskoj gubernii [Artists, exhibitions, collectors of Irkutsk province]. Irkutsk, Vost.-Sibir. kn. izd-vo, 1995, pp. 19–20.

16. Fat'yanov A. D. Sud'ba sokrovishch [The fate of treasures]. Irkutsk, Vost.-Sibir. kn. izd-vo, 1967, pp. 12–13.

17. Fat'yanov A. D. Vladimir Sukachev [Vladimir Sukachev]. Irkutsk, Vost.-Sibir. kn. izd-vo, 1990, pp. 51–54.

18. Lyhin Yu. P. Hudozhestvennaya zhizn' Irkutsk (pervaya chetvert' XX veka) [The artistic life of Irkutsk (the first quarter of the XX century)]. Irkutsk, AEM "Tal'cy", 2002, pp. 35–38.

19. Lyhin Yu. P., Kryuchkova T. A. Ikonopiscy, мастера i hudozhniki Irkutsk (XVII vek – 1917 god) [Icon painters, masters and artists of Irkutsk (XVII century – 1917)]. Irkutsk, AEM "Tal'cy", 2000, pp. 122–126.

20. Dameshek L. M. Muzej VSORGO: istoriya formirovaniya kollekcii i vystavochnaya deyatelnost' (1851–1931 gg.) [VSORGO Museum: the history of the collection formation and exhibition activity (1851–1931)]. Irkutsk, Irkutsk. St. Univ. Publ., 2013, pp. 20–22.

21. Tkachev V. V. Organizaciya hudozhestvennyh meropriyatij Vostochno-Sibirskim otdelom Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva vo vtoroj polovine XIX – nachale XX veka [Organization of artistic events by the East Siberian Department of the Imperial Russian Geographical Society in the second half of the XIX - early XX century]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*, 2021, vol. 11, no. 4, pp. 216–227.

22. GAIO (Gosudarstvennyj arhiv Irkutskoj oblasti) [The State Archive of the Irkutsk region], f. 480, op. 1, d. 459.

23. VSORGO v licah: bibliograficheskij slovar [VSORGO in persons: a bibliographic dictionary], is. 2; ed. by Yu. A. Zulyar, L. M. Korytnyi. Irkutsk, Institut geografii im. V. B. Sochavy SO RAN Publ., 2012, pp. 78–114.

24. GAIO, f. 293, op. 1, d. 162.

25. GAIO, f. 480, op. 1, d. 113.

26. GAIO, f. 480, op. 1, d. 595.

27. GAIO, f. 197, op. 1, d. 7.

28. GAIO, f. 590, op. 1, d. 6.

Информация об авторе / Information about the Author

Ткачев Виталий Викторович, аспирант кафедры истории России, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация,
e-mail: vitaliy.tkachev@mail.ru,
ORCID: 0000-0002-1057-3270

Vitaliy V. Tkachev, Post-Graduate Student of the Department of Russian History, Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation,
e-mail: vitaliy.tkachev@mail.ru,
ORCID: 0000-0002-1057-3270

Оригинальная статья / Original article

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2021-11-6-246-254>

Развитие дорожной инфраструктуры Курской области в годы VIII и IX пятилеток (1966–1975 годы)

Д. М. Носов¹ ✉

¹ Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: metiskursk1980@gmail.com

Резюме

Актуальность. Формирование сети дорог – одно из ключевых условий успешности развития страны в целом и отдельных регионов в частности. Исторический опыт показал, что перемещать грузы и людей на большие расстояния по суше с наименьшими затратами выгоднее всего по железным дорогам. Но для успешного формирования транспортной логистики внутри региона необходимо делать упор на развитие автодорожного сообщения. Это особенно актуально для такого относительно небольшого региона, как Курская область, где имеются существенные проблемы в функционировании и обслуживании дорожной сети. Период VIII и IX пятилеток является одним из наиболее важных в истории формирования сети автомобильных дорог региона. В это время прокладывается твердое покрытие практически на всех ключевых автомобильных магистралях области и идет становление современной дорожной сети. Понимание проблем, с которыми сталкивались строители дорог в изучаемый период времени, дает возможность детальнее разобраться с проблемами функционирования современной автодорожной сети Курской области.

Цель – показать основные этапы формирования дорожной инфраструктуры Курской области в 1966–1975 годы.

Задачи: на основе изучения комплекса исторических источников проанализировать проблемы, с которыми столкнулась Курская область при создании дорожной инфраструктуры в 1966–1975 годы; раскрыть найденные пути решения этих проблем.

Методология. При написании работы автор опирался на основополагающие методы исторической науки (принципы историзма и объективности), а также на ряд конкретно-исторических и общенаучных методов (аналитический, сравнительно-исторический и пр.).

Результаты. Отсутствие регионального комплекса историографии по данной проблеме говорит о недостаточной изученности вопроса. Настоящая работа не только вводит в научный оборот собранный эмпирический материал по истории развития автодорожной инфраструктуры, но и показывает основные направления этого процесса.

Вывод. Создание сети автодорог и формирование развитой дорожной инфраструктуры в Курской области в годы VIII и IX пятилеток послужило серьезной основой для дальнейшего экономического развития региона, а также для повышения мобильности граждан за счет, в первую очередь, улучшения качества автотранспортных перевозок.

Ключевые слова: Курская область; дорожная инфраструктура; капиталовложения; автомобильные дороги.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Носов Д. М. Развитие дорожной инфраструктуры Курской области в годы VIII и IX пятилеток (1966–1975 годы) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021. Т. 11, № 6. С. 246–254. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2021-11-6-246-254>.

Поступила в редакцию 27.10.2021

Принята к публикации 25.11.2021

Опубликована 27.12.2021

© Носов Д. М., 2021

Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право / Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law. 2021; 11(6): 246–254

Development of the Road Infrastructure of the Kursk Region During the VIII and IX Five-Year Plans (1966–1975)

Dmitry M. Nosov¹ ✉

¹ Southwest State University
50 Let Oktyabrya str. 94, Kursk, 305040, Russian Federation

✉ e-mail: metiskursk1980@gmail.com

Abstract

Relevance. The formation of a network of roads is one of the key conditions for the successful development of the country as a whole and individual regions in particular. Historical experience has shown that it is most profitable to move goods and people over long distances by land at the lowest cost by rail. But for the successful formation of transport logistics within the region, it is necessary to focus on the development of road communications. This is especially true for such a relatively small region as the Kursk region, where there are significant problems in the operation and maintenance of the road network. The period of the VIII and IX five-year plans is one of the most important in the history of the formation of the region's road network. At this time, a hard surface is being laid on almost all key highways of the region, and the formation of a modern road network is underway. Understanding the problems faced by road builders during the period under study makes it possible to understand in more detail the problems of the functioning of the modern road network of the Kursk region.

The purpose. Show the main stages of the formation of the road infrastructure of the Kursk region in 1966–1975.

Objectives: based on the study of a complex of historical sources to analyze the problems that the Kursk region faced when creating road infrastructure in 1966–1975, to reveal the found ways to solve these problems.

Methodology. When writing the work, the author relied on the fundamental methods of historical science (the principles of historicism and objectivity), as well as on a number of specific historical and general scientific methods (analytical, comparative historical, etc.).

Results. The absence of a regional complex of historiography on this issue indicates an insufficient study of the issue. This work not only introduces into scientific circulation the collected empirical material on the history of the development of road infrastructure, but also shows the main directions of this process.

Conclusion. The creation of a network of roads and the formation of a developed road infrastructure in the Kursk region during the VIII and IX five-year plans served as a serious basis for the further economic development of the region, as well as for increasing the mobility of citizens by, first of all, improving the quality of road transport.

Keywords: Kursk region; road infrastructure; capital investments; highways.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Nosov D. M. Development of the Road Infrastructure of the Kursk Region During the VIII and IX Five-Year Plans (1966–1975). *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2021; 11(6): 246–254. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2021-11-6-246-254>.

Received 27.10.2021

Accepted 25.11.2021

Published 27.12.2021

Введение

Формирование автодорожной сети с развитой дорожной инфраструктурой – процесс длительный и капиталозатратный. Однако именно она создает условия для более быстрого развития экономики региона, а следовательно, и условия для

массового перемещения людей. В 1960–70-е гг. развитие дорожной инфраструктуры стало особенно востребованным и насущным. Тому способствовало стремительное развитие экономики, для нужд которой требовались непрерывные перемещения грузов и людей. Как показала практика, железнодорожного транспорта,

на который делалась ставка в предыдущие годы, оказалось недостаточно [1, с. 112], требовалось развитие и автомобильного сообщения, которое является более мобильным, а зачастую и более быстрым, особенно в условиях таких небольших регионов, как Курская область.

Ключевая роль в этом процессе отводилась строительству дорог с твердым покрытием, а также созданию объектов, которые должны были обслуживать и способствовать более комфортному перемещению по автомобильным дорогам области (сеть АЗС, автовокзалы и пр.) [2, с. 93].

Стоит отметить, что в отечественной историографии данной проблематике практически не уделялось внимания. Существует крайне ограниченное количество работ, посвященных развитию дорожного сообщения в рамках всего государства [3]. Региональный аспект освещен в основном на материалах Севера [4; 5; 6] и Сибири [7]. Это объясняется крайней важностью проблематики не только в развитии экономики данных регионов, но и исторической и природно-климатической спецификой их жизни.

Однако проблема развития дорожного сообщения и сопутствующей инфраструктуры в большей степени отразилась в работах экономистов, чему способствует специфика изучаемой проблемы. Учеными-экономистами в целом были проанализированы ключевые аспекты создания дорожной сети в нашей стране, в частности ее особенности [8; 9; 10].

В этой связи разработка проблемы развития транспортной инфраструктуры в годы VIII и IX пятилеток (1966–1975 гг.) на материалах Курской области представляется нам актуальной и насущной, особенно в контексте современного состояния и функционирования автодорожной сети региона.

Методология

Комплекс научных методов и принципов, использованных нами при написании настоящей работы, позволил ре-

шить все поставленные перед исследованием задачи. Помимо использования традиционных методологических принципов (объективность и принцип историзма), нами активно привлекался как общенаучный (аналитический метод, индуктивно-дедуктивный), так и специально-исторический инструментарий (сравнительно-исторический метод).

Результаты и их обсуждение

Создание, поддержание и реконструкция развитой сети автомобильных дорог – одна из важнейших экономических задач, решение которой требовало больших капиталовложений. Поэтому на основании п. 2 Указа Президиума Верховного Совета РСФСР от 7 апреля 1959 г. «Об участии колхозов, совхозов, промышленных, транспортных, строительных и других предприятий и хозяйственных организаций в строительстве и ремонте автомобильных дорог» для финансирования дорожного строительства должны были привлекаться не только средства государственного бюджета. Значительную часть капиталовложений в развитие дорожной инфраструктуры должны были направлять предприятия, располагавшиеся на территории региона [11, л. 34–37]. Они могли либо направлять на строительство или обслуживание дорог собственных рабочих и технику, или перечислять определенные суммы Курскому областному управлению строительства и ремонта автодорог. К примеру, в первый год VIII пятилетки (1966 г.) предприятия должны были перевести на счет вышеуказанной организации 424,4 тыс. руб., а также выполнить работы на общую сумму в 342,4 тыс. руб. Помимо предприятий средства на дорожное строительство должны были также выделяться из районных бюджетов. План объемов финансирования на 1966 г. составлял 1 400 тыс. руб. [12, л. 230]

Но несмотря на такие крупные капиталовложения и значительную поддержку со стороны предприятий и местных вла-

стей, областное дорожно-строительное управление не справлялось со своей работой. Из года в год недовыполнялись работы, из-за чего происходило удорожание итоговой стоимости объектов инфраструктуры, в особенности дорог. Только за 1966 г. коэффициент использования имеющихся производственных сил по организациям управления составил всего 0,559. При этом фондовые материалы в ряде случаев использовались не для производственных целей, а продавались сторонним организациям: так, без составления необходимой документации было реализовано более тысячи тонн цемента [13, л. 12].

Все это влияло в итоге на качество дорог, которое даже на ключевых магистралях оставляло желать лучшего. Даже новые дороги были очень плохого качества: так, участок трассы «Курск – Воронеж» между 92-м и 97-м километрами был сдан в конце 1966 г., но уже через полгода он пришел в полную негодность, как и железобетонная труба на 31-м километре трассы «Курск – Щигры» [14]. Неудовлетворительное состояние дорог специалисты в первую очередь связывали с нарушениями технологий строительства и ремонта. В свою очередь, такое положение объясняется недостатком квалифицированных кадров, которых не только не хватало, но они еще и были распределены по всей области, что неоднократно признавалось начальником дорожно-строительного управления № 1 Гладких как серьезный недостаток в работе.

В целях усиления темпов строительства дорог области 10 декабря 1966 г. решением исполкома Курского облсовета за № 777 было создано дорожно-строительное управление № 2 (ДСУ № 2), которое начало функционировать уже со следующего 1967 г. в Судже [15, л. 20]. Создание второго в области ДСУ сыграло, безусловно, позитивную роль в деле развития дорожной инфраструктуры региона. Благодаря его деятельности от-

дельные районы весьма успешно справлялись со строительством дорог. Так, за 9 месяцев 1967 г. план дорожного строительства и ремонта в Коньшевском районе области был выполнен на 110%. Однако при этом план ремонта мостов удалось выполнить на 76%, а работы по восстановлению земляного полотна – на 85%. Отчасти это объясняется недостаточным привлечением колхозов и совхозов к работам. Во-первых, ими были недофинансированы работы: из плановых 167,4 тыс. руб. ими были перечислены на обеспечение дорожных работ только 92,8 тыс. руб. Во-вторых, не были в должной мере организованы отработки строительных бригад колхозов и совхозов на дорожных работах, а также контроль за ними со стороны районного руководства. По этим причинам даже на тех дорогах, где ремонт был уже осуществлен, его качество оставляло желать лучшего. Так, на дороге Коньшевка – Шустово в ходе ремонта не была устранена колеиность, на дороге Коньшевка – Беляево на множестве участков был насыпан грунт, но не разровнен. Строительство асфальтовой дороги Льгов – Коньшевка также проходило с большими трудностями: на многих участках проезжая часть имела волнистость, поперечный и продольный профили не были выдержаны, что создавало все условия для быстрого разрушения покрытия [16, л. 39–40].

В конце 1960-х гг. большинство внутриобластных дорог не имели твердого покрытия (общая протяженность дорог с твердым покрытием едва превышала тысячу километров), поэтому их состояние оставляло желать лучшего. Так, автомобильная дорога Тим – Кривец была настолько разбита, что автомобилям приходилось делать большой крюк через Мантурово, чтобы объехать этот опасный и неудобный участок. Отчасти подобное положение сложилось из-за отсутствия должного обслуживания дорог, вызванного недостатком кадров. Например, в Тимском районе имелось только два до-

рожных мастера, чего явно было недостаточно [17].

Об удручающем состоянии даже важнейших магистралей региона свидетельствует один интересный документ. 20 марта 1973 г. исполком Курского облсовета издал распоряжение за № 166-р [18, л. 134; 19], в котором запрещался проезд автомобилей грузоподъемностью более 3-х тонн в период с 1 по 30 апреля 1973 г. по следующим дорогам:

- Курск – Льгов – Рыльск – граница УССР;
- Рыльск – Коренево;
- Курск – Свобода – Золотухино;
- Льгов – Коньшевка;
- Курск – Щигры – Черемисиново;
- Кшень – Ефросимовка;
- Горшечное – Старый Оскол;
- Курск – Петринка;
- Фитиж – автодорога Льгов – Рыльск;
- Фатеж – Дмитриев;
- Дьяконово – Суджа – граница УССР;
- Медведица – Разиньково.

Существование подобного документа говорит о крайне трудном положении в регионе с дорогами. Во многом это объясняется тем, что до середины 1960-х гг. приоритет в развитии транспортной инфраструктуры, в том числе и в вопросах перевозки пассажиров, отдавался железнодорожному транспорту. Однако постепенно ситуация менялась: экономические потребности страны и региона требовали строительства большего числа дорог с твердым покрытием.

Так, за 1971 г. по области было построено 73 км дорог с твердым покрытием, или 87,5% от запланированных. При этом значительно увеличились капиталовложения в дорожное строительство и ремонт. Только за 1971 г. от районов было привлечено средств в размере 2 428 тыс. руб. (что более чем на 1 млн больше, чем в начале VIII пятилетки) [20, л. 6].

Стоит отметить, что к концу IX пятилетки (1975 г.) ситуация со строитель-

ством и ремонтом автодорог в области несколько улучшилась. Во многом это объясняется постоянным увеличением капиталовложений в дорожное строительство и более эффективное их использование. Только за 1974 г. на строительство и ремонт дорог из областного и районного бюджетов, а также со стороны предприятий, колхозов и совхозов было выделено 11 243 тыс. руб., которые были освоены в полном объеме. Однако качество работ и своевременность сдачи в эксплуатацию готовых объектов все еще были на низком уровне: из плана построить 84 км дорог с твердым покрытием было введено в эксплуатацию только 75,8 км, при этом на многих принятых участках были серьезные дефекты [21, л. 209–210].

Тем не менее в общей сложности за изучаемый период общая протяженность автомобильных дорог в Курской области увеличилась всего на 100 км: с 10,9 тыс. км в 1965 г. до 11,0 тыс. км в 1976 г. Однако почти в два раза увеличилась протяженность дорог с твердым покрытием: с 1,0 тыс. км до 1,9 тыс. км соответственно [22, с. 149], т. е. доля дорог с твердым покрытием от общей протяженности в регионе увеличилась с 9,2% в 1965 г. до 17,3%, или же почти в два раза. Для сравнения на 2018 г. в Курской области доля дорог с твердым покрытием составляла 65% от общей протяженности автомобильных дорог [23, с. 311]. Поэтому период VIII и IX пятилеток можно вполне обоснованно позиционировать как начальный этап создания современной сети автомобильных дорог с твердым покрытием в Курской области.

Помимо собственно строительства автодорог с твердым покрытием, в регионе также возводились важные объекты дорожной инфраструктуры, главными из которых являлись мосты. Нам пока не удалось точно установить, какое количество мостов было построено за изучаемый период, однако важнейшим из них был автомобильный мост через реку

Сейм на объездной дороге. В ноябре 1967 г. было завершено его строительство [24]. Это стало одним из ключевых событий в развитии транспортной инфраструктуры региона в годы VIII пятилетки. Теперь транспортный поток из Москвы в Украину и Крым шел не через областной центр, а в обход, серьезным образом разгружая городской транспортный трафик. Полностью объездная дорога в обход Курска была закончена в конце июля 1968 г. [25], а открытие состоялось 10 октября 1968 г. [26]: в общей сложности дорога имела протяженность 28,5 км. Строительство осуществлялось одним из участков столичного управления № 802 треста «Центрдорстрой».

В изучаемый период постоянно вводились в строй не только новые дороги, но и новые объекты транспортной инфраструктуры. Ключевое место среди них занимали вокзалы, которые условно можно разделить на специализированные (железнодорожные и автобусные) и смешанные. Последние чаще всего строились в небольших населенных пунктах, где не было необходимости разводить пассажиропотоки для снижения нагрузки на отдельные виды транспорта. Так, в октябре 1972 г. накануне очередной годовщины Октябрьской революции на железнодорожной станции Псёл, ближайшей к районному центру Беловского района, был открыт новый вокзал. Предыдущее здание было разрушено еще в годы Великой Отечественной войны и вокзал долгие годы располагался в приспособленном помещении. Новое здание имело просторный зал ожидания, комнату матери и ребенка, багажную для ручной клади. При нем также была сделана большая площадь, служившая автобусной станцией, что было особенно удобно для пассажиров [27].

Также в этот период открывались и новые автостанции. В самом конце 1969 г. была сдана в эксплуатацию новая автостанция в Фатеже. Здание было построенное по типовому проекту, в нем имелись

зал ожидания, комната матери и ребенка, кассы, служебные комнаты. Ключевым ее достоинством было расположение: в центральной части города на главной трассе, соединяющей Курск и Москву [28]. В тот период времени эта дорога проходила через райцентр, а объездной автодороги еще не существовало.

1 декабря 1973 г. была сдана в эксплуатацию новая автостанция, размещившаяся на трассе Воронеж – Белгород недалеко от Горшечного, что позволило ввести новые автобусные маршруты: Горшечное – Воронеж, Ефросимовка – Горшечное – Губкин [29].

Важнейшим элементом дорожной инфраструктуры также являются автозаправочные станции, массовое открытие которых начинается в изучаемый период. В марте 1968 г. автоматическая автозаправочная станция была открыта вблизи Горелого леса на трассе Курск – Тим, которая была рассчитана на 500 заправок в сутки. К этому времени такие же станции уже функционировали в Рыльске, Обояни, Солнцево и строились в Советском, Пристенском, Глушковском и Беловском районах (была сдана в декабре 1968 г. [30; 31]).

К концу декабря 1969 г. на территории области действовала 21 автоматическая автозаправочная станция. Одной из последних была открыта АЗС в Кореново, рассчитанная на 750 заправок в сутки [32]. Аналогичная АЗС была открыта в Рыльске в конце января 1970 г. [33], а в декабре 1970 г. в строй вступили еще три АЗС – в Пристени, Калиновке (Хомутовский район) и Касторном. На начало 1971 г. в районах области функционировали 27 автоматических АЗС. Для того чтобы эта система функционировала, в регионе проводились реконструкции нефтебаз во Льгове, Глушково, Судже [34].

Осенью 1972 г. еще одна автозаправочная станция была открыта на въезде в Суджу рядом со строящейся трассой Курск – Сумы, которая должна была соединить два областных центра. На стан-

ции имелись пять заправочных колонок с бензином различных сортов и дизельным топливом, а также колонка для машинного масла. Все колонки были автоматизированы и управлялись оператором с пульта. Уже в первые недели своего существования АЗС отпускала не менее 500 заправок в день [35].

Таким образом мы видим, что, помимо строительства автодорог с твердым покрытием, большое внимание областным руководством также уделялось созданию развитой и современной инфраструктуры, многие элементы которой продолжают существовать, пусть и в реконструированном виде, и по настоящее время.

Выводы

Ведущий отечественный экономист второй половины XX в. Г. И. Ханин в одной из своих обобщающих работ указы-

вает, что период 1960–70-х гг. можно охарактеризовать как «этап завершения формирования сети автотрасс в европейской части РСФСР. На этот же период приходится пик автодорожного строительства в нашей стране». Как показывает приведенный выше анализ, данное утверждение представляется несколько искажающим исторические реалии Курской области изучаемого отрезка времени. Действительно, темпы автодорожного строительства и создания транспортной инфраструктуры в регионе в годы VIII и IX пятилеток были гораздо выше, чем в предыдущие десятилетия, однако этот период можно рассматривать лишь как начальный этап формирования автодорожной инфраструктуры Курского региона, который в значительной степени определил дальнейшее развитие автотранспортных пассажироперевозок в области.

Список литературы

1. Бойко В., Ефименко В., Кадесников А. Очерки истории строительства сухопутных путей сообщения / под ред. акад. РААСН Л. С. Ляховича. Томск: Изд-во ТГАСУ, 2010. 136 с.
2. Опыт дорожного строительства в СССР и за рубежом / ред. коллегия: проф., д-р техн. наук Л. Л. Афанасьев [и др.]. М.: Международные отношения, 1969. 141 с.
3. Дороги России: исторический аспект / под общ. ред. А. А. Надежко. М.: Крук, 1996. 408 с.
4. Веселов С. И. Развитие автодорожного строительства на севере Западной Сибири в 1960-е – начале 1990-х гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 10(84), ч. 2. С. 32–35.
5. Веселов С. И. Создание локальной автодорожной сети в нефтедобывающих районах севера Западной Сибири в середине 1960-х – 1970-е гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 3(77), ч. 1. С. 44–48.
6. Веселов С. И. Формирование кадров дорожных строителей в период транспортного освоения нефтедобывающих районов Западной Сибири (1963–1977 гг.) // Известия Восточного института. 2018. № 4 (40). С. 29–41.
7. Иванов О.В., Иваненко А.С. История автомобильных дорог Тюменской области. Тюмень: Слово, 1999. 416 с.
8. Сухадолец Т. В. Анализ динамики транспортного строительства в России за 1928–2012 гг. // Теория и практика общественного развития. 2015. № 23. С. 86–88.
9. Ханин Г. И. Динамика экономического развития СССР / отв. ред. В. А. Волконский. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1991. 267 с.
10. Шалак А. В. Роль транспортных коммуникаций в обеспечении политико-экономической безопасности: невывученные уроки истории. // Историко-экономические исследования. 2021. Т. 22, № 1. С. 142–162. [https://doi.org/10.17150/2308-2488.2021.22\(1\).142-162](https://doi.org/10.17150/2308-2488.2021.22(1).142-162)
11. ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. А-385. Оп. 13. Д. 1038.
12. ГАКО (Государственный архив Курской области). Ф. Р-3322. Оп. 44. Д. 1733.

13. ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 44. Д. 1735.
14. Курская правда. 1967. 1 июля.
15. ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 44. Д. 1775.
16. ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 44. Д. 1865.
17. Курская правда. 1969. 16 июля.
18. ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 44. Д. 2521.
19. Курская правда. 1973. 31 марта.
20. ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 44. Д. 2396.
21. ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 44. Д. 2631. Л. 209–210.
22. Народное хозяйство Курской области в 1979 году: стат. сб. Курск, 1980. С. 149.
23. Статистический ежегодник Курской области. 2019: стат. сб. / Курскстат. Курск, 2019. С. 311.
24. Курская правда. 1967. 15 нояб.
25. Курская правда. 1968. 30 июля.
26. Курская правда. 1968. 11 окт.
27. Курская правда. 1972. 13 окт.
28. Курская правда. 1970. 8 янв.
29. Курская правда. 1973. 2 дек.
30. Курская правда. 1968. 29 дек.
31. Курская правда. 1968. 12 марта.
32. Курская правда. 1969. 17 дек.

References

1. Bojko V., Efimenko V., Kadesnikov A. Ocherki istorii stroitel'stva suhoputnyh putej soobshcheniya [Essays on the history of the construction of land communication routes]; ed. by L. S. Lyahovich. Tomsk, TGASU Publ., 2010. 136 p.
2. Opyt dorozhnogo stroitel'stva v SSSR i za rubezhom [Experience of road construction in the USSR and abroad]; ed. by L. L. Afanas'ev, eds. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 1969. 141 p.
3. Dorogi Rossii: istoricheskij aspekt [Roads of Russia: historical aspect]; ed. by A. A. Nadezhko. Moscow, Kruk Publ., 1996. 408 p.
4. Veselov S. I. Razvitie avtodorozhnogo stroitel'stva na severe Zapadnoj Sibiri v 1960-e – nachale 1990-h gg. [The development of road construction in the north of Western Siberia in the 1960s - early 1990s.]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki = Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art criticism. Questions of theory and practice*, 2017, no. 10(84), pt. 2, pp. 32–35.
5. Veselov S. I. Sozdanie lokal'noj avtodorozhnoj seti v neftedobyvayushchih rajonah severa Zapadnoj Sibiri v seredine 1960-h–1970-e gg. [Creation of a local road network in the oil-producing regions of the north of Western Siberia in the mid-1960s-1970s.]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki = Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art criticism. Questions of theory and practice*, 2017, no. 3(77), pt. 1, pp. 44–48.
6. Veselov S. I. Formirovanie kadrov dorozhnyh stroitelej v period transportnogo osvoeniya neftedobyvayushchih rajonov Zapadnoj Sibiri (1963–1977 gg.) [Formation of cadres of road builders during the period of transport development of oil-producing regions of Western Siberia (1963-1977)]. *Izvestiya Vostochnogo instituta = News of the Oriental Institute*, 2018, no. 4 (40), pp. 29–41.
7. Ivanov O. V., Ivanenko A. S. Istoriya avtomobil'nyh dorog Tyumenskoj oblasti [History of highways of the Tyumen region]. Tyumen', Slovo Publ., 1999. 416 p.
8. Suhadolec T. V. Analiz dinamiki transportnogo stroitel'stva v Rossii za 1928–2012 gg. [Analysis of the dynamics of transport construction in Russia for 1928-2012]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya = Theory and practice of social development*, 2015, no. 23, pp. 86–88.

9. Hanin G. I. Dinamika ekonomicheskogo razvitiya SSSR [Dynamics of economic development of the USSR]; ed. by V. A. Volkonskij. Novosibirsk, Nauka Publ., Sib. otd-nie, 1991. 267 p.
10. Shalak A. V. Rol' transportnyh kommunikacij v obespechenii politiko-ekonomicheskoy bezopasnosti: nevyuchennye uroki istorii [The role of transport communications in ensuring political and economic security: the unlearned lessons of history]. *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya = Historical and economic research*, 2021, vol. 22, no. 1, pp. 142–162. [https://doi.org/10.17150/2308-2488.2021.22\(1\).142-162](https://doi.org/10.17150/2308-2488.2021.22(1).142-162).
11. GARF (Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii) [State Archive of the Russian Federation], f. A-385, op. 13, d. 1038.
12. GAKO (Gosudarstvennyj arhiv Kurskoj oblasti) [The State Archive of the Kursk region], f. R-3322, op. 44, d. 1733.
13. GAKO, f. R-3322, op. 44, d. 1735.
14. *Kurskaya pravda = Kurskaya pravda*, 1967, July 1.
15. GAKO, f. R-3322, op. 44, d. 1775.
16. GAKO, f. R-3322, op. 44, d. 1865.
17. *Kurskaya pravda = Kurskaya pravda*, 1969, July 16.
18. GAKO, f. R-3322, op. 44, d. 2521.
19. *Kurskaya pravda = Kurskaya pravda*, 1973, March 31.
20. GAKO, f. R-3322, op. 44, d. 2396.
21. GAKO, f. R-3322, op. 44, d. 2631, l. 209–210.
22. Narodnoe hozjajstvo Kurskoj oblasti v 1979 godu [The national economy of the Kursk region in 1979]. Kursk, Kursk state Publ., 1980, pp. 149.
23. Statisticheskij ezhegodnik Kurskoj oblasti. 2019 [Statistical Yearbook of the Kursk region. 2019]. Kursk, Kurskstat Publ., 2019, p. 311.
24. *Kurskaya pravda = Kurskaya pravda*, 1967, November 15.
25. *Kurskaya pravda = Kurskaya pravda*, 1968, July 30.
26. *Kurskaya pravda = Kurskaya pravda*, 1968, October 11.
27. *Kurskaya pravda = Kurskaya pravda*, 1972, October 13.
28. *Kurskaya pravda = Kurskaya pravda*, 1970, January 8.
29. *Kurskaya pravda = Kurskaya pravda*, 1973, December 2.
30. *Kurskaya pravda = Kurskaya pravda*, 1968, December 29.
31. *Kurskaya pravda = Kurskaya pravda*, 1968, March 12.
32. *Kurskaya pravda = Kurskaya pravda*, 1969, December 17.

Информация об авторе / Information about the Author

Носов Дмитрий Михайлович, младший научный сотрудник кафедры истории и социально-культурного сервиса, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: metiskursk1980@gmail.com

Dmitry M. Nosov, Post-Graduate Student of the Department of Constitutional Law, Southwest State University, Kursk, Russian Federation
e-mail: metiskursk1980@gmail.com

Оригинальная статья / Original article

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2021-11-6-255-266>**Проблема изучения мемориальной памяти в междисциплинарном комплексе социально-гуманитарных дисциплин**М. А. Царина¹ ✉

¹ Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Гуманитарно-педагогическая академия (филиал) в г. Ялте.

ул. Стахановская 11, г. Ялта 298650, Российская Федерация

✉ e-mail: mari.tsarina@mail.ru

Резюме

Актуальность. В настоящей статье рассмотрены актуальные вопросы касательно определения такого понятия, как «мемориальная память». Это явление рассмотрено в исторической ретроспективе современной отечественной историографии. Анализируются главные подходы в определении следующих терминов: «мемориальная память», «место памяти», «историческая память», «социальная память», «коллективная память» «культурная память». В данной работе представлен обзор основных направлений отечественной историографии в русле новейших исследований, посвященных проблематике изучения такого явления, как «мемориальная память».

Цель работы – на основе изученных материалов определить наиболее полное и четко выраженное определение такого явления и понятия, как «мемориальная память».

Задачи: рассмотреть основные научные работы, посвященные данной проблематике; провести анализ совокупности исследований в области изучения отечественной мемориальной памяти. Раскрыть сущность понятия «мемориальная память» в российской историографии.

Методология. В процессе работы над исследованием использовались следующие методы исследования: сравнение, анализ, синтез, обобщение, аналогия.

Результаты. Разработка данной проблемы способствует более глубокому изучению такого явления, как «мемориальная память». Данная работа раскрывает сущность и основные направления в изучении мемориальной памяти в российской историографии и даёт одно из определений этого явления в современной системе гуманитарного знания.

Вывод. Сам конструкт «мемориальная память» в действительности практически не встречается в академических трудах. Данное понятие ближе всего соответствует понятию «историческая память», которое наиболее точно отражает общие коллективные представления, где главным смыслообразующим конструктом является «память». Понятие памяти здесь играет ключевую роль.

Ключевые слова: мемориальная память; историческая память; место памяти; социальная память; культурная память; национальная память.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Царина М. А. Проблема изучения мемориальной памяти в междисциплинарном комплексе социально-гуманитарных дисциплин // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021. Т. 11, № 6. С. 255–266. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2021-11-6-255-266>.

Поступила в редакцию 27.10.2021

Принята к публикации 24.11.2021

Опубликована 27.12.2021

The Problem of Studying "Memory Studies" in the Interdisciplinary Complex of Social and Humanitarian Disciplines

Maria A. Tsarina¹ ✉

¹ Humanities and Education Science Academy (branch) of V. I. Vernadsky Crimean Federal University in Yalta
11 Stakhanovskaya str., Yalta 298650, Russian Federation

✉ e-mail: mari.tsarina@mail.ru

Abstract

Relevance. This article discusses topical issues regarding the definition of such a concept as "memory studies". This phenomenon is considered in a historical retrospective of modern Russian historiography. The main approaches to the definition of the following terms are analyzed: "memory studies", "place of memory", "historical memory", "social memory", "collective memory" "cultural memory". This paper provides an overview of the main directions of Russian historiography in line with the latest research devoted to the study of such a phenomenon as "memory studies".

The purpose on the basis of the materials studied, to determine the most complete and clearly expressed definition of such a phenomenon and concept as "memory studies".

Objectives to consider the main scientific works devoted to this issue, to analyze the totality of research in the field of studying Russian memory studies. To reveal the essence of the concept: "memory studies" in Russian historiography.

Methodology. In the process of working on the study, the following research methods were used: comparison, analysis, synthesis, generalization, analogy.

Results. The development of this problem contributes to a deeper study of such a phenomenon as "memory studies" This work reveals the essence and main directions in the study of memory studies in Russian historiography and gives one of the definitions of this phenomenon in the modern system of humanitarian knowledge.

Conclusin. The construct "memory studies" itself is practically not found in academic works. This concept is closest to the concept: "historical memory" which most accurately reflects the general collective ideas, where the main meaning-forming construct is "memory". The concept of memory plays a key role here.

Keywords: memory studies; historical memory; place of memory; social memory; cultural memory; national memory.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Tsarina M. A. The Problem of Studying "Memory Studies" in the Interdisciplinary Complex of Social and Humanitarian Disciplines. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2021; 11(6): 255–266. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2021-11-6-255-266>.

Received 27.10.2021

Accepted 24.11.2021

Published 27.12.2021

Введение

Проблема изучения такого явления, как «мемориальная память», стоит на стыке наук и имеет междисциплинарный характер. Сам термин был введен Морисом Хальбваксом в труде «Социальные рамки памяти». Хальбвакс обозначал «мемориальную память» как одно из проявлений памяти (коллективной и индивидуальной). Само понятие «мемори-

альная память» имеет ряд специфических характеристик и свойств. В сущности, этот термин производит определенную тавтологию, т. к. memory – это и есть память, воспоминание, запоминание, фиксация. Таким образом, в основе этого термина лежит понятие «памяти». «Память» есть ядро и сущность этого явления, что тесно связывает его с мнемоникой (системой запоминания).

При этом стоит отметить, что понятие «память» включает в себя и ряд других дефиниций, это и историческая память, культурная память, социальная память, национальная память, коллективная память, индивидуальная память и т. д. Из вышесказанного следует, что мемориальная память – это зафиксированный и чётко окрашенный образ в коллективном сознании людей, имеющий ряд характерных, специфических свойств. Этот «образ» и картина мира может иметь не только коллективное представление, но и индивидуальное, однако в его основе обязательно лежит некое общее единое направление, имеющее ярко выраженные черты. Так, например, интерпретация многих исторических событий может быть многогранной и каждая социальная группа, общность, этнос, народ может иметь своё личное (индивидуальное) и коллективное преломленное представление о тех или иных событиях прошлого.

Методология

В качестве источников выступили основные научные работы, посвященные данной проблематике, и прочие совокупности исследований в области изучения отечественной мемориальной памяти. Методологическим основанием данной работы явились принципы объективности, историзма, системности, которые помогли нам определить основные направления отечественной историографии в изучении такого явления, как «мемориальная память». Сравнительно-исторический и системный методы позволили установить наиболее подходящее определение термину «мемориальная память». В свою очередь, анализ, синтез, обобщение и аналогия ведущих научных работ по изучаемой теме способствовали более глубокому пониманию сущности данной проблематики.

Результаты и их обсуждение

Изучением «памяти» занимались многие учёные и исследователи. Непосредственное влияние на становление и

развитие мемориальной (исторической) памяти (historical memory studies) оказали французская социологическая школа и третье поколение школы «Анналов». А вот главными зарубежными учеными, изучающими «феномен памяти», являются: М. Хальбвакс, Ф. Йейтс, А. Ассман, Я. Ассман, П. Нора, А. Мегилли, П. Хаттон, Жак Ле Гофф, Д. Лоуэнталь, Г. Люббе, Й. Рюзен, П. Рикёр, П. Бергер, Б. Гене и др.

В современной исторической науке всё чаще говорят о «мемориальном уклоне» в научной среде и так называемом явлении "memory studies". На сегодняшний день это одна из актуальных проблем методологии истории в контексте междисциплинарных связей. Многие исследователи говорят также о «мемориальном уклоне» в исторической науке [1, с. 135].

Изучением мемориальной памяти в России занимаются: Л. П. Репина, И. М. Савельева, О. Б. Леонтьева, А. В. Полетаев, О. В. Головашина, Е. Ф. Кринко, А. А. Линценко, Н. Е. Копосов, А. И. Филюшкин, О. Ю. Малинова, А. И. Миллер, О.В. Герасимов, М. Ф. Румянцева, Ю. А. Сафронова, В. В. Тихонов, Т. П. Хлынина, С. Е. Эрлих и др. При этом эта область научных исследований носит междисциплинарный характер, что обуславливает привлечение специалистов из разных сфер деятельности. Таким образом, к изучению мемориальной памяти привлечены не только историки, но и философы, психологи, культурологи, социологи, этнологи и другие специалисты гуманитарных дисциплин [2, с. 11–15].

В целом отношение многих отечественных исследователей к такому термину, как «мемориальная память», крайне разнообразно и противоречиво, а само определение часто трактуется очень неясно и туманно. Так, например, понятия: «мемориальная память», «историческая память», «место памяти» – являются взаимозаменяемыми и нередко исполь-

зуются для обозначения одного и того же.

Многие специалисты высказывают мнение, что термин «мемориальная память» имеет более многостороннее и не совсем однозначное определение. Это обусловлено тем, что на данный момент нет точного определения понятия «мемориальная память». До сих пор ученые не пришли к единому мнению относительно этого явления. Поэтому возникает необходимость ретроспективного анализа «мемориальной памяти» в отечественной историографии. Для этого нам следует рассмотреть и проанализировать ведущие исследования в данной области для обозначения их роли в российской историографии.

Мемориальная память в работах И. М. Савельевой рассматривается не просто как актуальная современная концепция, а как некий «образный конструкт», при этом во многом не соответствующий нынешним критериям научности. Данный образный конструкт в своей основе имеет определяющее слово «память» и непосредственно дополняющие его смысловые слова (категории): коллективная память, социальная память, историческая память, мемориальная память, культурная память, национальная память, этническая память, место памяти и др. Следует отметить, что «костяком» этого конструкта непременно является слово «память». Применение этого образного конструкта «историческая (мемориальная) память» требует более детальных уточнений и чётко зафиксированных критериев [3, с. 246–255].

О. Б. Леонтьева в своих исследованиях выводит главную тенденцию в развитии современных гуманитарных дисциплин. По её мнению, сегодня в исторической методологии происходит переход от изучения истории обществ к изучению смыслов и памяти в том числе. Таким образом, изучаются не просто исторические факты, а их интерпретация в коллективном сознании общества (социума) и иных

этнических групп. Огромное значение в трактовке и интерпретации тех или иных событий прошлого выступает коллективная (историческая) память. Память становится объектом пристального изучения современных исследователей.

О. Б. Леонтьева приводит положительные функции «исторической памяти»: информативная, идентификационная, познавательная и аксиологическая. Все эти функции, в свою очередь, призваны дать обществу ощущение общего прошлого и сформировать прочную коллективную идентичность [4, с. 309–315].

В своих работах О. Б. Леонтьева анализирует образы исторической реальности. Притягательность изучения «исторической памяти» обусловлена наличием в коллективном сознании определенных устойчивых «образов». Осмысление этих образов исторической реальности ведет к пониманию широкомасштабных социокультурных перемен, в том числе и тех, в которые включены мы сами [5, с. 4–19].

Л. П. Репина же в своих исследованиях рассматривает проблему «памяти» в её междисциплинарном аспекте. Исследователь анализирует различные трактовки феномена исторической памяти в области философии, культурологии, психологии и филологии. По мнению автора, неприемлемо отождествлять и проводить знак равенства между такими понятиями, как «история» и «память», так и не стоит абсолютизировать их различия. Автор предлагает делать комплексный анализ при решении вопросов, касающихся «образов прошлого», и полученный результат соотносить с уже ранее выявленными результатами. Сюда же следует внести важную деталь для более полного понимания различий между двумя понятиями, о которых шла речь выше. Так если история требует доказательств, то память больше всего оперирует эмоциями и чувствами [6, с. 82–99].

Л. П. Репина рассматривает «историческую (мемориальную) память» через призму дихотомии индивидуального и

коллективного. Именно историческая концептуализация памяти ориентирована на преодоление противопоставлений индивидуального и социального [7, с. 191–201].

В работах Т. И. Снегирёвой «историческая память» несёт в себе аксиологические характеристики. Однако историческая память не только выступает в роли защитника общественной памяти, но и имеет практическое значение. Так, изучая прошлое народа на основе многих памятников истории и культуры, происходит новое осмысление, а на его основе и модернизирование многих объектов культурного наследия. Историческая память во многом призвана охранять историко-культурное наследие государства. По мнению автора, историческая память помогает народу, нации и иным этническим группам сохранить свои традиции и идентичность, в том числе мемориальная память демонстрирует уникальное и особенное место России в общецивилизационном прогрессе. «Историческая память» является определенным наднациональным и объединяющим элементом в сознании людей. Таким образом, «историческая память» не просто помогает обществу сохранить свою идентичность, но и объединяет его в идеологическом аспекте, где те или иные события прошлого трактуются людьми в едином ключе [8, с. 48–54].

Т. И. Снегирева также рассматривает и региональные аспекты в исторической памяти России. В её работах обращение к исторической памяти как наиболее активной вертикали общественного сознания происходит довольно часто. Историческая память является одним из аспектов общественного сознания и, несомненно, на локально-исторических уровнях культурный регионализм выступает не только как форма сохранения духовной жизни народа, но и как философское осознание его возрождения и движения. Здесь стоит отметить, что не в коей мере нельзя игнорировать историческую па-

мять народа, т. к. в памяти находится уникальный этнокультурный и этноконфессиональный опыт развития России, и не учитывать этот фактор опасно, т. к. это может привести к очередным трагедиям. Ко всему вышесказанному следует добавить, что историческая память – во многом объединяющая ценностная вертикаль и представляет собой источник нравственных и моральных основ общества [9, с. 138–145].

Н. А. Гулевская, А. Н. Гулевский и Д. В. Чайченко в своих исследованиях рассматривают историческую память как фактор формирования идентичности индивида. По их мнению, историческая память детерминирует содержание, механизмы, формы идентичности человека, в том числе культурно-правовую идентичность. Историческая память играет важнейшую роль в процессе самоидентификации личности. Благодаря исторической памяти индивид сохраняет свою культурно-правовую идентичность [10, с. 137–145].

В работах П. Н. Светлова и В. А. Федотова историческая память тесно связана с традициями народов. Традиции становятся определенными формами исторической памяти населения. По мнению исследователей, традиции демонстрируют нам образ мысли того или иного народа или этнической группы, его мировоззрение, быт и смыслы, которыми он оперирует. У традиций, таким образом, есть особая функция – это сохранение системы связей настоящего с прошлым и непосредственная передача социального опыта новому поколению [11, с. 77–82].

Н. А. Синицина также относит традиции к формам исторической памяти. В своих исследованиях она проводит анализ между идеологией и памятью. Так, в контекст исторической памяти входят некоторые идеологические аспекты, которые могут приводить к нежелательным манипуляциям историческим сознанием общества. Дабы избежать этого, следует наиболее точно уточнять контекст при-

менения термина исторической памяти в современном дискурсе [12, с. 191–196].

Р. А. Батомункуева в своём исследовании связывает процессы социальной самоорганизации с исторической памятью, где память во многом играет не последнюю роль в формировании социальных страт. Автор призывает к объективизации исторической памяти и ликвидации элементов субъективных идеологий для более глубокого понимания роли памяти в организации общества. По мнению исследователя, объективность и неангажированность исторической памяти – это необходимые условия для основательного изучения прошлого всего общества [13, с. 134–140].

В. А. Климов же историческую память позиционирует как фактор социализации индивида, где социализация – это усвоение личностью социальных норм и правил, а также культурных ценностей общества. В этом случае историческая память играет роль причины и движущей силы процесса социализации. Таким образом, значение исторической памяти в жизни населения существенно возрастает [14, с. 8–13].

Культурное наследие как фактор исторической памяти рассматривается в работе и Л. В. Кошман. В его исследованиях большое внимание уделено проблеме сохранения культурного наследия в историческом аспекте [15, с. 7–15].

Сравнительный анализ содержания таких концептов, как «историческая память» и «культурная память», проводится в работе Т. Э. Рагозина. Историческая память рассматривается автором как политически ангажированное (идеологическое) отражение социальной действительности, а культурная память выступает в роли объективного механизма воспроизводства социокультурного целого [16, с. 12–21].

Е. А. Бегунова в своих исследованиях также проводит сравнительный анализ терминов: «культурная память» и «исто-

рическая память» в зарубежной и отечественной гуманитаристике.

Следует отметить, что такие термины, как «историческая память» и «культурная память», во многих современных отечественных работах являются тождественными и практически заменяют друг друга. По мнению автора, это связано с тем, что российские исследователи сравнительно недавно занялись изучением проблем памяти в контексте гуманитарных дисциплин. Стоит отметить, что в зарубежной историографии изучением памяти занимались, начиная с М. Хальб-вакса, многие ученые и разнообразные научные сообщества, французская социологическая школа и школа анналов. Под их влиянием разрабатывался и сложился весь терминологический аппарат и в дальнейшем были сформированы целые научные школы по изучению «коллективной памяти». В представлениях зарубежных исследователей «историческая память» и «культурная память» тесно взаимосвязаны. Стоит подчеркнуть, что культурная память, в отличие от исторической, является не просто общим коллективным воспоминанием общества, а скорее смыслообразующим образным конструктом отдельной нации, этноса. Культурная память обладает сложной мифологической, иррационально-эмоциональной и символической составляющей. Историческая память, в свою очередь, создается и формируется исследователями профессиональными сообществами и существует, прежде всего, в институциональных формах [17, с. 50–55].

В исследовании В. Н. Шевелева историческая память играет роль ресурса российской модернизации. Автор рассматривает проблему исторической памяти в ее взаимосвязи с российской модернизацией. Так историческая память способна выступать ресурсом мобилизации. Однако будет ли историческая память выступать ресурсом или препятствием модернизации, прежде всего, за-

висит от государственной политики [18, с. 47–52].

А. В. Кострина сопоставляет и сравнивает такие понятия, как «историческая память» и «политика исторической памяти». В её работе не только рассматривается понятие исторической памяти, но и анализируются процессы трансформации данного явления, сопряженные с политической конъюнктурой. Историческая память, по мнению автора, формируется не только политикой государства, но и коллективными представлениями общества [19, с. 113–115].

По мнению генерального директора Российской государственной библиотеки В. В. Фёдорова: «Гарантия существования государства – это сохранение исторической памяти» [20, с. 92–97].

В работе В. М. Грусмана рассматриваются институциональные аспекты формирования исторической памяти общества. Автор подвергает анализу структурные составляющие исторической памяти. По мнению исследователя, историческая память включает в себя социокультурный опыт, который обеспечивает функционирование общества как целостной, автономной социальной системы. Историческая память позволяет социальным группам осознать собственное место в истории человечества и по достоинству оценить значимость своей культуры [21, с. 92–99].

Также стоит отметить и работу В. А. Соснина, где автор раскрывает влияние и роль средств массовой информации и системы образования в смыслообразующей функции исторической памяти в современной России. Так, историческая память помогает сформировать у молодежи целостное историческое сознание, а историческое сознание, в свою очередь, является важнейшим условием самоидентификации личности и интеграции её в общественную жизнь [22, с. 102–105].

Т. И. Скоробогатова в своих исследованиях находит точки соприкосновения между «исторической памятью» и

фразеологией. По мнению автора, при определении фразеологических единиц как единиц исторической памяти «память» следует понимать как совокупность «образов» [23, с. 141–144].

В контексте исторической памяти большое количество материалов посвящено изучению Второй мировой войны. Это исследования А. С. Сенявского, Е. С. Сенявской, В. А. Леонова, В. И. Коваленко, Т. М. Братченко, И. В. Грибан, И. А. Попп, С. П. Шендриковой [24; 25] и др.

Интересна работа Е. И. Козновой, где рассматривается историческая память и основные современные тенденции и направления в её изучении. Так, в понимании автора «историческая память» используется при описании специфики массового сознания. Коллективная историческая память, в свою очередь, является результатом некоторого компромисса между обществом и властью [26, с. 23–34].

А. Н. Нестеренко рассматривает «историческую память» в современную эпоху. По мнению исследователя, историческая память – это один из модусов культурной памяти, чья функция состоит в создании идеального образа прошлого [27, с. 284–288].

Проблемы трансформации исторической памяти в современной России проанализированы в работе В. В. Лыковой. Автор концептуализирует различия между такими понятиями, как «историческая память» и «социальная память». Велика опасность темпорального растворения личности и потери идентичности при отсутствии понимания особенностей и механизма работы такого концептуального явления, как «историческая память». По мнению В. В. Лыковой, историческая память тесно связана с идеологизацией, рационализацией и политизацией многих исторических процессов. Таким образом, во многом именно коллективные представления определяют исторический выбор и в период изменений и трансформации общества [28, с. 176–182].

Следует отметить международный colloquium «Историческая память и общество в Российской империи и Советском Союзе (конец XIX – начало XX вв.)», состоявшийся 25–28 июня 2007 г. в г. Санкт-Петербурге. На секциях рассматривали актуальные вопросы, непосредственно связанные с понятием «коллективной памяти». Более всего обсуждались проблемы вокруг концепции исторической памяти. В процессе споров и дискуссий отечественные и зарубежные исследователи активно анализировали и разбирали соотношение таких понятий, как «коллективная», «социальная», «историческая», «культурная память». По мнению некоторых докладчиков, историческая память в одном случае может выступать в роли значимого ресурса политической мобилизации, а в другом случае – основой легитимации политической идентичности. В большинстве представленных докладов наблюдается неоспоримая связь коллективной (исторической) памяти с процессами формирования национальной, этнической и конфессиональной идентичностей [29, с. 211–212].

Завершить историографический обзор концепции «исторической памяти» следует работой Т. Г. Шумкиной «Проблема исторической памяти в современной российской историографии». В ней автор акцентирует внимание на отсутствии единого определения таких понятий как «историческая память», «культурная память», «социальная память». При этом исследователи по-разному трактуют их соотношение между собой и с таким понятием, как «историческая память» [30, с. 282–293].

Выводы

Проанализировав основные работы отечественных исследователей в области изучения проблемы мемориальной «памяти», мы пришли к следующим выводам.

Термин «мемориальная память» практически не встречается в научных

(академических) исследованиях ведущих отечественных специалистов. Нет и единого мнения касательно точного определения такого понятия, как «мемориальная память».

В научной среде встречаются эквивалентные понятия: историческая память, коллективная память, социальная память, национальная память, этническая память, память человечества, память мира. Само понятие «мемориальная память» ближе всего соответствует определению «историческая память», которое наиболее точно отражает общие коллективные представления, где главным смыслообразующим конструктом является «память». Понятие памяти здесь играет ключевую роль.

В понимании одних учёных мемориальная (историческая) память – определенный конструкт коллективной памяти, навязанный образ, не имеющий достаточных объективных оснований для его использования в научной среде. Однако, с другой стороны, отрицать такое явление, как «мемориальная (историческая) память», невозможно. Мемориальная (историческая) память выступает как продукт коллективного сознания и во многом помогает людям или определенной социальной группе сохранить свои общие представления (идентичность), которые, в свою очередь, отражаются на материальном уровне в виде культуры и традиций, а на ментальном в виде устойчивых коллективных архетипов.

Таким образом, наиболее убедительно применять термин «коллективная память». Так, в нашем понимании, коллективная память – это общие коллективные представления, имеющие чётко выраженное отношение и направленность в построении определенного «образного конструкта». Стоит отметить, что коллективный «образный конструкт» обеспечивает устойчивые представления среди людей, основанные на общих воспоминаниях и образах прошлого.

Список литературы

1. Леонтьева О. Б. Многоликость исторической памяти (рецензия на сборник научных статей «Историческая память и диалог культур») // Вестник Самарского муниципального института управления. 2013. № 2 (25). С. 134–141.
2. Ахметшина А. В. Понятие «историческая память» и ее значение в современном российском обществе // Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история. 2014. № 6(38). С. 11–15.
3. Савельева И. М. Концепция «исторической памяти»: истоки и итоги // Историческая память и общество в Российской империи и Советском Союзе (конец XIX – начало XX века). СПб.: Европейский дом, 2007. С. 246–255.
4. Леонтьева О. Б. Мемориальный поворот в исторической науке и вузовском преподавании // Учитель истории в социокультурном пространстве Евразии в конце XX – начале XXI в.: материалы Всероссийской научно-практической конференции / Г. П. Мягков (сост., отв. редактор), О. В. Сеницын (сост., отв. редактор). Казань: Казанский (Приволжский) федер. ун-т, 2016. С. 309–315.
5. Леонтьева О. Б. Образы исторической реальности в современной отечественной историографии // Историческая экспертиза. 2015. № 2. С. 4–19.
6. Репина Л. П. События и образы прошлого в исторической и культурной памяти // Новое прошлое // The New Past. 2016. № 1. С. 82–99.
7. Репина Л. П. Феномен памяти в современном гуманитарном знании // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2011. Т. 153, № 3. С. 191–201.
8. Снегирева Т. И. Сохраним памятники – сохраним историческую память // Россия и современный мир. 2000. № 1 (26). С. 48–54.
9. Снегирева Т. И. Историческая память России: региональный аспект // Россия и современный мир. 2002. № 3 (36). С. 138–145.
10. Гулевская Н. А., Гулевский А. Н., Чайченко Д. В. Историческая память как фактор формирования идентичности // Философия права. 2019. № 2 (89). С. 137–145.
11. Светлов П. Н., Федотов В. А. Традиции как форма исторической памяти // Вестник Чувашского университета. 2007. № 1. С. 77–82.
12. Сеницына Н. А. Историческая память как социальный регулятив // Вестник Ставропольского государственного университета. 2007. № 53. С. 191–196.
13. Батомункуева Р. А. Роль исторической памяти в процессах социальной самоорганизации // Россия и современный мир. 2004. № 1 (42). С. 134–140.
14. Климов В. А. Историческая память как фактор социализации (генеалогический аспект) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2007. Т. 7, № 1. С. 8–13.
15. Кошман Л. В. Культурное наследие как фактор исторической памяти // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2011. № 5. С. 7–15.
16. Рагозина Т. Э. Культурная память versus историческая память // Наука Искусство Культура. 2017. № 3 (15). С. 12–21.
17. Бегунова Е. А. Некоторые аспекты сравнительного анализа понятий «культурная память» и «историческая память» в зарубежной и отечественной гуманитаристике // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2019. № 48. С. 50–55.
18. Шевелев В. Н. Историческая память как ресурс российской модернизации // Социально-гуманитарные знания. 2011. № 7. С. 47–52.
19. Кострина А. В. Историческая память и политика исторической памяти: к вопросу о соотношении понятий // 100-летие Великой русской революции: сборник материалов всероссийских научно-практических конференций. Казань: Изд-во КНИТУ-КАН, 2018. С. 113–115.
20. Фёдоров В. В. Гарантия существования государства – сохранение исторической памяти // Государственная служба. 2009. № 2 (58). С. 92–97.

21. Грусман В. М. Музей как институт формирования исторической памяти // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2007. Т. 8, № 35. С. 92–99.
22. Соснин В. А. Роль средств массовой информации и системы образования в воспитании исторической памяти в современной России // Психологический журнал. 2009. Т. 30, № 4. С. 102–105.
23. Скоробогатова Т. И. Историческая память и фразеология: точки соприкосновения // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2008. № 2. С. 141–144.
24. Шендрикова С. П. Николай Андреевич Барышев – руководитель подпольной группы «Сokol» в годы фашистской оккупации в Крыму // Білі плями» в історії України: до 65-річчя перемоги над фашизмом : матеріали Всеукраїнської наук. конф. студентів та молодих вчених. Луганськ, 2010. С. 52–54.
25. Сенявский А. С., Сенявская Е. С. Вторая мировая война в исторической памяти России и Запада // Уральский исторический вестник. 2009. № 3 (24). С. 27–35.
26. Кознова И. Е. Историческая память и основные тенденции ее изучения // Социология власти. 2003. № 2. С. 23–34.
27. Нестеренко А. Н. Историческая память и современность // Вестник Российской академии наук. 2012. Т. 82, № 3. С. 284–288.
28. Лыкова В. В. Историческая память в современной России: проблемы трансформации // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2007. № 1-2 (3-4). С. 176–182.
29. Рогозный П. Г. Международный коллоквиум «Историческая память и общество в Российской империи и Советском Союзе (конец XIX – начало XX в.)» // Отечественная история. 2008. № 2. С. 211–212.
30. Шумкина Т. Г. Проблема исторической памяти в современной российской историографии (по материалам сборника научных трудов «История и историческая память») // Вопросы всеобщей истории. 2014. № 16. С. 282–293.

References

1. Leont'eva O. B. Mnogolikost' istoricheskoy pamyati (recenziya na sbornik nauchnyh statej "Istoricheskaya pamyat' i dialog kul'tur") [The diversity of historical memory (review of the collection of scientific articles "Historical memory and the dialogue of cultures")]. *Vestnik Samarskogo municipal'nogo instituta upravleniya = Bulletin of the Samara Municipal Institute of Management*, 2013, no. 2 (25), pp. 134–141.
2. Ahmetshina A. V. Ponyatie "istoricheskaya pamyat'" i ee znachenie v sovremennom rossijskom obshchestve [The concept of "historical memory" and its significance in modern Russian society]. *Aktual'nye voprosy obshchestvennyh nauk: sociologiya, politologiya, filosofiya, istoriya = Topical issues of social sciences: sociology, political science, philosophy, history*, 2014, no. 6(38), pp. 11–15.
3. Savel'eva I. M. Konceptiya "istoricheskoy pamyati": istoki i itogi [The concept of "historical memory": origins and results]. *Istoricheskaya pamyat' i obshchestvo v Rossijskoj imperii i Sovetskom Soyuze (konec XIX – nachalo XX veka)* [Historical memory and society in the Russian Empire and the Soviet Union (late XIX – early XX century)]. St. Petersburg, Evropejskij dom, 2007, pp. 246–255.
4. Leont'eva O. B. [Memorial turn in historical science and university teaching]. *Uchitel' istorii v sociokul'turnom prostranstve Evrazii v konce XX – nachale XXI v. Materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii* [History teacher in the socio-cultural space of Eurasia at the end of the XX – beginning of the XXI century. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference]; ed. by G. P. Myagkov, O. V. Sinicyn. Kazan', Kazan feder. Univ. Publ., 2016, pp. 309–315. (In Russ.)
5. Leont'eva O. B. Obrazy istoricheskoy real'nosti v sovremennoj otechestvennoj istoriografii [Images of historical reality in modern Russian Historiography]. *Istoricheskaya ekspertiza = Historical Expertise*, 2015, no. 2, pp. 4–19.
6. Repina L. P. Sobytiya i obrazy proshlogo v istoricheskoy i kul'turnoj pamyati [Events and images of the past in historical and cultural memory]. *Novoe proshloe = New Past*, 2016, no. 1, pp. 82–99.

7. Repina L. P. Fenomen pamyati v sovremennom gumanitarnom znaniy [The phenomenon of memory in modern humanitarian knowledge]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki = Scientific notes of Kazan University. Series: Humanities*, 2011, vol. 153, no. 3, pp. 191–201.
8. Snegireva T. I. Sohranim pamyatniki – sohranim istoricheskuyu pamyat' [Let's preserve monuments – let's preserve historical memory]. *Rossiya i sovremennyy mir = Russia and the modern World*, 2000, no. 1 (26), pp. 48–54.
9. Snegireva T. I. Istoricheskaya pamyat' Rossii: regional'nyj aspekt [Historical memory of Russia: regional aspect]. *Rossiya i sovremennyy mir = Russia and the modern world*, 2002, no. 3 (36), pp. 138–145.
10. Gulevskaya N. A., Gulevskij A. N., Chajchenko D. V. Istoricheskaya pamyat' kak faktor formirovaniya identichnosti [Historical memory as a factor of identity formation]. *Filosofiya prava = Philosophy of Law*, 2019, no. 2 (89), pp. 137–145.
11. Svetlov P. N., Fedotov V. A. Tradicii kak forma istoricheskoy pamyati [Traditions as a form of historical memory]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta = Bulletin of the Chuvash University*, 2007, no. 1, pp. 77–82.
12. Sinicina N. A. Istoricheskaya pamyat' kak social'nyj regulyativ [Historical memory as a social regulatory]. *Vestnik Stavropol'skogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Stavropol State University*, 2007, no. 53, pp. 191–196.
13. Batomunkueva R. A. Rol' istoricheskoy pamyati v processah social'noj samoorganizacii [The role of historical memory in the processes of social self-organization]. *Rossiya i sovremennyy mir = Russia and the modern world*, 2004, no. 1 (42), pp. 134–140.
14. Klimov V. A. Istoricheskaya pamyat' kak faktor socializacii (genealogicheskij aspekt) [Historical memory as a factor of socialization (genealogical aspect)]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Sociologiya. Politologiya = Izvestiya of Saratov University. Series: Sociology. Politicalology*, 2007, vol. 7, no. 1, pp. 8–13.
15. Koshman L. V. Kul'turnoe nasledie kak faktor istoricheskoy pamyati [Cultural heritage as a factor of historical memory]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 8: Istoriya = Moscow University Bulletin. Series 8: History*, 2011, no. 5, pp. 7–15.
16. Ragozina T. E. Kul'turnaya pamyat' versus istoricheskaya pamyat' [Cultural memory versus historical memory]. *Nauka Iskusstvo Kul'tura = Science Art Culture*, 2017, no. 3 (15), pp. 12–21.
17. Begunova E. A. Nekotorye aspekty sravnitel'nogo analiza ponyatij "kul'turnaya pamyat'" i "istoricheskaya pamyat'" v zarubezhnoj i otechestvennoj gumanitaristike [Some aspects of comparative analysis of the concepts of "cultural memory" and "historical memory" in foreign and domestic humanities]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv = Bulletin of the Kemerovo State University of Culture and Arts*, 2019, no. 48, pp. 50–55.
18. Shevelev V. N. Istoricheskaya pamyat' kak resurs rossijskoj modernizacii [Historical memory as a resource of Russian modernization]. *Social'no-gumanitarnye znaniya = Socio-humanitarian knowledge*, 2011, no. 7, pp. 47–52.
19. Kostrina A. V. [Historical memory and the politics of historical memory: on the question of the correlation of concepts]. *100-letie Velikoj russkoj revolyucii. Sbornik materialov vserossijskih nauchno-prakticheskikh konferencij* [100th anniversary of the Great Russian Revolution. Collection of materials of materials of All-Russian scientific and practical conferences]. Kazan', KNITU-KAN Publ., 2018, pp. 113–115. (In Russ.)
20. Fyodorov V. V. Garantiya sushchestvovaniya gosudarstva – sohranenie istoricheskoy pamyati [The guarantee of the existence of the state is the preservation of historical memory]. *Gosudarstvennaya sluzhba = Public service*, 2009, no. 2 (58), pp. 92–97.
21. Grusman V. M. Muzej kak institut formirovaniya istoricheskoy pamyati [The Museum as an institute for the formation of historical memory]. *Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gercena = Proceedings of the A. I. Herzen Russian State Pedagogical University*, 2007, vol. 8, no. 35, pp. 92–99.
22. Sosnin V. A. Rol' sredstv massovoj informacii i sistemy obrazovaniya v vospitanii istoricheskoy pamyati v sovremennoj Rossii [The role of mass media and the education system in the upbringing of his-

torical memory in modern Russia]. *Psichologicheskij zhurnal = Psychological Journal*, 2009, vol. 30, no. 4, pp. 102–105.

23. Skorobogatova T. I. Istoricheskaya pamyat' i frazeologiya: tochki soprikosnoveniya [Historical memory and phraseology: points of contact]. *Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta = Bulletin of Pyatigorsk State Linguistic University*, 2008, no. 2, pp. 141–144.

24. Shendrikova S. P. [Nikolay Andreevich Baryshev-head of the underground group "Sokol" in the years of the fascist occupation in Crimea]. *Bili plyami v istorii Ukraïni: do 65-richchya peremogi nad fashizmom. Materiali Vseukraïns'koï nauk. konf. studentiv ta molodih vchenih* [white spots" in the history of Ukraine: to the 65th anniversary of the victory over fascism. Materials of the All-Ukrainian scientific conference. students and young scientists]. Lugans'k, 2010, pp. 52–54. (In Russ.)

25. Senyavskij A. S., Senyavskaya E. S. Vtoraya mirovaya vojna v istoricheskoy pamyati Rossii i Zapada [The Second World War in the historical memory of Russia and the West]. *Ural'skij istoricheskij vestnik = Ural Historical Bulletin*, 2009, no. 3 (24), pp. 27–35.

26. Koznova I. E. Istoricheskaya pamyat' i osnovnye tendencii ee izucheniya [Historical memory and the main trends of its study]. *Sociologiya vlasti = Sociology of power*, 2003, no. 2, pp. 23–34.

27. Nesterenko A. N. Istoricheskaya pamyat' i sovremennost' [Historical memory and modernity]. *Vestnik Rossijskoj akademii nauk = Bulletin of the Russian Academy of Sciences*, 2012, vol. 82, no. 3, pp. 284–288.

28. Lykova V. V. Istoricheskaya pamyat' v sovremennoj Rossii: problemy transformacii [Historical memory in modern Russia: problems of transformation]. *Uchenye zapiski. Elektronnyj nauchnyj zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta = Scientific Notes. Electronic Scientific Journal of Kursk State University*, 2007, no. 1-2 (3-4), pp. 176–182.

29. Rogoznyj P. G. Mezhdunarodnyj kollokvium "Istoricheskaya pamyat' i obshchestvo v Rossijskoj imperii i Sovetskom Soyuze (konec XIX – nachalo XX v.)" [International Colloquium "Historical memory and society in the Russian Empire and the Soviet Union (late XIX - early XX century)"]. *Otechestvennaya istoriya = Russian History*, 2008, no. 2, pp. 211–212.

30. Shumkina T. G. Problema istoricheskoy pamyati v sovremennoj rossijskoj istoriografii (po materialam sbornika nauchnyh trudov "Istoriya i istoricheskaya pamyat'") [The problem of historical memory in modern Russian historiography (based on the materials of the collection of scientific works "History and historical memory")]. *Voprosy vseobshchej istorii = Questions of universal history*, 2014, no. 16, pp. 282–293.

Информация об авторе / Information about the Author

Царина Мария Александровна, аспирант кафедры истории и философии, Гуманитарно-педагогическая академия (филиал) Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского, г. Ялта, Российская Федерация, e-mail: mari.tsarina@mail.ru, ORCID: 0000-0002-1433-6192

Maria A. Tsarina, Post-Graduate Student of the Department of History and Philosophy, Humanitarian - Pedagogical Academy (branch) of the Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky, Yalta, Russian Federation, e-mail: mari.tsarina@mail.ru, ORCID: 0000-0002-1433-6192

Оригинальная статья / Original article

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2021-11-6-267-274>

Мероприятия советской власти по ликвидации инфекционных заболеваний в России 1917–1922 годов (на примере Курской губернии)

М. В. Соловьянова¹ ✉

¹Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: solo_sks@mail.ru

Резюме

Актуальность. Пандемия коронавируса показала, что государство на современном этапе столкнулось с теми же проблемами, которые стояли перед советской властью в период ее прихода: всплеск инфекционных заболеваний, высокая смертность, отсутствие нужных медикаментов, вакцин, особенно в сельской местности. Несмотря на одновременное распространение множества инфекционных заболеваний деятельность советской власти в борьбе с эпидемиями имела положительный опыт, который позволит найти решение сегодняшних проблем.

Целью статьи является исследование мероприятий по борьбе с инфекционными заболеваниями в Курской губернии в 1917–1922 годы.

Задачи вытекают из цели статьи и заключаются в раскрытии исторических проблем и их решении в борьбе с эпидемиологическими заболеваниями в 1917–1922 годах в соответствии с нормативными документами советской власти.

Методология. Работа базируется на методах анализа и синтеза, а также историко-сравнительном, историко-правовом методах.

Результаты. В 1917–1922 годах Курская губерния оказалась в очаге инфекционных заболеваний. Указания из Центра по организации мероприятий борьбы с эпидемиями и их профилактики осуществлялись в основном циркулярно. Важную роль играла вакцинация, которой подлежали все категории граждан. Отказавшиеся от вакцинации несли юридическую ответственность. Медицинским персоналом велся жесткий учет вакцинированных. Утверждение «Положения о санитарно-эпидемиологических подотделах» 1921 года, которым стали руководствоваться все санитарно-эпидемиологические работники, внесло ясность в деятельность медицинских работников. Декрет от 15 сентября 1922 года «О санитарных органах республики» явился основным документом, определившим все дальнейшее развитие санитарно-эпидемиологической службы страны.

Выводы. Мероприятия советской власти в борьбе с эпидемиями явились достаточно эффективными, чтобы обеспечить сокращение случаев инфекционных заболеваний в Курской губернии, а впоследствии и ликвидацию эпидемий. Таким образом, рассмотренная тема является актуальной в современных условиях распространения коронавируса.

Ключевые слова: коронавирус; инфекционное заболевание; санитарно-эпидемиологические отделы; вакцинация; советская власть; декрет; циркуляр; инструкция.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Соловьянова М. В. Мероприятия советской власти по ликвидации инфекционных заболеваний в России 1917–1922 годов (на примере Курской губернии) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021. Т. 11, № 6. С. 267–274. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2021-11-6-267-274>.

Поступила в редакцию 01.11.2021

Принята к публикации 26.11.2021

Опубликована 27.12.2021

© Соловьянова М. В., 2021

Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право / Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law. 2021; 11(6): 267–274

Measures Taken by the Soviet Government to Eliminate Social Infectious Diseases in Russia in 1917-1922 (Based on the Materials of the State Archive of the Kursk Region)

Marina V. Solovyanova¹ ✉

¹ Southwest State University
50 Let Oktyabrya str. 94, Kursk, 305040, Russian Federation

✉ e-mail: solo_sks@mail.ru

Abstract

The relevance of the coronavirus pandemic has shown that the state at the present stage is faced with the same problems that the Soviet government faced during its arrival: a surge in social infectious diseases, high mortality, lack of necessary medicines, vaccines, especially in rural areas. Despite the simultaneous spread of many social infectious diseases, the activities of the Soviet government in the fight against epidemics had a positive experience that will allow us to find a solution to today's problems.

The purpose of the article is to study measures to combat social diseases in the Kursk province in 1917-1922.

The objectives follow from the purpose of the article and consist in the disclosure of historical problems and their solution in the fight against epidemiological diseases in the period 1917 - 1922 in accordance with the normative documents of the Soviet government.

Methodology. The work is based on methods of analysis and synthesis, as well as historical-comparative, historical-legal methods.

Results. In the period 1917-1922. Kursk province found itself in a hotbed of social infectious diseases. Instructions from the Center for the Organization of Measures to combat epidemics and their prevention were carried out mainly circularly due to the lack of a sanitary and epidemiological legislative framework. Vaccination, to which all categories of citizens were subject, played an important role. Those who refused vaccination were legally responsible. The medical staff kept strict records of the vaccinated. The approval of the "Regulations on Sanitary and epidemiological sub-departments" of 1921, which began to guide all sanitary and epidemiological workers, clarified the activities of medical workers. The Decree of September 15, 1922 "On the sanitary authorities of the Republic" was the main document that determined all the further development of the sanitary and epidemiological service of the country.

Conclusions. The measures of the Soviet government in the fight against epidemics were effective enough to ensure the reduction of cases of social infectious diseases in the Kursk province, and subsequently the elimination of epidemics. Thus, the considered topic is relevant in modern conditions of coronavirus.

Keywords: coronavirus pandemic; social infectious disease; sanitary and epidemiological departments; vaccination; Soviet power; decree; circular; instruction.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Solovyanova M. V. Measures Taken by the Soviet Government to Eliminate Social Infectious Diseases in Russia in 1917-1922 (Based on the Materials of the State Archive of the Kursk Region). *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2021; 11(6): 267–274. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2021-11-6-267-274>.

Received 01.11.2021

Accepted 26.11.2021

Published 27.12.2021

Введение

Статья посвящена исследованию мероприятий государственной власти по борьбе с инфекционными заболеваниями в 1917–1922 гг. В современной ситуации распространения коронавируса выяви-

лись те же проблемы, с которыми столкнулась советская власть в первые годы своего существования. В этой связи опыт Советского государства является значимым и требует осмысления на современном этапе развития здравоохранения. Вы-

сокое число заболевших коронавирусом и при этом нежелание многих вакцинироваться заставляет обратить внимание на историческое прошлое.

Поиск ориентиров для решения современных проблем, связанных с распространением коронавируса, определили актуальность исследования по организации мероприятий по борьбе с эпидемиями в 1917–1922 гг.

Методология

Статья базируется на методах анализа и синтеза, а также историко-сравнительном, историко-правовом методах. Историко-сравнительный метод дает возможность исследовать и сравнивать явления в разные исторические периоды. Историко-правовой – позволяет изучить явление с точки зрения его правового происхождения и процесса развития. В качестве источников использованы документы, сохранившиеся в фондах Государственного архива Курской области, а также нормативные документы, вышедшие в первые годы советской власти. Кроме того, автором к исследованию привлечена периодическая печать данного периода.

Результаты и их обсуждение

Распространение инфекционных заболеваний явилось основной проблемой молодого Советского государства. Эпидемии буквально захлестнули Россию и приобрели катастрофический характер. В 1917 г. на местах создаются медико-санитарные отделы, а при отдельных народных комиссариатах – врачебные коллегии. 11 июля 1918 г. Совет Народных Комиссаров принял Декрет «Об учреждении Народного комиссариата здравоохранения», который являлся высшим государственным органом, объединившим под своим руководством все отрасли медико-санитарного направления [1, с. 450].

Курская губерния оказалась в очаге инфекционных заболеваний. Медико-

санитарным отделом Курской губернии руководила коллегия, возглавившая медицинскую помощь населению губернии и организацию мероприятий по предупреждению эпидемий. В состав коллегии входили заведующий и врачи, избранные на первом Общегубернском съезде врачей. Медико-санитарный отдел, состоящий из различных подразделов, под руководством Марка Абрамовича Марковича возглавил все здравоохранение в губернии. На местах деятельность санитарно-эпидемиологических работников изначально регулировалась только отдельными циркулярами Наркомздрава.

Нехватка лечебных построек, медикаментов, предметов для ухода за больными, безграмотность населения по предупреждению болезней, антисанитарное состояние улиц, помещений, голод, разруха, отсутствие прямых указаний из Центра вызывало большие затруднения в работе врачей [2, с. 16–17]. Так, в сентябре 1918 г. на совещании врачей Курской губернии доктор М. А. Маркович докладывал о затруднениях в организации медико-санитарного отдела в связи с отсутствием из Центра определенных указаний [3, с. 1–7].

Острым являлся кадровый вопрос. Не хватало профессиональных санитарных врачей, медсестер, санитаров. Зачастую врачи сами ухаживали за заразными больными. В Циркулярах данного периода отмечена наиболее высокая смертность врачей от эпидемиологических заболеваний [4, л. 7]. Наркомздрав ставил вопрос о школах по подготовке служительского состава лечебных учреждений [5, с. 4].

В 1918 г. в мире начал распространяться испанский грипп, проникший на территорию России [6, л. 1]. «Испанка» характеризуется как масштабная пандемия, во время которой повсеместно были поражены вирусом миллионы людей. Не обошла «испанка» и Курскую губернию. Качество медицинского обслуживания в начале эпидемий было крайне низким. Только за октябрь 1918 г. в Курской гу-

бернии болело «испанкой» 23 164 жителя, умерло из них 569 человек [7, л. 10–35]. В Циркуляре Совнаркомздрава указывалось, что «испанка» является инфекционным заболеванием, охватывает широкие слои населения, протекает с большими осложнениями в виде пневмонии и вызывает значительную смертность. Прилагалась Программа, по которой предписывались обследование «испанки» и сбор материалов по протеканию болезни, подлежащих впоследствии обработке.

В октябре 1918 г. в Курской губернии наблюдалась вспышка холеры. В июле 1918 г. был созван первый Курский губернский съезд врачей, на котором основным вопросом являлась эпидемия холеры. По Программе работы съезда были заслушаны различные доклады по борьбе с холерой врачей М. А. Марковича, В. Д. Ястремского, С. Н. Попова и др. Решались вопросы, связанные с проектом медико-санитарной организации, обсуждались признаки, характер и протекание холерной болезни, устанавливалось создание отрядов по борьбе с холерой в губернии. Акцентировалось внимание на борьбе с холерой на железных дорогах и в местах общего скопления. Особое значение приобрел доклад ветеринарного врача, создавшего вакцину против холеры, Н. Д. Диковского об антихолерной вакцине и ее изготовлении на местах. Всеми Губздравотделами был получен Циркуляр, который указывал на необходимость организации предохранительных прививок против холеры путем открытия прививочных пунктов.

Среди инфекционных заболеваний оспа также являлась бедствием для населения. В 1919 г. издается Декрет Совета Народных Комиссаров «Об обязательном оспопрививании». Согласно данному декрету, оспопрививанию подлежали все новорожденные в течение первого года жизни, все поступающие в приюты, интернаты, все, кто служил в армии, состоял во флоте, рабочие, служащие, все

находящиеся в тюрьмах и других местах заключения.

По решению местных санитарно-эпидемиологических подотделов оспопрививанию могли подлежать и другие категории граждан. По инструкции оспопрививательной кампании определялся оспопрививательный план с привлечением врачей и фельдшеров и введением трудовой повинности. Уделялось внимание текущей отчетности персонала и строгий учет привитых. Инструкцией устанавливался документ, удостоверяющий прививку и ее результаты, а также соответствующий штампель в трудовой книжке или на заменяющем ее документе [8, с. 7]. Согласно Декрету Совета Народных Комиссаров «Об обязательном оспопрививании», все, кто уклонялся от прививки, «подлежали ответственности перед народным судом» [9, с. 289–290].

Широкое распространение имели сыпной и возвратный тифы. Трудности в организации борьбы с тифом по-прежнему вызывали высокая смертность врачей, дефицит медицинских кадров [10, л. 17], проблемы между губернскими и уездными здравотделами [11, с. 1], несогласованность врачей и фельдшеров, которые по решению земского собрания в 1906 г. входили в состав врачебных советов в количестве двух человек [12, с. 66–71] и выдвигали свои проекты инструкций [13, с. 40, 56] и др.

В январе 1919 г. был принят Декрет Совета Народных Комиссаров «О мероприятиях по сыпному тифу». Согласно декрету, все медико-санитарные отделы исполнительных комитетов по распоряжению Народного комиссариата здравоохранения от 20 декабря 1918 г. привлекали к трудовой повинности лиц медицинского персонала. По документу требовалось в трехдневный срок со дня получения декрета произвести учет медицинского персонала, усилить контроль за переселением беднейших групп населения и т. д. В соответствии с декретом требовалось срочное снабжение населения, армии, флота, а также предусматри-

валась очистка территорий массового скопления.

В целях борьбы с инфекционными заболеваниями и их предотвращению в Курской губернии был проведен ряд мероприятий.

Ко второй половине 1918 г. в губернии было уже 4 санитарных врача и 4 санитарно-эпидемиологических фельдшера, а к моменту особенного роста эпидемии холеры в октябре 1918 г. в распоряжении губернского медсанотдела уже было 9 врачей, 3 студента-медика, 33 фельдшера, 1 медицинская сестра. Но отсутствие достаточного количества профессиональных кадров в данный период еще заметно ощущалось. Из-за нехватки кадров организация помощи на дому оставалась практически в неудовлетворительном состоянии. Постоянных врачей на участках не было, поэтому приходилось привлекать к работе фельдшеров [14, с. 3–5].

Губернским медико-санитарным отделом организовывались краткосрочные курсы для сестер милосердия по уходу за заразными больными, включая грипп. В Курской губернии были открыты курсы по подготовке оспопрививателей [15, л. 17–19]. Из выпускников курсов формировались отряды для борьбы с эпидемиями. Таким образом, в 1918 г. уже было обслужено 9 уездов – Курский, Щигровский, Фатежский, Тимский, Старооскольский, Рыльский, Суджанский, Обоянский, Львовский. В 1918 г. учреждается дезинфекционное бюро, в деятельность которого также входило создание дезинфекционных отрядов для проведения дезинфицирующих работ в уездах [10, л. 17–51].

В целях обеспечения населения медицинскими учреждениями восстанавливались и строились новые лечебные заведения. К октябрю 1920 г. в Дмитриевском уезде было развернуто 440 коек, в Обоянском – 242, в Фатежском – 160, в Щигровском – 135, в Львовском уезде – 230 коек, в Суджанском уезде – 288 коек; число мест в Новогридинской, Новоивановской и Беловской больницах увеличивали до 30, а в Миропольской – до 40. В

Тимском уезде работало 300 больничных коек. Самым крупным лечебным учреждением в губернии являлась Курская губернская народная больница с амбулаторией. Кроме губернской, в Курске функционировала городская народная инфекционная больница на 100 коек с амбулаторией при ней, причем 60 коек были выделены для детей, а 40 – для взрослых. Работал также Мурыновский барак на 60 коек [16, л. 25, 29, 103, 143, 213, 256, 377].

По предупреждению заразных болезней применялись «недели чистоты» и «недели водоснабжения». В 1921 г. Наркомздрав создает инструкции по проведению «недели очистки» и «недели водоснабжения», открывает курсы по хлорированию воды. Особое внимание уделялось сельскому населению [17, с. 6–10].

По инструкции «недели очистки» организовывались, по-возможности, во всех населенных пунктах Курской губернии. Также по данному документу предусматривался подготовительный период, в который при здравотделе проводилось особое совещание из представителей гражданских, военных и других организаций. В первую очередь совещаниям надлежало выяснить количество нечистот, подлежащих сжиганию, вывозу или другим способам уничтожения, а также выявить наличие для этого всевозможных технических средств. Далее предлагалось выработать необходимый порядок работы для самой недели очистки по прилагаемой схеме. Также инструкция предусматривала план работы массовой очистки, выделяя в особую группу территорию путей сообщения, помещения железнодорожных вокзалов и военных казарм. «Неделя водоснабжения» подразумевала очистку колодцев и других источников воды, бактериологическое исследование воды, приведение в порядок старых колодцев и водопроводов, пришедших в негодность.

Для улучшения жизненных условий медицинских работников в соответствии с Декретом Совнаркома «О мерах борьбы с эпидемиями» врачам и другому меди-

цинскому персоналу Курской губернии улучшалось продовольствие, предлагались дополнительные пайки и пособия семьям умерших от эпидемий и т. д. [9, с. 214–215]

В целях борьбы с санитарной безграмотностью населения в Курской губернии активно велась просветительская работа. Повсеместно распространялись листовки, плакаты с мерами предупреждения заразных заболеваний и описанием их признаков, проводились лекции, митинги, выставки.

7 февраля 1921 г. утверждается Положение «О санитарно-эпидемиологических подотделах», которым руководствовались все санитарно-эпидемиологические работники. По Положению города в Курской губернии организовывались санитарно-эпидемиологические подотделы с различными отделениями, такими как санитарно-пищевое, промышленного надзора и санитарной техники, отделение оспопрививания, жилищно-санитарное [18, с. 6].

В 1921 г. был издан ряд законодательных актов советского правительства по улучшению санитарно-эпидемиологического дела в стране. Декрет «О мерах по улучшению водоснабжения, канализации и ассенизации» указывал на значимость деятельности всех предприятий в сферах водоснабжения, канализации и ассенизации. Согласно декрету, бронированию подлежали рабочие и служащие, фактически занятые в данных сферах, а также указывались категории граждан, не подлежащие бронированию.

Декретом «Об объединении всего дела санитарной охраны жилищ в Народном комиссариате здравоохранения» подтверждалось исключительное ведение санитарной охраной жилищ Народным ко-

миссариатом здравоохранения и определялись права санитарных органов в жилищах [19, с. 525].

Важное значение для страны имел Декрет от 15 сентября 1922 г. «О санитарных органах республики» [20, с. 1004]. Декретом определялись задачи и функции санитарных органов, их структура и компетенции. Декрет подтвердил государственный характер санитарно-эпидемиологической деятельности и явился документом, определившим дальнейшее развитие санитарно-эпидемиологической службы страны.

Вывод

Мероприятия советской власти по борьбе и предотвращению социальных инфекционных заболеваний в период 1917–1922 гг. в целом имел положительный результат. Несмотря на голод, разруху, нехватку медикаментов и медицинских кадров, а также одновременное распространение различных эпидемий, в Курской губернии улучшение ситуации по ряду заразных заболеваний наблюдалось уже с 1919 г. [21, с. 214–234], что соответствовало задачам советского здравоохранения [22, л. 12]. Заложенные основы эпидемиологической деятельности в первые годы советской власти в дальнейшем продолжали развиваться. Вакцинация как основной метод борьбы советской власти с эпидемиями являлась неотъемлемой частью советского здравоохранения. Положительный опыт организации мероприятий по борьбе с эпидемиологическими заболеваниями в 1917–1922 гг. является актуальным в современных условиях распространения коронавируса.

Список литературы

1. Декреты советской власти. Т. III. 11 июля – 9 ноября 1918 г. / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Ин-т истории Акад. наук СССР. М.: Политиздат, 1964. 676 с.
2. Пилипчук П. Е. Нечто вроде отчета // Вестник Курского губернского отдела здравоохранения. 1921. № 6-7. С. 16–17.

3. Журнал совещаний врачей народной медицины и представителей исполнительных комитетов Советов рабочих и крестьянских депутатов Курской губернии за 1919 г. / Губмедсанотдел. Курск, 1919. С. 1–7.
4. ГАКО (Государственный архив Курской области). Ф. Р-202. Оп-1. Д. 86.
5. Циркуляр Наркомздрава № 116/3182 от 30 октября 1920 г. о школах для служительского персонала лечебных учреждений // Вестник Курского губернского отдела здравоохранения. 1920. № 1. С. 4.
6. ГАКО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 1819.
7. ГАКО. Ф. Р-202. Оп. 1. Д. 2148.
8. Циркуляр Наркомздрава об организации оспопрививательной ударной кампании в 1921 г. // Вестник Курского губернского отдела здравоохранения. 1921. № 2-3. С. 7.
9. Собрание узаконений и распоряжений за 1919 г. М.: Изд. Управления делами Совнаркома СССР, 1943. 886 с.
10. ГАКО. Ф. Р-202. Оп. 1. Д. 607.
11. Циркуляр Наркомздрава «Об установлении тесной связи между губернскими и уездными здравотделами» // Вестник Курского губернского отдела здравоохранения. 1920. № 2. С. 1.
12. Доклады Курской губернской земской управы за 1906 г. 41 очередному земскому собранию по народному здравью / Курское губернское земство. Курск, 1907. С. 66–71.
13. Губернский экстренный съезд по борьбе с сыпным тифом представителей медсанотделов Курской губернии совместно с представителями военного и железнодорожного ведомств и Красного креста 20-22 февраля 1919 года / Губмедсанотдел. Курск, 1919. С. 40, 56.
14. ГАКО. Ф. Р-202. Оп. 1. Д. № 663.
15. ГАКО. Ф. Р-202. Оп. 1. Д. 60.
16. ГАКО. Ф. Р-202. Оп. 1. Д. 258. Л. 25, 29, 103, 143, 213, 256, 377.
17. Вестник Курского губернского отдела здравоохранения. 1921. № 4-5. С. 6–10.
18. Положение о санитарно-эпидемиологических подотделах губернских, городских и уездздравотделов, утвержденное коллегией Наркомздрава 7 февраля 1921 г. // Вестник Курского губернского отдела здравоохранения. 1921. № 2-3. С. 6.
19. Собрание узаконений и распоряжений за 1921 г. М.: Изд. Управления делами Совнаркома СССР, 1944. 1270 с.
20. Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1922 г. М.: Изд. Управления делами Совнаркома СССР, 1950. 1934 с.
21. Васильев К. Г., Сегал Л. Е. История эпидемий в России (материалы и очерки). М.: Гос. изд-во мед. лит., 1960. 397 с.
22. ГАКО. Ф. Р-202. Оп. 1. Д. 604.

References

1. Dekrety sovetsoj vlasti. T. III. 11 iyulya-9 noyabrya 1918 g. [Decrees of Soviet power. Vol. III. July 11-November 9, 1918]. Moscow, Politizdat Publ., 1964. 676 p.
2. Pilipchuk P. E. Nechto vrode otcheta [Something like a report]. *Vestnik Kurskogo gubernskogo otдела zdavoohraneniya = Bulletin of the Kursk Provincial Health Department*, 1921, no. 6-7, pp. 16–17.
3. Zhurnal soveshchanij vrachej narodnoj mediciny i predstavitelej ispolnitel'nyh komitetov Sovetov rabochih i krest'yanskih deputatov Kurskoj gubernii za 1919 gg. [Journal of meetings of doctors of folk medicine and representatives of executive committees of Soviets of Workers' and peasants' deputies of Kursk province for 1919]. Kurск, *Gubmedsanotdel*, 1919, pp. 1–7.
4. GAKO (Gosudarstvennyj arhiv Kurskoj oblasti) [The State Archive of the Kursk region], f. R-202, op. 1, d. 86.
5. Cirkulyar Narkomzdrava No. 116/3182 ot 30 oktyabrya 1920 g. o shkolah dlya sluzhitel'skogo personala lechebnyh uchrezhdenij [Circular of the People's Commissariat of Health No. 116/3182 of October 30, 1920 on schools for the staff of medical institutions]. *Vestnik Kurskogo gubernskogo otдела zdavoohraneniya = Bulletin of the Kursk Provincial Department of Health*, 1920, no. 1, pp. 4.
6. GAKO, f. R-1, op. 1, d. 1819.

7. GAKO, f. R-202, op. 1, d. 2148.
8. Cirkulyar Narkomzdrava ob organizacii ospoprivatel'noj udarnoj kompanii v 1921 g. [Circular of the People's Commissariat of Health on the organization of the smallpox vaccination strike company in 1921]. *Vestnik Kurskogo gubernskogo otdela zdravoohraneniya = Bulletin of the Kursk Provincial Health Department*, 1921, no. 2-3, p. 7.
9. Sobranie zakonov i rasporyazhenij za 1919 g. [Collection of laws and regulations for 1919]. Moscow, Izd. Upravleniya delami Sovnarkoma SSSR, 1943. 886 p.
10. GAKO, f. R-202, op. 1, d. 607.
11. Cirkulyar Narkomzdrava "Ob ustanovlenii tesnoj svyazi mezhdru gubernskimi i uezdnyimi zdravotdelami" [Circular of the People's Commissariat of Health "On establishing a close connection between provincial and county health departments"]. *Vestnik Kurskogo gubernskogo otdela zdravoohraneniya = Bulletin of the Kursk Provincial Department of Health*, 1920, no. 2, p. 1.
12. Doklady Kurskoj gubernskoj zemskoj upravy za 1906 g. 41 ocherednomu zemskomu sobraniyu po narodnomu zdaviyu [Reports of the Kursk Provincial Zemstvo Council for 1906 to the 41st regular Zemstvo Meeting on public Health]. Kursk, Kurskoe gubernskoe zemstvo, 1907, pp. 66–71.
13. Gubernskij ekstrennyj s"ezd po bor'be s synym tifom predstavitelej medsanotdelov Kurskoj gubernii sovместno s predstavityami voennogo i zheleznodorozhnogo vedomstv i Krasnogo kresta 20-22 fevralya 1919 goda [Provincial Emergency Congress to combat typhus of representatives of the Kursk province medical departments together with representatives of the military and railway departments and the Red Cross on February 20-22, 1919]. Kursk, *Gubmedsanotdel*. 1919, pp. 40, 56.
14. GAKO, f. R-202, op. 1, d. no. 663.
15. GAKO, f. R-202, op. 1, d. 60.
16. GAKO, f. R-202, op. 1, d. 258, l. 25, 29, 103, 143, 213, 256, 377.
17. *Vestnik Kurskogo gubernskogo otdela zdravoohraneniya = Bulletin of the Kursk Provincial Health Department*, 1921, no. 4-5, pp. 6–10.
18. Polozhenie o sanitarno-epidemiologicheskikh podotdelah gubernskih, gorodskih i uezdskozdravotdelov, utverzhdennoe kollegiej Narkomzdrava 7 fevralya 1921 g. [Regulations on sanitary and epidemiological sub-departments of provincial, city and county health departments, approved by the Board of the People's Commissariat of Health on February 7, 1921]. *Vestnik Kurskogo gubernskogo otdela zdravoohraneniya = Bulletin of the Kursk Provincial Health Department*, 1921, no. 2-3, p. 6.
19. Sobranie zakonov i rasporyazhenij za 1921 g. [Collection of laws and regulations for 1921]. Moscow, Izd. Upravleniya delami Sovnarkoma SSSR, 1944. 1270 p.
20. Sobranie zakonov i rasporyazhenij pravitel'stva za 1922 g. [Collection of laws and orders of the Government for 1922]. Moscow, Izd. Upravleniya delami Sovnarkoma SSSR, 1950. 1934 p.
21. Vasil'ev K. G., Segal L. E. Istoriya epidemij v Rossii (materialy i ocherki) [The history of epidemics in Russia (materials and essays)]. Moscow, Gos. izd-vo med. lit., 1960. 397 p.
22. GAKO, f. R-202, op. 1, d. 604.

Информация об авторе / Information about the Author

Соловьянова Марина Викторовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и социально-культурного сервиса, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация, e-mail: solo_sks@mail.ru, ORCID: 0000-0002-4136-7066

Marina V. Solovyanova, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of History and Sociocultural Service, Southwest State University, Kursk, Russian Federation e-mail: solo_sks@mail.ru ORCID: 0000-0002-4136-7066

Оригинальная статья / Original article

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2021-11-6-275-285>

Столица и провинции: призрение детей нижних чинов в эпоху Первой мировой войны

А. И. Чубаров¹ ✉

¹Курский областной краеведческий музей
ул. Луначарского 6, г. Курск 30500, Российская Федерация

✉ e-mail: chubar1991@mail.ru

Резюме

Актуальность. При написании статьи был использован обширный пласт исторических источников от материалов периодической печати до первичных документов, отложившихся в центральных архивохранилищах Москвы и Санкт-Петербурга, а также архивах Центрально-Черноземного региона (Воронеж, Курск). Автор привлекает сведения и по другим регионам Российской империи.

Цель исследования – изучение социального обеспечения солдатских семей в соответствии с Законом «О призрении нижних воинских чинов и их семейств», принятым 25 июня 1912 года.

Задача – анализ реализации государственными органами и частными лицами вопросов, связанных с призрением детей нижних чинов Российской империи.

Методологической основой исследования являются общенаучные (анализ, синтез, обобщение) и специальные исторические методы (системный и сравнительно-исторический).

Результаты. Закон четко прописывал нормы выдачи так называемого продовольственного пайка на одно призреваемое лицо, выделяя детей в возрасте до 5 лет. Они могли получать только половину пособия, установленного для «взрослых»: жен, родителей, братьев и сестер призванного по мобилизации солдата, а также его детей старше 5 лет. Согласно закону, на помощь государства могли рассчитывать по-своему трактовали данный пункт действующего законодательства. Также закон не предусматривал помощь детям, рожденным вне брака. Данное обстоятельство поставило власти в затруднительное положение, особенно на начальном этапе войны.

Выводы. Автор считает, что первоначально государство не было готово к призрению отдельных категорий нуждающихся родственников нижних чинов, в первую очередь это касалось внебрачных детей, но с помощью инициативы местных властей, помощи церкви и общественных организаций данные трудности были преодолены.

Ключевые слова: Первая мировая война; внутренняя политика; призрение солдатских семей; социальная помощь; нижние чины.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Финансирование: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-09-00333 (а).

Для цитирования: Чубаров А. И. Столица и провинции: призрение детей нижних чинов в эпоху Первой мировой войны // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021. Т. 11, № 6. С. 275–285. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2021-11-6-275-285>.

Поступила в редакцию 19.10.2021

Принята к публикации 22.11.2021

Опубликована 27.12.2021

© Чубаров А. И., 2021

Capital and Provinces: the Vision of Children of the Lower Ranks in the Era of the First World War

Aleksei I. Chubarov¹ ✉

¹Kursk Regional Museum of local history and geography
6 Lunacharsky str., Kursk 305000, Russian Federation

✉ e-mail: chubar1991@mail.ru

Abstract

Relevance. When writing the article, a vast layer of historical sources was used, from materials from periodicals to primary documents deposited in the central archives of Moscow and St. Petersburg, as well as in the archives of the Central Black Earth Region (Voronezh, Kursk). The author draws on information from other regions of the Russian Empire.

The purpose of the study was to study the social security of soldiers' families in accordance with the law "On the care of lower military ranks and their families", adopted on June 25, 1912.

The objectives to analyze the implementation by state bodies and individuals of issues related to the care of children of the lower ranks of the Russian Imperial.

Methodology. The methodological basis of the research is general scientific (analysis, synthesis, generalization) and special historical methods (systemic and comparative historical method).

Results. The law clearly prescribed the rules for the issuance of the so-called. food ration for one person to be brought in, highlighting children under 5 years of age. They could receive only half of the allowance established for "adults": wives, parents, brothers and sisters of a soldier called up for mobilization, as well as his children over 5 years old. According to the law, soldiers' children could count on the help of the state until the age of working age (17 years), but some regions interpreted this clause of the current legislation in their own way. Also, the law did not provide for assistance to children born out of wedlock. This circumstance put the authorities in a difficult position, especially at the initial stage of the war.

Conclusions. The author believes that initially the state was not ready to support certain categories of needy relatives of lower ranks, first of all, this concerned children born out of wedlock, but with the help of the initiative of local authorities, the help of the church and public organizations, this difficulty was overcome.

Keywords: First World War; internal politics; award of soldiers' families; social assistance; lower ranks.

Conflict of interest: The Author declares the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

Funding: The research was performed with financial support RFBR, within a research project No. 19-09-00333 (a).

For citation: Chubarov A. I. Capital and Provinces: the Vision of Children of the Lower Ranks in the Era of the First World War. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2021; 11(6): 275–285. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2021-11-6-275-285>.

Received 19.10.2021

Accepted 22.11.2021

Published 27.12.2021

Введение

Опыт призрения семейств мобилизованных нижних чинов запаса, накопленный Российской империей в локальных военных конфликтах конца XIX – начала XX в., доказал несостоятельность «Временных правил о призрении семейств чи-

нов запаса и ратников государственного ополчения, призванных в военное время на службу», принятых еще 25 июня 1877 г. Они были рассчитаны на локальные и непродолжительные военные конфликты. Если после Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. правительство предпочло закрыть глаза на недостатки закона, со-

славшись на недостаточный опыт практического применения, то после Русско-японской войны 1904–1905 гг. все же решилось на обобщение накопленного опыта.

Во-первых, расходы, связанные с выплатами семьям призванных по мобилизации, тяжелым бременем ложились на бюджеты местных органов власти. Зачастую на местах старались решить вопрос с денежными пособиями солдаткам по-своему. Где-то его размер был ниже, чем должен был быть, но небольшие деньги получала значительная часть людей, оказавшихся в трудном положении из-за боевых действий. В некоторых местностях шли другим путем: полностью предусмотренную законом денежную сумму выплачивали только тем семействам нижних чинов, которые успели заявить о своей нужде, а остальным, как правило, отказывали в пособии либо назначали единовременные выплаты. Заметим, что оба варианта приводили к жалобам и нареканиям на местную власть. Например, о неэффективной работе земств во время Русско-японской войны жаловались нижние чины своему непосредственному армейскому руководству.

Во-вторых, сам текст «Временных правил...» содержал расплывчатые формулировки, позволявшие местным властям трактовать ту или иную статью в свою пользу.

В-третьих, сословные общества, которые должны были помогать местной власти призывать семьи мобилизованных, не исполняли обязанностей, предусмотренных «Временными правилами...». В результате правительство решило пересмотреть законодательство в области призрения нижних чинов. Итогом работы комиссии, приступившей к исполнению своих обязанностей вскоре после заключения мирного договора с Японией, стал Закон «О призрении нижних воинских чинов и их семейств», принятый 25 июня 1912 г. (далее – Закон).

Методология

Исследование основано на принципах историзма и научной объективности. Данный подход позволяет объективно проанализировать первичные и опубликованные источники с использованием системного и сравнительно-исторического методов.

Результаты и их обсуждение

Согласно новому Закону правом продовольственной помощи от казны могли воспользоваться семьи нижних чинов, которые были мобилизованы из-за начавшихся боевых действий, задержаны из-за них доле установленного срока службы (в пешей артиллерии и пехоте – 3 года, в остальных сухопутных родах войск – 4 года, во флоте – 5 лет); зачислены ополченцами или охотниками; поступили в военные дружины» [1, л. 347]. С началом Первой мировой войны текст закона был разослан губернаторам [2, л. 44–45]. Помимо этого, МВД дополнительно сообщало местной власти, что призрению не подлежат семейства сверхсрочнослужащих солдат [1, л. 39].

По Закону за счет казенных средств материально необеспеченным семействам ежемесячно необходимо было выплачивать на одно взрослое призреваемое лицо денежные средства на покупку муки (1 пуд 28 фунтов), крупы (10 фунтов), соли (4 фунта) и постного масла (1 фунт). Малолетним детям (до 5 лет) полагалась половина взрослой нормы. Размер выплачиваемого пособия устанавливался для каждой местности индивидуально, исходя из местных цен на означенные продукты.

Согласно тексту Закона, призрению в первую очередь подлежали члены «малой семьи» мобилизованного нижнего чина, к которой относились его супруга и дети. Все остальные – члены «большой семьи» – могли рассчитывать на казенные выплаты только в том случае, если они «кормились» (содержались) трудом мобилизованного. Наличие в семье мужчин трудо-

способного возраста (17–55 лет) могло послужить причиной для отказа в пособии. Нетрудоспособность следовало подтверждать медицинской справкой [3, с. 943]. Правила призрения могли быть распространены на тестя и тещу, если призванный был примаком в их доме, а они были не способны к личному труду.

Дочери нижнего чина, вышедшие замуж до достижения 17-летнего возраста, лишались пособия. На него также не могли рассчитывать родные матери солдата, повторно вступившие в брак [3, с. 943].

Для реализации Закона от 25 июня 1912 г. сенатским Указом от 12 августа 1914 г. в Москве создается Комитет ее императорского величества по оказанию благотворительной помощи семьям лиц, призванных на войну. Его возглавила великая княгиня Елизавета Федоровна, родная сестра императрицы. Необходимо отметить, что ее назначение на эту должность не было случайным, великая княгиня имела опыт подобной работы в общероссийском масштабе, приобретенный во время Русско-японской войны 1904–1905 гг. Во многих официальных документах данная благотворительная организация, как правило, именовалась «Елизаветинский комитет». Формально Комитет был благотворительной организацией, но для выплат солдатским семьям и на иную уставную деятельность ему предоставлялись значительные государственные субсидии. Согласно уставу, Елизаветинский комитет действовал практически на всей территории Российской империи. Исключение составили Великое княжество Финляндское, столичный и Кавказский регионы [4, с. 11]. Для них создавались специальные организации. Так, в Петрограде и Петроградской губернии организацию призрения осуществлял Комитет, руководство которым осуществляла дочь императора – княжна Ольга [5, л. 1 об.].

Елизаветинский комитет должен был объединить усилия разнообразных благотворительных организаций, провозгла-

сивших своей основной деятельностью призрение семейств мобилизованных; заниматься поиском источников дополнительного финансирования, улучшать способы опеки; принимать пожертвования; распределять между местными средствами, ассигнованные Государственным казначейством; рассматривать вопросы, вносимые Елизаветой Федоровной [5, л. 1 об.].

Елизаветинский комитет, помимо работы общеимперского масштаба, выполнял еще и обязанности губернского отделения. Параллельно с созданием общероссийского комитета образована сеть его местных отделений: губернских комитетов, уездных, волостных, приходских и участковых отделений или попечительств. Помня о предыдущем печальном опыте призрения солдатских семей земством, формально правительство в новом законе устранило земцев от решения вопросов призрения солдаток [6, с. 37]. Однако представители земства в региональных отделениях играли ведущую роль.

Губернские и более мелкие отделения Елизаветинского комитета на местах открывались только при объявлении в регионе мобилизации. К 11 августа 1915 г. местные отделения Комитета открылись в 85 губерниях и 505 уездах [7, с. 21]. Всего организация контролировала около 4 000 структурных подразделений [8, с. 235].

Закон гарантировал призрение только супругам, чьи отношения были оформлены официально, исключение делалось только для сектантов и старообрядцев [9, с. 173]. Такое законоположение не позволяло обеспечивать денежными средствами гражданских жен и внебрачных детей. Начало боевых действий поставило правительство перед фактом довольно широкой распространенности гражданских браков [10, с. 183]. Верховный совет по призрению семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов, курировавший деятельность всех благотворительных организаций в воен-

ное время, уже на заседании, состоявшемся 1 августа 1914 г., на основе сообщений с мест сделал распоряжение об оказании помощи внебрачным семьям [11, с. 605].

Согласно отчетам благотворительных обществ Петрограда, из 675 521 руб., потраченных на призрение семей мобилизованных нижних чинов до 31 декабря 1914 г., на долю гражданских жен пришлось 52 980 руб. (8,5%) [12, с. 986–988]. Им, как и их детям, выплачивались те же суммы, что законным женам и детям.

Аналогичная ситуация наблюдалась по всей империи. Так, по сообщению Царицынского городского управления, пособие выдавалось «тем лицам, которые по закону не пользуются им от казны». Его размер был аналогичен так называемому «казенному пайку»: 3 руб. взрослому ежемесячно и 1,5 руб. ребенку до 5 лет [13, с. 39].

Пермское земство также платило пособие на пропитание гражданским семьям в размере, аналогичном размеру законным семьям – 2,57 руб. в месяц [14, с. 195].

В Красноярске до 1 июня 1915 г. признаны нуждающимися были 1 212 законных и 125 гражданских семейств. И те, и другие получали по 2,03 руб. в месяц на взрослого и половину этой суммы на малолетнего ребенка [15, с. 419].

Воронежское земство выплатило за 1914 г. денежных средств «гражданским семьям, лишенным возможности получения пособия от казны» в размере 104,16 руб., а за 1915 г. – 819,57 руб. (всего за два года 923,73 руб.). По словам земцев, такие выплаты «выдавались применительно к нормам казенного пособия». При этом местные власти ожидали с новыми мобилизациями незначительного увеличения числа гражданских семей, которые запрасят помощи от земства [16, л. 3–4].

Как отмечали местные власти Томска, норма выдачи денежных средств, установленная законом, первоначально

составлявшая в регионе 2,14 руб. для взрослого и 1,07 малолетнему, очень неравномерна. Согласно их приблизительным подсчетам: семья из матери и 3 малолетних детей максимум может получить 5,35 руб.; та же семья, но с детьми старше 5 лет, получит уже 8,56 руб., хотя экономически устойчивее, чем первая, поскольку дети старше 5 лет не требуют к себе такого внимания как малолетние, и солдатка может найти себе дополнительный источник дохода. Параллельно отмечалось, что гражданские жены с детьми получают пособие в размере казенного пайка [17, с. 303].

Согласно докладу князя К. М. Шаховского, в Государственной Думе от 24 марта 1915 г. «применение закона на практике показывает, что категория лиц, фактически составляющая семью призванного, содержащую его трудом, представляют зачастую и лица, законом не предусмотренные. Невозможность назначения таким лицам пособия иногда ставит их в крайне бедственное положение. К упомянутым лицам прежде всего должны быть причислены внебрачные жены и дети призванного. В настоящее время приходится наблюдать весьма значительное число незаконных семей призванных, которые и самими призывными, и их односельчанами признавались и признаются равноправными членами данного семейства. Комиссия считает необходимым распространить действие закона на них, а также на пасынков, падчериц, тестя и тещу, дядям, теткам, отчимам, мачехам, сводным братьям и сестрам, неусыновленным приемным детям» [18, л. 26 об.]. Данный проект получил одобрение Думы [18, л. 19].

Доклад являлся составной частью разрабатываемого нового закона о призрении семейств мобилизованных нижних чинов. Он должен был устранить выявленные недостатки Закона от 25 июня 1912 г.

В разрабатываемом законе воспользоваться правом на получение казенного

пайка могли как законные, так и гражданские жены нижних чинов «взятых на военную службу из запаса, ополчения до срочного призыва, призванных в военное время на действительную службу и задержанных на ней по случаю войны по выслуге установленных сроков уставом о воинской повинности» [19, л. 1]. Законные и внебрачные дети призривались до 15 лет. Отдельно оговаривалось, что сыновья и дочери солдата должны были получать государственное вспомоществование в любом случае, а из двух жен (законной и гражданской) право на получение казенного пайка получала лишь та, с которой мобилизованный жил на момент призыва.

Кроме вышеуказанных категорий, получить денежное довольствие могли родители, пасынки и падчерицы, а также «родственники и свойственники – члены семьи призванного, если они состояли до призыва на иждивении этого лица, и в то же время были признаны нетрудоспособными»; мать-вдова, «у которой взят единственный сын или все трудоспособные сыновья» [19, л. 1 об.]. Нетрудоспособными признавались дети до 15 лет и взрослые старше 50-летнего возраста или же лица, не способные к личному труду по состоянию здоровья. Разработка нового закона затянулась. Он не был принят ни царским, ни Временным правительством.

Затянувшаяся война привела к регулярным мобилизациям мужского населения, для сельской местности этот процесс привел к сокращению посевных площадей, а для страны – к инфляции, повышению цен на сельскохозяйственную продукцию и ряду проблем с продовольственным снабжением городского населения. В данных условиях выплаты казенных пособий для многих солдатских семей были единственным подспорьем. Обнаруженные недостатки практического применения Закона от 25 июня 1912 г. и «удорожание жизни» вначале привели к обесцениванию покупательской способ-

ности выплат на семейство солдата, которое способствовало нарастанию социальной напряженности в обществе. Не случайно на ряде фотографий, сделанных во время Февральской революции, демонстранты требуют увеличить выплаты солдаткам.

В начале войны московские власти, не дожидаясь государственных ассигнований, произвели выплаты денежных средств семьям призванных по мобилизации, руководствуясь собственными расчетами. В июле 1914 г. московские солдатки получили по 5 руб. на себя и «взрослых» сыновей и дочерей, а на детей до 5 лет – по 3 руб. Однако размер казенного пайка, определенного для московского региона правительством, был скромнее: 3,6 руб. взрослому и 1,8 руб. малолетним детям [20, с. 199]. Примерно такой же размер пайка был в Петрограде. В остальных регионах паек был еще меньше.

Осенью 1914 г. в Воронежской губернии стоимость продуктов, указанных в Законе, составляла примерно 2,3 руб. Однако земство считало, что подростки старше 14 лет вполне трудоспособны, поэтому управа предложила назначить ежемесячно лишь по 1 руб. нетрудоспособным членам нуждающихся семей солдат. Однако определить эти семейства, по признанию представителей земства, было довольно сложно [21, с. 124]. Для Курской и Орловской губерний размер пайка в начале осени 1914 г. составлял 2,5 руб. на одно взрослое лицо в месяц.

О том, что выплачиваемое пособие не отвечает реальным ценам на продукты, особенно было заметно в городских условиях. Современники отмечали, что Закон от 25 июня 1912 г. «рассчитан преимущественно на сельское население, еще в значительной степени живущее в условиях натурального хозяйства, и совершенно не учитывал условий городского быта, требующих гораздо больших расходов» [22, с. 600].

Впервые на «недостаточность» размера пайка обратили внимание именно в крупных городах, поскольку в них с началом войны цены на продукты стали расти быстрее. И хотя Закон предусматривал изменение размера пайка как в большую, так и в меньшую сторону, он не успевал за повышением цен.

В этой связи отметим типичные обращения солдаток в столичный Ольгинский комитет. В мае 1916 г. Татьяна Петровна Артемьева, жена ратника ополчения 1-го разряда рядового 54-го пехотного Минского полка из крестьян Тверской губернии, в своем ходатайстве указывала, что «оставишь после мужа с двумя детьми из которых девочка 6 лет и мальчик 1 год и не имея посторонней помощи и средств кроме получаемого казенного пайка мне приходится терпеть крайнюю нужду от недостатка пищи и одежды, ввиду все возрастающей дороговизны, посему покорнейше прошу ваше императорское высочество не лишит меня вашей царской милости и помочь мне в моей тяжелой и печальной жизни». Просительница проживала в петергофском участке в дер. Волынкина [23, л. 1].

Аналогичное обращение в Ольгинский комитет направила в марте 1916 г. жена запасного из крестьян Тульской губернии Анна Чубарова: «Ввиду крайне тяжелого материального моего положения и невозможности работать (я страдаю туберкулезом легких) покорнейше прошу о выдаче мне пособия, т. к. на получаемый паек я не могу существовать с 4 детьми в возрасте Елизаветы 12 лет, Марии 9, Алексея 6, Валентины 3» [24, л. 1]. Ходатаица проживала на Ушаковской улице в Нарвской заставе.

Заметим, что после Февральской революции, отмечая не только то, что выдаваемое семьям денежное довольствие не только не соответствует фактическим ценам, но и является «недостаточным», чиновники Министерства государственного призрения признали скудность установленных норм, отмечая при этом, что в

утвержденном продуктовом перечне отсутствуют продукты, необходимые для нормального питания [19, л. 1].

Проект изменения действующего закона предусматривал выдачу нуждающимся денежных средств, необходимых на покупку 1,28 пудов пшеничной муки, 15 фунтов просовой крупы, 4 фунтов соли, 2 фунтов жирового масла, 15 фунтов мяса или рыбы, 20 фунтов картофеля, 10 фунтов капусты, 2 фунта сахара, $\frac{1}{8}$ фунта чая и «сухих приправных продуктов» (перец, лавровый лист и т.д.). Размер пособия необходимо было определять исходя из цен, установленных региональным продовольственным комитетом либо же на основе справочно-рыночных сведений [19, л. 1]. Однако проект, как уже ранее говорилось, не получил одобрение.

Как правило, таким семьям на помощь приходили благотворительные организации и церкви, прихожанами которых являлись нуждающиеся. Кто как не священники знал истинные потребности своих прихожан? Примечательно, что в Елизаветинском комитете самой мелкой структурной единицей было именно церковное, приходское попечительство, а не территориальная, гражданская – волостная организация.

Так, в Санкт-Петербургской губернии уже в июле 1914 г. в г. Тихвин для объединения деятельности городского духовенства по организации помощи семействам призванных в действительную армию и больным и раненым воинам, а также в целях объединения деятельности духовенства Тихвинского уезда по организации помощи больным и раненым воинам было принято решение образовать в уездном городе Комитет для сбора, приема и распределения пожертвований деньгами и вещами в пользу семейств призванных на войну и больных и раненых воинов. Организация сразу же приступила к активной деятельности. Духовенство церкви, монастыри и жителей уезда стали побуждать к «единовременным денежным пожертвованиям, а также к пожерт-

вованиям вещами (полотном, ситцем, полотенцами, носовыми платками и пр.)» [25, л. 1–1 об.].

Пожертвования, собранные таким образом, шли на самые разнообразные цели, даже на выплаты пособий гражданским женам. В ЦГИА сохранилось прошение городской администрации г. Тихвина о выдаче средств из сумм Тихвинского церковного комитета крестьянке Екатерине Михайловой. Она была гражданской женой запасного из крестьян дер. Падалы Красноборской волости Федора Абрамовича Прысова. Гражданская власть в пояснительной записке поясняла, что предьявительница данного документа «не имеет права получать казенный паек, но не лишается получения пособия из капитала добровольных пожертвований». Крестьянке было назначено 3-рублевое пособие [26, л. 8–9]. Первоначально за счет пожертвований даже выплачивали дополнительные пособия тем семействам нижних чинов, которые получали выплаты от казны, но постепенно, по мере сокращения притока пожертвований, данный вид помощи нуждающимся семьям постепенно сокращался.

Выводы

Призрение семей мобилизованных нижних чинов в эпоху Первой мировой войны имело ряд недочетов. Во многом они обусловлены тем, что государство первоначально не было готово к призрению отдельных категорий нуждающихся родственников солдат. В первую очередь это касалось внебрачных детей. Государство признавало только отношения, оформленные церковью. Исключения делались только для старообрядцев. Как правило, значительное число детей без брака проживало в городской местности, преимущественно в крупных городах. Поэтому все заботы, связанные с их обеспечением, ложились на плечи городских властей и общественных организаций. Необходимо отдать должное властям, среагировавшим на данную про-

блему довольно быстро – гражданским женам и детям стали выплачивать пособия из сумм, полученных в результате благотворительных сборов, или из денег, предназначенных на нужды общественного призрения.

Второй задачей, вставшей перед Елизаветинским комитетом, стала инфляция, вызванная военным временем. Государственный аппарат не успевал реагировать на стремительный рост цен на товары первой необходимости. Размер выдаваемого пайка был меньше, чем затраты солдаток на содержание себя и своих детей. Повышение размера выдаваемого денежного пособия не отвечало реальному «вздорожанию» продуктового набора, обозначенного в Законе от 25 июня 1912 г. Это было связано с тем, что денежные выплаты в городской местности производились за месяц вперед, а в сельской – на 3 месяца. Пока чиновники изучали рост цен и повышали размер выдаваемого пайка до необходимого уровня на момент изучения данного вопроса, цены продолжали расти. В этих ножницах оказалось значительное число солдаток, не имеющих дополнительного источника дохода. Первоначально остроту данного вопроса удавалось частично снимать с помощью частной инициативы местных властей, помощи церкви и общественных организаций. Но постепенно, с сокращением «жертвовательной» активности населения, приток благотворительных сумм снижался, что отражалось на размере и количестве помощи солдатским семьям, оказываемой сверх норм, которые были предусмотрены Законом «О призрении нижних воинских чинов и их семейств» от 25 июня 1912 г. Именно поэтому одним из лозунгов, замеченных на плакатах участников Февральских революционных событий, стало требование увеличения размера выплачиваемого солдатским женам и детям пайка.

Временное Правительство, используя накопленный за военное время опыт призрения солдатских семей, попыталось

устранить пробелы в действующем законодательстве. Был разработан новый, более прогрессивный закон, устранивший

некоторые недостатки своего предшественника, однако он не был принят.

Список литературы

1. ГАКО (Государственный архив Курской области). Ф. 302. Оп. 1. Д. 640.
2. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 2002. Оп. 1. Д. 16.
3. О призрении нижних воинских чинов и их семейств // Полное собрание законов Российской империи. Пг., 1915. Собр. 3-е. Т. 32, отд. 1. С. 935–945.
4. Матвеева Н. Л. Благотворительная деятельность именных комитетов членов императорской семьи в годы Первой мировой войны. М.: Изд-во МГОУ, 2004. 106 с.
5. ГАКО. Ф. 171. Оп. 1. Д. 86.
6. Грудина А. Д. Система волостных и земских попечительств в деле обеспечения семей нижних чинов, призванных на Первую мировую войну (начальный этап деятельности) // Вестник Брянского государственного университета. 2018. №3. С. 37–46.
7. Бобровников В. Г. Благотворительная деятельность Комитета Елисаветы Федоровны и Романовского комитета в годы Первой мировой войны // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2011. № 3 (9). Ч. III. С. 20–22.
8. Волошун П. В. Блаженны милостивые. Благотворительная деятельность Великой княгини Елисаветы Федоровны. М.: Дар, 2010. 480 с.
9. О призрении нижних воинских чинов и их семейств // Свод законов Российской империи. Т. 13. СПб., [б. г.]. С. 167–176.
10. Булгакова Л. А. Невенчаные солдатки: борьба за признание гражданских браков в годы Первой мировой войны // Власть, общество и реформы в России в XIX – начале XX в.: исследования, историография, источники. СПб.: Нестор-История, 2009. С. 183–215.
11. Гогель С. К. Деятельность Верховного совета по призрению семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов // Призрение и благотворительность в России. 1914. № 6–7. С. 604–611.
12. Литвинов А. К. Расходы Петроградских городских попечительств о бедных на призрение семей нижних чинов, призванных на войну // Призрение и благотворительность в России. 1914. № 8-9-10. С. 985–997.
13. Постановка дела оказания помощи семьям запасных в г. Царицыне // Призрение и благотворительность в России. 1915. № 1. С. 39–40.
14. Главнейшие мероприятия Пермского уездного земства, вызванные военным временем // Призрение и благотворительность в России. 1915. № 3–4. С. 194–197.
15. Левитский В. Красноярское городское попечительство по призрению семейств призванных нижних чинов // Призрение и благотворительность в России. 1915. № 6–7. С. 418–423.
16. Государственный архив Воронежской области. Ф. И. 21. Оп. 1. Д. 2337.
17. Файнгар И. М. Отчет о деятельности Томского городского комитета по оказанию помощи семьям запасных и ратников ополчения за 1914 г. // Призрение и благотворительность в России. 1915. № 5. С. 300–309.
18. ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. 555. Оп. 1. Д. 20.
19. ГАРФ. Ф. 6787. Оп. 1. Д. 101.
20. Грудина А. Д. Государственная помощь семьям нижних чинов Российской армии в годы Первой мировой войны: дис. ... канд. ист. наук. Брянск, 2019. 242 с.
21. Цуканов Д. А. Организация социальной помощи в Воронежской губернии в годы Первой мировой войны // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История, политология и социология. 2015. № 4. С. 123–126.
22. Из доклада гласного С. В. Бахрушина «Деятельность московских городских попечительств о бедных в связи с войной», опубликованного в журнале Известия московской городской думы // Москва в годы Первой мировой войны. 1914–1917 гг.: документы и материалы. М., 2014. С. 600.
23. ЦГИА (Центральный государственный исторический архив). Ф. 1916. Оп. 1. Д. 1.

24. ЦГИА. Ф. 1916. Оп. 1. Д. 36.
25. ЦГИА. Ф. 2210. Оп. 1. Д. 1.
26. ЦГИА. Ф. 2210. Оп. 1. Д. 2.

References

1. ГАКО (Gosudarstvennyj arhiv Kurskoj oblasti) [The State Archive of the Kursk region], f. 302, op. 1, d. 640.
2. Rossijskij gosudarstvennyj voenno-istoricheskij arhiv [Russian State Military Historical Archive], f. 2002, op. 1, d. 16.
3. O prizrenii nizhnih voinskih činov i ih semejstv [On the recognition of the lower military ranks and their families]. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii [The Complete Collection of laws of the Russian Empire]. Petrograd, 1915. Sobr. 3-e. Vol. 32, otd. 1, pp. 935–945.
4. Matveeva N. L. Blagotvoritel'naya deyatelnost' imennyh komitetov chlenov imperatorskoj sem'i v gody Pervoj mirovoj vojny [Charitable activities of the nominal committees of members of the Imperial family during the First World War]. Moscow, MGOU Publ., 2004. 106 p.
5. ГАКО, f. 171, op. 1, d. 86.
6. Grudina A. D. Sistema volostnyh i zemskih popechitel'stv v dele obespecheniya semej nizhnih činov, prizvannyh na Pervuyu mirovuyu vojnu (nachal'nyj etap deyatelnosti) [The system of volost and zemstvo guardianship in the provision of families of lower ranks called up for the First World War (the initial stage of activity)]. *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Bryansk State University*, 2018, no. 3, pp. 37–46.
7. Bobrovnikov V. G. Blagotvoritel'naya deyatelnost' Komiteta Elisavety Fedorovny i Romanovskogo komiteta v gody Pervoj mirovoj vojny [Charitable activities of the Elizaveta Fyodorovna Committee and the Romanov Committee during the First World War]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki = Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art criticism. Questions of theory and practice*. Tambov, 2011, no. 3 (9), pt. III, pp. 20–22.
8. Voloshun P. V. Blazhenny milostivye. Blagotvoritel'naya deyatelnost' Velikoj knyagini Elizavety Fedorovny [Blessed are the merciful. Charitable activities of Grand Duchess Elizabeth Feodorovna]. Moscow, Dar Publ., 2010. 480 p.
9. O prizrenii nizhnih voinskih činov i ih semejstv [On the recognition of the lower military ranks and their families]. *Svod zakonov Rossijskoj Imperii* [Code of Laws of the Russian Empire]. Vol. 13. St. Petersburg, [b. g.], pp. 167–176.
10. Bulgakova L. A. Nevenchannye soldatki: bor'ba za priznanie grazhdanskih brakov v gody pervoj mirovoj vojny [Unwed soldiers: the struggle for the recognition of civil marriages during the First World War]. *Vlast', obshchestvo i reformy v Rossii v XIX – nachale XX v.: issledovaniya, istoriografiya, istochniki* [Power, society and reforms in Russia in the XIX - early XX century.: research, historiography, sources]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2009, pp. 183–215.
11. Gogel' S. K. Deyatelnost' Verhovnogo soveta po prizreniyu semej lic, prizvannyh na vojnu, a takzhe semej ranenyyh i pavshih voinov [Activities of the Supreme Council for the care of families of persons called up for war, as well as families of wounded and fallen soldiers]. *Prizrenie i blagotvoritel'nost' v Rossii = Prizrenie and charity in Russia*, 1914, no. 6–7, pp. 604–611.
12. Litvinov A. K. Raskhody Petrogradskih gorodskih popechitel'stv o bednyh na prizrenie semej nizhnih činov, prizvannyh na vojnu [Expenses of the Petrograd city guardianship of the poor for the charity of families of lower ranks called up for war]. *Prizrenie i blagotvoritel'nost' v Rossii = Charity and charity in Russia*, 1914, no. 8-9-10, pp. 985–997.
13. Postanovka dela okazaniya pomoshchi sem'yam zapasnyh v g. Caricine [Statement of the case of assistance to spare families in Tsaritsyn]. *Prizrenie i blagotvoritel'nost' v Rossii = Charity and charity in Russia*, 1915, no. 1, pp. 39–40.
14. Glavnejšie meropriyatiya Permskogo uezdnogo zemstva, vyzvannye voennym vremenem [The main events of the Perm county Zemstvo caused by wartime]. *Prizrenie i blagotvoritel'nost' v Rossii = Prizrenie and charity in Russia*, 1915, no. 3–4, pp. 194–197.

15. Levitskij V. Krasnoyarskoe gorodskoe popечitel'stvo po prizreniyu semejstv prizvannyh nizhnih chinov [Krasnoyarsk City Guardianship for the charity of families of conscripted lower ranks]. *Prizrenie i blagotvoritel'nost' v Rossii = Prizrenie and charity in Russia*, 1915, no. 6–7, pp. 418–423.

16. Gosudarstvennyj arhiv Voronezhskoj oblasti [State Archive of the Voronezh Region], f. I. 21, op. 1, d. 2337.

17. Fajngar I. M. Otchet o deyatel'nosti Tomskogo gorodskogo komiteta po okazaniyu pomoshchi sem'yam zapasnyh i ratnikov opolcheniya za 1914 g. [Report on the activities of the Tomsk City Committee on assistance to the families of reserve and militia soldiers for 1914]. *Prizrenie i blagotvoritel'nost' v Rossii = Prizrenie and charity in Russia*, 1915, no. 5, pp. 300–309.

18. GARF (Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii) [State Archive of the Russian Federation], f. 555, op. 1, d. 20.

19. GARF, f. 6787, op. 1, d. 101.

20. Grudina A. D. Gosudarstvennaya pomoshch' sem'yam nizhnih chinov Rossijskoj armii v gody Pervoj mirovoj vojny. Diss. kand. ist. nauk [State assistance to the families of the lower ranks of the Russian Army during the First World War. Cand. hist. sci. diss.]. Bryansk, 2019. 242 p.

21. Cukanov D. A. Organizaciya social'noj pomoshchi v Voronezhskoj gubernii v gody Pervoj mirovoj vojny [Organization of social assistance in the Voronezh province during the First World War]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: istoriya, politologiya i sociologiya = Bulletin of the Voronezh State University. Series: History, Political Science and Sociology*, 2015, no. 4, pp. 123–126.

22. Iz doklada glasnogo S. V. Bahrushina "Deyatel'nost' moskovskih gorodskih popechitel'stv o bednyh v svyazi s vojnoj", opublikovannogo v zhurnale Izvestiya moskovskoj gorodskoj dumy [From the report of the vowel S.V. Bakhrushin "The activities of the Moscow city guardianship of the poor in connection with the war", published in the journal *Izvestia of the Moscow City Duma*]. Moskva v gody Pervoj mirovoj vojny. 1914–1917 gg.: dokumenty i materialy [Moscow during the First World War. 1914-1917: Documents and materials]. Moscow, 2014, pp. 600.

23. CGIA (Central'nyj gosudarstvennyj istoricheskij arhiv) [Central State Historical Archive], f. 1916, op. 1, d. 1.

24. CGIA, f. 1916, op. 1, d. 36.

25. CGIA, f. 2210, op. 1, d. 1.

26. CGIA, f. 2210, op. 1, d. 2.

Информация об авторе / Information about the Author

Чубаров Алексей Игоревич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории, Курский областной краеведческий музей, г. Курск, Российская Федерация, e-mail: chubar1991@mail.ru, ORCID: 0000-0002-7828-2306

Aleksei I. Chubarov, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher of the Department of History, Kursk Regional Museum of Local History and Geography, Kursk, Russian Federation, e-mail: chubar1991@mail.ru, ORCID: 0000-0002-7828-2306

Оригинальная статья / Original article

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2021-11-6-286-294>

Развитие теплофикации в России: отечественная научная база

М. М. Звягинцева¹, Н. Д. Савочкина¹ ✉

¹ Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: natasavochkina84@icloud.com

Резюме

Актуальность. Развитие научной базы в области тепловой энергетики неразрывно связано с централизованным теплоснабжением и его прогрессивным направлением – теплофикацией. Централизованное производство тепла остается главным направлением повышения эффективности систем теплоснабжения. Научная база, созданная в советский период, подтвердила правильность научных и инженерных решений, принятых при ее создании, позволила накопить опыт для совершенствования отрасли тепловой энергетики.

Цель исследования заключается в выявлении фактов развития и практической деятельности отечественной научной базы в области тепловой энергетики в годы советской власти.

Задача исследования проанализировать особенности работы научных институтов в области развития отечественного централизованного теплоснабжения на различных этапах формирования.

Методология. В ходе анализа различных научных источников применялись различные методы: проблемно-хронологические, исторические, сравнительные методы. Таким образом, выбор исторического метода применяется по причине изучения динамики развития отечественной науки о тепловой энергетике.

Результаты. В ходе изучения и обобщения разнообразных литературных и архивных источников в исследовании доказан тот факт, что отечественные научные институты интенсивно развивались и с годами достигли значительных масштабов, которые определили развитие современной тепловой энергетики.

Выводы. В процессе исследования различных литературных и архивных источников можно сделать вывод о том, что отечественная научная база в советские годы позволяла в совершенстве осуществлять снабжение тепловой энергией промышленные и жилые объекты Советского государства. Эти факты могут способствовать разработке стратегии по совершенствованию современной отечественной тепловой энергетики.

Ключевые слова: теплоэнергетика; теплоснабжение; промышленность; тепловая электростанция; энергетика.

Конфликт интересов: Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Звягинцева М. М., Савочкина Н. Д. Развитие теплофикации в России: отечественная научная база // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021. Т. 11, № 6. С. 286–294. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2021-11-6-286-294>.

Поступила в редакцию 03.11.2021

Принята к публикации 29.11.2021

Опубликована 27.12.2021

© Звягинцева М. М., Савочкина Н. Д., 2021

Development of District Heating in Russia: Domestic Scientific Base

Marina M. Zvyagintseva¹, Nataliy D. Savochkina¹ ✉

¹ Southwest State University
50 Let Oktyabrya str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: natasavochkina84@icloud.com

Abstract

Relevance. The development of a scientific base in the field of thermal energy is inextricably linked with centralized heat supply and its progressive direction of heating. Centralized heat production remains the main focus of improving the efficiency of heat supply systems. The scientific base, created in the Soviet period, confirmed the correctness of the scientific and engineering decisions taken during its creation, made it possible to accumulate experience for improving the thermal power industry.

The purpose of the study is to identify the facts of the development and practical activities of the domestic scientific base in the field of thermal energy during the years of Soviet power.

The objective of the study is to analyze the features of the work of scientific institutes in the field of the development of domestic district heating at various stages of formation.

Methodology. In the course of the analysis of various scientific sources, various methods were used: problem-chronological, historical, comparative methods. Thus, the choice of the historical method is applied due to the study of the dynamics of the development of the domestic science of thermal energy.

Results. In the course of studying and generalizing various literary and archival sources, the study proved the fact that domestic scientific institutions have developed intensively and over the years have reached significant proportions, which have determined the development of modern thermal energy.

Conclusions: In the process of studying various literary and archival sources, it can be concluded that the domestic scientific base in the Soviet years allowed for the perfect supply of heat energy to industrial and residential buildings of the Soviet state. These facts can contribute to the development of a strategy for improving modern domestic thermal power engineering.

Keywords: heat power engineering; heat supply; industry; thermal power plant; power engineering.

Conflict of interest: The Authors declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Zvyagintseva M. M., Savochkina N. D. Development of District Heating in Russia: Domestic Scientific Base. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2021; 11(6): 286–294. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2021-11-6-286-294>.

Received 03.11.2021

Accepted 29.11.2021

Published 27.12.2021

Введение

Исследование основных вопросов централизованного теплоснабжения началось в первоначальный период его развития. Многообразие форм советской научной базы в области теплотехники в подавляющем большинстве связано со всем народным хозяйством формирующегося Советского государства. Период закладки первых институтов неразрывно связан с ликвидацией страшнейшего де-

фицита в свете и тепле. Поэтому решение насущных технических задач, зачастую проводившееся на основе одного практического опыта старых рабочих, стояло рядом с организацией ряда научно-исследовательских институтов, предназначенных решать сложнейшие научные проблемы грядущей новой техники.

Методология

В качестве источников выступили материалы научных статей акты совет-

ского периода, справочные издания, документы Российского государственного исторического архива. Первостепенную роль сыграл анализ материалов советских институтов. Методологическим основанием статьи явились принципы историзма, объективности, системности, которые в совокупности позволили учесть конкретно-исторические условия действия научных организаций. Свою эффективность в примененном теоретическом инструментарии показали историко-типологический, историко-правовой методы, при перекрестном взаимовлиянии которых удалось установить смысл влияния формирования институтов на развитие теплового хозяйства в Советском государстве.

Результаты и их обсуждение

Большое число научно-исследовательских работ было посвящено созданию методики технико-экономических расчетов теплофикационных установок, определению экономических радиусов передачи тепла и выбору рационального размещения ТЭЦ, выбору коэффициентов теплофикации, рациональной системы теплоснабжения, оптимальных параметров теплоносителя и экономической удельной потери давления. Существенным вкладом в теплофикацию явились работы Б. М. Якуба, Б. Л. Шифринсона, Л. А. Мелентьева, С. Ф. Копьева, Г. И. Россиевского, В. М. Чаплина, А. Н. Крошенинникова и др. [1, с. 73–74; 2, с. 17; 3, с. 28; 4, с. 102–104; 5, с. 9; 6, с. 4–6; 7, с. 13; 8, с. 94; 9, с. 77].

В июле 1921 г. после утверждения решения Совета Труда и Оборона «в целях планомерного научного изучения и разработки выдвигаемых жизнью практических вопросов теплотехники, связанных с ним технико-экономических задач, а также для подготовки высококвалифицированных специалистов» был учрежден Всероссийский теплотехнический институт (ВТИ) [10, с. 6].

Именно начало истории теплофикации Москвы было положено Всесоюзным теплотехническим институтом. В 1928 г. был проложен теплопровод от экспериментальной ТЭЦ ВТИ к заводам «Динамо» и «Парострой» и началось теплоснабжение этих предприятий отработавшим паром 5 ата из отбора турбин [11, л. 11].

В дальнейшем институту присвоили звание Всесоюзный. Располагался ВТИ в здании на Симановской слободе. С годами институт расширился, была произведена реконструкция здания, в котором располагался ВТИ, в том числе на территории здания были установлены десять паровых котлов и другое оборудование, которое служило экспериментальной базой института. Научный коллектив института проводил испытания, принимал заказы на проведение анализов и апробацию нового оборудования.

Исследовательская и новаторская деятельность института приносила большие результаты в развитии материально-технической и научной работы, она дополнялась проектно-конструкторской и строительно-монтажной работой ВТИ. Например, кроме разработанного промышленного теплового оборудования были сооружены и электростанции.

На начальном этапе работы институт был ориентирован на электроэнергетику. Но в дальнейшем ВТИ работал как разноплановый институт, специализировавшийся в области топливно-энергетического комплекса. В 1924 г. после доклада Л. К. Рамзина о перспективах развития топливного баланса СССР на I Мировой энергетической конференции в Лондоне институт начал активно заниматься исследованиями в области освоения новых видов топлива в энергетике.

Такие научные сотрудники, как В. П. Ромадин, А. Н. Лебедев, М. Л. Кисельгоф, П.И. Киселев, проводили работы по переводу теплоснабжающих объектов на пылевое сжигание углей. Результатом деятельности вышеуказанных сотрудни-

ков института был ввод в эксплуатацию первого в мире промышленного прямо- точного котла на ТЭЦ-9 Москэнерго.

В 1932 г. на базе ВТИ была организована Первая техническая конференция. В докладе Г. М. Кржижановского было отмечено, что институт за годы своего функционирования обеспечивал выполнение народно-хозяйственного плана в полном объеме¹.

В 1927 г. при участии и инициативе ведущих советских ученых (А. Ф. Иоффе, М. В. Кирпичева, М. А. Шателена, В. Н. Шретера) был организован ЦКТИ (Центральный котлотурбинный институт), теперь ОАО «Научно-производственное объединение по исследованию и проектированию энергетического оборудования им. И. И. Ползунова». Институт занимался разработкой и внедрением в производство нового теплофикационного оборудования.

В 1920-е гг. в состав Ленинградского политехнического института входила лаборатория академика М. В. Кирпичёва. В дальнейшем на базе ГФТЛ (Государственная физико-техническая лаборатория) был создан теплотехнический отдел. Руководителем отдела стал академик М. В. Кирпичёв. Область деятельности академика была направлена на исследование тепловых процессов котлоагрегатов и турбомашин.

В 1927 г. было создано Бюро теплотехнических испытаний, деятельность которого стала началом для исследования котлоагрегатов и теплофикационного оборудования в условиях промышленного производства [12, л. 2].

В 1939 г. исполнилось 15 лет теплофикации СССР. В связи с этим председатель правления НИТО Энергетики и электросвязи написал обращение к Сталину, в котором говорилось о том, что «имеющиеся достижения в области теплофикации достигнуты упорной работой

молодых советских кадров инженеров-теплофикаторов, являющихся энтузиастами этого дела. Большая задача в области теплофикации определена решением 15-го съезда партии. Большинство электростанций в 3-м пятилетии будут построены как теплофикационные» [11, л. 2].

После Великой Отечественной войны Центральному котлотурбинному институту было присвоено имя советского теплотехника И. И. Ползунова. С начала 1960-х гг. решением советского правительства Центральный котлотурбинный институт им. И. И. Ползунова приобрел статус ведущего института в области энергетического машиностроения.

В дальнейшем на базе института с 1976 г. развивались новые структурные подразделения, которые занимались исследованием и проектированием энергетического оборудования. Например, было организовано научно-производственное объединение, в состав которого входили: Центральный котлотурбинный институт, Опытный завод ЦКТИ, филиалы в Барнауле и Ростове. Научно-производственное объединение Центрального котлотурбинного института за годы своего существования разработал и внедрил в производство новое оборудование энергоблоков мощностью от 150 до 1200 МВт для тепловых электростанций.

Существенный вклад в развитие теплофикации внес Московский энергетический институт (сейчас – Технический университет), который был учрежден в 1930 г. [13, с. 12]

Успешное осуществление плана ГОЭЛРО, создание крупных тепловых электрических станций, теплофикация, переход на повышенные параметры пара, укрепление мощностей агрегатов, усложнение тепловых систем, развитие теоретических основ теплотехники – все это потребовало от высших учебных заведений подготовки специалистов в новых областях. Именно МЭИ на кафедре теплофикации впервые начал готовить спе-

¹ Всероссийский теплотехнический институт. URL: <http://www.vti.ru/history/?page=4> (дата обращения: 02.10.2021).

циалистов-инженеров в области теплофикации. Спустя два года (1932 г.) в структуре института появились шесть новых факультетов: электроэнергетический (ЭЭФ), теплотехнический (ТТФ), электромашиноаппаратостроения (ЭМАС), электрического транспорта (ЭТФ), электросвязи (ЭСФ) и инженерно-экономический (ИЭФ), которые существуют и в наши дни.

В начале 1940-х гг. Московский энергетический институт приобрел статус одного из крупнейших высших учебных заведений. В связи с успехами в образовательной деятельности и подготовке высококвалифицированных инженеров и научных кадров институт был награжден орденом Ленина.

Впоследствии, когда начали производить внедрение автоматизации на тепловых электростанциях, а также с необходимостью усиления контроля за их работой и более глубокого изучения химических и теплофизических процессов, происходящих в тепловых агрегатах, возникла необходимость в подготовке соответствующих квалифицированных специалистов. В связи с этим на теплотехническом факультете МЭИ в 1943 г. была организована специализация «Тепловой контроль и автоматизация управления теплосиловыми установками», а в 1945 г. – «Технология воды и топлива» и «Инженерная теплофизика».

В 1944 г. из состава теплотехнического факультета выделился энергомашиностроительный факультет с двумя теплотехническими конструкторскими специальностями «Котлостроение» и «Турбостроение», а теплотехнический факультет был переименован в теплоэнергетический [10, с. 6].

После Великой Отечественной войны институт расширился, происходил набор студентов по новым направлениям подготовки. Теперь в институте готовили инженеров по специальностям в сфере автоматике и телемеханики, электроники, радиотехники, энергомашиностроения.

В 1950 г. колоссальным событием в работе института можно считать разработку и дальнейшую эксплуатацию учебной теплоэлектроцентрали. На оборудовании учебной ТЭЦ института велись исследовательские работы, которые служили для осуществления эксплуатации различного оборудования в условиях работы на существующих теплоэлектроцентралях¹.

В развитие научной базы существенный вклад внес Ивановский энергетический институт (ИЭИ). Началом формирования ИЭИ считается дата основания Иваново-Вознесенского политехнического института, когда 22 октября 1918 г. начались учебные занятия.

В феврале 1930 г. на основании постановления Президиума ВСНХ СССР было создано несколько самостоятельных отраслевых институтов. В мае 1930 г. факультеты ИВПИ были реорганизованы в четыре самостоятельных отраслевых института: энергетический, текстильный, химико-технологический и сельскохозяйственный. Таким образом, с этого момента начал функционировать Ивановский энергетический институт.

Годы первых пятилеток, индустриализация, реализация плана ГОЭЛРО – в такой обстановке потребность в энергетическом высшем техническом университете была особенно острой. Энергоинститут начал свое самостоятельное существование в совершенно непригодном помещении, без учебных механических мастерских, без физической лаборатории. В 1931 г. начато строительство главного корпуса. ИЭИ готовил специалистов по следующим направлениям: «Котельные установки», «Турбинные установки», «Теплофикация», «Теплооборудование промпредприятий» и «Электрооборудование промпредприятий».

¹ История университета // Ивановский государственный энергетический университет. URL: <http://www.ispu.ru/node/42> (дата обращения: 02.10.2021).

К началу 1934/35 учебного года часть корпуса была построена и институт переехал в новое здание. В первую очередь были организованы лаборатории: испытания материалов, воды и топлива, котельная, физическая, химическая, электроизмерительная и электромашинная, а несколько позднее – теоретической электротехники, распределительных устройств, электропривода и производственной теплотехники. Оборудован физкультурный зал, началось создание библиотеки. В 1935 г. был организован общетехнический факультет.

С 1930 по 1936 г. контингент студентов увеличился на 30%, штат преподавателей возрос вдвое. За 7 лет было выпущено 623 инженера разных специальностей, т. е. в полтора раза больше, чем дал инженерно-механический факультет ИВПИ за 12 лет до того.

В июне 1936 г. в Постановлении СНК СССР и ЦК ВКП(б) о деятельности высших учебных заведений большое внимание обращалось на улучшение качества лекций и консультаций, усиление самостоятельной работы студентов [14].

В марте 1937 г. институт перешел в ведение Наркомата оборонной промышленности (НКОП). Созданы хорошо оборудованные лаборатории техники высоких напряжений, релейной защиты, электроаппаратуры, тепловых двигателей, гидравлики и насосов. Осенью 1937 г. изменилась структура института: был закрыт общетехнический факультет, ликвидирована теплоэнергетическая специальность, введена специальность «Электрооборудование промпредприятий».

С 1932 г. Ивановский энергетический институт работал под руководством Наркомтяжпрома СССР, что позволило расширить подготовку инженеров по двум новым направлениям «Теплоэнергетика» и «Теплооборудование промпредприятий». В связи с 20-летием работы в 1938 г. Ивановскому энергетическому институту было присвоено имя В. И. Ленина [15, с. 13].

В разработке и решении многих технических задач в области теплофикации большую помощь всегда оказывали творческие дискуссии, реализуемые научно-техническими обществами энергетиков (НТО), такими как Всесоюзное научное инженерно-техническое общество энергетиков (ВНИТОЭ), Московское отделение Всесоюзного научного инженерно-технического общества энергетиков (МОНИТОЭ), Ленинградское отделение Всесоюзного научного инженерно-технического общества энергетиков (ЛОНИТОЭ) [16, л. 1–4].

Например, все члены НТО должны были повышать свою творческую активность в решении задач выполнения планов применения новой техники и внедрения результатов научных исследований в народное хозяйство. Выполнялась главная задача общества – оказывать содействие в совершенствовании планирования и выявлении и устранении причин, мешающих реализации отдельных плановых заданий. Советам НТО первичных организаций необходимо и впредь развивать социалистическое соревнование за успешное выполнение программ по выполнению важнейших научно-технических проблем; участвовать в организации общественных обсуждений результатов отдельных этапов (технических заданий, проектов, технологии, хода производства и т. д.). При этом надо обращать особое внимание на достижение высокого технико-экономического уровня создаваемых машин, приборов, технологических процессов и материалов. Члены НТО должны не только выступать поборниками прогресса там, где рождаются новые научные идеи и технические решения, но и быть в первых рядах борцов за практические их решения [17, с. 11].

Ярким примером активной деятельности специалистов научных обществ является работа Ленинградской организации ВНИТОЭ, председателем которой являлся С. В. Усов [18, с. 37]. Деятельность инженеров организации была

направлена на совершенствование осветительного оборудования, наладку бездымного горения на электростанциях и промышленных предприятиях, освоение сжигания местного топлива: фрезерного торфа, сланца, остатков угля или угольной смеси. Стоит упомянуть о колоссальной работе членов общества над проектированием и монтажом линии электропередачи Волховской ГЭС через Ладожское озеро в Ленинград. Конечно, приоритетной задачей организации ВНИТОЭ были исследования для экономии электрической и тепловой энергии. В годы Великой Отечественной войны перед ВНИТОЭ встали задачи восстановления разрушенного войной теплового и электрического хозяйства. В этот период проходит ряд конференций, посвящённых восстановительной деятельности обществ. В послевоенный период работа ВНИТОЭ была направлена на активное развитие электроэнергетики и электротехники СССР, которые были определены пятилетними планами развития страны [19, с. 12]. В дальнейшем общество занималось работой по электрификации страны, в том числе строительством и

эксплуатацией гидроэлектростанций, внедрения атомной энергии в промышленность и хозяйственную деятельность, развитие теплофикационных систем и сетей. В середине 1950-х гг. общество было переименовано в Научно-техническое общество энергетической промышленности, в конце 1960-х гг. общество приобрело название Научно-техническое общество энергетики и электротехнической промышленности (НТОЭиЭП) [20, с. 1–3].

Выводы

Сказанное позволяет заключить, что уровень работы научных институтов и сообществ в СССР на период 50-х годов XX века давал возможность активно развивать энергетический потенциал страны. Успешное осуществление теплофикации в Советской России в большей мере определялось широко применяемыми научными исследованиями, тесно связанными с практикой. Благодаря проведению колоссальной работы инженеров и ученых данные по развитию тепловых сетей и строительству тепловых объектов превышали планируемые результаты.

Список литературы

1. Доброхотов В. И., Хрилев Л. С. К 80-летию со дня рождения академика Л. А. Мелентьева // Теплоэнергетика. 1988. № 12. С. 73–74.
2. Жила В. А. К 100-летию со дня рождения Сергея Федотовича Копьева // Новости теплоснабжения. 2003. № 6 (34). С. 17.
3. Фиалковская Т. А., Гельман Н. А. Памяти В. М. Чаплина // Водоснабжение и санитарная техника. 1983. № 7. С. 28.
4. 100 лет теплофикации и централизованному теплоснабжению в России: сборник статей / под ред. В. Г. Семенова. М.: Новости теплоснабжения, 2003. С. 102–104.
5. Пономаренко А. М. К новым свершениям // Все о мире строительства. 2011. №12/01. С. 9.
6. Якуб Б. М. Теплоэлектроцентрали: Теория теплосиловых установок... М.; Ленинград: Энергоиздат, 1933.
7. Гвоздецкий В. План ГОЭЛРО. Мифы и реальность // Наука и жизнь. 2001. № 5. С. 13.
8. Копьев Сергей Федорович // Теплоэнергетика. 1975. № 11. С. 94.
9. Александр Николаевич Крошенинников // Теплоэнергетика. 1984. №8. С. 77.
10. Соколов Е. Я., Белинский С. Я. Пятьдесят лет советской теплофикации // Теплоэнергетика. 1974. № 11.
11. РГАЭ. Ф.Р. 7964. Оп. 1. Д. 41.
12. ЦГАНТД СПб. Ф.Р. 222. Историческая справка.
13. Институт тепловой и атомной энергетики МЭИ: [посвящ. 80-летию ин-та] / сост. Л. Т. Васильева, А. П. Пильщиков; общ. ред. А. Т. Комов. М.: Изд. дом МЭИ, 2012.

14. Постановление ЦИК и СНК СССР от 23.06.1936 г. // Вестник ЦИК, СНК и СТО СССР. 1936. № 10.
15. Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении ИЭИ имени В.И. Ленина от 28 ноября 1938 г. // Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938–1944 гг. М., 1945.
16. ЦГАНТД СПб. Ф. Р-351. Историческая справка.
17. Ковалев Н. Н., Козаков А. К. VI (электротехнический) отдел Русского технического общества – прообраз НТО энергетики и электротехнической промышленности // Электричество. 1980. № 1. С. 1–5.
18. Мелентьев Л. А. Очерки истории отечественной энергетики: развитие научно-технической мысли. М.: Наука, 1987.
19. Румянцев А. С. Деятельность ВНИТОЭ в 1947 г. // Электричество. 1947. №10.
20. Васильев Ю. С. Российскому НТО энергетиков и электротехников – 125 лет // Электричество. 2005. № 7. С. 86–88.

References

1. Dobrohotov V. I., Hrilev L. S. K 80-letiyu so dnya rozhdeniya akademika L. A. Melent'eva [To the 80th anniversary of the birth of Academician L. A. Melentyev]. *Teploenergetika = Thermal power engineering*, 1988, no. 12, pp. 73–74.
2. Zhila V. A. K 100-letiyu so dnya rozhdeniya Sergeya Fedotovicha Kop'eva [To the 100th anniversary of the birth of Sergei Fedotovich Kopyev]. *Novosti teplo-snabzheniya = Heat supply News*, 2003, no. 6 (34), p. 17.
3. Fialkovskaya T. A., Gel'man N. A. Pamyati V. M. Chaplina [In memory of V. M. Chaplin]. *Vodosnabzhenie i sanitarnaya tekhnika = Water supply and sanitary equipment*, 1983, no. 7, pp. 28.
4. 100 let teplofikacii i centralizovannomu teplosnabzheniyu v Rossii: sbornik statej [100 years of heating and district heating in Russia: collection of articles]; ed. by. V. G. Semenova. Moscow, *Novosti teplosnabzheniya*, 2003, pp. 102–104.
5. Ponomarenko A. M. K novym sversheniyam [To new achievements]. *Vse o mire stroitel'stva = All about the world of construction*, 2011, no. 12/01, p. 9.
6. Yakub B. M. Teploelektrocentrali: Teoriya teplosilovykh ustanovok... [Thermal power plants: Theory of thermal power plants...]. Moscow, Leningrad, *Energoizdat Publ.*, 1933.
7. Gvozdeckij V. Plan GOELRO. Mify i real'nost' [The GOELRO plan. Myths and Reality]. *Nauka i zhizn' = Science and Life*, 2001, no. 5, p. 13.
8. Kop'ev Sergej Fedorovich. *Teploenergetika* [Kopyev Sergey Fedorovich]. *Teploenergetika = Thermal power engineering*, 1975, no. 11, pp. 94.
9. Aleksandr Nikolaevich Kroshenninnikov [Alexander Nikolaevich Krashenninnikov]. *Teploenergetika = Thermal power engineering*, 1984, no. 8, p. 77.
10. Sokolov E. Ya., Belinskij S. Ya. Pyat'desyat let sovetskoj teplofikacii [Fifty years of Soviet heating]. *Teploenergetika = Thermal power engineering*, 1974, no. 11.
11. RGAE, f. R. 7964, op. 1, d. 41.
12. CGANTD SPb, f. R. 222. Istoricheskaya spravka [Historical background].
13. Institut teplovoj i atomnoj energetiki MEI [Institute of Thermal and Nuclear Energy of the MEI]; ed. by L. T. Vasil'eva, A. P. Pil'shchikov; obshch. red. A. T. Komov. Moscow, *MEI Publ.*, 2012.
14. Postanovlenie CIK i SNK SSSR ot 23.06.1936 g. [Resolution of the CEC and SNK of the USSR of 1936, June 23]. *Vestnik CIK, SNK i STO SSSR = Bulletin of the CEC, SNK and SRT of the USSR*, 1936, no. 10.
15. Ukaz Prezidiuma Verhovnogo Soveta SSSR o prisvoenii IEI imeni V. I. Lenina ot 28 noyabrya 1938 g. [Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR on the assignment of the VEI named after V.I. Lenin dated 1938, November 28]. *Sbornik zakonov SSSR i ukazov Prezidiuma Verhovnogo Soveta SSSR. 1938–1944 gg.* [Collection of laws of the USSR and decrees of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR]. Moscow, 1945.
16. CGANTD SPb, f. R-351. Istoricheskaya spravka [Historical background].

17. Kovalev N. N., Kozakov A. K. VI (elektrotekhnicheskij) otdel Russkogo tekhnicheskogo obshchestva – proobraz NTO energetiki i elektrotekhnicheskoy promyshlennosti [VI (Electrotechnical) department of the Russian Technical Society - the prototype of the NTO of energy and electrical industry]. *Elektrichestvo = Electricity*, 1980, no. 1, pp. 1–5.

18. Melent'ev L. A. Ocherki istorii otechestvennoj energetiki: razvitie nauchno-tekhnicheskoy mysli [Essays on the history of domestic energy: the development of scientific and technical thought]. Moscow, Nauka Publ., 1987.

19. Rumyancev A. S. Deyatel'nost' VNITOE v 1947 g. [VNITOE activity in 1947]. *Elektrichestvo = Electricity*, 1947, no. 10.

20. Vasil'ev Yu. S. Rossijskomu NTO energetikov i elektrotekhnikov – 125 let [The Russian NTO of Power engineers and electrical engineers is 125 years old]. *Elektrichestvo = Electricity*, 2005, no. 7, pp. 86–88.

Информация об авторах / Information about the Authors

Звягинцева Марина Михайловна, кандидат культурологии, и.о. заведующего кафедрой архитектуры, градостроительства и графики, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация, e-mail: m_zvyagintseva@mail.ru

Савочкина Наталья Дмитриевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры архитектуры, градостроительства и графики, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация, e-mail: natasavochkina84@icloud.com
ORCID: 0000-0001-6550-032X

Marina M. Zvyagintseva, Candidate of Cultural Studies, and about. Head of the Department of Architecture, Urban Planning And graphs Southwest State University, Kursk, Russian Federation, e-mail: m_zvyagintseva@mail.ru

Nataliy D. Savochkina, Candidate of Technical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Architecture, Urban Planning And graphics Southwest State University, Kursk, Russian Federation, e-mail: natasavochkina84@icloud.com
ORCID: 0000-0001-6550-032X

К сведению авторов

1. К публикации в журнале «Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право» принимаются актуальные материалы, содержащие новые результаты научных и практических исследований, соответствующие профилю журнала, не опубликованные ранее и не переданные в редакции других журналов.

2. Авторы статей должны представить в редакцию журнала:

- статью, оформленную в соответствии с правилами оформления статей, представляемых для публикации в журнале;

- разрешение на опубликование в открытой печати статьи от учреждения, в котором выполнена работа.

- сведения об авторах (фамилия, имя отчество, место работы, должность, ученая степень, звание, почтовый адрес, телефон, e-mail);

- лицензионный договор.

3. Бумажный вариант статьи подписывается всеми авторами.

4. Редакция не принимает к рассмотрению рукописи, оформленные не по правилам.

5. **Публикация бесплатная.**

6. Основной текст рукописи статьи (кроме аннотации и ключевых слов) набирают в текстовом редакторе MS WORD шрифтом «Times New Roman» размером 14 пт с одинарным интервалом, выравнивание по ширине. Поля с левой стороны листа, сверху и снизу – 2,5 см, с правой стороны – 2 см. Абзацный отступ – 1,5 см.

7. Схема построения публикации: УДК (индекс по универсальной десятичной классификации), фамилия и инициалы автора(ов), места работы (полностью), почтового адреса места работы, электронного адреса (телефона), название (полужирный), аннотация и ключевые слова, текст с рисунками и таблицами, список литературы. Авторы, название, аннотация и ключевые слова, список литературы приводятся на русском и английском языках.

Перед основным текстом печатается аннотация (200-250 слов), отражающая краткое содержание статьи. Аннотация должна быть рубрицирована (актуальность, цель, задачи, методология, результаты, выводы). Текст статьи должен иметь следующую структуру: введение, методология, результаты и их обсуждение, выводы (рекомендации).

Например:

УДК 004.9:519.8

Построение модели прогнозирования обеспеченности кадрами градообразующего предприятия

А.Л. Иванов¹ ✉

¹Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября 94, Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: ivanov@gmail.com

Актуальность. В статье рассматривается агентная модель прогнозирования обеспеченности кадрами градообразующего предприятия, основанная на структуризации поведения агента и определения влияния его внутреннего представления об окружающем мире на его деятельность.

...

Ключевые слова: агентное моделирование; градообразующее предприятие; событие.

В конце статьи приводятся сведения об авторе(ах) на русском и английском языках: фамилия, имя, отчество полностью, ученое звание, ученая степень, должность, организация, город, страна, e-mail.

8. При формировании текста не допускается применение стилей, а также внесение изменения в шаблон или создание собственного шаблона. Слова внутри абзаца следует разделять одним пробелом; набирать текст без принудительных переносов; не допускаются разрядки слов.

12. **Список литературы к статье обязателен** и должен содержать все цитируемые и упоминаемые в тексте работы (не менее 20). Пристатейные библиографические списки оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008. «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления». Ссылки на работы, находящиеся в печати, не допускаются. При ссылке на литературный источник в тексте приводится порядковый номер работы в квадратных скобках.

13. В материале для публикации следует использовать только общепринятые сокращения.

Все материалы направлять по адресу: 305040, г. Курск, ул. 50 лет Октября, 94. ЮЗГУ, редакционно-издательский отдел.

Тел.(4712) 22-25-26, тел/факс (4712) 50-48-00.

E-mail: rio_kursk@mail.ru

Изменения и дополнения к правилам оформления статей и информацию об опубликованных номерах можно посмотреть на официальном сайте журнала: <https://swsu.ru/izvestiya/serieshistory/>